

№ 3(21). 2017

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера:

Бог усмехнулся и щёлкнул по носу:
– Что возомнил о себе, поэт?
Ты – не пророк, и оставь все помыслы
Предугадать, что будет, что нет.

Кровью пиши, жги строками страстными
И заглянуть за край бытия
Можешь порой, но это напрасно всё...
Сбыться чему – решать буду Я.

– Боже, прости! Какое пророчество!
Званье пророка не заслужил.
Просто бывает, что очень хочется
По написанным строкам прожить...

Сергей Зубарев

Июнь 2017 № 3 (21)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 14 июня 2017 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега памяти

Геннадий Сазонов. Тайный связной. <i>Повесть</i>	4
Олег Черницын. Прости. <i>Рассказ</i>	28

Проза

Сергей Пылев. А за окном человечество. <i>Повесть (Начало. Завершение в следующем номере)</i> .	34
Григорий Ерёмenko. Звезда печали. <i>Повесть</i>	59
Владимир Яцкевич. Стража. Темная материя. <i>Рассказы</i>	84
Николай Стародымов. Наблюдения и размышлизмы.	98
Галина Капецкая. Из цикла «Цветы нашего сада». <i>Зарисовки</i>	103

Драма

Валентин Баюканский. Любимая из созвездия Козерога. <i>Трагикомедия в двух актах</i>	113
---	-----

Поэзия

Сергей Зубарев. Когда внутренний мир разбивается на осколки... <i>Стихи</i>	131
Игорь Ерофеев. Девочка. <i>Стихи</i>	135
Сергей Леонтьев. Вначале было слово. <i>Стихи</i>	141
Владимир Подлузский. <i>Стихи</i>	147

Берега Сибири

Леонид Иванов. Тоскова-а-л. <i>Рассказ</i>	108
Алина Валге. Подари мне тепла. <i>Рассказ</i>	122
Аркадий Захаров. Американка. <i>Рассказ</i>	124
Кристина Высоцкая. Я тебя люблю. <i>Рассказ</i>	128

Молодые берега

Анастасия Антипкина. Музыкальная культура Руси от древних славян до периода образования централизованного государства	150
--	-----

Берега истории

Мария Титенич. «Он подтолкнул!» Чего же всё-таки не учли создатели фильма «Матильда»?	155
--	-----

Берега культуры и искусства

Михаил Федоров. Родник доброты. К 80-летию Николая Николаевича Дроздова	158
--	-----

Русский мир без границ

Берега Латвии

Анжела Стальная. Лауреат конкурса «Литературная Балтика». Паутина. <i>Новелла</i>	163
Татьяна Рускуле. Лауреат конкурса «Литературная Балтика». Что-то в сердце рождает тревоги... <i>Стихи</i>	165

Берега Беларуси

Борис Попов. Пушкин, Ратша и Бог Папа.....	166
---	-----

Критика

Лидия Довыденко. О книге «Рюрикович в XXI веке. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский».....	178
---	-----

Наши друзья

Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	185
---	-----

Берега памяти

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Родился в 1950 году на станции Пожитово Высокковского района Калининской области – ныне Торжокский район Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд», журнала «Сельская новь».

Первую книгу прозы «Я здесь живу...» выпустил в 1982 году в издательстве «Московский рабочий». Стихи, рассказы, повести, очерки печатал в журналах: «Берега» (Калининград), «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (С-Петербург), «Москва» (Москва), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Российская Федерация» (Москва), «ЛАД вологодский» (Вологда), «Благовестник» (Вологда), «Домовой

(Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Алтай» (Барнаул), «Врата Сибири» (Тюмень), «Журналист» (Москва) и других.

Автор 30 книг поэзии, прозы, публицистики. Победитель ряда литературных конкурсов, в том числе – лауреат Всероссийской литературно-художественной Премии «Золотой венец Победы» (Москва, 2011).

В Великой Отечественной войне участвовали миллионы советских солдат и офицеров. Но лишь четверо из них были удостоены высокой двойной награды – звания Героя Советского Союза и полного кавалера ордена Славы. В их числе – Николай Иванович Кузнецов (1922–2008 гг.), мужественный воин, один из символов нашей Победы над «коричневой чумой» XX века. В Российской Федерации он был единственным участником войны, кто имел такие звания. 29 апреля 2017 года ему исполнилось бы 95 лет. Кузнецов родился в крестьянской семье в деревне Пытручей бывшей Ленинградской области, ныне – Вытегорский район Вологодской области 29 апреля 1922 года. Военная судьба его как бы «разделена» на две части. До 1943 года – он нелегал-разведчик в фашистской Германии. После ранения возвратился в Красную армию, был дивизионным разведчиком, затем артиллеристом, командиром расчёта.

Он участвовал в штурме Севастополя 7 мая 1944 года, прошёл в атаке Сапун-гору, водрузил над железнодорожным вокзалом города Красное знамя. Из штурмовой группы в живых осталось трое. Командующий 4-м Украинским фронтом генерал Фёдор Иванович Толбухин, расспросив Кузнецова о ходе боя, сказал: «Если бы у меня была Звезда Героя, я бы снял и прикрепил к твоей гимнастерке».

После были жестокие бои на территории Белоруссии, затем – Литвы, далее путь героя лежал в Восточную Пруссию. Расчёт Кузнецова победил в страшном бою с фашистским «Фердинандом» в городке Лабиау. Наконец, штурм Кенигсберга – усиленной крепости фашистов. 22 февраля 1945 года расчёт Кузнецова вместе с батальоном капитана Бурова занял высоту «Сердце» (в окрестностях населённого пункта Зидлунга, ныне Чкаловск Калининградской области). Немцы, чтобы овладеть высотой, бросили в бой 20 танков и несколько самоходных орудий.

Бой шёл всю ночь! Половина расчета Кузнецова погибла, сам он был ранен, но фашистам не удалось взять высоту – они потеряли 11 танков и сотни убитых солдат и офицеров. Командующий 3-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский на документе о подробностях этого боя написал: «За исключительный героизм в битве за Кёнигсберг тов. Кузнецов достоин звания Героя Советского Союза». 19 апреля 1945 года это звание ему было присвоено. Таким образом, Николай Иванович Кузнецов является героем города Севастополя и го-

рода Кёнигсберга, ныне Калининграда. Все эти факты его биографии известны довольно широко. А вот что касается работы в тылу врага, то она осталась «засекреченной». В какой-то период подписка с Кузнецова была снята – и тогда мне посчастливилось много общаться с ним, записать рассказы о его службе в СД (секретной разведке в вооружённых силах фашистской Германии). Из этих бесед и документов, подтверждающих некоторые события, и возникла художественная повесть «Тайный связной».

ТАЙНЫЙ СВЯЗНОЙ¹

Повесть

Дорожная сумка

Колёса вагонные до сих пор стучат у меня в ушах. Точно, увы, я не помню детали всего, что тогда произошло. Как и откуда возник незнакомец? Куда безвозвратно исчез? Лишь припоминаю, что на дворе набирала силу пора цветения. По взгоркам золотисто рассыпались одуванчики, везде пробивалась свежая травка, черёмуха раскрывала душистые кисти. Воздух оглашал гомон птиц, природа щедро дарила тепло и ласку.

Иногда мне кажется, что ничего странного и не было. Какой-то призрак подрулил ко мне, или, может, мираж охватил душу. Но тогда откуда взялась эта сумка?

Изрядно потёртая, по принадлежности – давней военной поры. Такие сумки обычно носил через плечо командир роты, батальона или полка. Не могла же она очутиться рядом со мной, на сиденье в купе вагона, «по щучьему велению»? О её содержимом я ещё ничего не знал, даже не догадывался – не до того мне было. Я возвращался со свадьбы друга, где погулял от души. Друг устраивал свадьбу в деревне, на родине невесты. Свадьба удалась на славу! Самая первая деревенская красавица Елена, русоволосая, голубоглазая, с иконописным ликом, была в нарядном платье и фате. Будто она только-только вышла из русской сказки, и прямо прошла сюда – в центр избы, заполненной праздничным народом. А уж про моего дружка Сашу я молчу – тот рядом с ней сиял, как начищенный самовар. В просторной избе волновался деревенский люд, на окнах, распахнутых настежь, гроздьями повисли деревенские девчонки и мальчишки. С улицы вошли в избу принаряженные в сарафаны тётки, дружно и пронзительно затянули:

Ты погляди, родимая матушка,
На свою дочь милую,
На лебедушку белую.
Это не яблонь шатается,
Это не берёзка уливается –
Это дочь твоя милая!

Слушая песню, родители невесты тихо и радостно плакали. А певчие тётки продолжали представлять свадебный обряд. И дальше пели – всё в таком же роде, подтягивали мелодию, шли хором по центру избы. Потом они причитали, от их причитаний сердце чувствовало себя, будто на качелях: вверх-вниз, вниз – вверх! Так что не только жених и невеста, их родители, но и все остальные прочувствовали серьёзность момента. Когда запенились ковши и бокалы, когда народ окунулся в веселье, я уже смутно помнил всё свадебное гулянье – крепко, щедро по-русски угощали в деревне. Только лицо навязчивого мужичка несколько раз маячило передо мной, когда с другими гостями я выходил покурить во двор. Но я не придавал тому мужичку особого значения. Гуляли и на следующий день. Но я уже был не в своей тарелке, чувствовал, что перегрузился, не хотел ни пить, ни есть.

До железнодорожной станции, которая была недалеко, я дошёл с одним желанием – поскорее сесть в поезд, поскорее добраться в отчий дом, где можно отдохнуть и вволю отоспаться, забыть шумную питерскую жизнь.

¹ Вариант повести подготовлен специально для журнала «Берега».

Войдя в вагон скорого поезда, я нашёл место у окошка, сел, уронил голову на руки и заснул тяжёлым сном похмелья. На каком-то перегоне кто-то сильно потряс меня за плечо. Я оторвал голову от столика и увидел перед собой стоящего в проходе мужчину. Он был выше среднего роста, но одет так, что трудно было запомнить что-либо из его одежды – всё какое-то обтекаемое и серое. И лицо мужчины тоже не имело ярких характерных черт, хотя почему-то и показалось мне знакомым.

Смутно пронеслось в памяти, будто я видел давно это лицо на старой семейной фотографии, ещё довоенного образца, на фотографии, которую бережно хранила у себя моя мама. Или мне только почудилось такое сходство?

– Что Вы хотите? – пробурчал я, очень недовольный тем, что неизвестный мужчина разбудил меня столь бесцеремонным образом.

– Твоя фамилия Синицын? – в свою очередь спросил он меня.

И меня поразило, откуда он мог знать мою фамилию.

– Да, Синицын! – подтвердил я. – А что Вам нужно?

– Значит, я не ошибся! – обрадовался незнакомец.

И тут же он предложил выйти в тамбур и поговорить кое-о-чём. Идти мне не хотелось, я опять было положил голову на руки, готовый продолжить сон, но он снова дотронулся до моего плеча. Странно, но, как приученная собака, я пошёл за ним. В тамбур долетал лязг колес на стыках, из прохода тянуло сквозняком. Я предложил ему закурить, он отказался, я же закурил. Да, своего имени он не назвал, но сразу огорошил меня тем, что, мол, в молодости он хорошо знал моих родителей, и даже вспомнил, что летним вечером в деревне они сидели на лавочке у реки. И это отчасти расположило меня к нему.

Поскольку всё ещё давало о себя знать не прошедшее похмелье, то я и не пытался уловить какую-то логику или взаимосвязь в разговоре незнакомца со мной. Он же, тем временем, как бы невзначай, спросил, что мне известно о моём родственнике по отцовской линии – дяде Коле.

– Знаю, что он воевал, – охотно ответил я. – Был офицером, вроде бы разведчиком. Дошёл дядя Коля до самого Берлина, так мне мама рассказывала. Уже перед самой Победой, в мае сорок пятого, дядя Коля неожиданно исчез. Пропал, как следовало из письма, поступившего из части, где он служил, – «пропал без вести». Ещё я знаю, что бабушка моя, мать дяди Коли, за него получала пенсию.

– Это хорошо! – почему-то одобрил незнакомец.

– Что хорошо? – не понял я.

То ли хорошо, что дядя Коля пропал без вести, то ли хорошо, что бабушка получала пособие. Незнакомец, увы, ушёл от объяснения того, что, по его мнению, хорошо, и продолжал увлекать меня второстепенным разговором. Припоминаю ещё, что он беспрерывно расспрашивал то об одном, то о другом; вызнал, где и на кого я учусь, и когда услышал, что на журналиста, то одобрительно воскликнул, что попал по адресу. Я опять хотел уточнить, что он имел в виду, но он не дал мне опомниться очередным вопросом. Станный диалог происходил между нами в тамбуре скорого поезда. Диалог, в ходе которого я не успел спросить его ни о чём. Но это я осознал чуть позже, когда осталось только горькое сожаление.

Сигарета догорела, и я предложил незнакомцу пойти в купе и продолжить беседу.

– Иди, – согласился он. – Я сейчас подойду.

Я вернулся в купе, сел за столик и стал ждать необычного собеседника. Но его всё не было. Минут десять прошло, потом – двадцать, потом – полчаса. А он так и не появился. Остатки свадебного хмеля быстро улетали из моей головы, и я начал кое-как соображать и обдумывать ситуацию. «Уж не дядя ли Коля из-под Берлина, из сорок пятого, явился мне собственной персоной?» – мелькнула шальная мысль. От этой мысли меня в жар бросило. Я вскочил с места и побежал в тамбур. Незнакомца там, увы, не было.

Я прошёл все вагоны в оба конца, заглядывал в купе, в туалеты – незнакомец будто испарился. И опять в голове промелькнуло: не с похмелья ли почудился мне незнакомец и его назойливый разговор? Или я уже начинал выходить из ума?

Удручённый вконец и расстроенный я вернулся в своё купе, сел за столик. Думал, размышлял и решил – вычеркнуть навсегда странный эпизод из моей памяти. Я снова задремал и забыл обо всём. Но дремоту мою прервала сидевшая напротив женщина.

– Молодой человек, вот эта сумочка, – она показала рукой на сумку, которой раньше не было на моём сиденье, – вам оставлена.

– Кто её оставил? – удивился я.

– А вот тот самый человек, что подходил недавно, – охотно пояснила дама. – Вы с ним вместе куда-то отходили.

Я понял, что она имела в виду незнакомца.

– Он оставил сумку, когда я выходил? – спросил я.

– Да нет же, – уточнила дама. – Он оставил, когда вы вместе выходили.

Ну, чехарда какая-то!

Он же пошёл вперед, это я хорошо помнил, а я вслед за ним. Как он мог оставить сумку? В руках у него ничего не было!

– Может, он ещё раз приходил? – посмотрел я на даму, надеясь услышать подтверждение моей догадке.

Не исключено, что он появился, когда я искал его по вагонам.

– Нет, нет, – твердила соседка, – тот человек больше не приходил.

Я посмотрел на сумку.

Это была потёртая полевая военная сумка времён Великой Отечественной войны.

Я приподнял её за плечевой ремень.

В сумке что-то было. Но я не стал её открывать и проверять что там. Ну, оставил и оставил, возьму – в хозяйстве сгодится. Так я и поступил.

В Москве мне повезло: я вышел с поезда новгородского направления и успел купить билет на поезд, который через час уходил на Осташков. Уже потемну я покатил в родные тверские пределы.

На нашу маленькую станцию поезд прибыл ранним утром. Я прыгнул с подножки вагона, миновал домик станционной старушки – в окнах у неё горел свет – и вышел на луговую тропку, ведущую к деревне.

Лёгкий туман поднимался навстречу из приречной низины. Терпко, до слёз в глазах, пахло свежескошенным сеном. Я глубоко вздохнул – вот она, милая Родина! Идешь – и не чувствуешь ног, дышишь – не надыхаться, а мысли в голове – всё только светлые и хорошие.

В деревенском материнском доме я первым делом, конечно, отоспался, как следует, отошёл от свадебного гулянья, забылся от суеты большого города.

И когда ко мне вернулось ровное, спокойное и хорошее настроение, я вспомнил об эпизоде в поезде и рассказал всё матери.

– Тут и к гадалке не ходи – это был он, Коля пропащий, – обронила она. – Я его повадки смолоду помню – всё секретничал.

– Как же он мог меня узнать, – возразил я матери, – если на самом деле это был он?

– А что хитрого? – удивилась мать. – Всё просто. Ты же

похож на своего отца, то есть – на брата Коли – тут и весь секрет!

– Зачем ему скрываться через столько лет? – гнул я свою линию. – Это тогда, сразу после окончания войны, пропавших без вести, если они находились, или попавших в плен, если их из плена вызволили, судили, сажали в тюрьмы, расстреливали, хотя в том не было никакой необходимости. Сейчас ведь другое всё! Зачем прятаться?

– Откуда ты знаешь про время – другое или не другое? – резонно возразила мама. – И как ты можешь судить о том, что и за кем числится? Может, кто-то сотворил такое, что до смерти нельзя открыться? Ни ты, ни я не вправе никого судить! Тем более, человека, побывавшего на войне!

Мне нечего было возразить – мама, как всегда, оказалась права.

Про сумку я ей сказал, что купил эту рухлядь по случаю на барохолке, что по воскресным дням шумела на Фонтанке в Питере, буду ею форсить на лекциях в университете. Не хотел её окончательно расстраивать тем, что эту сумку подбросил мне как бы дядя Коля. Из семейных преданий я знал, что в юности мать питала привязанность к Коле, и я пощадил её чувства, которые, может быть, ещё таились в глубине её души.

Так вот, с сумки-то только и начинается эта удивительная история.

Я взял в руки сумку и стал исследовать её содержимое, когда мамы не было – она ушла хлопотать в огороде.

В первом отделении сумки я обнаружил объёмный пакет, перевязанный холстиной и запечатанный в толстую кожаную обёртку. Я взял в руки ножницы, чтобы разрезать пакет, но будто невидимая сила удержала меня от действия.

Тогда я раскрыл второе отделение сумки.

Там я обнаружил небольшой серый конверт. Он был тщательно заклеен. Я аккуратно разрезал край, вынул письмо, разложил на столе и стал читать.

«Дорогой и далёкий мой друг! – внимал я словам неожиданного послания. – То, что я тебе хочу рассказать, передав дневниковые записи, покажется фантастикой и вымыслом. Но я не фантаст и не сочинитель. Я – разведчик. И по своему опыту знаю, что люди часто принимают вымысел за правду, а реальные факты – за вымысел. Так, к сожалению, устроено сознание у многих. Всю правду о войне рассказать невозможно. Но ты, дорогой мой друг, к кому попадут эти записи, должен донести людям правду об одном из самых коварных замыслов фашистов против советского народа.

Я и сам мог бы это сделать, но мне не позволят, потому что ещё не пришло моё время. А оно придёт тогда, когда о войне начнут забывать, когда наша Великая Победа будет цинично осмеяна и оплёвана. Когда против нас замыслят ещё одну войну, но более хитрую и изощрённую, возможно, без применения оружия.

К тому времени, наверное, меня уже не будет в живых. Но я очень желал бы, чтобы всё, пережитое мной на войне, стало известно другим, как можно большему числу людей.

Мне было приказано молчать – и я молчал.

Но этот запрет я скоро сниму собственной смертью».

Под посланием стояло имя: «Иван Малинин».

И далее следовали регалии разведчика, в том числе – звание Героя Советского Союза, медали, ордена, участие в первом параде Победы в Москве.

Записи Ивана Малинина, а фактически это был дневник, написанный тайком уже в послевоенное время, глубоко потрясли меня необычными событиями и сердечной правдой автора.

Все минувшие годы я старался выполнить просьбу автора об умолчании до определённой поры.

Теперь же настало время, когда можно предать огласке уникальный дневник разведчика.

Побег в Германию

– Фу, какой ты противный, Малина! – Ирочка показала язык, а потом с шумом шлёпнула меня по руке. Она сидела за партией впереди меня. Но я всё равно дёрнул её за косичку и ещё изловчился и чуть-чуть уколол её понарошку, чтобы не больно, булавкой в одно место.

– Ой! вскрикнула она.

Ирочка Тюленева нравилась мне больше всех на свете. Но как сказать ей об этом – я не знал.

– Малинин, чем ты там занимаешься? – голос Софьи Ароновны, учительницы русского языка, был низким, грубым. – Почему не слушаешь учителя? Повтори, что я сейчас сказала.

Я встал из-за парты и повторил слово в слово урок учительницы.

Такая у меня была память, что все удивлялись.

– Садись, – Софья Ароновна, похоже, была недовольна моим безупречным ответом. – После урока подойдёшь ко мне.

Ирочка тут же повернулась на парте, состроила мне глазки и фыркнула.

Так я и знал – Софья Ароновна накатала в дневнике записку моему отцу: «Ваш сын на уроке русского языка не слушает учителя, – выводила она красивым почерком, – разговаривает, балуется с девочками. Прошу принять меры».

Мой отец, Петр Федосеевич, был человеком крутого нрава. Под горячую руку он мог и проучить чисто по-мужски – подзатыльником или ремнём. И так случилось, что в тот вечер он попросил у меня посмотреть дневник, чего давно уже не делал. Я с трепетом передал ему дневник, ожидая самого худшего.

Отец открыл дневник как раз на той странице, где была записка от учительницы русского языка. Он посуровел лицом, быстро взглянул на меня. Что бы тут было, я не знаю, если бы кто-то не позвонил в квартиру.

Он отложил в сторону дневник и пошёл в прихожую открывать дверь. В гости заглянул давний друг моего отца дядя Федя.

С пышными чёрными усами на добродушном славянском лице, статный, медлительный в движениях, дядя Федя казался мне загадочным, удивительным и таинственным, потому что он занимался какой-то разведкой. Об этом я однажды случайно услышал из его разговора с отцом, и когда хотел спросить о загадке, то отец строго взглянул на меня, и я вышел. Что такое разведка, я до сих пор не знал. Но мне иногда представлялось, что дядя Федя, одев на себя какое-нибудь куртку-невидимку, подслеживал за каким-то врагом или шпионом, находясь на Васильевском острове, на Невском проспекте, или ещё где-то; подслеживал из-за угла, ни кем не замеченный.

И мне почему-то тоже хотелось поступать так же, как и он, и я всегда при удобном моменте просил:

– Дядя, Федя, возьмите и меня в разведку!

Он крутил пальцами чёрный ус, смущённо и загадочно улыбался, но то ли в шутку, то ли всерьёз обещал:

– Подумаю, подумаю.

Теперь, похоже, дядя Федя явился в роли моего спасителя от праведного гнева отца.

Сняв пальто в прихожей, дядя Федя удалился с отцом в его комнату.

Дверь была полуоткрыта.

Со страхом, на цыпочках, я подошёл поближе и услышал очень любопытный разговор взрослых.

– А что, Федосеич, – спрашивал гость у моего отца, – мальчика-то твоего, может, действительно, попробовать? Ванёк – парнишка смыслённый, потянет. Отдадим в школу разведки.

– Сам знаешь, Фёдор, дело это такое... Опасное! – возразил мой родитель. –

Не тебе объяснять, какие там дела могут быть: потребуют – от отца родного отречёшься! Потребуют – и себя самого забудешь. Не знаю, не знаю. Уж больно рискованно.

– Ну, не без риска, конечно, – согласился дядя Федя. – А кто не рискует? Из дома вышел и уже рискуешь! То на ногу кто-то наступил, то повозка или машина собьёт. Кто не рискует – тот не пьёт шампанское!

– Да и с учёбой у него не всё гладко, – продолжал отец. – Вон, учительница требует принять меры.

Дядя Федя громко рассмеялся.

– Прямо-таки и меры принять! Ха-ха-ха, – залился он снова. – С девчонкой заигрывал? А ты, Петр, вспомни себя! Разве ты, когда учился в гимназии, не баловал?

– Не без этого. Было дело, – согласился отец.

– То-то и оно! – весело продолжал дядя Федя. – Ну, а по поводу твоих опасений и рисков, скажу так: как же другие не боятся и поступают в школу? Они из того же теста сделаны, что и мы с тобой. Но учатся, оканчивают школу, служат Родине! Сказано – не Боги горшки обжигают...

– Не знаю, не знаю, – всё ещё сомневался отец. – А, может, Фёдор, ты и прав!? Давай, попробуем.

Сердце моё затрепетало, я чуть не закричал от радости.

Но вовремя отступил от двери.

Не знаю, о чём ещё говорили дядя Федя с отцом. Я выскользнул из квартиры и побежал в соседний подъезд к моему другу Боре Копейкину. Я выманил его погулять в микрорайоне Автово, на окраине которого в то время были самые настоящие деревни. Тихий снежок падал с тёмного неба, ласково светили фонари. Мы остановились у небольшого замерзшего пруда, где лёд был расчищен от снега, на нём устроен был каток, и ребяташки катались на коньках и санках.

Шёпотом, чтобы никто не услышал, я сообщил Борьке первейшую новость – о подслушанном разговоре и необычном желании дяди Феди.

– Если идти в разведку, – предложил дружок, – то только вместе, вдвоём.

Я с ним согласился, так мы и условились.

Как ни странно, но наши мальчишеские мечты стали обретать реальность. Через два месяца после того памятного разговора отца с дядей Федей я и Борька оказались в Кронштадте. Нас одели в морскую форму и даже выдали кортики. Добирались мы до Кронштадта через старый Ораниен-

баум, а оттуда по фарватеру, проложенному среди льда Финского залива, плыли на маленьком пароме, он усиленно дымил из большой трубы.

Впечатление незабываемое!

Солнце взошло, кругом снег и лёд, а мы плывём на пароме. А вдали, на горизонте, постепенно выростала из мглистого тумана знаменитая морская цитадель – Кронштадт.

Как и чем мы там занимались – я описывать не буду; это по-прежнему остаётся «военной тайной».

Но мне и Борьке очень нравилось всё: и ранний подъём с последующей зарядкой, и изучение разных стран мира, иностранных языков, и такой курс как «Наука разведчика». Нам запретили говорить кому-либо про то, на кого мы учимся. И, приезжая, если отпускали на выходные в Ленинград, мы притворялись, что поступили в торговую мореходку и учимся на матросов заграничного плавания.

Знакомые охотно верили этой – первой в моей жизни – «легенде».

Ирочка Тюленева однажды встретила меня, я был одет в морскую форму, на канале Грибоедова, вся покраснела.

– Я думала, что тебя из школы выгнали, и ты уехал куда-то, – пролепетала она.

И уставилась на меня удивлёнными глазами.

Ирочка стала такой красивой, что я чуть не потерял дар речи, когда её увидел. Всё же я пришёл в себя, осмелел, заговорил с нею, предложил прогуляться вдоль канала.

Мы неторопливо пошли по набережной.

Само собой, я про разведку ей не сказал ни слова. Всё больше заливал про учёбу на моряка, уверял, что скоро на большом корабле я выйду в море.

Через восемь месяцев меня и Бориса перевели из школы в Кронштадте под Москву.

Нам было тогда по 16 лет.

Подмосковье стоит в моей памяти так, будто всё происходило вчера. Будто я опять наяву вижу старинный парк, в центре которого – большой пруд. За парком, если идти по тропинке через поле, стоит сосновый бор, а в самом бору – древний монастырь. Туда и привезли нас. Церковь была закрыта. Ребят поселили в помещениях, приспособленных под школу и общежитие. Когда-то это были кельи братского корпуса, где жили монахи, но мы тогда об этом как-то не задумывались.

Нас занимало необычное место, новая обстановка.

Я был счастлив, что учился не один, а со своим лучшим другом Борисом Копейкиным. Всё шло так, как мы когда-то мечтали. Только Борис был в другой группе, где изучали испанский язык, а в нашей группе шлифовали немецкий язык. Я оказался довольно способным к нему, и уже месяца через три без особых усилий довольно свободно говорил и писал по-немецки. У меня не было сомнений в том, где и как предстояло мне работать в будущем.

Однажды рано утром, ещё до начала занятий, меня вызвали к начальнику школы полковнику Михаилу Николаевичу Кремлёву.

Я вошёл к нему, доложил по уставу. Начальник провёл меня в другой кабинет, где на двери был сделан «глазок».

– Посмотри, – повернулся ко мне Михаил Николаевич, – знаешь ли ты этого человека?

Я подошёл к двери, приложился к «глазку», и чуть не вскрикнул: там, за дверью, за столом в кабинете, сидел ...я! Да, я, самым натуральным образом,! Даже одет был точно так же, как и я. У того, который был за дверью, и лицо, и рост, и фигура – всё моё!

– Ну, что? – спросил меня начальник.

– Не знаю такого человека, если это не я, – выдавил я в растерянности.

И мне почему-то стало стыдно, будто я существовал в «двух лицах» одновременно.

– Это ты и есть! – пояснил мне полковник Кремлёв, когда мы вернулись в его кабинет.

Он посмотрел на меня, изучая, какой эффект произвели его слова.

Я молчал.

– Это ты и есть! – опять сказал начальник школы. – Только не Иван Малинин, а Вильгельм Штофф. Понял?

– Понял! – подтвердил я, ничего не понимая.

В тот же вечер меня привели к офицеру, который не вёл занятий в школе. Он познакомил меня с «легендой», в основе своей достоверной, которую я с того момента должен был рассказывать как мою «официальную биографию».

В одном из сёл немецкой колонии в Поволжье проживала обрусевшая семья Штоффов, перебравшаяся сюда в 1918 году, когда в Германии бушевала революция, а в России уже шла гражданская война. Глава этой поволжской немецкой семьи – звали его Людвиг – был близким родственником (родным или сводным братом – точно не знаю) крупного банкира в фашистской Германии Вальтера Штоффа. Ну, а сын Людвиг – он же одновременно и племянник богатого банкира – Вильгельм, одного со мной возраста, оказался, как две капли воды, похожим на меня.

Почему так? Я до сих пор не могу ответить.

Бывают же чудеса в природе! И то, что мы – я и Вильгельм – оказались полностью похожи друг на друга, именно такое чудо.

Это наше сходство руководство разведки и решило использовать в «большой игре» с будущими врагами.

Чуть ли не каждый день нас поочередно показывали десяти-пятнадцати курсантам, никто из них не мог найти каких-либо отличий. Совпадение было не только внешним, но даже и по группе крови.

Согласно «легенде», я должен был бежать из семьи в поволжском селе, обидевшись на советский строй, на притеснение поволжских немцев в Советском Союзе. Бежать за границу, в Германию, к своему богатому дяде-банкиру. Там у него обжиться, осмотреться, а после установить связь с действовавшими в Германии советскими разведчиками.

Меня начали готовить к побегу.

А моему другу Борису предстояло «убежать» в Испанию.

Так мы с ним расстались перед окончанием школы разведки, и больше никогда не видели друг друга. Много позже я узнал, что Борис Копейкин героически погиб в Испании ещё до начала Великой Отечественной войны.

Как-то вечером, в свободный час, я один пошёл погулять по парку – нам это разрешали. Обогнул пруд, иду по тропинке среди могучих сосен, и вдруг – о, чудо! На скамейке сидела, глубоко о чём-то задумавшись, Ирочка Тюленева.

Я просто обомлел.

Думал, наваждение какое-то. Закрыв глаза, открыл – нет, не наваждение, она по-прежнему сидела на скамейке. Теперь она стала ещё более красивой, чем в школе.

Я подошёл в ней, не помню, что сказал.

Ира испуганно вскочила. Она узнала меня, подбежала, обняла крепко за шею, заплакала.

От радости я даже забыл спросить, как она сюда попала.

Помню только, она говорила, что её отец погиб в первые дни войны с белофиннами, в бою под каким-то городком на Карельском перешейке, нынче это место где-то за городом Зеленоградом. Её мать, получив похоронку, не вынесла потери любимого мужа, через полгода скончалась. Из-за всех этих обстоятельств Ирочка была вынуждена уехать из Ленинграда. Теперь она жила у родной тётки по отцовской линии – в городе Вологде.

Вся наша встреча проходила, как в тумане.

Но её слова, сказанные тогда в парке, я запомнил навсегда: «Знаешь, как я тебя люблю! Никто на свете так не любит. И никто не знает, как я тебя люблю!».

Наступило время для осуществления моей «легенды».

И вот через всю страну меня везли в Венгрию. Не в столицу Будапешт, а в какой-то небольшой городок неподалёку от границы с Германией. Как и было задумано, банкиру Штоффу сообщили о моём «побеге».

Через несколько дней банкир приехал за мной. Я знал, что он почти 15 лет назад был в гостях и брата в Поволжье, поэтому видел Вильгельма ещё ребёнком.

Теперь предстояла иная встреча.

Утро за окошком было какое-то чужое. Солнышко хоть и грело, но не так ласково.

И вдруг сердце у меня заныло: ясно, до боли в висках, я понял, что нахожусь далеко от лю-

бимой Родины. От матери, от отца, от чудесного Ленинграда и, может, уже никогда больше не вернусь домой.

Усилием воли я заглушил эту нахлынувшую тоску. Утро звенело, набирало силу. И этим утром меня привели в гостиницу, где я попал в роскошный номер. Помню, посреди большой комнаты был расстелен ковёр. На ковре, опершись локтем на высокую изящную стойку, меня ожидал широкоплечий человек среднего роста, одетый в дорогой тёмно-синий костюм. Лицо у него было круглое, пухлое, на переносице отливало золотом пенсне, лепестками зияли на голове большие залысины. Я понял, что это и есть настоящий банкир Вальтер Штофф.

Несколько секунд мы, не отрываясь, смотрели друг на друга, глаза в глаза. Я первый не выдержал этой дуэли. Подбежал к нему, упал в ноги и со слезами запричитал.

– Дядя Вальтер! Дядя Вальтер! – всхлипывал я. – Дорогой дядя, спаси меня! Возьми меня на Родину.

Видимо, банкир был тронут моим искренним поведением.

– Ну, ну, – похлопал он меня по плечу, – перестань! Поднимись, будь мужчиной. Немец не должен быть сентиментальным!

И, усадив меня на диван в своём роскошном номере, стал подробно обо всём расспрашивать.

Я передал дяде Вальтеру письмо от его брата и моего «отца».

И больше вопросов у Вальтера не возникло.

Спустя несколько дней банкир Вальтер Штофф привёз меня в Берлин.

В городе стояла зима 1939 года, только что начавшаяся, с редким снежком.

Дядя Вальтер, с которым я довольно быстро подружился, поселил меня в одной из комнат высшего уютного особняка, который был расположен на тихой улице в центре Берлина.

Банкир Штофф не имел семьи, но с ним проживала его младшая сестра Ядвига – так он мне её представил. Была ли она на самом деле его сестрой или ещё кем-то, я не знаю, могу только строить догадки.

Но с первого взгляда я почему-то не понравился Ядвиге. Может, потому, что Вальтер хорошо ко мне относился, и она по-своему ревновала, поскольку теперь, с появлением племянника, дядя уделял ей меньше внимания, чем прежде.

Хотя, думаю, и до моего появления в особняке внимание к Ядвиге с его стороны было не очень много – дядя рано уезжал в свой банк и поздно возвращался. Занимался он не только делами банка, но, как влиятельный финансист, оказывал всякие услуги представителям власти.

Когда Вальтер уезжал, мы в особняке оставались вдвоём – я и Ядвига. Не знаю почему, но в первое время «сестра» Ядвига показала мне свой характер – она была настоящим деспотом.

После завтрака дядя Вальтер отправлялся на службу, а Ядвига, искупавшись в небольшом бассейне, призывала меня к себе. Наверное, от скуки, от одиночества. Она заставляла меня встать на колени и чистить или красить ногти у неё на ногах. Всё во мне начинало бунтовать! Я едва сдерживался, чтобы не плеснуть ей в лицо из флакончика парфюмерии. Но я терпел, сжимал свою волю в кулак, исполнял её прихоти как невольный раб, боясь малейшего ослушания, боясь хоть чем-то, хоть намёком выдать себя. Иногда она требовала, чтобы я изображал из себя ослика, садилась на меня верхом, и я должен был вести её из бассейна до столовой.

Деспот какой-то, а не женщина!

Как-то утром, после купания, Ядвига взяла меня за руку и повела в комнату-раздевалку. Там стоял кожаный топчан. Около него она ловко сбросила халат, легла на топчан, я зажмурился от неожиданности, хотел сразу убежать.

– Подойди, сюда, Вильгельм, – тихо попросила Ядвига, – не бойся, сделай мне что-то приятное.

Я приблизился, она стала снимать с меня одежду, я замотал головой, но цепкие руки Ядвиги уже обвили мою шею и грудь, она привлекла меня к себе, всё поплыло у меня перед глазами.

Когда я опомнился, то пригрозил Ядвиге, что расскажу обо всём этом дяде Вальтеру. Она рассмеялась, но, похоже, всё-таки испугалась огласки. Она понимала, кто такой дядя Вальтер, и с того дня не допускала больше подобных развлечений.

Время в особняке пролетало быстро. Дядя Вальтер признался, что он хотел пустить меня в деловые круги, брал иногда с собой в банк, приучал разбираться в финансовых бумагах, и я даже

преуспел в этом. Мне был дан месяц на вольготную жизнь, а потом надо было определяться либо со службой в банке дяди Вальтера, либо с каким-то другим занятием. Но «медового месяца» у меня не получилось. Как-то в середине дня я возвращался с прогулки, был в хорошем настроении. И вдруг недалеко от особняка меня кто-то сильно ударил по голове сзади. Я вскрикнул от резкой боли, упал и потерял сознание.

Не знаю, кто и зачем подобрал меня на улице, но когда я очнулся, пришёл в себя, то увидел, что лежу на бетонном полу. Я осмотрелся и понял, что нахожусь в совершенно пустой комнате. Неожиданно, непонятно откуда, зазвучала сильная ритмическая музыка. Я попытался найти источник, откуда исходила музыка, чтобы её выключить, но ничего не нашёл; стены были голые, нигде не было динамика или какой-либо колонки. Ничего не оставалось другого, как заткнуть пальцами уши, и я заткнул их. Но всё равно в голове гудело и ухало, то ли ещё от недавнего удара, то ли от этой дурацкой музыки.

Помню, что музыка редела несколько часов подряд. Мне начинало казаться, что я сойду с ума.

К счастью, я выдержал эту жестокую стихию звуков. Потом музыка стихла.

Вдруг из стены, на которой ничего не было, с громким щелчком выскочила доска. Я догадался, что это была кровать – не ночевать же мне на холодном бетонном полу.

Я лёг на эту доску и мгновенно заснул. Не знаю сколько я проспал, но разбудили меня откуда-то взявшиеся два здоровяка в чёрных майках. Доска сама собой убралась в стену.

– Признавайся, что ты – русский шпион! – потребовали здоровяки.

Один из них говорил это на русском языке, другой – на языке немецком.

– Я – немец! Я – Вильгельм Штофф! – твердил я одно и то же и только на немецком языке.

– Врёшь, врешь! – кричали здоровяки.

Тогда они начинали меня бить, кидали из угла в угол, будто футбольный мячик. Не знаю сколько дней так продолжалось, дни я не считал. На одном из сеансов битья здоровяки сломали мне два ребра и разбили переносицу. Они точно отправили бы меня на тот свет, если бы не помог дядя Вальтер. Он, как сам потом признался, разыскал «музыкальную шкатулку», где меня морили, заплатил большие деньги (а, может, ради выкупа меня и похитили!?). И вот, наконец-то, гестапо выпустило меня из своей жестокой камеры. Дядя был очень влиятельный человек, и я ему по гроб обязан тем, что он спас меня от смерти.

После этого я около месяца пролежал в больнице. Хотя банкир Вальтер Штофф был доволен этой ситуацией – я прошёл проверку на «отлично». Но пустить меня в его банк, приобщить к финансовому делу, ему, видимо, не позволили, а предложили другой вариант моего трудоустройства.

Когда я выздоровел, меня направили в одну из школ, которая находилась в непосредственном подчинении влиятельного в Германии адмирала Канариса. Она располагалась в горах, сравнительно недалеко от Берлина. В школе меня зачислили в группу связи. Там «проверки» были постоянные, но не такие жестокие, как в гестапо – в «музыкальной шкатулке».

В Берлин я вернулся весной 1941 года и был определён на службу офицером связи в одно из подразделений СД – специальной военной разведки в фашистской Германии.

Немецкий крест и вызов к Сталину

Уже полгода фашистская Германия, а с нею и ещё более десяти стран, воевали против Советского Союза. Отсюда, из Берлина, любая неудача нашей Красной армии воспринималась с особой болью и горечью, а любая удача – с глубокой радостью.

И я, как разведчик, знал, что от работы моей и моих товарищей зависят судьбы миллионов людей на Родине – как на фронте, так и в тылу. Эта ответственность лежала у меня на сердце тяжёлым грузом.

Вернувшись в Берлин после окончания разведывательной школы и поступив на службу, я сразу переехал от дяди Вальтера – имел финансы, которые позволяли мне снять квартиру. Но с банкиром я продолжал поддерживать добрые родственные отношения. Когда я обращался к нему за чем-либо, он никогда не отказывал в помощи.

Думаю, хотя дядя Вальтер и не признавался в том, но он за моей спиной составил мне протекцию в СД – так принято у немцев. Мне самому просто так, имея даже специальную подготовку и от-

личный диплом, полученный в разведывательной школе Канариса, попасть в эту организацию было практически невозможно – она считалась особой, элитной.

Из офицера, выполнявшего разовые поручения, офицера на побегушках, я быстро стал специальным курьером. Мне доверяли особые секретные задания. На мою левую руку был пристёгнут браслет-планшетка с секретным кодом. Открыть его мог либо тот, кто вставлял шифровку, либо тот, кто её получал. Никто третий, в том числе и я, никаким образом не мог прочесть донесение или приказ.

И только входя в доверие к высшим чинам 3-го рейха, я мог, и то лишь иногда, постоять рядом, когда адресат читал шифровку, что-то выхватить из неё взглядом, какую-нибудь деталь, цифру, название или ещё что-то. Но и этого малого мне было достаточно, чтобы начать собирать информацию, используя другие источники. Мои курьерские маршруты пролегали по всей Германии, но крайне редко – в действующую армию на Восточной фронте.

Я установил контакт с советским разведывательным центром в тылу фашистов, наладил связи с теми нашими разведчиками, которые были внедрены в Германию и входили в группу под условным названием «Север».

В один из дней – а это было в середине зимы 1942 года – меня срочно вызвали к руководству СД. Сам шеф вложил шифровку в мой браслет и объяснил, что никто не должен знать о моей секретной поездке на оборонный завод во Франкфурте-на-Майне.

– Не извольте беспокоиться, – заверил я шефа. – Всё сделаю точно по вашему указанию!

– За безукоризненное исполнение задания, – пообещал мой руководитель СД, – получите награду и краткий отпуск.

Я должен был ехать под чужим именем и с чужими документами. И только начальнику оборонного завода мог представиться как капитан СД Вильгельм Штофф.

Вечером того же дня, накануне поездки, по «своему каналу» я получил задание из нашего «Центра» – встретиться во Франкфурте-на-Майне с госпожой Маргаритой Келлер и получить от неё важные сведения для Москвы.

Утро во Франкфурте стояло пасмурное, хмурое, мглистое.

Оборонный завод, куда меня командировали, был расположен в нескольких километрах от города. Подъезды к нему усиленно охраняли. На каждом контрольном пункте проверяли мои документы, машину, пропуск, который мне выдали в Берлине. На последнем проверочном пункте ко мне в машину сел офицер секретной охраны.

Когда он приказал водителю остановиться, я не увидел никакого завода в обычном представлении – ни заборов, ни зданий, ни дымящих труб. На небольшом участке за бетонной стеной стояла круглая башня высотой, наверное, метров пятьдесят. Башня представлял собой вход на предприятие; сам завод, как я догадался, находился под землёй.

Бесшумный эскалатор повёз меня вниз, но уже с другим сопровождающим охранником. И у меня уже не оставалось сомнений в том, что я находился на заводе, где занимались изготовлением какого-то особо секретного оружия для армии 3-го рейха.

Директор завода был одет в форму генерала немецкой армии. Он принял меня, как положено по Уставу. Я протянул ему руку, на которой была браслетка. Он раскрыл браслетку, достал из неё шифровку, и тут же, чтобы я не увидел её содержание, учтиво предложил:

– Пройдите в соседнюю комнату, господин капитан, – кивнул генерал на дверь. – Отдохните с дороги. Вам приготовили кофе.

Я вышел, сел за столик в отдельной комнате. Невысокая официантка, черноволосая, одетая в военную форму, принесла на подносе бутерброды и чашку горячего кофе. Я поблагодарил её, но она, не сказав мне в ответ ни слова, удалилась.

Вскоре меня пригласили к генералу.

Он передал мне браслетку с ответной шифровкой и проследил, чтобы я закрепил её на левой руке.

С завода меня вывели через другой лифт.

Через небольшое время я уже был во Франкфурте-на-Майне, зашёл в гостиницу. Лежа на кушетке, я обдумывал детали предстоящей встречи с госпожой Келлер. До отъезда оставалось не так много времени, не следовало расслабляться, к тому же надо было исключить какой-либо риск в этой встрече, а также слежку за собой.

Как я знал из данных нашего «Центра», госпожа Келлер владела несколькими торговыми лав-

ками в старой части города, где жили, в основном, небогатые немцы. Её адрес я отыскал довольно быстро, мне сразу открыли дверь.

– Проходите сюда, – сказала домработница. – Подождите одну минутку, госпожа Келлер обязательно примет Вас.

Я сел в кресло в большой прихожей, осмотрелся. На стенах висели разные картины, и я принялся рассматривать их. Вдруг я почувствовал, что кто-то стоит за моей спиной.

Я встал с кресла и тут же услышал по-немецки:

– Фрау Келлер к вашим услугам!

Я встал, повернулся и чуть не потерял дар речи – передо мной была Ирочка Тюленева.

Она смотрела на меня, а я – на неё.

Это была она, но и в то же время не совсем она. Знакомая, родная, близкая, но вместе с тем совершенно чужая, неизвестная, как бы другой человек.

– Очень рад встрече, фрау Келлер, – с трудом выдавил я.

– Садитесь, – сухо сказала она. – У нас очень мало времени – всего несколько минут, не будем терять их. И фрау Келлер протянула мне шифровку.

Зная наизусть коды, я быстро прочитал её.

В цифрах были закодированы важные сведения.

Сообщение касалось оборонного завода, на котором я только что был. Фрау Келлер взяла у меня из рук бумажку, щёлкнула зажигалкой и тут же сожгла записку.

Она встала с кресла, давая мне понять, что аудиенция закончена.

Я тоже поднялся и пошёл к выходу.

– Не туда, – остановила меня фрау Келлер и показала на другую дверь. – Вам надо выйти через запасной выход.

У самой двери я неожиданно вдруг потерял контроль над собой и привлёк к себе фрау Келлер, крепко обнял.

– Ванечка, ты сошёл с ума! – прошептала она мне на ухо. – Ты погубишь и меня, и себя. Я же люблю тебя больше жизни, мой родной, мой милый!

Я задохнулся от наплывшего счастья.

– Нет, я так не могу, – я тоже перешёл на шёпот. – Хотя бы один час, но он наш с тобой. Может, судьба не сделает больше такого подарка.

Она увлекла меня в свою комнату, лицо её покрыл алый румянец, губы были сухие и горячие, я не мог от них оторваться, и мы растворились друг в друге.

– Знаешь, о чём я мечтаю? – тихо спросила Ирина.

– Нет, не знаю, – прошептал я.

– Я так хочу увидеть голубое небо в России, уехать в Вологду, к тётке. Там народ по-смешному так говорит. Тётка окрестила меня в храме возле вокзала, и меня туда постоянно тянет.

– Я исполню твою мечту, когда кончится война, – пообещал я Ирочке. – Мы обязательно поедem с тобой в Вологду.

Я взлетел на седьмое небо от счастья. Но наше с Ириной счастье длилось краткий миг.

Выйдя от неё на улицу, я понял, что сохранить наше счастье можно только в сердце.

В окружающем мире, где было много зла и опасностей, мне опять предстояло играть трудную роль «другого человека» в «другой жизни».

То, о чём я узнал из шифровки фрау Келлер, лишь подтвердило мою догадку: на секретном оборонном заводе вели опыты по обогащению урана. Немцы уже более пяти лет активно работали над созданием атомного оружия, которое готовились использовать в военных действиях против Советского Союза.

Об этом я размышлял всю дорогу в купе поезда, когда возвращался из поездки во Франкфурт-на-Майне.

В Берлин я доставил шифровку без опозданий.

Шеф СД остался доволен мною и сдержал своё обещание.

Он сказал, что за безупречную и успешную службу меня представили к награде «Рыцарский Крест», и скоро я её получу. А пока мне дали десять дней отпуска, и я мог использовать их, как считал нужным.

Первая желание – тайно поехать во Франфурт, ещё раз повидать Ирочку, продлить чудные мгновения, пережитые с нею.

Но тут же я вспомнил её слова: «Ты погубишь и себя, и меня!», и отогнал всякую мысль о поездке.

Вечером, когда я отдыхал у себя дома, через секретного связного поступил приказ из «Центра» – меня срочно вызывали в Москву по требованию Верховного Главнокомандующего.

У меня засосало внутри, но усилием воли я погасил тревогу.

Следовало спешить, не было времени разбираться в своих чувствах.

Через связных из партизанского отряда генерала Сабурова я оказался на правобережной Украине. Оттуда ночью на самолёте был доставлен в Москву. Вёл самолёт по ночному небу сам Евгений Савицкий. Нашего летчика-аса фашистские пилоты знали «лично» и боялись его появления в воздухе, как огня. На счету Евгения Савицкого были десятки сбитых самолётов врага.

И вот мы приземлились уже в Москве, был поздний вечер.

На аэродроме на меня накинули чёрный плащ, и в автомобиле с затемнёнными стеклами привезли прямо в приёмную И.В. Сталина в Кремле. Я был в форме немецкого офицера, но это никого не смутило. В самой приёмной сидел секретарь Сталина Александр Николаевич Поскребышев. Он несколько удивлённо взглянул на меня, но, вспомнив, что я принадлежал к Главному управлению контрразведки Генштаба, даже чуть улыбнулся. Но тут же принял опять строгий вид.

– Товарищ Калинин, – обратился Поскребышев ко мне. – Со Сталиным многословие ни в коем случае недопустимо. Только деловое. И всё!

– Понял! – ответил я.

Минут через десять Поскребышев провёл меня в кабинет Верховного Главнокомандующего.

Кабинет был обычный, не очень большой, со старинным Т-образным столом, который стоял ближе к стене, противоположной от входа.

Сталин сидел за этим столом и курил, просматривая какие-то бумаги.

При нашем появлении он вышел из-за стола навстречу, поздоровался со мной за руку, сзади приобнял меня за плечи и так слегка потряс.

Кивком головы Сталин отослал Поскребышева из кабинета.

– Ну, как? – спросил меня Сталин, когда мы остались одни.

– Дела у нас, – начал я.

Верховный Главнокомандующий прервал меня.

– Дела у нас улучшаются! – строго сказал он.

Сталин потребовал подробного отчёта о моей работе.

Я рассказывал обо всём в деталях. Особенно подробно о поездке на секретный завод во Франкфурте-на-Майне. Когда я закончил свой отчёт, он, склонив голову, что-то записывал, сидя за столом. Оторвавшись от бумаг, Сталин задал несколько вопросов о моих личных впечатлениях от общения с некоторыми высокими военными чинами в фашистской Германии. Я отвечал, а он с интересом выслушал моё мнение о них.

– Что это у вас, товарищ Калинин, на втором пальце на левой руке? – неожиданно спросил Верховный Главнокомандующий.

– Это талисман, Иосиф Виссарионович, – я снял его с пальца и протянул посмотреть Сталину. – Каждый офицер, каждый солдат в армии Вермахта обязан иметь талисман – в виде камня, «молитвенного письма», заклинания «ясновидящих», «охранной грамоты» или ещё чего-либо в этом же роде. Я был какое-то время в Чёрном ордене, а после оттуда перешёл в Германский орден – там мне этот талисман и выдали. Он как бы подтверждает, что я верю в божественную миссию Гитлера и в сверхъестественные силы, которые помогают германской армии одерживать победы и завоевывать мировое господство.

– И Вы верите? – уточнил Верховный Главнокомандующий.

– Товарищ Сталин, я верю в полную и окончательную победу Советского Союза над врагом, – ответил я.

– Вот это хорошо! – одобрил Сталин. – Я всё-таки бывший семинарист, но такой чертовщины – веры в мессию, тем более в мессию Гитлера, не могу себе вообразить. Как-то не укладывается в уме!

– Да, товарищ Сталин, – продолжал я. – В Германии почти от всех требуют веры в то, что Гитлер – посланник Свыше, он послан, чтобы «спасти мир». А про шефа гестапо Гимmlера ходят слухи, что он умеет разговаривать с «загробными духами». И вообще, едва ли не каждый в германской верхушке считает себя сверхчеловеком. Они очень высокомерны, они составляют мистические гороскопы на проведение боевых операций на Восточном фронте.

– Гороскопы? Хм! – усмехнулся Сталин. – Ничего, мы их спустим с небес на землю!

Он прошёл к столу и быстро стал записывать что-то на листе. Я в эту паузу, смахнув выступивший на лбу пот, стал рассматривать большую подробную карту боевых действий, которая висела на стене кабинета.

– Чем Вас, товарищ Калинин, так заинтересовала карта? – спросил меня Верховный Главнокомандующий.

– Товарищ Сталин, тут, – говорю я, – неточность одна есть.

– А именно? Подойдите к карте, – попросил он.

Я подошёл и показал.

– Вот здесь обозначен выступ в немецкую сторону, – стал я пояснять, – а фактически этот выступ в нашу сторону, то есть он ещё за немцами.

– Хорошо, – сказал Сталин.

И сделал опять какие-то пометки на листке.

Опережая некоторые события, скажу, что мне довелось позже ещё раз встречаться со Сталиным. Перед встречей меня разыскали Жуков и Рокоссовский. «Послушай, Калинин, – попросил меня Жуков. – Ради Бога, не делай по карте у Сталина никаких замечаний. А то в тот раз он устроил нам «головомойку». «Обещаю, Георгий Константинович, – заверил я, – что воздержусь от замечаний».

Сталин снова закурил, прошёлся туда-сюда от стола до карты.

– А теперь, товарищ Калинин, вернёмся к главному, – он строго посмотрел на меня.

– Ваша задача – установить, в какой стадии развития находится атомная энергетика в Германии, – неторопливо заговорил он. – Каким образом атомную энергию хотят использовать в военных целях против нас? Какое создаётся новое оружие? О каждом шаге противника, я подчёркиваю – о каждом, в этом направлении мы должны знать. Всё знать! И о возможных контактах противника с нашими союзниками. Желаю Вам успеха!

Сталин крепко пожал мою руку и проводил до дверей кабинета. Вернулся я в Берлин тем же путём – через связных генерала Сабурова.

Служка за Вернером

Ещё я не терял надежды увидеть милую моему сердцу фрау Келлер – в запасе у меня было несколько дней отпуска.

Перелёт в Москву, встреча со Сталиным, возвращение в Германию – события мелькали, как в фантастическом сне.

Теперь я переосмысливал поездку в Москву, обдумывал приказ, данный разведчикам группы «Север» Верховным Главнокомандующим. Выполнить его – было всё равно, что пролезть верблюду сквозь игольное ушко.

В Берлине, зайдя в квартиру, я сразу позвонил, чтобы узнать, когда уходит поезд на Франкфурт – поезд отправлялся вечером.

Я собрал походный чемоданчик и прилёг на диван передохнуть. Я вспоминал Ирину, и её слова: «Ты погубишь и себя, и меня!», но теперь они уже не казались мне предупреждением об опасности.

Отдыха у меня не получилось – у калитки забрякал электрический колокольчик. В СД я предупредил, что буду отсутствовать, к тому же у меня ещё продолжался отпуск. Кто это мог бы быть? Меня всё равно нашли со службы. Нарочный передал, что меня ждёт шеф СД. Я почувствовал, как внутри засосала тревога, усилием воли подавил противное настроение. Нет, в немецкой разведке не могли догадаться, что я был в Москве. Не могли. И всё же! А если могли?

Шеф встретил меня радушно, принёс извинение, что нарушил мой отпуск. И тут же сказал, что завтра утром необходимо выполнить неотложное задание здесь, в Берлине. Опасения мои насчёт Москвы отхлынули. На другой день, в назначенное время, я был в кабинете шефа СД.

– Это поручение самого Фридриха Канариса! – шеф поднял большой палец правой ладони вверх. – Вы имейте в виду, что за объектом, кроме нас, следят люди Генриха, нельзя допустить, чтобы они перехватили информацию раньше, чем мы.

– Не беспокойтесь, – сказал я, – постараемся опередить.

Главного руководителя службы Абвера адмирала Канариса я видел всего один раз, когда он приезжал в наше управление. Ему тогда перевалило за пятьдесят, но он выглядел бодро: подтянутый, пружинистый. Я знал, что в молодости Канарис служил в какой-то южной стране и там прославился своей жестокостью в отношениях с подчинёнными, то есть со своими коллегами-офицерами. С тех пор его побаивались. К тому же было известно, что Канарис постоянно соперничал со службой гестапо, её возглавлял Генрих Гиммлер. И, не дай Бог, было попасть кому-то из разведчиков между этими двумя «молотами».

На здании, куда я подъехал, выделялась красивая вывеска: «Физический институт». Какое-то радостное предчувствие на миг охватило, будто я нашёл то, что давно потерял. Я вступил в здание института и прошёл в приёмную. Шифровку я обязан был передать лично в руки директору института, известному учёному Вернеру Гейзенбергу. В его приёмной секретарша в форме капитана СС встретила меня дружелюбно, попросила подождать и тут же скрылась за массивную дверь.

– Один момент, сейчас вас примут, – сказала она, когда вернулась.

Я подождал немного, а потом всё та же секретарша проводила меня к директору.

Учёный-физик Вернер Гейзенберг вышел мне навстречу из-за стола.

У него было лицо типичного арийца; глаза голубые, лучистая улыбка, волосы светлые, – Вернер внешне своими чертами напомнил мне Адольфа Гитлера.

Он, ни слова не сказав, взял у меня из рук письмо от моего шефа, вскрыл его и тут же прочитал.

И так же, не говоря ни слова, протянул свою руку за моей браслеткой.

Я отстегнул браслетку и передал её учёному.

– Подождите в приёмной, – попросил Гейзенберг.

Я вышел немного расстроенный: всё же в душе я надеялся, что этот учёный по извечной рассеянности, присущей всякому учёному, не отправит меня за дверь и мне удастся краем глаза выхватить хоть какую-то информацию из послания шефа СД. Но, увы, этого не произошло.

Через несколько минут процедура повторилась: я получил назад планшетку из рук Гейзенберга, он поблагодарил меня за службу фюреру и рейху и даже скупой улыбнулся.

Когда я, уходя из института, закрывал дверь в приёмную директора, то услышал, как секретарша говорила кому-то по телефону, что завтра Гейзенберг сделает чрезвычайный доклад.

Ну, хоть такая информация – и то повезло!

«Сделает доклад, чрезвычайный доклад!» – крутилась фраза у меня в голове, когда я ехал по улицам Берлина к зданию СД.

О чём доклад? Может, о том самом! Я всё бы отдал, чтобы узнать, о чём будет говорить директор института. Как заполучить копию доклада?

Теперь мне стала ясна срочность и секретность действия адмирала Канариса – учёного-физика обкладывали двойной-тройной стеной недосягаемости, чтобы от него не просочилась никакая информация никуда.

Единственное, что я мог – это сообщить в наш «Центр» о том, что существует такой доклад, и Гензенберг завтра его прочитает. Это я и сделал.

Я надеялся, что, может быть, кому-то из наших разведчиков повезёт раздобыть текст документа.

Да, добыть копию доклада удалось!

Но как именно это произошло, я рассказывать не буду.

26 февраля 1942 года Вернер Гейзенберг, директор «Физического института», доложил руководству министерства вооружений и первым лицам Германии о реальной возможности изготовления сверхбомбы, которую, в случае реального применения, предполагали транспортировать на ракете «Фау». Она уже была изготовлена.

После этого события Гензенберга назначили руководителем «Уранового проекта» в Германии. Во дворе его института быстро начали строить испытательный атомный реактор, где можно было проверить «продукт», присланный с секретного завода из Франкфурта-на-Майне, а также попытаться самостоятельно получить взрывчатое вещество для бомбы. Предполагалось, что вещество могло

быть не только в твёрдом, но и также в газообразном состоянии, наподобие ядовитого газа. Исследования по созданию секретного оружия активно шли и в других научных центрах Германии, всего их было более двадцати. Вероятно, вскоре и был изготовлен один из вариантов сверхбомбы.

Да, конечно, возникали некоторые сомнения. Но всё же, скорее всего, как я предполагал и другие разведчики, речь шла об атомной бомбе. Особенно, если вспомнить секретный завод во Франкфуртена-Майне. С сенсационного сообщения Гензенберга, хотя делал он его секретно и для узкого круга руководства Германии, и пошла «атомная лихорадка» во всём мире.

Наш «Центр» поручил наблюдение, в том числе и мне, за Вернером Гейзенбергом, сбор любых сведений о нём. Я не буду описывать все подробности. Но нам удалось выяснить, что Вернер, в 32 года удостоен звания лауреата Нобелевской премии в области физики, принимал самое непосредственное участие в разработке концепции «Развитие атомной энергетики Германии 1938–1945 гг». Добыть к этому резюме какие-то конкретные факты было практически невозможно.

Но на то мы и назывались разведчиками, на то и были посланы сюда, в глубокий вражеский тыл, чтобы преодолеть даже «невозможное».

У меня созрела авантюра: «завести роман» с Катрин Пейфель – так звали, как я выяснил, секретаршу у Вернера Гейзенберга. От неё, капитана всеильной службы СС, я и мог получить сведения, столь необходимые руководству Советского Союза.

Риск пойти на «авантюру» был огромный! Но и ставки в этой игре тоже были велики!

Мою инициативу одобрил «Центр». И я, не откладывая дело в долгий ящик, поехал к зданию «Физического института». Поехал я уже в третий раз, два предыдущих выезда окончились неудачей. Теперь затея, похоже, уже не могла сорваться, мне в этот раз повезло дважды: во-первых, Катрин вышла одна из здания управления, никто её не сопровождал; во-вторых, она не вызвала машину, а пошла пешком по прилегающей улице, что давало мне возможной спокойной слежки за нею.

И я последовал за секретаршей Вернера Гейзенберга – фрау Катрин Пейфель.

Примерно квартал я следил за ней, а когда она зашла в ювелирный магазин, то понял, что пора быстро действовать.

Катрин выбирала себе серебряное кольцо.

– На чудную грудь Вашу оно как раз подойдёт! – нарушил я её раздумья по поводу покупки кольцо.

Она изумлённо взглянула не меня.

Но я не дал Катрин опомниться.

–Эй, хозяин, – обратился я к торговцу, – прошу завернуть кольцо для фрау.

Катрин, судя по её виду, остолбенела от моей наглости и неожиданного подарка.

Но я попытался умягчить её.

– Послушайте, фрау Пейфель, – начал я объяснять ей, – Вы, похоже, забыли, что на днях я был у Вас, был в приёмной господина Гейзенберга. А я вот не забыл. Потому что Вы с первого взгляда меня очаровали. И я решил засвидетельствовать моё расположение к Вам, более ничего другого.

– Ах, да, – вырвалось у неё, – я вспомнила, что Вы заходили.

Она внимательно меня рассматривала, похоже, её смутил мой гражданский костюм. И, чтобы погасить это смущение, она спросила:

– Вы тот самый тайный связной?

– Так точно! – подтвердил я. – Но сегодня у меня выходной, поэтому я выгляжу, как обычный берлинский обыватель. Не обращайтесь на это внимание.

– Ах, благодарю Вас за подарок, – улыбнувшись, вздохнула она. – Мне так давно никто не делал никаких подарков.

–Что Вы, что Вы, – замахал я руками. – Не стоит благодарностей. Это такой пустяк!

Я уже знал, что Катрин одинока, поэтому смело пригласил её в кафе, самое первое, которое нам встретилось, когда я провожал её по улице после магазина.

Она не отказалась.

– Сегодня такой необычный день, – призналась Катрин, когда мы сели за столик в кафе. – Наверное, всё из-за Вас.

– Не преувеличивайте мою роль, Катрин, – ответил я. – Просто у Вас хорошее настроение.

– Может быть, – согласилась она.

Когда я открыл Катрин, что я родной племянник известного банкира, да к тому же веду холостяцкую жизнь, искорки живого интереса заплясали у неё в глазах.

Постепенно размягчая фрау Пейфель разными подарками, ласковыми словами, я выстроил с ней доверительные отношения, и от неё мне удалось узнать некоторые подробности о жизни учёного-физика.

Ещё зимой 1939 года вместе с группой учёных Гейзенберг обосновал принципы построения атомного реактора и представил свой проект верхушке министерства вооружений Германии. Он тогда работал в Лейпциге. Обосновывая концепцию реактора, Гейзенберг использовал не только личный опыт физика, но и достижения отечественных коллег, в частности, немецких учёных Гана и Штрассмана, которые расщепили ядро атома и зафиксировали при этом выделение большого количества энергии.

Проект, предложенный Гейзенбергом, был положен в основу создания атомной бомбы. Точного ответа о том, что делать дальше с разработками, Гейзенберг от руководства рейха не получил. Хотя, не исключено, что с учёным имел разговор, и сам Гитлер и дал ему какие-то указания.

Вероятно, учёного мучили сомнения о целях своих исследований, неопределённость их оценки со стороны руководства Германии. И, возможно, поэтому осенью 1941 года он поехал к своему учителю – знаменитому физику, тоже лауреату Нобелевской премии, Нильсу Бору в Копенгаген, посоветоваться кое о чём.

О чём говорили Нильс Бор и Вернер Гейзенберг во время встречи?

Этого никто не знал кроме них самих, и никогда не узнает. Я думаю, если бы нашим разведчикам удалось выкрасть Гейзенберга и доставить в Советский Союз, он всё рано не раскрыл бы тайну своей беседы с Нильсом Бором.

Можно предположить три варианта темы их беседы.

Либо Вернеру Гейзенбергу не хватило каких-то результатов на завершающем этапе создания сверхбомбы, то есть атомной бомбы, и он хотел получить их у Нильса Бора. Учёный в Копенгагене тоже работал в том же направлении.

Либо Гейзенберг, создав страшное оружие, спешил поделиться новостью с учителем, чтобы тот каким-то образом предупредил человечество о катастрофических последствиях применения атомной бомбы.

Наконец, Бору и Гейзенбергу было известно, что их коллеги-физики в Америке в поте лица работали над «Манхэттенским проектом», который тоже имел целью создание атомного оружия. И, возможно, оба учёных сверяли свои действия с теми результатами, которые получили разработчики в Манхэттене.

С теми разработчиками, насколько мне удалось узнать, и сам знаменитый Нильс Бор и его ученик Вернер Гейзенберг были хорошо знакомы. Ещё до войны с СССР, в городе Геттингене, его считали мировым центром исследователей теоретической физики, Бор и Гейзенберг подружились со своими коллегами Робертом Оппенгеймером, Эдвардом Теллером и Хансом Бете.

Когда в ходе второй мировой войны руководство США озаботилось поисками возможностей использовать ядерную энергию в военных целях, то оно пригласило к себе для работы молодых учёных из Геттингена. Именно эта «троица» – Оппенгеймер, Теллер и Бете – составили костяк тех, кто осуществлял американский проект «Манхэттен».

Известные учёные покинули Германию, чтобы сделать творческую карьеру. Но, с другой стороны, они боялись фашистского режима. По такому же пути мог пойти и Вернер Гейзенберг. Когда он в 1939 году приезжал в США, американцы предложили ему остаться и возглавить какой-нибудь крупный институт или лабораторию – на выбор. Уговаривал его навсегда переехать в Америку и хороший знакомый – итальянский физик Ферми.

Всё же, как бы это не льстило самолюбию, Гейзенберг на заманчивые предложения отвечал отказом; свою позицию он объяснял тем, что он – патриот, что он «чувствует себя связанным с Германией». Но фашисты могли вполне жестоко обходиться и с патриотами. Даже с такими патриотами, которые были известны всей стране и миру.

И Вернер не был исключением в таком раскладе.

Во всяком случае, как мне пооткровенничала Катрин, у Гейзенберга, когда он вернулся из поездки в Копенгаген, возникли неприятности с «Чёрным орденом» – одной из нацистских организаций. Его, немецкого патриота, искренне преданного Гитлеру, начали подставлять, травить по мелочам, накрыли «колпаком» – всё из-за общения с евреем Нильсом Бором. Чтобы как-то загладить вину перед режимом, вину, которой, в общем-то, и не было, Вернер ускорил свои исследования, привлёк к работе над сверхбомбой инженера-изобретателя Курта Дибнера и конструктора Вернера Брауна.

И всё же, несмотря на эти усилия, свои объятия «Чёрный орден» ослабил лишь после того, как мать Вернера лично пожаловалась на слежку за сыном самому Гиммлеру.

Слежку за физиком якобы сняли.

Но мы, советские разведчики, продолжали слежку за директором «Физического института», мы выполняли приказ Верховного Главнокомандующего.

Я и другие разведчики из группы «Север» предчувствовали, что назревали какие-то серьезные события.

И они вскоре произошли на Восточном фронте, а после эхом отозвались в Берлине.

Операция «Скорпион»

Ожидание чего-то недоброго шевельнулось в моей душе, когда я вошёл в здание управления СД.

– Оружие и документы сдать! – приказ охранника прозвучал для меня неожиданно и резко. – Руки вверх!

Я остолбенел от такого обращения.

Я покосился назад – нет ли за мной «хвоста». Нет, похоже, никакого «хвоста» не было, я никого не увидел. Тогда я осмелел, ко мне вернулось привычное самообладание.

– Я по вызову самого шефа! – я показал особый пропуск. – Прошу пропустить меня.

– Оружие и документы сдать! – уже заорал охранник. – Поднять руки! Не слышите, что ли!?

Я подчинился – другого выхода не было.

Я выложил документы и оружие на стол перед охранником.

Вдобавок меня обыскали.

Ничего не нашли, кроме одного.

Из потайного кармана моего кителя офицер-досмотрщик извлёк маленький клочок бумаги, развернул её на моих глазах. Там была написана по-немецки всего одна фраза: «Ich liebe dich immer!», которая означала: «Я люблю тебя всегда!».

Я едва сдержался, чтобы не выхватить эту драгоценную бумажку из рук досмотрщика, но благо-разумно остановился и попросил у него отдать её мне.

Офицер, хитро ухмыльнувшись, разорвал записку и выбросил в урну.

Как Ирочке удалось положить послание мне в потайной карман, и почему я столько времени его не обнаружил – это осталось для меня загадкой.

Любовная записка, похоже, немного смягчила командира охраны.

– Извините, господин капитан, – устало бросил он. – Приказано тщательно всех досматривать, мы – люди подневольные!

– Понимаю, – кивнул я.

Нервозность, подозрительность в управлении достигли предела. По любому поводу, за мелкий пустяк можно было угодить в руки «чёрных рубашек». Мне была понятна причина всей этой взвинченности – плохие вести, которые поступали с Восточного фронта.

Но для населения Германии эти дурные вести оставались под запретом; их охраняли как «государственные секреты». Для населения команда идеолога Йозефа Геббельса разванивала об успехах и победах доблестной армии рейха. Реальное положение дел на Восточном фронте было противоположным тому, о чём твердила в печати и по радио официальная пропаганда.

В ноябре 1942 года войска Красной армии начали наступление в районе города Сталинграда сразу силами нескольких фронтов и с разных направлений. Наши дивизии сломали оборону фашистов, а вскоре блокировали 4-ю танковую армию и 6-ю полевую армии вермахта. В окружение попали 330 тысяч немецких солдат и офицеров, подразделения служб тыла и обеспечения, много единиц различной боевой техники.

Гитлер, сознавая всю опасность ситуации, на помощь попавшим в окружение войскам бросил танковую армию под командованием генерала Манштейна, которая находилась на рубежах Северного Кавказа. Но и она не смогла разорвать кольцо окружения. В то время 6-й полевой армией фашистов командовал генерал Фридрих Паулюс, недавно получивший эту должность.

Один раз я встречался с Паулюсом – передавал ему секретное донесение в качестве курьера. Он тогда был в чине первого оберквартирмейстера в Генеральном штабе сухопутных войск вермахта. Что удивило, Паулюс пригласил меня пообедать с ним в компании ещё двух офицеров. На меня он произвёл впечатление не фанатично преданного фюреру, как большинство высших военных чинов. Нет, такого подбострастия у него не было. К тому же он имел свой взгляд на ход войны на Восточном фронте. Назначение Паулюса командующим армией некоторые офицеры восприняли с раздражением и завистью. Теперь, когда соединения под командованием Паулюса были окружены войсками Красной армии, они даже злорадствовали по адресу Паулюса.

Сам же Гитлер слал в окружённую группировку приказ за приказом – «не отступать», «стоять до конца», «держаться». Паулюсу, как раз во время окружения, видимо, для поддержки его духа, Гитлер присвоил звание «генерал-фельдмаршал» и обещал ему всяческую помощь.

Фюрер заверял генералов, оказавшихся в кольце, что быстро пришлёт подкрепление. И они ждали, надеялись на помощь. Но найти это самое подкрепление оказалось сложно – военная машина Германии уже задыхалась от напряжения.

И всё же Гитлер пытался сдержать своё обещание. В начале декабря специальные соединения, переброшенные из самой Германии и с её фронтов на Западе, сделали вторую попытку разорвать блокаду под Сталинградом. Но и она не привела противника к успеху.

Разведывательная группа «Север» узнала об операции фашистов и заранее передала шифровку в Москву. Поэтому командование Красной армии смогло подготовиться к внезапной атаке, и попытка прорыва блокады сухопутной и танковой армиями фашистов была сорвана.

В январе 1943 года над Германией нависла тень зловещего траура. Немецкие дивизии под Сталинградом, по приказу Гитлера не желавшие сдаваться – в их числе были итальянские и румынские – Красная армия перемалывала одну за другой, как в мясорубке. Были уничтожены сотни тысяч солдат и офицеров, ходили слухи, что Германия и её союзники потеряли около миллиона живой силы. Такого крупного поражения Гитлер ещё не знал.

Тем временем наша армия всё сильнее сжимала кольцо вокруг фашистских войск под Сталинградом. Из Москвы нашим армиям был отдан приказ о полном уничтожении врага. Чтобы хоть как-то, хотя бы частично, спасти от неминуемой смерти вверенных ему солдат и офицеров, Фридрих Паулюс поднял белый флаг капитуляции. За три дня, с 31 января по 2 февраля в плен сдались 90 тысяч военных – всё, что осталось от 6-й полевой армии вермахта, вместе с генерал-фельдмаршалом. Нервный шок от поражения под Сталинградом достиг и Берлина.

В СД закрутили «гайки», рабочий день продлили до десяти часов. Всюду присутствовал страх, иногда – истерия. Спецслужбы активизировали поиск «предателей и врагов нации». Эта кампания задела и меня. Как-то вечером позвонила Ядвига, сказала, что она очень скучает из-за моего отсутствия в особняке. «Как же, ногти тебе покрасить на ногах!» – злорадно подумал я, но не стал её укалывать. Я знал, что просто так Ядвига не будет тратить время на звонки. И, действительно, поболтав минуту-другую, она призналась, что дядя Вальтер очень желает видеть меня, и назвала время, когда надо приехать в особняк. Банкир встретил меня, как обычно, дружески, даже ласково. Он выглядел усталым и озабоченным. Вальтер заказал ужин в свой кабинет, и мы остались с ним вдвоём.

– А ты стал настоящим немцем: и выправка, и хватка, и разговор – всё наше! – сдержанно похвалил меня «дядя». – Я слышал, что на службе тобой довольны, репутацию Штоффов ты не уронил.

– Давай, выпьем за это! – предложил он тост.

Я поблагодарил Вальтера, мы выпили.

– Разве вы сомневались, что будет иначе? – удивился я, возвращаясь к разговору, начатому Вальтером.

Но он ничего мне не ответил. После долгой паузы, глядя куда-то в сторону мимо меня, Вальтер Штофф с тревогой проговорил:

– Времена наступили тяжёлые. Наши неудачи пройдут, я верю в победу фюрера. Мне хотелось бы, Вильгельм, чтобы после войны ты пришёл на работу в мой банк и продолжил семейное дело.

– С удовольствием! – охотно согласился я с его предложением.

– Но доживёшь ли ты до победы? – вдруг вырвалось у Штофа.

И он тут же ответил на свой вопрос:

– Неизвестно!

Вальтер встал из-за стола, подошёл к сейфу, открыл его и вынул оттуда папку.

– Твоя жизнь – вот здесь! – банкир потряс папкой в воздухе.

– Что всё это значит, дядя Вальтер? – вскипел я.

Штофф бросил папку опять в сейф, набрал «секрет» на кодовом замке.

Он сел за стол и, потягивая вино из бокала, продолжал:

– Не забывай, что ты сбежал из России. На тебя собирают досье. Ты до конца войны, пока мы не победим, так и будешь оставаться «русским шпионом», – он засмеялся.

Мне стало не по себе, я едва сдержался.

– Это клеймо смоют с тебя только после войны, – продолжал Вальтер. – И хотя ты имеешь боевые немецкие награды, тебе уже сейчас «чёрные рубашки» готовы свернуть шею.

– В чём моя вина? – спросил я Вальтера, не выдержав, наконец, его безапелляционного тона.

Вальтер промолчал.

Он грузно перевалился в кресле, закурил сигарету.

– Разве имеет значение, виноват ты или нет? – сказал он. – Но я выкупил тебя у них! Выкупил, понимаешь?! Потому что после войны ты мне будешь нужен.

– Мерзавцы! – не выдержал я. – Сколько же они потребовали за свою гадкую фальшивку? И сколько теперь я должен вам, дядя Вальтер?

Банкир в упор посмотрел на меня, едва сдерживая злобу.

Злобу, может, на меня, а, может, на гестаповцев.

– Помню, ты мне целовал ноги! – хрипло выдавил Вальтер.

– Я и сейчас готов, – я хотел упасть на колени.

Но банкир остановил меня.

– Довольно, – отрезал он. – Я сказал тебе всё.

Поговорив ещё несколько минут о каких-то малозначащих вещах, мы расстались.

Приехав к себе, я не мог уснуть до утра.

Что же собрано в досье на меня? Все ли люди в группе «Север» надёжны? Нет ли «подставы» среди тех, кто осуществлял связь? Голова начинала пухнуть от этих мыслей. Больше всего я опасался за фрау Келлер, она, как я знал, оставалась на Франкфурте-на-Майне.

Тем временем в Германии продолжали нагнетать истерию.

После поражения под Сталинградом нужны были какие-то неординарные действия против Советского Союза, чтобы, с одной стороны, успокоить немецкое общество, а, с другой стороны, поднять моральный дух солдат вермахта.

И тут в ход пошло секретное устрашающее оружие.

Под личным контролем Гитлера военный генералитет готовил операцию «Скорпион», она имела дублирующее название «Возмездие». В ответ на сталинградский разгром было решено применить сверхсекретное оружие – сбросить атомную бомбу на Ленинград.

Насколько удалось выяснить нашим разведчикам, долгое приготовление к операции вступило в завершающую стадию. Во Франкфурте-на-Майне наработали «заряд», его поместили в специальный контейнер и доставили в лабораторию под Кёнигсбергом. Изготовленная сверхбомба хранилась в футляре из специального стекла. В наличие уже была ракета, с помощью которой можно было доставить бомбу, ракету дублировал самолёт-носитель. Единственное, что пока удерживало фашистов от бомбёжки новым оружием Ленинграда – оно ещё не было испытано.

Оставался риск, что радиоактивное облако может, хотя бы частично, накрыть и немецкие войска. Но жажда реванша была настолько велика, что данный риск уже не казался для военного руководства Германии серьёзным.

Несколько раз группа «Север» передавала в наш «Центр» шифровки об операции «Скорпион».

Информация была необычная, и, похоже, нам не верили, особенно – Лаврентий Берия, который был близок к Сталину. Так, я предполагаю, нас проверяли. Но время шло. И возможность атомного эксперимента над Ленинградом возрастала.

Наконец, эту угрозу почувствовали и на самом верху в Москве.

В тот день, когда я накануне провёл бессонную ночь после разговора с Вальтером, в группу «Север» из «Центра» поступило задание – любой ценой добыть сведения и документы об операции «Скорпион» и переслать их в Москву.

Мне отводилась роль «наводчика» – я должен был привести группу захвата на объект с секретными документами.

Группе наших разведчиков, переодетых в форму офицеров СС, удалось без особых сложностей и без потерь проникнуть на секретный объект. Мы вскрыли сейфы, стали фотографировать документы, а некоторые документы мы изымали. Мы успешно уже заканчивали операцию, когда кто-то из нашей группы, кому отводилась роль охраны, прозевал предателя – связника-немца, моего коллегу из СД. Он, когда сообразил, что происходит на объекте, открыл огонь из пистолета. Одного нашего разведчика убил сразу, направил пистолет на меня. Я успел отскочить от сейфа, пуля просвистела мимо, но другая пуля попала мне прямо в живот, и я потерял сознание.

Только позже, спустя много времени, я узнал, что наша группа завязала перестрелку с охраной. Ну, а того связника-немца, что открыл стрельбу, наши ребята тут же убрали, то есть убили. Потеряв больше половины людей, группа разведчиков всё-таки сумела уйти с объекта и скрыться.

Меня же, смертельно раненного, не приходившего в сознание, вместе с мешками секретных документов доставили на партизанскую взлётную площадку, а оттуда – на самолёте в Москву.

Когда я очнулся, то обнаружил, что я в больничной палате, но не мог понять: у своих я или у немцев? Помню, надо мной склонились двое. Один, кажется, в форме генерала, спросил другого:

– Профессор, какие перспективы? Заговорит он или нет?

– Должен бы заговорить! – ответил профессор.

Когда они вышли из палаты, я закричал медицинской сестре:

– Верните их!

Я-то думал, что закричал, но мой крик был похож на шёпот – таким я был слабым. Но всё же медсестра услышала меня.

– Ой, немец-то наш по-русски заговорил, – радостно замахала она руками. – А я уж хотела тебе укольчик!

Двое вернулись.

В генеральской форме был секретарь ЦК партии Андрей Андреев – я узнал его по изображениям на портретах. Второй – не знаю кто был – в белом медицинском халате.

– Принесите документы, – попросил я их. – Я, как офицер связи немецкой армии, дам вам необходимые пояснения.

Профессор в белом халате запротестовал:

– Нельзя ему сейчас, нагрузка очень большая, чуть попозже.

И они опять ушли.

Когда я почувствовал себя лучше и мог без особого напряжения говорить, со мной провели беседу сотрудники особого отдела.

Не помню точно, сколько я пролежал в больнице. Кажется, три с половиной месяца. Мне удачно сделали операцию, и я скоро пошёл на поправку.

Но, странное дело, никто никуда меня не приглашал. Никто не вёл со мной разговоров и том, что мне делать дальше: возвращаться в Германию или оставаться на Родине? Обо мне как бы забыли. Возможно, это было связано с потерей людей из разведывательной группы «Север», когда мы брали документы, и кто-то, вероятно, усмотрел мою вину.

Не знаю!

Но вот однажды в госпитале меня пригласил к себе «особист».

– Вы что-нибудь помните о работе в Германии? – спросил он.

– Помню всё! – ответил я.

– Нет, вы ничего не помните, ничего не знаете, и никогда там не были, – строго пояснил он. –

Вы – Иван Малинин, есть старшина пулемётной роты. Понятно! Вы воевали под Москвой, на Калининском фронте, были ранены под Ржевом. После госпиталя поступили в распоряжение Н-ской части. На Украинский фронт. Понятно?

– Так точно! – ответил он.

– Вот и хорошо! – закончил он беседу.

Тогда я ещё не знал, что похищение секретных документов нашей группой сорвало проведение операции «Скорпион».

Не знал я и о том, что судьбе будет угодно вновь сделать меня причастным к «атомным событиям».

Штурм лаборатории

Всё дальше на Запад уходила война.

Я иногда представлял «своего дядю» Вальтера Штоффа и улыбался – всё-таки он был наивный немец, его мечта о победе фюрера на моих глазах превращалась в прах.

Мне же по-человечески было жаль его – он искренне помогал мне.

Та прошлая, теперь уже очень далёкая, жизнь и работа в Германии мне самому иногда представлялась чем-то придуманным, как будто это был не я, а кто-то другой.

Год, проведённый в боях на действующем фронте, совершенно изменил меня. Я уже изрядно растерял навыки разведчика. А после двух контузий утратил остроту обоняния и повредил слух, без этих двух чувств разведчик – ноль. Я ушёл в пулемётный взвод, а потом выучился на артиллериста.

Я получил много боевых орденов и других наград, был удостоен звания Героя Советского Союза. Ребята из батальона иногда удивлялись какой-то награде, но я молчал, сам-то я догадывался, что эти награды дают мне не только за уничтоженных из пулемёта фашистов, за подбитые моим артиллерийским расчётом немецкие танки, но и за прежнюю работу за границей.

В конце 1944 года меня вызвали в штаб дивизии, где ждал гость из Москвы.

– Мы хотели бы, чтобы Вы вернулись на работу в Берлин, – без лишних предисловий предложил он. – Согласны?

Я замотал головой.

– Категорически против! – воскликнул я.

– Какие причины? – уточнил гость.

– Во-первых, велик риск моего возвращения в Германию, – продолжал я, – трудно объяснить моё долгое отсутствие, если вдруг я там встречу тех, кто меня знает. Во-вторых, я за время, пока воевал в артиллерии, растерял навыки разведчика. Ну, и наконец, самое главное. Насколько я знаю, СД уже не существует, оно влилось в управление имперской безопасности под началом Гиммлера. А это уже совершенно другое. Если возвращаться, то нужна «новая легенда», прежняя, думаю, уже не сработает. Нет, нет!

Гость, выслушав меня, не стал настаивать на своей просьбе, сухо попрощался со мной, а я попросил разрешения выйти из штаба дивизии.

В начале весны 1945 года наша войсковая группировка вошла на территорию Восточной Пруссии. Немецкие части ожесточённо отстаивали каждое село, каждую дорогу, каждый перелесок. Шли тяжёлые затяжные бои без видимого продвижения с нашей стороны. Но мы и не спешили, чтобы не увеличивать собственные потери. К тому же наступлению мешала весенняя распутица.

В один из дней, это было уже позже, на подступах к Кенигсбергу, столице Восточной Пруссии, меня пригласил командир разведки дивизии полковник Владимир Капустин.

Несколько мгновений он рассматривал меня с ног до головы, будто фотокарточку какую, будто пробовал на вес – сколько я потяну.

– Старшина Малинин, – наконец, обратился он ко мне, – Вы владеете немецким языком?

– Владею, товарищ полковник, – ответил я. – Только давно не практиковал.

– Это ничего, что не практиковали, – ответил он. – Практику мы Вам предоставим. По карте хорошо ориентируетесь?

– Ориентировался когда-то, – уклончиво ответил я.

Далее, он спросил меня уже в лоб:

– Старшина Малинин, Вы знаете, где расположена секретная атомная лаборатория вермахта под Кёнигсбергом?

Я не сразу ответил на его вопрос.

Прошло порядочно времени, когда я, ориентируясь по данным разведки, знал о местонахождении секретной лаборатории. Но ведь это место могли и поменять. Поэтому я и ответил так:

– Вряд ли точно скажу, где находится эта лаборатория, но приблизительно – где находится, могу назвать.

Капустин подвёл меня к столу, на нём была раскрыта большая карта, и показал место, обведённое красным кружком.

– По данным нашей разведки, – сказал полковник, – вот здесь, в гористой местности, в районе двух озёр, и действует лабораторию по изготовлению атомного оружия. Подходы к ней сильно укреплены. Дивизия получила приказ взять лабораторию штурмом. При штурме потери с нашей стороны свести до минимума, а из сотрудников лаборатории никто не должен погибнуть, все они нужны нам живыми. Вы будете главным наводчиком – поведёте десант к лаборатории. Понятно задание?

– Так точно, товарищ полковник! – ответил я.

– Тогда приступайте к выполнению.

В десант отбирали только тех, кто сам пожелал, то есть добровольцев, принудительно никого не брали. Взяли самых лучших из дивизии – 700 человек.

И я повёл десант, ориентируясь на местности по данным, которые давали высланные вперед группы разведчиков.

Подступы к горной долине, где стояла лаборатория, были обнесены спиралью Бруно, к тому же по заборам фашисты развесили оголённые провода с током высокого напряжения. В некоторых местах провода были искусно замаскированы, так что наши бойцы их не заметили и попали в беду. От проводов высокого напряжения и спиралей Бруно погибло больше трехсот десантников.

Но головной группе, которую я вёл, всё же удалось разорвать хитросплетения обороны немцев, мы ворвались в здание, из него вёл вход в подземную лабораторию.

Она представляла собой несколько зданий под землёй, усиленно охраняемых, но всю охрану мы сняли, то есть перебили. Овладели лабораторий почти без потерь, сохранили жизнь и сотрудникам.

От них мы узнали, что за несколько часов до нашего прихода главного конструктора вызвали в Кёнигсберг, там его перехватила английская разведка, он был на самолёте доставлен в Лондон, а оттуда – в США. Зато вся остальная обслуга в количестве тридцати с лишним человек, а также некоторая документация попали в наши руки.

Уже после захвата лаборатории я случайно столкнулся со своим коллегой-разведчиком, который тоже когда-то работал в германском тылу. Он мне рассказал, что наша диверсионная группа взорвала завод во Франкфурте-на-Майне, но, увы, вся группа погибла. Меня сразу пронзила горячая боль – я подумал об Ирине. Неужели и она погибла? Неужели я больше никогда её не увижу?

За штурм лаборатории я получил отпуск. Меня и ещё несколько отличившихся в штурме отправили отдыхать на чью-то роскошную дачу под Данцигом. Там были и отдыхающие из других дивизий. Вечером, прогуливаясь по набережной, а дача стояла на берегу реки, я обратил внимание на компанию женщин в военной форме.

Они о чём-то оживлённо говорили и весело смеялись.

И – о, ужас! – мне показался знакомым один из женских голосов.

Я решил подойти поближе к компании. И увидел Ирину Тюленеву! Её плечи красиво облегал китель с погонами капитана Красной армии. Я окликнул её.

Она обернулась, но, похоже, не узнала меня.

Вдруг улыбка слетела с её губ, Ирина медленно подошла ко мне.

– Ванечка, это ты? – тихо спросила она. – Мне сказали, что тебя убили ещё в 43-м, в Берлине. Ты это или не ты?

– Я, я, я, – закричал я. – Я живой, Ирочка! Это – я!

И она, как давно когда-то в Подмосковье, обвила мою шею горячими и крепкими руками.

Эти десять дней были лучше, чем сказка. Это были самые счастливые дни в моей долгой жизни, потому что каждая минута была заполнена моей любимой. Мы с ней переговорили обо всём на свете.

Я узнал, что Ирина, ещё до взрыва завода, была переведена из Франкфурта под Кёнигсберг, где сторожила лабораторию. Теперь, после её взятия, она должна была быть здесь ещё какое-то время в составе охраны. Мне оставалось только ждать, когда она освободится. Мы поклялись друг другу, что после полного окончания войны мы сыграем свадьбу и больше никогда не расстанемся.

Ах, если бы я знал, какая беда ждала нас! Победу над фашистской Германией я встретил в Венгрии. По стечению обстоятельств я находился в том самом городке, где когда-то, ещё до войны, меня свели с Вальтером Штоффом. Я подумал: где он теперь – жив или нет? Почему-то захотелось разыскать его и пообщаться с ним, но сделать это было никак невозможно.

В конце июня 1945 года меня пригласили на первый Парад Победы в Москву. И там я узнал страшную новость, от которой, как вспомню о ней, и сейчас холодеет сердце.

В самый день Парада кто-то отдал приказ в Кёнигсберг – вывезти всех сотрудников лаборатории в Москву. Их посадили в самолёт, в числе сопровождающих была и моя Ирина. Самолёт подлетел к столице, но Москва не дала разрешения на посадку – в городе проходил праздник. Самолёт покружил-покружил, развернулся и полетел на Курск. Но и Курск почему-то не посадил его.

Кто и с какой целью отдавал приказы – я не знаю. Предполагаю, что не только наши разведчики работали против Германии, но и немецкие разведчики на нашей территории – против Советского Союза. Самолёт полетел назад – в Кёнигсберг. Топлива не хватило, он упал и разбился. Погибли все сотрудники лаборатории, и все, кто их сопровождал. Этих учёных-спецов мне не жалко. Я горько плакал об Ирине. Я не мог представить её не существующей. Все эти годы я периодически давал подписки. Мне было приказано: «Молчать!».

Берега памяти

Олег Черницын

Печатается на порталах «Православие.RU» и «Созвучие» (Литература и публицистика стран Содружества), в литературно-публицистическом альманахе «Тобол». Победитель и дипломант ряда региональных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в конкурсе ОЕВФ «Open Eurasian-2016» («Открытая Евразия-2016»), Лондон.

Прости!

Рассказ

Хранить верность – это достоинство,
познать верность – это честь.

Мария фон Энбер-Эшенбах

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, чтоб со мной ни случилось.

Из песни «Тёмная ночь»

I

– И сколько же это будет продолжаться? Когда войне конец? Сил моих больше нет на всё это смотреть! Устала! Руки, ноги, всё устало! Выспаться хочу! Вот вернётся мой Феденька с фронта, на мою его, налюблю, и будем спать с ним до тошнотоньки... Дай-то Бог, чтобы поскорее вернулся!

Евдокия перекрестилась наотмашь, вкладывая в крестное знамение всю свою веру и душу.

– Да, сейчас уж, видимо, скоро... Мой пишет, что под Берлином они уже! Гонят фашистского зверя прямо в его логово, а там его и добьют окаянного. А уж мой-то Вася – Василёк вернётся, вот уж я полюблю его! За все четыре годика отлюблю! И детишек нарожаем. А то война-подлюка всю жизнь перевернула! Двух девочек хочу и двух мальчиков...

– Ой, Клавка, тут бы с двоими управиться! Перешивать да штопать на них не успеваю. Валенки, вон, латаны-перелатаны. А накормить их... Картошку по штукам считаю. Слава Богу, до весны дожили, а там и до лета рукой подать... А ты, Клав, вот чего, давно хотела сказать тебе... Ты бы утихомирилась уже. Вот придёт твой Василий, да как узнает всё?

– Ты что ли донесёшь?

– Дура ты набитая! Спасибо! Сколько за эти годы мы с тобой вместе дерьма перелопатили, ночей недоспали? Другие доброхоты найдутся...

– А я себя не корю! У меня любви на всех хватит! Кто их, горемык, ещё приголубит, да и когда ещё? Не могут мужики без ухода женского. Мужик – дело тонкое... Так что это дело и солдатикам на пользу, да и мне для здоровья. А доведётся, так может, и моего Василька кока добра душа пригреет да приголубит... Ну, да ладно, перекурили и вперёд. Главный сказал, что на станцию эшелон прибыл, сейчас к нам машины пойдут – не до любви будет...

Клавдия заправски затушила папиросу о спичечный коробок и приобняла подругу. Они вместе работали санитарками в госпитале с первых дней его основания. Госпиталь стал их фронтом, их передовой. Здесь не рвались снаряды, не строчили пулемёты. Сюда, в небольшой уральский город в N-ский военный госпиталь, доставляли страшный продукт войны: прострелянных, разорванных, обожженных солдат... Тех, кому в отличие от бездыханно оставшихся в окопах, на полях, в боло-

тах, в руинах городов был дан шанс на жизнь... А далее надо было уповать на Всевышнего и ещё на руки хирурга... Чтобы они смогли собрать, сшить, залатать... И никто не знал, кому повезло больше: тому, кто с лаконичным решением медкомиссии «Годеи к строевой» будет вновь отправлен на фронт, или калеке без рук, ног или глаз, отправленному к месту постоянного проживания?..

Евдокия добралась домой за полночь. Хорошо, что подвернулась попутка, а так идти по темноте несколько километров. Дежурство выдалось, как говорили в госпитале в этих случаях, боевое. Прибыл эшелон с ранеными. И вновь война пахнула своим жаром. Говорят, что медики привыкают к чужой боли, крови. А иначе нельзя. Потому что зачастую только через боль можно было помочь несчастному. Евдокия же так и не смогла привыкнуть к чужой боли. Её душевное сострадание к раненым усугублялось усталостью физической. Только разгрузка и размещение вновь прибывших, в большинстве своем не ходячих и переносимых на носилках, свалили бы с ног дюжего мужика. А затем – бесконечные перевязки, смена белья, уборка. А что значит уход за лежащими, прикованными к кровати? Беспомощными, как дети, в которых едва теплился маленький уголок их жизни, готовый угаснуть в любую секунду...

Дома её ждала старшая одиннадцатилетняя дочь Ленста. В те годы родители часто называли своих детей патристическими именами: Ленста – Ленин, Сталин; Вил – Владимир Ильич Ленин; Марлен – Маркс, Ленин. Искра; Октябрина...

– Устала? – Ленста помогла матери снять армейский бушлат, обняла её, прижавшись щекой к волосам, пахнувшим госпиталем.

– Сил нет... Эшелон принимали, – Евдокия прижалась к руке дочери и поцеловала её. – Дай присяду, а то упаду сейчас...

Она тяжело опустилась на табуретку.

– Давай помогу! – Ленста проворно присела на коленки и помогла матери снять сапоги. – Сейчас тебе картошку подогрею. А тётя Зина молока принесла!

Запасённая с осени картошка уже заканчивалась, и Ленста с подружками ходила на картофельное поле, где они искали оставшиеся картофелины, благо снег в апреле уже растаял. Картофель был подморожен и при готовке очень сладил, но есть его можно было вполне. Молоко же приносила тётя Зина. Хотя при её шестидесяти годах ей больше бы подошло слыть бабой Зиной. Жила она в соседней по бараку комнате и привязалась к семье Евдокии. Муж её погиб ещё в мирное время от несчастного случая на железнодорожной станции, где работал путейцем. В первый же месяц войны они вместе с Евдокией пережили сообщение о гибели её старшего сына, а ещё через полгода – весть о смерти младшего... Евдокия, как могла: где словом, где делом – помогала Зинаиде. Главное – не дала запить ей с горя. А когда Зинаида оклемалась, то завела козу, чьё молоко щедро и бесплатно раздавала детям солдаток.

Ленста по-хозяйски разожгла примус и поставила на огонь сковороду с картофелем.

– А ты почему не спишь? Завтра не воскресенье, вроде? Да и суетишься что-то? Случилось что? – Евдокия с прищуром посмотрела на дочь. – Со Стасиком чего, или в школе набедокурили?

– Да нет, в школе всё в порядке. К Первому мая начали готовиться. Мне стих дали учить – большой! А Стасик вон, спит себе без задних ног...

Восьмилетний Стасик, набегавшись с соседскими детьми по длинному коридору барака, спал безмятежным сном на верхних полках.

– Ты поешь сначала, а потом будет тебе сюрприз!.. – заговорчески объявила Ленста.

– Это что ещё за секретники ночные? – Евдокия опустила в тарелку уже поднесённую ко рту ложку. – Ну-ка, давай, выкладывай всё быстро!

Ленста сникла и по-детски надула губы, поняв, что рано проболталась, и приготовленный ею сюрприз не состоится.

– Я же хотела, как лучше, а ты...

– Ну, давай-давай, выкладывай, что у тебя, а то я с ног уже валюсь...

– А вот и сюрприз! – Ленста вновь оживилась и с сияющим лицом достала из-под подушки почтовый конверт. – Письмо от папы!..

Фёдор писал не часто, но регулярно – письмо в десять дней. Но последнее его письмо пришло почти месяц тому назад, и Евдокия уже не знала, что и подумать...

Осторожно взяв конверт, с тревогой и страхом стала рассматривать его.

– А почерк-то не папкин...

Кровь ударила ей в голову, в глазах потемнело. Стук сердца заглушил сопение Стасика и постукивание настенных часов-ходиков.

– Похоронка? Нет – похоронки почтальон вручает в руки. Стараются при соседях. Пропал без вести?.. Ранен?..

Мысли страшнее одна другой огненными вспышками обжигали помутневший разум Евдокии.

– Ну, открывай же! – всё ещё с восторгом от приготовленного сюрприза Ленста вернула мать из оцепенения.

Евдокия медленно надорвала конверт, этот злосчастный сюрприз. Дрожащими руками она достала тетрадный лист, разгладила его на столе, не моргая, затаив дыхание, всматривалась в прыгающие буквы незнакомого ей почерка. Вслух читать письмо не хватило сил, читала молча...

«Доброго Вам здоровья, не знакомая мне, но глубоко почтенная Евдокия Фёдоровна! Пишет Вам сослуживец и верный товарищ Вашего супруга и героического бойца Фёдора Артемьевича. А приключилось так, что пройдя с победами половину Европы и взяв на штык город Кёнигсберг, мы с Фёдором были ранены в одном бою и сейчас находимся на излечении. По причине невозможности писать ему самому далее пишу Вам с его слов.

Здравствуй, моя дорогая жена Дусенька!

Совсем немного не хватило мне дойти до Берлина, гнезда фашистского змея, и вырвать его ядовитое жало. Но верю, что очень скоро мои боевые товарищи сделают это!

Четыре года смертушка щадила меня, и имел я всего два лёгких ранения, о чём ты знаешь. Видимо, мои товарищи принимали её костлявую за меня грешного. И сейчас она пощадила меня. Только взамен жизни забрала правую руку и обе моих ноженки.

Дорогая Дусенька! После долгих раздумий решился я сообщить тебе следующее. По излечению и выписке мне, горемычному, полагается полная демобилизация. Отвоевался твой Фёдор, отлетал твой соколик. Домой я не вернусь, и очень прошу тебя понять меня и не корить за это. Кому я нужен такой поломанный? Ни гвоздь забить, ни за водой сходить. Да и тебя, моя горлица, не смогу обнять как прежде. Опять же, двух ребятишек тебе поднимать нужно, а тут ещё я – калека-иждивенец...

Так что пойми меня и прости своим большим добрым сердцем! А детишкам прошу кланяться и поцеловать их за меня крепко-накрепко. Объясни им всё, а вырастут – простят своего папку...

Если захочешь ответить, пиши мне, как писала ранее, только на имя Прохоренко Петра Андреевича, моего старого боевого товарища. Я тоже буду писать ему.

На том заканчиваю. Ещё раз прошу простить меня и не поминать лихом! Россия большая, людей добрых много, приживусь где-нибудь.

Крепко целую, любящий тебя Фёдор».

Евдокия, закрыв глаза, сидела молча, как окаменевшая. До неё не доходил смысл прочитанного, мысли путались в её помутневшем сознании.

– Живой Федя, живой! Но что там написано – без рук, без ног? Как это – без рук, без ног?!

Для Евдокии, работающей в госпитале, видеть покалеченных и изуродованных войной людей было делом ежедневным. Но представить своего Федю: красавца, с копной русых волнистых волос, которым завидовали даже женщины, балагура и танцора – инвалидом она не могла...

– И что он там удумал?! – Евдокия пришла в себя, и это вырвалось из неё на всю маленькую полутёмную комнату. Ленста вздрогнула от неожиданности и смотрела на мать своими большими глазами. Евдокия уже твёрдыми руками сжала письмо и вновь погрузилась в него. Прочитав его ещё и ещё, рассматривала его с обеих сторон, затем долго изучала конверт. И, глядя на дочь, будто спрашивая у неё, выдохнула по слогам: «Что-он-там-у-ду-мал?..».

Удивлённые глаза Ленсты стали ещё больше, и, на всякий случай, она приготовилась заплакать.

Евдокия, как замороженная, ходила по комнате, раскачиваясь, будто зверь в тесной клетке. Силы оставляли её, руки болтались, как плети. Она смотрела ничего не понимающими глазами и тихо стонала...

Окончательно испуганная Ленста выскользнула из комнаты и через некоторое время вернулась с тётей Зиной. С распущенными волосами, накинутой шалью на ночнушку, Зинаида двумя руками схватила Евдокию за плечи.

– Дуся! Дуся! Что случилось?

Евдокия долго всматривалась в глаза Зинаиды и, узнав её, с криком уткнулась в её грудь. Дав ей проплакаться, Зинаида повторила вопрос. Евдокия, немного успокоившись и утирая слёзы, чуть заметным кивком указала на письмо.

– Вот... Пришло... Почитай...

Зинаида обстоятельно, два раза прочитала письмо. Всё это время Евдокия и Ленста не сводили с неё глаз, словно ждали какого-то чуда.

– Да... Дела..., – только и смогла произнести Зинаида, сняв очки и разочаровав всех своим ответом.

– Так что же делать, тётъ Зин? Ехать к нему – куда? Да и работа, дети... Надо писать. Да, надо срочно писать ему! Чего выдумал! Живой, и слава Богу! Выдюжим с Божьей помощью...

– Правильно говоришь. Я бы своих сынков и такими бы встретила. На коленях бы встретила! И носила бы на руках всю свою оставшуюся жизнь! Так что успокойся, выпишись, а завтра и отпишешь.

– Да она ещё и не ела, – робко вставила всё ещё ничего не понимающая Ленста.

– Ну, тем более. А утро вечера мудренее...

– Нет, тётъ Зин, не заснуть мне теперь! Сегодня отпишу! А ты иди спать, самой вставать ни свет, ни заря.

– Так может остаться мне? Как скажешь...

– Да нет, спасибо тебе! Ленсту, вот, уложу, поем и отпишу...

На том и порешили. Поцеловав девочку и обнявши Евдокию, Зинаида потихоньку пошла к себе.

Ленста молча и вопросительно смотрела на мать.

– Ранили папку нашего фашисты проклятые. Сильно ранили. В госпитале он сейчас, лечится. – Более Евдокия решила не говорить дочери ничего.

– А лечит его такая же тётенька, как ты?

– Да, как я. А ты ложись спать, горе ты моё луковое. А я напишу письмо папке, что мы его любим, чтобы он поскорее поправлялся и возвращался к нам домой...

Уложив дочь, забыв о еде, Евдокия вырвала лист из тетради, достала ручку из пенала Ленсты, долила чернил в чернильницу и принялась писать письмо. Трудно, да и невозможно было передать бумаге всё, что она хотела сказать мужу. Ей было бы легче птицей вылететь из комнаты и через километры тьмы и распутицы, через неведомые ей страны долететь к своему Фёдору и забрать его с собой. Большая клякса вернула Евдокию к действительности. Перо ручки предательски скрипело и цеплялось за бумагу, поэтому она решила писать карандашом.

«Здравствуй, мой любимый и единственный муж Феденька! Письмо твоё получила. И как же ты мог додуматься до такого при живых жене и детях?! Ты жив, а это самое главное! Я и дети очень любим тебя и, как прежде, ждём! Все эти проклятые годы я только и жила тобой, а ты... Ведь сам писал мне в 41-ом: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...». Вот я и ждала. Мы все ждали.

Ну, что сейчас поделывать? Вот война и по нашей семье ударила. Но у других-то ещё хуже! У нас уже полбарака похоронки получили...

А тебя мы выходим! И на ноги поставим! Сейчас, вон, какие протезы делают! А ты у меня сильный и герой – всё выдюжишь! И будем мы опять вместе! Так что гони мысли дурные от себя прочь! Мы с тобой ещё и цыганочку, и вальс в клубе станцуем!

А надо, извернусь с работой и детьми и приеду к тебе. Только сообщи, куда.

Очень любим тебя, родной наш и единственный! Много раз все целуем и ждём!

Твоя любящая жена Евдокия».

* * *

Джувльбарс лениво возлежал на молодой траве и нежился в лучах уже набравшего силу майского солнышка. Пёс с удовольствием потягивался всеми своими мощными лапами, подставляя солнцу то один, то второй полинялый бок. Весна вновь принесла Джувльбарсу надежду на скорое лето и более сытное питание.

Ещё щенком его подобрал на улице Фёдор и принёс к себе домой. Назвали Джульбарсом в честь четвероногого героя одноимённого фильма, популярного в те годы, про доблестных советских пограничников и басмачей. Евдокия не была против – всё живность, да и детям было весело играть со смешной лохматой собаченцией. А когда Джульбарс подрос, стало ясно, что это будет крупный пёс. Фёдор изладил для него будку прямо под окном своей комнаты. Обитатели барака приняли и полюбили пса, который стал добросовестным и надёжным сторожем.

А потом что-то случилось. Был длинный стол на дворе, много людей, громкие причитания и плач, взволновавшие даже его собачью душу. Джульбарс помнил, как к нему подошёл Фёдор и, потрепавши его за ухом, сказал: «Ну что, прощай, друг! Свидимся ли ещё? Так что, остаёшься за старшего, приглядывай тут...». И Фёдор куда-то исчез, так же, как и большинство мужского населения их барака. Вот Джульбарс и приглядывал четыре года уже. Своих сторожил, а чужих грозно и громко облаивал. И скучал по своему вдруг пропавшему хозяину преданно – по-собачьи.

Вдруг нос Джульбарса нервно вздрогнул. Что-то очень знакомое и дорогое ему принёс свежий утренний ветер. Пёс вскочил и замер, вытянув шею и глубоко втягивая все доступные ему запахи, выделяя только один, знакомый ему ещё со щенков.

Было воскресенье. Главврач разрешил и даже приказал большинству персонала использовать выходной день по прямому назначению: побыть в семье, заняться домом, а главное – отоспаться. А приказы надо выполнять. Ленста и Стасик перебрались с полатей в койку к матери и, обнявшись, дружно решили поспать ещё часок–другой... Вдруг их сон прервал истеричный лай Джульбарса. Даже не лай, а визг и хрип от душащего его ошейника. Цепь, которой он был привязан к будке, гремела и обещала порваться...

– Он что там, с ума сошёл?! На кого это он так? Лен, встань, посмотри...

Ленста выпорхнула из тёплой нагретой постели и открыла окно настезь.

– Дядька какой-то... Па-па... Так это папа! Мама! Папа приехал! – и она, в чём была, пулей выскочила из комнаты. За ней с криком «Ура!» выбежал Стасик.

– Папа? Какой папа?.. – Евдокия присела в кровати и подтянула одеяло, будто хотела спрятаться от кого-то. – Как приехал?..

Голова закружилась, ей стало очень холодно, и её затрясло. На какой-то миг Евдокию парализовало, но дикий собачий визг и крики детей вернули её в чувства. Она медленно поднялась с постели и с трудом преодолела несколько метров в сторону двери. Что там за ней? Что она увидит сейчас? Евдокия взялась за ручку двери, но боялась открыть её. Она так долго ждала этой минуты, этой встречи, а сейчас вдруг испугалась её. Страшные картины с изуродованным мужем пронеслись в её голове...

Она слышала приближающиеся шаги и щебетание детей, эхом разносимые по ещё безлюдному коридору спящего барака. Вот они уже у их двери... Двери распахнулись, и ... на пороге стоял её Фёдор. О двух руках и двух ногах. С заливхватски надетой пилоткой, при наградах и с детьми на руках...

– Ну, что, мать, принимай нас! Аль не нравимся?

Лицо Фёдора сияло от счастья и радости. Выждав секунду, он сам подошёл к жене и обнял её. Так и стояли они, вчетвером, обнявшись, и целуя друг друга...

– Федя... Феденька! Ты?! Живой! Здоровый! – шептала Евдокия сквозь слёзы. Вдруг всё ушло в никуда: тяжёлые долгие безмужние четыре года, госпиталь, болезни детей, недоедание и постоянный страх за него – Фёдора... Евдокия, не жалея, выплакивала слёзы, которые ещё остались у неё после долгих лет разлуки. Плакала, тесно прижавшись к мужу, целуя его лицо и руки.

– Живой... Целый...

– Ну, ладно, от ваших слёз у меня гимнастёрка уже промокла... – отшучивался Фёдор, жадно целуя жену и детей.

– Феденька? А как же так?.. Ведь ты писал, что... – Евдокия немного успокоилась, сознание её прояснилось, и этот вопрос прозвучал как-то естественно, сам по себе... Она отступила от Фёдора на шаг и, глядя его по рукам, внимательно и настороженно осмотрела его.

– Потом, Дусь, потом. Всё тебе объясню. Позже. Ты уж, мать, сейчас меня прости и не гони...

А потом опять был длинный стол. Было много людей и много радости по поводу счастливого возвращения Фёдора. Было много водки и слёз по не вернувшемуся. Были гармошка и патефон. И нескончаемые расспросы, разговоры о фронте и жизни в тылу.

Поздним вечером детей забрала к себе Зинаида. И у Евдокии и Фёдора была долгая ночь. Ночь любви, слёз, разговоров о пережитом и будущем. А через положенный срок у них родилась дочь Людмила...

А о своём поступке Фёдор поведал следующее. В солдатской среде, ближе к концу войны, стало распространённым проверять жён на верность. Пишет солдат письмо домой: мол, так и так, покалечили меня да изуродовали. Что не мужик я более и не работник. И сидеть мне побирушкой остаток своей несчастной жизни на вокзале или в чайной с помятой кружкой у обрубков своих ноженек... И как бы не хотелось верить в это – зачастую жёны просили «калек» проезжать мимо дома. Кто-то под это дело признавался, что уже живёт с другим. Кто-то ссылался на нужду – мол, сама с детишками впроголодь, а тут ещё ты, нахлебником... Вот такие выкрутасы война с людьми вытворяла...

И какой леший надоумил Фёдора написать такое письмо? Ведь верил Евдокии, знал, что ждёт его и примет любого. То ли после очередного «отказного» письма кому-то из сослуживцев от «верной» жены, то ли в хмельном запале после наркомовских 100 граммов, поддался он и написал. А придя в себя, был готов порвать это письмо, но фронтовая почта уже сработала... И всю свою последующую, подаренную Всевышним, жизнь, Фёдор проклинал себя за ту секундную слабость и стыдился своего поступка. И благодарил судьбу, что не убили его, дав возможность вернуться к Евдокии, покаяться перед ней и попросить у неё прощения...

Обидно было Евдокии. Очень обидно. За себя, за всех жён, которые любили, верили и ждали. Обидно и больно за такую жестокую и злую проверку. За что? Почему? И ещё много лет эта обида слезой и комом в горле тайно от Фёдора возвращалась к ней. Но осознание, что всё позади, что «непутёвый» муж живой, целёхонек и вновь рядом с ней, брало верх над горькой обидой.

А потом была жизнь. Длинная, дружная и счастливая. У Евдокии и Фёдора родилась ещё одна дочь Аллочка. А об этом злосчастном письме вслух более никто в семье не вспоминал...

И только через много лет, лежа перед Евдокией на смертном одре, измученный жестокой болезнью – откликом далёкой войны, и всматриваясь в заплаканные родные глаза жены, Фёдор из последних сил прошептал ей: «Прости меня, дурака, за то...»

* * *

Вот такая история произошла в конце мая победного 1945-го года в далёком от фронта уральском Нижнем Тагиле – моём родном городе. История, о которой я, уже почти шестидесятилетний человек, узнал от своих родственников. Евдокия и Фёдор – мои бабушка и дед, а Ленста – моя дорогая мама...

Задумав этот рассказ, я задался вопросом: «А имею ли я право писать об этом? Я, не знающий перипетий военного лихолетья...». Наверное, да, имею. Но не для осуждения тех, кто поддавался смуте возбуждённых людей, на долгие годы оторванных войной от своих семей, и усомнился в любимом человеке. А ради благословенной веры в любовь и преданность. Во имя тех, кто дал святой обет верности и не изменил ему. Во имя тех, кто считает за честь познать верность и преклонить колени перед её хранящими...

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв родился 7 февраля 1948 года в городе Коростене Житомирской области (Украина). В 1972 окончил ВГУ (журналистика). Служил в Советской Армии, работал сторожем, электриком, грузчиком, сборщиком большегрузных шин, а также трудился в различных СМИ Воронежа, в том числе в журнале «Подъём». С 2003-го по 2009-й годы – главный редактор журнала «Воронеж». В настоящее время – редактор газеты Воронежского аграрного университета им. императора Петра I. Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года, прозаик, автор 9 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве.

А за окном – человечество

Повесть

«Как жаль, что мы теперь рождаемся взрослыми, и больше нет на Земле тех замечательных, наивных существ, которые зачарованно верили в Деда Мороза, нежно спали в обнимку с игрушками, ужасно боялись зелёных мух и Бабайки.

Их, кажется, называли детьми?..»

*Из мыслекниги «Былое и думы человеческого подсознания».
III тысячелетие V Галактической Эры.
Авторство ячейки ЮРXLG13.*

Одиночество среди зимы

Если с чем и можно сравнить особое, ещё толком никем не понятое состояние вдовства, в том числе и самими вдовцами, так разве что с человеком, у которого в подзимье сгорел дом со всеми потрохами: тут бы срочно ладить новый, а ни материала, ни сил и особенно желания нет даже в помине.

Говорю всё это уверенно, как вдовец со стажем, пусть и минимальным. Неведомо в силу какого закона мироздания, но по прошествии рубежного года после смерти жены я вдруг тревожно почувствовал в себе какой-то странный, навязчивый интерес к другим женщинам. Он глухо, даже как-то сердито нарастал во мне. Я начал внешне беспричинно часами блуждать по родным воронежским улицам, будто одинокий пёс в поисках пропавшего хозяина. И всё оглядываться по сторонам, оглядываться...

Однажды это неприкаянное беспарное бродяжничество занесло меня на какой-то партийный митинг. Была классическая январская фаза зимы. Мороз словно жужжал и искрил от напряжения, как мощный трансформатор, налитанный сильным током; снега броско, щедро рикошетили длинный серебряный свет. Честно говоря, я понятия не имел, зачем здесь оказался. Однозначно, что не в поисках национальной идеи. Кажется, я со стороны вообще был больше похож на некоего городского сумасшедшего образца начальной трети XXI века. Так что, чьи флаги сонно покачивались над куцей, искусственно сделанной толпой, уточнять не стану. Не суть важно. Но это вовсе не были адепты и неофиты, снедаемые возвышенной жаждой самозабвенной борьбы за народное счастье. Также ни слова о символике вязаной шапочки, которую я напялил на голову, приняв её в подарок из энергичных рук молодой, гладенькой партийной функционерши Кати с красивым решительным лицом.

– А это вам от наших боссов за участие в массовке! – с милой вдохновенностью улыбнулось мне яркое олицетворение очередного счастливого будущего моей многострадальной Родины, протянув ни мало, ни много пятисотрублёвую купюру. – Расписываться не обязательно.

– Приму партийное подавание при одном условии: мы с Вами эти деньжищи немедленно «продадим» в ближайшем кафе.

– Когда Вы там были последний раз? Этой «пятёрки» сегодня даже на одну порцию мороженого не хватит! – поморщилась Катя. – Давайте заберём мою Юльку из садика и сами организуем нечто вроде скромного семейного ужина. У меня дома. Вас дети не очень раздражают?

– Что Вы! – поспешил заверить я со всей мудрой зрелостью худо-бедно освоенного мной полувекowego возраста. – У меня внучка растёт! Лизонька! Пятый годик ей. Радость моя немереная!

Детоненавистники

Катя жила в блочной девятиэтажке эпохи развитого социализма. Гостям в таких домах главное вовремя задержать дыхание, чтобы проскочить в нужную квартиру до того, как с непривычки начнётся помутнение сознания – результат агрессивного влияния на организм здешней атмосферы. Она до задыха насыщена ароматами активного брожения в мусоропроводе и органических отходов любителей оправляться в подъезде.

Мне это удалось. Свидание с Катей меня как-никак вдохновляло. Я чувствовал себя почти её ровесником.

У Кати в квартире было мило и чистенько, не считая пятен на обоях и потолке от убиенных комаров. Я наполнил фальшивым красным вином выставленные нам чашки. Под него Катя подала какие-то размочаленные пельмени синюшного оттенка, которые стойко пахли горелой свиной щетиной.

Мы привыкли по нынешней кризисно-санкционной жизни не обращать внимания на такие мелочи быта и ели более-менее с аппетитом. Да ещё периодически воспитанно улыбались друг другу. И старались поначалу не замечать, как пузатенькая дочь Кати Юлька заботливо кормит игрушки сметаной из моей тарелки методом макания. Это несколько мешало мне вовремя закусывать и отвлекало от вдохновенного партийного разговора с Юлей о событиях в Сирии и Украине. А моя робкая попытка бодрым шлепком по вёрткой Юлькиной попке ограничить аппетит её мишек, монстров и русалок, закончилась дерзким басистым рёвом ребёнка сквозь густую паутину сопелек. Умоляюще улыбнувшись мне, Катя разрешила Юленьке побить «плохого дядю». Видимо, это был с её стороны проверенный педагогический приём. По крайней мере, он реально помог дитю успокоиться, после того как в меня с изумительной меткостью полетели кубики Рубика, трансформеры, фломастеры и даже обувь, не всегда детская и чистая. После такой артподготовки Юленька весело приступила к отвинчиванию моих пальцев.

Катя явно не только не находила во всём этом ничего странного, но происходящее даже умиляло её, вызывая нежный материнский восторг. Казалось, ещё минута и она сама бросится колотить меня вместе с дочуркой. Я чувствовал себя ни мало, ни много Франсуа Перреном из любимого кинофильма моей молодости «Игрушка».

И был мне голос свыше: пробормотав какие-то путаные лживые извинения, вроде того, что меня срочно ждут на заседании ректората, я неуклюже бежал. При этом мне, наконец, довелось сполна надышаться ароматами Катиного подъезда.

После всех этих испытаний мне было впору примкнуть к набирающему в интернете силу международному движению *childfree-childhate*, члены которого яростно тешат себя тем, будто они идеологически ненавидят детей и всё, что с ними связано.

Вот некоторые образцы их партийных программ:

– Я детей ненавижу: после одного часа пребывания с ними они начинают меня дико бесить. Они все время говорят-говорят-говорят-говорят сами с собой, с игрушками!!! Как придурки! Причём лепечут полный идиотизм!!!

– Меня дети просто истерят своей тупостью, бессмысленным смехом, гуканьем, гримасами, высовыванием языков, беготнёй, шилопопостью, беспомощностью, наглостью, невоспитанностью, бестактными словами и выходками, криком, соплями, энурезом и безудержным поносом. У меня к ним омерзение на геномном уровне, как, например, к мелким шавкам типа йорков, чихуа и китайских хохлатых – ну, никакого желанья взять в руки, потискать, посюсюкать: скорее, наоборот! Вообще моя мечта: деревня для тех, кто с детьми. Остальной мир будет чище и свободнее...

Не став новообращённым *childfree-childhate*, я, тем не менее, отныне, знакомясь с женщинами на предмет прерывания своего вдовства, теперь внимательно интересуюсь, есть ли у них несовершеннолетние отпрыски. Многие дамы, как видно в силу жизненного опыта, сами первыми спешат известить, что они не обременены ни малолетними детьми, ни тем более внуками. Даже раньше, чем заверят вас в своей материальной и жилищной независимости.

Яростный стройотряд

Точной статистики, вернее, вовсе никакой нет насчёт того, при каких обстоятельствах имеется вероятность через двадцать лет случайно встретить на улице бывшего сокурсника или сокурсницу. Мир был тесен только до изобретения автомобиля.

Мы с Зоей встретились на середине одной из центральных нагорных воронежских улиц. Изначально с XVII века она звалась Публичной за здешнюю людность, а к 300-летию царствующей династии стала Романовской; в 1917-м как красный флаг над ней поднялось новое название – улица Свободы. А после загадочного убийства Сергея Мироновича Кострикова (партийный псевдоним – Киров), она поныне носит его имя в трепетном ожидании новых знаковых событий в российском мире.

В то утро я привычно спешил по Кирова в областную Думу читать для депутатов лекцию о том, как Воронеж при Петре был одно время столицей России; в тот же час и ту же минуту кандидат психологических наук Зоя Витальевна Разумная шла из Думы по противоположной стороне улицы от уполномоченного по правам человека с заседания комиссии по помилованию. У неё даже дипломная работа, если память мне не изменяет, была по теме этой нынешней общественной нагрузки – «Лев Толстой и Владимир Короленко о смертной казни».

Не знаю, сколь успешно работала сегодня их комиссия в тонкой области амнистирования, но одного человека сегодня Зоя Витальевна однозначно помиловала. Им был я. А помиловала она меня неожиданно-негаданно от надвигающейся самым роковым образом казни одиночеством – одного из самых изощрённых и дерзких форм уничтожения мыслящей материи.

Последний раз мы виделись с ней в Чехословакии на пражском Карловом мосту – тому минула бездна времени по любым системам времяисчисления. И хотя сей мост благополучно стоит поныне седьмой век, Чехословакия давно приказала всем нам долго жить.

Я узнал Зою по голосу. Он менее всего изменился у неё со студенческой поры. Мягко густой, словно полнозвучно бегущий по перекатам, мерцающий... *merzay... Mezzo-soprano...*

– Да погодите вы!.. – мило покрикивала она с противоположной стороны улицы на автомобиле, в тщетной надежде притормозить их возле «зебры», напминавшей лестницу, перекинутую через улицу.

– Зоя?!! – с таким восторгом крикнул я, что движение на Кирова немедленно прекратилось: как автомобильное, так и пешеходное. Возможно, я на какое-то мгновение неведомым образом нарушил все законы гравитации и, шаркнув подошвами, воспарил над плиточным тротуаром.

Мы сбежались с Зоей на середине улицы.

– Серёжа! – яркие золотистые веснушки огнисто брызнули с её лица во все стороны – она искристо пыхнула улыбкой-фейерверком. Памятной мне ещё со студенческой скамьи. Сегодня я бы сказал, что эта улыбка Зои – её физиогномический бренд. Хоть патент на него оформляй.

Узнав меня, кандидат психологических наук госпожа Зоя Витальевна Разумная вся словно затрепетала: такой эффект создал эротически настроенный ветер, резвясь под её лёгким, бурно запузырившимся платьем. Будь оно красным, Зоя, да простятся мне такие сравнения, могла показаться Жанной д'Арк на вспыхнувшем костре.

Мы никогда не были отчётливо влюблены: ни пока учились в эпоху торжества развитого социализма в знаменитом воронежском ВГУ имени Ленинского комсомола, ни когда играли в легендарном театре миниатюр Льва Кройчика или оказались вместе там, где все влюбляются друг в друга: на так называемой «целине» в колхозе-миллионере «Заветы Ильича». Наверное, потому, что мы были заняты слишком прозаичным для нас с ней делом: я с шести утра до десяти вечера ударно строил свинарники, Зоя с удивительной для городской интеллигентной девочки из классической профессорской семьи великолепно готовила для бойцов «щи да кашу» в чистом поле на кособокой печи, точно на пепелище.

Сейчас от свинарников остался только раскрошенный фундамент, а от колхоза-миллионера – заброшенные пахотные земли, словно натура для кинофильма об обезлюдевшей планете. Но я тогда за «трудовой семестр» так-таки приуспел успешно заработать себе на знаменитую чехословацкую красную «Яву» (1100 советских «рыжих» рублей), а жене Марине на блестящую чёрную каракулевую шубку (1000 рублей) – этой номенклатурной невидалью я сказочно отоварился в подвальном распределителе Кремлёвского Дворца съездов на Всесоюзном слёте стройотрядовских ударников. Партия разрешила это комсомолу со снисходительной старческой улыбкой... В гроб сходя...

Первые несколько минут мы говорили с Зоей непрерывно. О чём, даже не помню. Наверняка о сокурсниках, ещё раз о них же и, само собой, о падении мировых цен на сырую нефть и первом на Земле памятнике Маршаку возле воронежской «пролётки» – таким именем мои остроумные земляки ещё в годы СССР окрестили кинотеатр «Пролетарий», торжественно названный так советской властью в честь передового отряда человечества – революционного класса-гегемона. Однако на латыни, чьи слова лежат в основе почти всех наших более-менее умных выражений, *proletarius* есть всего-навсего лица «неимущие». А изначально в годы первой мировой войны этот наш центральный синематограф назывался более человечно, но тоже как-то неказисто – «Увечный воин».

Слово за слово, я подвёл Зою к более сущностному вопросу: «Ну, а ты-то сама как?» Ответить на него порой сложнее, чем объяснить природу Большого взрыва или эпидемической вспышки однополых браков в благополучной Европе. «Как ты?» многих ставит в тупик, вводит в ступор, лишает дара речи, пресекает дыхание и так далее. Однажды наша профессор кафедры русского языка Елена Михайловна Урицкая на новогоднем фуршете раскрепощённо поведала, что на сакральное «Как ты?» существует около 100 вариантов светского ответа: дела идут, контора пишет; лучше, чем вчера; дела идут, жизнь кипит; всё в порядке; как обычно, всё отлично, живём и радуемся; лучше всех; всё просто замечательно; настолько отлично, что хочется танцевать (петь); великолепно, восхитительно, потрясающе, как в красивом кино; как в книге о настоящей любви; как в сказке; офигенно; летаю на крыльях счастья; я на седьмом небе; как в раю; весна в душе; порхаю, как бабочка; счастлив (а), как никогда прежде. И так далее, и тому подобное.

Ни одним из этих вариантов Зоя не воспользовалась. Как-никак она была автором бестселлера «Как гармонично жить в мировом хаосе» и преподавала в академии МВД психологический спецкурс по борьбе с массовыми беспорядками. В отличие от меня, защитившего когда-то в СССР кандидатскую диссертацию по истории на тему «Роль стенной печати в разгроме немецко-фашистских оккупантов».

– Как я?.. – Зоя робко улыбнулась, но глаза её при этом контрастно построжели. – Мужа похоронила... Год назад.

Связующая нить...

– У меня жена умерла. Тоже год назад...

– Марина? Из техноложки?

– Другой не было.

– Мои соболезнования...

– Взаимно.

Водители суетливо притормаживали возле нас: кто безопасности ради, кто рывкнуть какую-нибудь гадость. Наш светский раут на проезжей части явно не всех автомобилистов устраивал.

– Пора бы нам разбежаться... – вздохнула Зоя.

– Пока не побили... – усмехнулся я.

– Будет настроение, звоните, Сергей Владимирович...

– На деревню бабушке?

Поспешно обменявшись визитками, мы машинально обнялись. При этом у меня было ощущение, будто я ждал этого соприкосновения всё время нашего разговора. Может быть, даже всё время с тех давних советских студенческих лет, когда увидел Зою впервые. Девушка была она очень даже. Виртуально магическая. По тогдашней классификации – «тургеневская», то есть рождённая любить не по-земному. В общем, утончённая барышня с классическими пропорциями Афродиты Праксителя и словно овеванная чувственными ароматами июльского лугового разнотравья. Ей бы позировать знаменитому Ричарду Джонсону, а она стала поварихой в стройотряде «Верный ленинец»...

...После фейерверка взрывных политречей и звонких агиток-речёвок я на правах командира вручал бойцам-ударникам паспорта-разрешения на работу. Своего рода пропуск в светлое будущее развитого социализма. Особенно долго тряс Зоины нежные руки, удостоенные созидать на полевой кухне наваристые щи и полуметровые макароны по-флотски, похожие на гигантские пиявки, побледневшие от страха перед нашим стройотрядовским трудовым аппетитом.

А вокруг тяжёлый бархат красных знамён, над головами пылает песня Градского «Яростный стройотряд», – и Зоя прекрасно идёт прочь сквозь наш фонтанирующий комсомольский энтузиазм на уровне политической оргии. Идёт в то реальное будущее, где мы через многие десятилетия встретимся вновь, но уже словно на другой планете.

До сих пор взволнованно помню её пронзительно синее радостное платье и гордый звук каблучков. Банально? Дай Бог вам иметь в вашей жизни хоть одно подобное воспоминание.

Минута истины

Я вернулся на свою сторону, едва не поставив на дыбы все автомобили. В кривых зеркалах подсознания я сейчас видел себя едва ли не Кинг-Конгом в тот момент, когда эта доисторическая животинына прорывается в город и пытается найти среди тупых небоскрёбов свою Энн. Естественно, круша всё на пути. Его дерзко атакуют вёрткие американские ястребки Curtiss F8C-5 Helldiver. В сопливо-печальном финале над мёртвой тушей расстрелянного Конга звучит слащавая голливудская фраза: «Его убили не самолёты. Чудовище убила Красота». Явно имелась в виду замечательная внешность актрисы Наоми Уоттс. Вообще она в этом плане очень даже ничего. Ко всему ещё и посол Доброй воли, вегетарианка, дважды на Оскара номинировалась. В общем, моя фантазия разыгралась круче, чем у Питера Джексона, когда он снимал легендарный ремейк своего «Кинг-Конга». Просто-таки по-пацански разыгралась.

Зоя поэтически шла по другой стороне в одном со мной направлении. Моё боковое зрение ни на миг не теряло её из виду.

Так продолжаться бесконечно не могло.

Я остановился. Зоя сделала то же самое. Мы помахали друг другу и, не сговариваясь, снова пошли навстречу. Как замороженные. Естественно, не обращая никакого внимания на отсутствие лежащего частотола «зебры». Мы ещё раз создали такой автоводооборот, от которого даже камеры дорожного слежения растерянно отвернулись.

– ...!!! ...!!! ...!!! – звучала в наш с Зоей адрес без всякой распевки слаженная матерная партия возмущённых автолюбителей. Самый настоящий хор блатных и шайки нищих на преступно дорогих машинах. Из грозового облака их вселенского рёва карающими молниями Зевса стремительно падали блистательные нецензурные молнии возмущённого водителя продуктовой «Газели» с креативной надписью на фургоне «Если хочешь быть атлетом, хлеба ешь зимой и летом!» Я невольно отметил, что, судя по всему, весной и осенью их фирма предлагает покупателям разгрузочное полугодье.

– Ты что-то забыл мне сказать, радость моя?.. – щедро улыбнулась Зоя, и снова будто зазвенели, разлетаясь, её весёлые веснушки.

«Минута истины не выбирает место для наступления своего часа».

Кажется, я машинально родил нечто вроде афоризма, но выговорить его так и не смог.

– У тебя психосоматический ступор? – вкрадчиво заметила Зоя.

– Если бы... – издал я носом некое подобие самобичующей насмешки. – Всё гораздо проблемней. Меня только что озарило: оказывается, я был в тебя всю жизнь тайно влюблён.

– А сейчас увидел меня такую, далеко не юную, и поморщился...

– Зоя-Зоенька, почему мы не встретились раньше? Я в своём одиночестве столько глупостей наделал.

– Я бы стала очередной...

– В любом случае, мне кажется, что настал наш час. Может быть, даже звёздный.

– Ты уверен?

– А почему нет? Кстати, именно сегодня ночью созвездие Цефея пошлёт землянам настоящий фейерверк. Падающих звёзд хватит все наши желания не только загадать, но и реализовать не откладывая.

- И что ты предлагаешь?
Я простодушно улыбнулся:
– Поездку ко мне на дачу. Там весьма комфортно беседовать с небом. И друг с другом. Когда над головой рукав Млечного Пути, точно дым галактического костра.
– Ты часом не звёздный пришелец?.. – усмехнулась Зоя.
– Просто устал жить без любви.

«Помолчим о любви...»

Когда мой истинный француз Renault Megane Extreme с элегантным достоинством взял курс на дачный кооператив с праздничным названием «Салют», я взволнованно восчувствовал близость завершения моего тягостного гештальта вдовца.

Нынешнее состояние моей «фазенды» вполне соответствовало переживаниям её овдовевшего хозяина: матёрые сорняки типа канадской лебеды и канатника Теофраста, заросли жизнелюбивого терновника и змеистые кусты одичавших роз, ошипованных в панк-стиле. Из высоких зарослей рудбекии, похожей своими ярко-жёлтыми цветками на маленькие подсолнухи, меня поприветствовал сердитым хрюканьем мокроносый старожила-ёж Борька – существо, как и я до дня сегодняшнего, одинокое, с затупившимися седыми иголками.

Готовясь к ужину, я первым делом старательно вытряхнул мертвенно-пыльные чехлы с дачной мебели. Для создания ретро-романтической обстановки кинул на стол белоснежную кружевную скатерть, связанную ещё моей мамой Татьяной Яковлевной в годы далёкой гагаринской эпохи – с тех пор она в нашем доме стала символом большого и радостного праздника. И поленца для традиционного дачного шашлыка я взял не абы какие, а самые знатные, наиважнейшие, – грушевые, кои лежали у меня в душистой вязанке дров особо, отдельным рядком.

Нет лучшего места и лучшей минуты для отрадного разговора, чем возле таинственно, словно из ничего, мистически оживающего в потёмках огня...

– У меня такое ощущение, что мы с тобой никогда не расставались и всю жизнь были рядом... – вздохнула Зоя.

Я осторожно усмехнулся:

- Когда я узнал, что ты вышла замуж, то получил ощутимый укол ревности.
– Со мной было то же самое относительно твоей Марины...
– Неужели мы предчувствовали, что доживать свой век будем вместе?
– Во-первых, разве это уже решено? А, во-вторых, как плохо звучит – доживать... Почти как дожёвывать. Я может быть и соглашусь быть вместе, но только при одном условии – жить и не тужить!
– А ты не забыла нашу встречу в Праге? Кажется, было самое начало горбачёвской перестройки. В СССР свирепствовал сухой закон. А там, в Чехословакии, на каждом шагу такое отменное пиво!..

– Карлов мост! Да, всё в памяти... – Зоя бережно взяла мою ладонь и приложила к своей щеке. – Столкнувшись двум бывшим сокурсникам нос к носу не в родном Воронеже, а за тысячи километров от него! Твоя жена тогда, кажется, застряла в магазине, а мой муж вовремя увлёкся в трактире дегустацией «Старосмиховского»! Слушай, судьбе просто нравится устраивать для нас неожиданные встречи! И я от души благодарна ей...

В час близкий к полночи я торжественно взял Зою Витальевну под руку, и мы сошли по крыльцу моей хибары под звёзды. Словно заступили в театральный зал, где на сцене сейчас будут давать представление сами небеса.

– Этот домик на тихой воде.
Мы к нему глубиной причалим,
Весь в зелёные ветви одет,
Так радушен – до слёз, до печали... –

деликатно вздохнула Зоя.

Августовский мрак отяжелел стылой сыростью близкого Дона, чёрным запахом прогоревших углей костра и бледно-розовым ароматом вызревших к Спасу яблок. Густота ночи такова, что каждый шаг даётся с напряжением.

– Постоим у вечерней воды...
Это – август! Созрели плоды...
Мы полжизни его дожидались.
Постоим, помолчим о любви,
О которой и в снах не сознались.

– Зоенька, не врублюсь: ты что-то своё читаешь? – сказал я, положив ей руки на плечи.

– Психологов нельзя пускать в поэзию. Они сразу превратят её в тест. А эти стихи я где-то прочитала. Правда, замечательные?

– Более того.

– Кстати, автора я случайно запомнила. На мой взгляд, это самый тонко чувствующий поэт нашего времени. Только жаль, что она, как и я, – тоже Зоя. Только Колесникова. Плохое у нас с ней имя... Как вспомню судьбу Космодемьянской...

– Тогда подключи к своей мрачной антропонимике святую Зою Атталийскую. Катулл сжёг её вместе с семьёй. А святая Зоя Римская? Замучена язычниками. Но была ещё преподобная Зоя Вифлеемская. Вот она умерла своей смертью. В монастыре.

– Уже нечто... – смущённо обняла меня Зоя.

Матёрые звёзды пламенно жили над нашими головами своей великой вселенской жизнью. Неспроста они считались у даосов божествами, а конкретно Полярная звезда для древних китайцев так вообще выполняла роль господ Неба и Земли. То бишь, всего Сущего. В любом случае городского человека надо регулярно оставлять наедине со Вселенной. Прочищает мозги, поверьте.

Я поцеловал Зою. И тоже смущенно, но по нарастающей. Поэтому про её Вифлеемскую тёзку мы вспомнили не скоро.

– Ты что-то про блудницу собирался поведать «блуднице»... – переведя дыхание, напомнила Зоя.

– В общем, представь... – наморщил я нос. – Древняя Палестина. В пустыне двадцать пять лет в подвигах и безмолвии одиноко живёт святой Мартиниан-целитель. Однажды к нему является беспутная женщина. Она поспорила со своими друзьями, что влёт совратит отшельника.

– Класс! Я, кажется, догадываюсь, что произошло дальше.

– А дальше она, сославшись на ненастную погоду, попросила ночлега. Мартиниан её впустил. Зоя скинула потрёпанный хитон и предстала перед святым в дорогих соблазнительных одеждах.

– А что если и вовсе без них? – почти весело посочувствовала Мартиниану Зоя Витальевна.

Я развёл руками:

– Какая разница! Всё равно Мартиниан вышел из кельи, разжёл костёр и мужественно встал босыми ногами в пылающие угли.

– Господи! – вздрогнула Зоя и, кажется, перестала дышать.

– То-то и оно! Блуднице тоже стало не по себе. Упала на колени, принялась слёзно вымаливать прощение. Дальнейшее тебе известно.

– Трогательно, весьма... – тихо вздохнула Зоя. – Кстати, кто-то из наших словесных классиков, кажется, украл для своих нужд этот сюжет из сказаний?

Я не успел назвать графа-сластолюбца, безуспешно и не очень серьёзно боровшегося со своей похотью, как вдруг с северо-запада из-за горизонта в полной тишине стремительно вырвался яркий комок оранжевого огня. Чиркнул пламенисто по небосводу и беззвучно канул за зубцы далёкого задонного леса. Он как будто чрезвычайно спешил, озабоченный особой миссией, к которой мы с Зоей вкупе со всем человечеством не имели ни малейшего отношения. И не должны иметь.

– Самолёт!!! – по-девчоночьи вскрикнула она.

– Нет, Зоенька, это совсем другое... – сдержанно сказал я тоном человека, особо приближённого к знанию сугубых тайн мироздания. – Ни звука, ни фонарей... И летел он быстрее быстрого. Таких скоростей мы ещё не знаем.

– Мы – это человечество?

– Вроде того.

– А как тебе, милый, версия со спутником?

Я поцеловал Зою. Но не за версию, а за одно нечаянно вырвавшееся у неё слово. Правда, было так темно, что губы мои ткнулись ей в затылок.

– Спутники летают по другим траекториям. Включая международную космическую станцию.

- Значит, это твои цефеиды!
- И близко не из той оперы. Те сыпятся бледным веером.
- Я ещё раз бдительно, по-хозяйски, оглядел беременно отяжелевшее звёздами небо. Так старательный фермер оценивает свои поля, вызревшие славно пшеничкой или рожью.
- По-моему, ты только что видела самое настоящее НЛО.
- С инопланетянами?
- Возможно.
- Господи, а что им здесь надо?
- В другой раз обязательно у них спросим.
- Как жаль, что с нами нет Славика... – шепнула Зоя и, прижавшись спиной к моей груди, замерла.
- Вот бы ему было интересно!
- А что это за незнакомая мне личность?
- Мой внук. Мой золотой мальчик...
- Школьник?
- Последний год в детском садике... – с едва сдерживаемым умилением проговорила Зоя.
- Кажется, она почувствовала моё некоторое напряжение в связи с этой информацией. Хотя я сам этого в себе тогда не заметил. Вернее, почти не заметил... Стоим себе и стоим. Полуобнявшись. Ночь загустела. Туман в долине Дона тайно вызревает.
- Не волнуйся... – шепнула Зоя. – Мой внук нам помехой не станет. Живёт с мамой-папой. Зять у меня человек обеспеченный. Более чем. Всё там нормально.
- Проницательность женщин не знает предела.
- Познакомишь?
- Со Славиком?! – радостно напряглась Зоя.
- И с ним, и с его родителями.
- Само собой. Как-нибудь. А ты любишь детей?..
- По крайней мере, я не «чайлдфри». У меня сын, внучка Лизонька четырёх лет. С половиной...
- Как здорово! И как эта очаровашка тебя называет?
- Господи, что может быть в этом интересного?
- И всё же...
- «Деда»... – несколько стусевался я.
- Класс!
- С точки зрения Фрейда или Юнга?
- Моей тебе достаточно?
- Вполне.

Бессмертие для человечества

Мы недолго решали, где начнём нашу новую жизнь: на неделе Зоя переехала ко мне в Берёзовую рощу – мы ещё тешили себя тем, что это элитная зелёная зона Воронежа. Несмотря на то, что её уже стеснили многочисленными новостройками, а через поля крест-накрест раскинули скоростные дороги, на которых с первого дня начали регулярно биться автомобили. Чаще всего самые дорогие, у водителей которых было более чем достаточно бабок купить права и бесппроблемно менять своё авто после первой же царапины.

– Где фотография твоей Марины? – это были первые слова Зои Витальевны в моей квартире, когда она с некоторым внутренним напрягом преодолела мой коридор, охраняемый тотемной семейной шкурой огромного бурого камчатского медведя.

- Убрал. Вчера.
- И стыдно не было?

Бегунок её чемодана «вжикнул» как пуля у виска: Зоя Витальевна нежно достала портрет своего покойного мужа и бдительно оглядела на предмет возможных повреждений при переезде. Таковые не обнаружались.

- Серёжа! Поставь их рядом.

В таких вопросах лучше с психологами не спорить.

За крылато распахнутым столом нас ждал праздничный ужин, исполненный стараниями вдовца: густое крошево утонувшего в фальшивом майонезе салата «Оливье» и куриные грудки, запечённые с последними остатками попавшего под наши ответные санкции литовского сыра Дваро.

Почему ни слова о спиртном в такую особую минуту? Из советской стройотрядовской жизни я и Зоя Витальевна навсегда усвоили заповедь работать и веселиться по-трезвому.

Когда мы торжественно сели за стол, вдруг раздались, нарастая, знаменитые элегические аккорды шопеновского этюда «Нежность». В старательном исполнении Зоиною японского смартфона. Для меня он в эту торжественную минуту прозвучал почти как свадебный марш Феликса Мендельсона. Кстати, брачующимся россиянам его подарил октябрьский госпереворот. С того времени народ-строитель социализма стал выходить замуж и жениться с помощью государственной регистрации. А в царской России признавалось лишь церковное венчание. Исходя из всего этого, вполне можно рассматривать марш Мендельсона ещё и как богоборческое произведение. По крайней мере, после его создания в 1842 году автор вскоре умер...

– Слушаю тебя, мой золотой мальчик! – вдохновенно проговорила Зоя в микрофон вкрадчивым, поцелуйным голосом. Словно ведущая телепередачи «Спокойной ночи, малыши». Таких интонаций я за ней ещё не знал. – Радость моя ненаглядная скучает по мне?! – в её голосе продолжала нарастать яркая нежность, родственная женственному изяществу шопеновской «Нежности». Она же – «Сад Эдема».

– Где мой портрет, который ты так замечательно нарисовал? Тот, где я похожа на кубик Рубика?.. Он со мной. Нет, деточка, я не потеряла его. Я буду хранить его очень долго...! Ох... Славик хочет, чтобы я никогда-никогда не умирала? И этот чудесный мальчик сегодня же слепит из пластилина для меня таблетки вечной жизни? Ты – мой гений! Твои любимые шоколадные трубочки уже ждут тебя в холодильнике! Только не сердись на своих родителей, что они не дают тебе смотреть мультфильмы после двенадцати ночи! Потом дашь телефон маме, я популярно объясню ей, какой выдающийся сын у неё растёт и как тебе правильно подстригать ногти!

Зоя чмокнула свой перламутровый мобильник:

– Славушка! Я желаю тебе очень доброй ночи? И чтобы никаких ужасных снов про тёмного человека из кладовки! Скажи маме, пусть чаще там прибирает!

Её лицо раскраснелось вдохновенно свежо, лучисто. «Какая она красивая!» – с радостью признался я сам себе. Мой процесс влюбления в Зою усиленно продолжался. И кажется, конца-краю ему не будет. Словно я начал движение по бесконечной ленте любви имени уважаемых господ Мёбиуса и Листинга.

– Это мой Славик позвонил... – окрылённо объявила Зоя Витальевна.

– Догадался... – хмыкнул я.

– Не сердись! Понимаю... – вздохнула она, молитвенно зажав мобильник в руках. – Лопочу несусветицу! Но несёт меня, несёт!.. И как иначе? Ты знаешь, что сейчас озвучил мой внук? Он будет до утра вместе с мультфильмовскими Фиксиками придумывать для меня таблетки бессмертия!!! Но когда сделает их, то обязательно поделится со всем человечеством!

– Какие таблетки? С каким человечеством?.. – затупил я скорее всего под расслабляющим влиянием давно забытого во вдовстве чувства застольной доброй сытости.

– Сейчас спрошу у Славика! – объявила она: – Да, деточка, поняла! Да, я так и скажу дяде. Какому? Потом объясню... Прости... – Зоя победоносно повернулась ко мне: – Таблетки вечности для того человечества, которое за окном! Вот так...

Я несколько заморочено кивнул. Как хотите, но за моим, честно-пречестно, никакого человечества не просматривалось. Вообще за окном ни души. В Воронеже второй час ночи. Лишь курносая половинка унылой городской Луны, словно детское личико в профиль.

Что мне оставалось: позавидовать всевидящему Славiku?

«Почитай отца твоего и мать твою»

Днями Зоя (само собой, с почтительной оглядкой на Фрейда и Юнга) набросала список тревожных вопросов, какие с точки зрения современной науки о душе чаще всего возникают к решившим пожениться пожилым (и не очень) одиночкам у их детей от прошлых браков: «Вам не поздно снова

начинать половую жизнь? Что, ещё не все силёнки потратили на нас? Лучше дружите с Альцгеймером и игрой в лото! Как же ты (она) можете допустить, чтобы кто-нибудь вероломно занял место наших папы (или мамы)?»

И, наконец, самая болезненная тема: «Ради чужой женщины (мужчины) ты готов (готова) уменьшить нашу долю наследства и поломать нам счастливые планы на будущее после твоей смерти?! Неужели старческие плотские утехы важнее нашего молодого счастья?»

При ответе на эти вопросы либеральная психология постперестроечного общества считает необходимым для родителей в обязательном порядке стоять перед детьми навтыжку и согласно кивать всем их возражениям. Разрешается и даже приветствуется подобострастно, фальшиво-бодренько улыбаться. Если же вы кондовые эгоисты и не готовы положить голову на плаху во имя счастья детей, вам остаётся ради бессовестного достижения узколичностного счастья, вдруг с дуру ума забрезжившего в конце тоннеля, правдами и неправдами убедить детей, что ваш поздний брак не является пропуском в вечную жизнь. Более того, истинно любящие супруги имеют необъяснимое наукой свойство умирать практически одновременно. Тем самым радостно избавляя детей от юридических хлопот с дележом наследства.

Чтобы эта сакраментальная мысль не звучала голословно, Зоя предложила подтвердить её свежим примером из Интернета. Ромео и Джульетта отдыхают.

«Трогательная история настоящей любви и верности произошла вчера в селе Истомино Аксайского района. Социальные работники, наблюдавшие за пожилой парой истоминских простых селян Павла и Анны Хмыз, во время очередного рейда нашли их бездыханные тела. Умершие старики лежали рядом на кровати и держались за руки. После экспертизы выяснилось, что сердца влюблённых перестали биться с разницей в пару часов. Первой умерла Анна Хмыз, её супруг скончался к вечеру. По словам священнослужителя Аксайского Успенского храма, смерть в один день – огромная благодать для супругов. Такой участи достойны только те пары, которые прожили свою жизнь в любви и верности».

Как вам такая информация в век однополых браков и не менее странной любви между чиновниками и олигархами на фоне празднично цветущей коррупции?

У меня, честно говоря, от подобного самоубийственного проявления пожилыми селянами взаимной привязанности, в груди что-то болезненно поднапряглось. Зоя так даже всплакнула и как-то явно вне образа продвинутого учёного-психолога. Чисто по-женски. То есть с охами-вздохами, пусть и сдержанными.

Вскоре мы встретились с нашими детьми – мой Саша и её Тоня. Я устроил всем нам прогулку по водохранилищу на теплоходе «Москва». Битый час мы с Зоей уныло глядели, как наши тридцатилетние отпрыски мгновенно превратились в самых настоящих детей. Я пожалел, что Лиза и Славик не видят сейчас этих великовозрастных балбесов типа родителей, которые детсадовски скачут по палубе, визжат и, вырывая друг у друга пакетик с чипсами, в прыжке кормят ими наглых чаек. Тонины пальчики с чёрно-белыми накладками при этом блистали как клавиши концертного рояля.

Явно лишние на этом празднике жизни, мы с Зоей спустились в буфет. Я первокласником плавал с родителями по Волго-Донскому каналу на таком же двухпалубном «речном трамвайчике». Вот как выглядел корабельный буфет гагаринской эпохи:

«Летняя утренняя Волга с ярким, парадно-белым кораблём на свежей и какой-то молодой после ночи воде. Мы на второй застеклённой палубе, где празднично пахнет буфетом. Это запах выходного дня: запах театра, цирка или фойе кинотеатра – тех мест, где мы обычно бываем по воскресеньям. Корабельный буфет пахнет шампанским, пирожными и ветчиной. Вообще он с его ребристыми пирамидами шоколадных плиток и сладкими оазисами маслянисто-восковых тортов явно напоминает языческий алтарь гурмана с соответствующим языческим иконостасом».

Я не тайный адепт призрака коммунизма, но что мне думать, глядя как сегодня на полках корабельного буфета рыночной эпохи уныло стоят латунные гильзы, начинённые искусственным пивным напитком, и лежат пахнущие соляжкой старые пирожки будто бы с картошкой и капустой, но на самом деле без ничего. И по цене, выросшей на расстоянии ста метров от берега уже втрое. А если мы ещё отплывём?

В конце прогулки уже на сходящих Саша догнал нас и помог Зое сойти на причал. Собственно,

мы без проблем могли справиться и сами. Так, играла лёгкая волна. Она смачно чмокала ржавый борт «речного трамвайчика», словно расцеловывала, радуясь благополучному возвращению старой посудыны.

– Папа, Зоя Витальевна, спасибо за морское путешествие! – радушно, каждой чёрточкой лица, улыбнулся мой Саша, как только один он умел. – А что касается вашего предстоящего бракосочетания... Нас с Тоней это ни с какой стороны не напрягает. Были бы вы хоть немного счастливы. Знаешь, что я Лизоньке всегда говорю, когда она перед сном начинает канючить, что хочет почитать под одеялом? Почитай отца и мать!

– Знакомые слова... – усмехнулся я. – Кажется, так любила говорить твоя покойная бабушка Шура?

Зоя прижалась ко мне:

– Это пятая заповедь... Ветхий Завет. Почитай отца твоего и мать твою. Чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе...

Письмо с войны

– А не пора ли мне познакомиться с твоим внуком?! – на днях решительно объявил я Зое. Щедро так произнёс, с широкого разворота души. Мол, знай наших. Мне сейчас даже Юленька показалась бы замечательной девочкой. Почти уверен. А то, что плюнула в мою тарелку и налепила мне в туфли липкую жвачку, – так с кем не бывает, господа?

– А ты уверен, что тебе этого хочется?..

– Думаю, так будет правильно. Учитывая наше приближающееся бракосочетание.

– Но если Славик тебе не понравится? Как та твоя Юленька?

– Во-первых, не моя. Во-вторых, на этот раз мне отступать некуда. Я люблю тебя.

Зоя взволнованно улыбнулась.

Польщённый, я вызвался вынести мусор. На обратной дороге заскочил в магазин и купил её внуку игрушечный автомат. Вернее, пластиковый бластер типа тех, что палят налево и направо в «Звёздных войнах». Он угрожающе стрелял пучками лазерного красного света и садистски орал на весь магазин: «Фаер!!! Фаер!!!» Перевод этого слова, надеюсь, никому не требуется. Огонь войны большой или малой появляется над Россией с достаточной регулярностью.

Я чуть ли не с гордостью нёс автомат к кассе. Расплачиваясь, озорно направил его на кассиршу. Вот где простор для психоанализа, чью бы методику вы не исповедовали.

Дома я заговорщицки поинтересовался:

– Зоенька, ты когда собираешься навестить своих ребят?

– Я у них почти каждый день бываю. А что?

– Хочу твоему внуку подарок передать. Типа почву подготовить для моей с ним встречи.

С этими словами я как заправский Терминатор продемонстрировал оглушающие и ослепляющие возможности китайской «стрелялки».

– Игрушек у Славы три короба, но оружие мы ему принципиально не покупаем, – строго сказал Зоя.

Мы с ней впервые оказались на разных полюсах. Она обняла меня: мы оба с любовью глядели друг на друга, но оба не собирались менять своё мнение.

– Милая Зоя, – вздохнул я. – Можно мне написать реферат, зачем пацанам просто полагается играть с оружием?

Она чмокнула меня в щёку:

– Я знаю и помню, что ты воевал в Афгане. И всё же, всё же... Славик очень впечатлительный.

– Вместо пацифиста у вас может вырасти пофигист.

– Любимый Серёжечка! Мы оба хорошо владеем искусством убеждения. Меня даже несколько раз приглашала полиция отговаривать самоубийц от последнего шага. За мной шесть спасённых жизней. Правда, ненадолго.

И я выслушал поучительную историю о том, как три дня назад отец Славика купил ему точную копию обреза знаменитого рычажного многозарядного Винчестера образца 1887 года. Того самого ружья, коим победно колошматили врагов всех мастей в киношных передрыгах Арнольд Шварце-

неггер, Николас Кейдж, Брендан Фрейзер, Дженсен Эклс и десятки других импортных знаменитостей из продвинутых вестернов и фантастических боевиков.

Паша тогда только что совершил успешную сделку. Состояться ей блистательно помогла, как всегда, талантливая подделка сертификатов на залежавшийся товар.

Преподавая Славику образец гениального боевого механизма от Джона Браунинга, отец был вдохновенно пьян. Однако на этот раз протрезвление наступило даже раньше, чем он принял контрастный душ и стакан воды из святого источника с пятью каплями нашатырного спирта. Сильнее всех этих радикальных средств оказалось внезапное, переворачивающее душу удивление Паши. Ничто до сих пор не производило на него такое восторженно-умилительное впечатление, как вдруг случившаяся немая сценка: его пятилетний «спиногрыз» (жаргон из босяцкого детства Паши) усердно сопя, запихал в дуло вороного ствола букетик пацифистски белых хризантем. «Мать!!! – вскричал всего лишь несколько часов назад оглушительно разбогатевший предприниматель провинциального розлива. – У нас что, какой-нибудь хреновой вазы нет в доме? Так я куплю!!! Хотите вазу из скифского золота?» – «Не хотим, папочка, – сказал на это Славик, строго покосившись на уже готовую заплакать маму. – Мне нравится, что я зарядил ружьё цветами. Оно теперь не такое страшное. И никто из него уже не выстрелит».

– Братцы-кролики, я – шалею!!! – воздев руки, Паша рухнул мощной спиной качка на вчера установленный в зале элитный белоснежно-кремовый диван LONDON, украшенный утончённо-фальшивыми стразами, – очевидный признак безудержно счастливой роскоши. Издав всеми своими механизмами и сочленениями, изготовленными в коммерческом воронежском подполье, гамму страдающих звуков, тот стойко выдержал удар, подтвердив ненадолго своё якобы итальянское происхождение, согласно поддельного сертификата, приложенного при покупке к чеку в две тысячи триста реальных долларов по курсу на 31 августа 2015 года – 66 рублей 48 копеек».

Убеждать Зоя действительно умела. Или просто я с радостью соглашался на всё, что исходило от неё?

Как бы там ни было, через волонтёров бластер эпохи звёздных войн в итоге оказался в детском приюте на Туполева у восьмилетнего беженца из Украины Миши Мамонтенко – луганчанина. Если хочешь найти Бога, посмотри сироте в глаза... На днях я через тех же волонтёров получил от него короткое письмо. «Спасибо вам, дядя, за подарок! Только я скоро совсем вырасту, вернусь на Украину, и мне дадут настоящее оружие, чтобы я мог отомстить за папу, маму и сестрёнку Олесю. Мы все цирковые были. В Киев на фестиваль ездили. Я уже мог на любой шпагат сесть и ухо пяткой почесать. Только теперь их никого нет в живых. Пошли они без меня к универмагу позвонить по мобильнику дедушке Василю в Харьков. Универмаг на холме, так что там связь лучше. Вообще они часто дедушке звонят. Всё просят разрешить приехать к нему жить. Здесь нам всем больше мочи нет. Каждый день взрывы, взрывы... Папа говорит: «Живём, как на передовой...» Но дедушка только злится и отказывает. Вы, мол, с москалями спелись, с агрессорами. Знать вас, вражин «колорадских», не желаю. В общем, там, на холме, в тот вечер много народу собралось звонить. А каратели прознали про это и в обход блокпостов ворвались в город на БМП. Да как начали всех из огнёмётов палить и ругаться! Но что выкрикивают – не понять. Они в основном литовцы и поляки. Когда вырасту, я каждого из них найду и тоже огнёмётом спалю за папу, маму и Олесю. Я так этого хочу, что у меня вчера даже седые волосы на чубчике появились. Наша воспитательница Светлана Сергеевна как это увидела, так на диван упала, и к ней «скорую» вызывали. Ох, да некогда мне. Извините. Надо бежать на полдник! Есть хочу! До сих пор никак наесться не могу...»

Я это письмо приберёг. Для Славика? Скорее, для себя. Чтобы я благодушно не расслаблялся в исторических глубинах и помнил, в каком веке живу, и что за представители человечества подозрительно суетятся у меня за окном.

Поцелуй Бога

Как бы там ни было, моя встреча со Славиком вскоре состоялась. В последние выходные дни сентября мы никак не могли пропустить поездку на дачу по причине особой. В ночь на понедельник двадцать восьмого около четырёх утра человечество ждало затмение суперлуны – тот пугавший наших далёких предков миг, когда её серо-серебристый пятнистый лик вдруг тревожно заволакивает

багровая муть. Ко всему Луна обещала к этому времени подлететь к Земле на самое близкое расстояние и блистать чуть ли не вдвое ярче. Последний раз мы с Зоей видели нашу столь масштабную небесную соседку на студенческой «целине» с крыши построенного нами свинарника в колхозе-миллионере «Заветы Ильича». Следующее суперлуние повторится лет эдак через восемнадцать. Само собой, независимо от цен на нефть, курса валют и того, кто станет очередным президентом Сирии или США.

– Давай возьмём с собой Славика?.. – аккуратно сказала Зоя.

– Какие проблемы?! – с радостью продемонстрировал я свою продвинутую толерантность в отношении существ детского возраста.

– Спасибо...

– За что?

– Просто «спасибо»... – вздохнула Зоя и как-то так по-особому внимательно поглядела на меня. Будто даже с некоторым сочувствием.

Меня ждало что-то неизведанное?..

По крайней мере, Зоя несколько смущённо предложила мне снять шкуру медведя, но я толком не врубился в потаённый смысл этих слов и вообще скоро о них забыл.

Славик оказался нормальным пятилетним дитём: разве что так худ, что почти тощ, костью наделён явно тонкой, а на голове среди светло-серых волосиков две пепельно-кремовые пряди – такое вот генетическое «мелирование» в отличие от ранней «мужской» седины луганского «фронтовика» Миши Мамонтенко.

– Это поцелуй Бога... – перехватив мой взгляд, благоговейно проговорила Зоя. – Он таким родился. Врач говорил, будто всё до года должно пройти. Да вот же... Только мы не горюем. Лермонтов в «Герое нашего времени» писал, что это признак породы. Другие видят в такой метке знак особенного и счастливого человека.

Славик напряжённо вздохнул и вдруг юркнул за бабушку.

– Здорово, пацан! – радушно воскликнул я эдаким славным дядькой Черномором, удалым великаном.

Славик молниеносно присел на корточки и вертляво спрятал голову между своих коленок.

– Стесняется... – нежно усмехнулась Зоя.

Её внук строго засопел, почти как мой дачный ёжик.

– Слава, поедешь с нами суперлуние смотреть?

Упёртое молчание. Славик затаился, словно исчезнув, как мультфильмовская Маша, напялившая шапку-невидимку.

– Я тебе в телескоп дам на звёзды посмотреть!

Это уже был серьёзный посул. Чуть ли не на уровне шоколадного «киндер-сюрприза».

Однако в ответ ни с того, ни с сего раздался тонкий, тщедушный плач. Он явно принадлежал Славiku. Побежал плач ручейком, переблёскивая слезинками. По сравнению с водопадом ора моей Лизоньки это было ничто, и всё же, всё же...

– Чего это он?.. – смутился я.

Зоя подхватила внука на руки. Он уже успел каким-то образом обречься с головы до ног. Даже на ботиночках мерцали «глазные капли»:

– Его пугают незнакомые слова! Он не знает, что такое телескоп...

– Знаю! – вдруг прорычал Славик. – Я просто писать хочу...

Он сделал настороженный шаг в сторону туалета, словно в той стороне его могла ждать встреча со всеми ужасами мира.

Да, они уже там!!! Вон когти чьи-то жутко блеснули! Какая зубастая пасть! Огнём пылает!!!

Славик с визгом прижался к Зое, как влип в неё. Будто хотел спрятаться внутри бабушки.

– Там!!! В темноте!!! Шевелится!!!

– Что шевелится?! – невольно насторожился я.

– О-о-о-н!!! – зажмурился Славик и отчаянно оцепенел.

С помощью поцелуев в одной ей известные особые места на лице и головушке внука Зоя лучше всякого Кашпировского сняла у него судорожное перенапряжение.

– Птенчик мой милый...

Вы не поверите, но я, включив свет в коридоре и туалете, принялся совершенно серьёзно оглядывать здесь каждый угол в поисках Страшно Жуткой Опасности. Как тот капитан-особист из КГБ, который в бытность мою в брежневскую эпоху машинистом сцены гарнизонного Дома офицеров, бдительно курировал эту культурно-массовую организацию, пропахшую кирзовыми сапогами. Перед партийными конференциями и съездами он осматривал в актовом зале все ряды кресел, трибуну, будку суфлёра и оркестровую яму. Капитан сам, не доверяя мне, акробатически забирался на пыльные колосники над сценой. Ни взрывчатка, ни снайперы ни разу им обнаружены не были. Только однажды измученному «особисту» на десятиметровой высоте попался похмелявшийся электрик Иван Максимович, пятидесятилетний старик в моих глазах. Тот сидел эдаким Цезарем, завернувшись по-древнеримски в багряный бархат занавеса. Перед ним на передовице газеты «Правда» – водка «Московская» с козырьком из фольги за 2 рубля 87 копеек, шестикопеечная городская булка с поджаристым гребешком и сочный, перламутровый окорок «Воронежский» – знаменитый поныне, но, как и все теперешние продукты, потерявший напрочь аромат и в значительной степени вкус. Особист, по словам Максимыча, дерябнул с ним «сотку», по-мужицки аппетитно закусил, ломко, мощно работая челюстями над сизожемчужной сладкой свиной косточкой, и на прощание благодушно повелел «особливо тут не шуметь».

Так вот дознание и следственный эксперимент, проведённый мной по горячим следам, убедительно показали, что Славика испугала распятая у меня в коридоре та самая медвежья шкура – бурая, с рыжеватым отливом. Под оскаленной мордой висела на ленточке, как спортивная медаль, убойная свинцовая пуля «жакан» – это она разорвала некогда сердце Потапыча. Изящные костяные дуги его когтей словно ещё были полны азартной жажды мстительной схватки.

Я запоздало вспомнил, что возле неё даже многих взрослых мужчин охватывала почтительная робость: у них тотчас тайно включались забытые детские страхи. А у женщин начинались какие-то глухие эротические фантазии на тему лесной встречи Маши и медведя.

В зависимости от моего отношения к гостям, я кому-то представлялся удачливым стрелком с брендом Тартарена из Тараскона, кому-то говорил правду – куплена Мариной с рук у цыган. Но и тем, и другим я зачем-то обязательно рассказывал отцовскую охотничью байку из бытности его командиром авиаполка на Камчатке. Над ней никто кроме меня не смеялся. Всех охватывало состояние знобкого страха.

...Как-то раз поехали доблестные камчатские пилоты на «Шишиге» (всепролазный военный ГАЗ-66) в тайгу зимой брать медведя. И мой родитель с ними азартно наладился. Добрались до берлоги, начали нетерпеливо будить мишку шестами. А когда тот с рёвом объявился на белый свет, кто-то один лишь успел пальнуть, да и то мимо, а остальные вояки – бегом назад, к машине. Само собой, и мой родитель. Доскакал до «газона», прыжком перемахнул в кузов... А там уже лежал, стиснувшись, кто-то из самых резвых на ногу охотников: как позже выяснилось начальник штаба, Герой Советского Союза, заваливший тридцать семь «мессеров». И заорал этот небесный ас дурниной под батиными медвежьими восемью пудами: «Я не стрелял!!! Я не стрелял!!!»

Я рассказал эту историю Славике. Чтобы через смех помирить его с Косолапым. Ещё я надеялся на благожелательную профессиональную реакцию Зои на такой мой свежий подход к воспитательно-патриотической теме. Само собой, фразеологию для истории про мишку я использовал с учётом Славиных пяти лет, а интонацию выбрал доброй мудрой сказки, учащей любви к животным. Поглядела бы на меня в это время блистательная Брижит Бардо. Хотя лучше не надо: на мне сейчас красовался классический французский ремень из натуральной кожи.

Не оценив моих педагогических стараний, Славик озарённо воскликнул, возможно, даже затмив знаменитый вопль «Эврика!», с которым когда-то выскочил из ванны Архимед:

– Ка-ка-а-а-ть!!!

Закрыв ладонью глаза внука, Зоя быстрым шагом провела его в туалет мимо моей тотемной шкуры.

В охранительном присутствии бабушки Славик, упоённо напевая мультяшный гимн Фиксиков, с удовольствием исполнил все свои насыщенные желания.

«Я люблю вас, звёзды!»

Мы приехали на дачу на закате. Я так специально подгадал. Мне радостно встречать или провожать Солнце. Горизонт напоминал склон голубоватой горы, а над ней короной стояло невиданное тройное светило. Словно из его переливчато блистающего диска неведомым образом родились ещё два таких же сияющих, огнистых отпрыска. Подобный акт солнцетворения называется паргелием – это один из видов гало, благодаря которому создается иллюзия того, что на небосклоне пылают несколько светил.

– Солнце радуется, когда видит меня! – гордо объявил Славик. – Мы с ним хорошо дружим.

Произнеся торжественный панегирик, Славка тревожно замер: он «усёк» в кустах высокой оранжевой рудбекии моего седого ёжика Борьку.

Визгливо хихикнув, Славик метнулся к нему. Когда их разделял один шаг, мой старина, презрительно хрюкнув, сноровисто исчез в густой цветочной поросли.

На даче на каждом шагу вас ждут замечательные поводы к приятным многоступенчатым размышлениям. Вот где есть пространство вольно растечься мыслью по древу. Скажем, та же Рудбекия *fulgida var sullivantii*. С виду банальный цветок, хотя немцы неспроста мило называют её «солнечной шляпкой». При всём при том родом она из Северной Америки, где кто-то из первых поселенцев (явно с испанскими корнями) в порыве нежности дал ей имя «Черноглазая Сюзанна». Рудбекией постановил быть этому цветку сам великий и несчастный Карл Линней в честь своего учителя и друга – шведского ботаника Олафа Рудбека. Карл отписал ему по этому историческому поводу с истинной величием гения, временно посетившего людей для наведения среди них маломальского порядка: «Для увековечивания славы имени твоего я назвал её *Rudbeckia*, по власти всем ботаникам, следовательно, и мне предоставленной. Она должна соделать имя твоё бессмертным и гласить о нём пред царями и князьями, пред ботаниками и врачами, пред всеми людьми, так что если мир весь умолкнет, то Рудбековы растения будут гласить о нём, доколе не пройдёт природа». И вот уже ассоциативные пути-дороги ведут ищущий истины неутомимый разум к судьбе и делам этого профессора Упсальского университета, известного ещё как первооткрывателя в 1653 году лимфатической системы человека и ко всему прочему пра-пра-прадеда Альфреда Нобеля.

Славик обиделся на неувливаемого ежа и, показав ему язык, переключился на соседского жутко интеллигентного красного ирландского сеттера по кличке Рич. Этих дружелюбных, аристократически плоских собак с прекрасными манерами сейчас в основном заводят не для охоты, а для игр с детьми. Рич благородно ринулся к Славику, и это было его самой большой ошибкой. Внук Зои поначалу попытался накормить его виноградом, упорно заталкивая кислые ягоды незрелой Изабеллы между тесно сжатых слюнявых клыков. Потом он решил его оседлать, далее – натравить на ёжика. А когда загонял псину до изнеможения, начал заставлять его раз за разом кидаться за палкой в донские пенистые волны.

Спасла дачную флору и фауну от Славика вдруг рухнувшая нам на головы плотная, звёздоносная тьма.

В конце сентября в наших краях Млечный путь как никогда великолепен. Когда у тебя над головой провисает его глубокое, словно дымящееся звёздным туманом вселенское русло, на него хочется молиться.

Даже Славика это мощное явление притормозило.

– Ух, как звёзды раскинулись... – строго вздохнул он, потряхнув своей «меченой» головушкой. – Их так много! У звёзд что, праздник?

– Да, мой золотой... – тихо, как в храме, проговорила Зоя.

– А какой?

– Тот, что ты к ним приехал в гости.

– Как здорово! – подпрыгнул Славик. – Спасибо! Я люблю вас, звёзды!!! Все-все-все!

– Как быстро похолодало... – вздохнула Зоя.

– Через пару дней октябрь, – уточнил я и вдруг театрально воздел над собой руки, словно собирался что-то или кого-то ухватить. – Вот это да! Такая звездища сейчас сорвалась! Смотрите!!! И ещё!..

– Не звезда, а метеорит... – хмыкнул Славик.

– Верно, парень. А ты знаешь, что если успеть загадать желание, пока он ещё не сгорит, то оно сбудется?

– Что-то слышал... – покачал он ногой, похожей на тростинку. – Так нам Наталья Васильевна говорила, воспитательница...

– Она у Славика самая авторитетная и любимая! – несколько ревниво уточнила Зоя. – Когда у Натальи Васильевны отпуск, так она ему весь этот месяц снится...

Зоя пригнулась ко мне:

– Я видела, как он иногда целует её на их общей детсадовской фотографии...

– Я всё слышу! Она хорошая!!! Да-а-а!!! – пронзительно объявил Славик и вдруг запрыгал на месте. – Успел! Успел! Успел желание загадать!

– Какое? – обняла его Зоя, словно прикрывая собой от холода: утончённая щуплость внука делала его беззащитным перед донской сыростью.

– Хочу сразу стать взрослым!

– Молодец... – усмехнулся я. – Но лучше всё-таки не торопись. Ведь по неофициальной статистике человек в нашей стране живёт всего восемь лет. Семь до школы, и один год после пенсии. Ладно, идёте в дом! Иначе околеем. Наверное, туман на Дону поднимается...

– Что-нибудь поешь? – поцеловала Зоя Славика.

– Что-нибудь не хочу... – строго поправил он её. – И вообще я сейчас решил, что уже многого в своей жизни больше не хочу. Но особенно – не хочу учиться.

– Почему? Ты же умный мальчик? – Зоя с мимолётной укориной взглянула на меня.

– Это конец детства... – вздохнул Славик и заплакал.

Я почувствовал себя чуть ли не «врагом народа». Воистину сказано в Библии: «Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою». Я как всегда вспомнил это слишком поздно.

Славик успокоился так же быстро, как и начал «капать».

– У меня больше нет сил ни на что... – печально признался он. – И куда я только их израсходовал?

– Ты узнал на даче много нового! – поцеловала его Зоя. – А это очень трудная работа – постижение мира.

– Уже почувствовал на себе... – вздохнул он. – Столько умного на меня враз навалилось! Лопнуть можно. Я бы не вынес долго такой жизни. Узнавай и узнавай! Я узнал ёжика, собачку, звёзды, а ещё двух женатых муравьёв – они всё время бегали вместе! Когда отдохну как следует, напишу обо всём этом стихи.

Славик устало упал перед стулом на колени и со вздохом положил голову на его красное бархатное сиденье, как на плаху.

– Иди на кушетку! – Зоя поцеловала его в затылок, тоже награждённый особенной, загадочно глубокой ложбинкой – проблемой всех парикмахеров Славика.

– Так это ещё надо идти, чтобы лечь... – обессилено промямлил он.

Зоя с вдохновенным торжеством отнесла его на постель. По её улыбке при этом было нетрудно понять, что с такой ношей она готова и планету без напряжения обойти.

«Кровавую» Луну мы благополучно проспали. Явно «перекушали» здешнего снотворного воздуха – напористая донская вода стремительно несётся по древнему донному песку возрастом эдак около трёхсот миллионов лет, рождая таинственно живительные первозданные ионы. Может быть даже те самые, которые дали начало всему живому на планете.

Я вновь ждал яростных слёз Славика, пропустившего самую яркую за тридцать лет Луну. Однако и на него целительная донская ночь подействовала положительно: он был с утра покладист и углублённо вдумчив, так что не по годам мудро рассудил насчёт упущенной встречи с суперлунием:

– А когда оно ещё будет?

– Через тринадцать лет, – многозначительно вздохнул я.

– Сейчас мне пять... – деловито задумался Славик. – Всего пять... Я ещё ребёнок...

Он зажмурился и начал сосредоточенно, с мистической важностью считать вслух цифры. Умел, парень! Словно считал ступеньки лестницы, по которой шагал в будущее.

– Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать! – топнул своей комариной ножкой Славик. – Ого!!! Вот здорово! Только вас жалко... Станете совсем старыми...

Он развёл руками:

– А мне как повезёт! И суперлуние, и совершеннолетие сразу! Вот сколько радостного. Наталья Васильевна (с особенным удовольствием, словно смакуя, проговорил Славик её имя-отчество) сказала, что я тогда уже смогу сам выбирать президента страны, водить машину и жениться. Вот только на ком? На бабушке теперь нельзя. Она – занята. Наталья Васильевна тоже замужем. А у мамы есть папа... Везде пролёт. Придётся поломать голову. Эх, я, несчастный мужик!..

Он огорчённо заскрежетал своими хилыми молочными зубками-временщиками.

– А почему они называются молочными?! – вдруг радостно озарило его. – А не кефирными? Или йогуртными?..

От трудного вопроса Славика нас спас приезд Паши на новом белоснежном Mercedese, словно завернувшим сюда прямо с автовыставки: Женевской или Нью-Йоркской, никак не менее того.

– Папочка, а в городе сейчас Луна есть? – наморщил носик Слава.

– Куда она денется...

– Вот проблема... Как же она может быть одновременно и там, и тут? У неё что, нет своего постоянного места? Так и перелетает вслед за нами?

– Ну, ты достал меня, пацан... – усмехнулся Паша. – Это пусть тебе бабушка объясняет! Она обожает твои заумные вопросы. А сейчас бегом в машину.

Паша нырнул в эксклюзивное нутро «мерса» с таким видом, словно нетерпеливо сбегал из нашей интеллигентской бессмысленной обыденности в особое привилегированное пространственное измерение его величества Бизнеса.

– Как он тебе? – тихо сказала Зоя, когда породистый «мерс» великолепно взял дорогу, щедро продемонстрировав нам всю свою мощь и успешный драйв.

– С Юлькой не сравнить. Она – атак девчонка. Но твой Славик тоже скучать не даёт.

– Я о зяте спросила.

– Это человек с лицом владельца Mercedesa последней модели, – усмехнулся я одной левой щекой – и это было похоже на нервный тик.

Я – позавидовал? Это вам явно показалось, господа. Просто я впервые увидел вблизи того человека, которому чётко известна наша новая секретная национальная идея: вместо быдловской веры в светлое будущее всего человечества, которое за окном, он успешно исповедует священный принцип: «ничего личного, только бизнес».

...Так рано умирать

Утром вторника, когда я читал нашим глубоко озабоченным народными бедами депутатам мейнстримную лекцию об экзистенциональных истоках казнокрадства среди воронежских воевод XVII века, мобильник принял эсэмэску Зои: Паша убит – неизвестные застрелили его возле офиса.

Тамошняя камера слежения с объективом, забрызганным снежинками голубиных экскрементов, худо-бедно запечатлела всю эту уголовную суету высокооплачиваемых «мокрушников» с пальбой из автоматов и садистским контрольным выстрелом в голову. И теперь чуть ли не каждый час телевизионщики старательно прикармливали этой сценой свою скучающую телеаудиторию, словно совершали мистическое жертвоприношение во имя всемогущего Рейтинга.

...В гробу я не узнал Пашу. Черты его молодого, сыто-счастливого и, простите, наглого лица стали неузнаваемо суровы и исполнены достоинства разве что римского императора, того же, скажем, Тиберия, Клавдия или Нерона, если судить по их скульптурным портретам. Не исключено, что он был кем-то из них в своей прошлой жизни. Но за некие грехи вновь оказался приговорён к 35-летнему заключению на Земле и воплощён в облике владельца выставочного Mercedesa. Только вместо царственного золотого венца на лбу покойного лежал бумажный православный венчик. И какая-то дама оставила на нём шокирующий публику след дерзко алой мерцающей губной помады. Возможно, его любовница, иметь которую Паше в обоих смыслах этого слова полагалось по факту присутствия в рейтинге провинциальных миллиардеров. Зоя и Тоня косметикой не пользовались.

Вот такой вот cancel, Паша, говоря компьютерным языком...

Я сложно отношусь к людям, нарушающим закон. Хотя не исключаю, что когда-нибудь на новом витке нашего социально-экономического развития подделка сертификатов будет торжественно легализована во имя дальнейшего процветания частного сектора. Как это произошло не так давно после аннигиляции СССР с весёлой, озорной профессией спекулянта-фарцовщика.

На похоронах Славик так и не дал подвести себя попрощаться к гробу отца. Зоя решила поднести внука на руках, но он заверещал круче Витаса, так что его пришлось спрятать в машине. Там он тотчас затих, воткнувшись головой под своего большого плюшевого зайца Степашку. Славик каждый день мерялся с ним ростом, но всё никак не мог догнать его 140 сантиметров. Слава без Степашки не ел, не спал и даже не смотрел мультфильмы. Поэтому купание внука Зои всегда проходило под аккомпанемент его сердитого, гневного рёва – ведь во время этой процедуры Степашка там однозначно отсутствовал во избежание намокания.

Я шёл бросить свою горсть земли на крышку мерседесоподобного сияющего саркофага Паши, когда случайно увидел, что в Зоиной КЮ на заднем сиденье торчат из-под плюшевой махины Степашки две тонкие бледные ножки Славика. Как мартовские картофельные ростки в сыром подвале.

– Ты уже простился с папой? – траурно вздохнул я.

Раздалось кашляющее, придушенное хрипение. Славик судорожно засучил ножками, как прижатый ногтём паучок-сенокосец.

– Идём-идём, малыш, – построжел я.

– Страшно...

– Вот ещё... С какой стати?

– А вдруг папа меня с собой заберёт?.. Я не хочу так рано умирать! У меня даже детство ещё не закончилось... – съёжился Славик и хлюпнул носом.

– Простудился? – посочувствовал я.

– Ничего страшного. У меня насморк одной ноздри. Это пройдёт в два раза быстрее.

Бессознательный поток сознания

Поминки прошли в два захода. Пятикомнатная квартира покойного позволяла всем сесть вместе одновременно, но Зоя и Тоня так уж решили – вначале Пашины друзья, партнёры по бизнесу, чиновники, журналисты, среди которых вполне мог быть и заказчик убийства, а потом – свои, только родные.

Всё это время я на кухне мыл посуду. Между делом насчитал, что мне за мою жизнь почему-то на поминках приходилось бывать чаще, чем на днях рождения. Этим я ничего не хочу сказать. Что было, то было. Случалось, и на такой тризне оказаться, где после печальных речей в честь покойного как-то сами собой начинались танцы и песни – про «синий, синий иней» или разных там «удалых хасбулатов».

Наши поминки завершились явлением следователя. Пока он исполнял свои шерлок-холмовские обязанности в связи с гибелью Паши, Зоя села возле меня, зажав ладошки между коленей.

– Набегалась? – тихо сказал я.

– Всё нормально... – машинально качнулась она вперёд и назад. – У меня к тебе просьба, милый. Ты не будешь против, если Славик пару дней поживёт с нами?

– Какие проблемы?

Зоя как-то так особенно внимательно поглядела на меня, словно не понимая, как могу я так легкомысленно рассуждать.

– Ты ещё не знаешь Славика...

– По-моему, мы достаточно успели с ним пообщаться. Нормальный пацан для его пяти лет.

– Это пока он только приглядывается к тебе.

– Да ладно! Пусть. На здоровье... – усмехнулся я.

Dictum factum.

Дома я на всякий случай снял со стены шкуру медведя.

Ужинать никто не стал. Я хотел включить Славика мультфильмы, но Зоя взяла это на себя.

– У него есть свои любимые. На другие – аллергия. До истерики.

Зоя принялась бдительно искать во вселенной кабельного телевидения «истинной» мультик Славика. Он, забравшись в пещеру моего огромного глянцево-чёрного кожаного кресла, напряжённо, весь вытянувшись тонкой былинкой, на пределе внимания кураторски-строго наблюдал этот процесс. Словно решал ни мало, ни много вопрос жизни и смерти.

– Ну его!!! Не то!!! Не хочу!!! Это я видел тысячу раз!!! Надоело!!! – брезгливо комментировал он сменявшиеся на экране кадры. И даже применял такие убойные фразы: – Это вовсе ненаучно!!!

В зависимости от объявившегося мультика, по его лицу пробегала целая гамма противоречивых чувств: от глухой скуки, уныния и раздражения до яростного восторга. Нельзя было не заметить, что он каким-то внутренним чутьём стремительно идущего нам на смену поколения раздражённо отвергал мультики нашей советской поры типа «Аленького цветочка» (кстати, нежно любимого Зоенькой). Монстров и чудовищ Славик восторженно обожал, но всё-таки на первом месте у него были чудачковатый Лунтик и надоедливо дотошные Фиксики.

При виде их суетливой писклявой бригады, озабоченной очередным ремонтом какой-нибудь электрической зубной щётки, Зоин внук благоговейно цепенел. Как в нирвану впадал. А когда Фиксики начинали петь своими мышинными голосочками, Славик с криком на все пампасы «Супер-пупер!!!» тотчас зачарованно присоединялся к ним:

– А кто такие Фиксики – большой, большой секрет!!!

Он пел, ритмично раскачиваясь из стороны в сторону и при этом дирижируя азартными взмахами рук. Со стороны казалось, что он вдохновенно медитирует.

– Славик, творожок будешь?! – с надеждой приступила к нему Зоенька.

– Нет!!!

– Это твой любимый! С грушей.

– Не-е-е-т!!! За-ма-ха-ли!!!

Однако полнейшей неожиданностью для меня стала загадочная особенность Славика – не умолкать с утра до ночи. Он типа казахского акына, поющего обо всём том, что видят вокруг его глаза, непрерывно говорил как с живой с окружающей действительностью. Перед таким «трёпом», создающем бесконечные словесные гирлянды, бледнел даже поток сознания романов Джеймса Джойса или Вирджинии Вулф. В течение дня Славик вслух общался сам с собой, с игрушками, тапками, комнатными цветами, твякающей за стеной соседской собакой, облаком в небе и так до бесконечности. Одним словом, он вдохновенно контактировал со всем живым и неживым, что его окружало, включая человечество, которое за окном. Хорошо, что внук Зои пока ещё ничего толком не знал про потусторонний мир, иначе бы тогда, как говорится, «хоть мёртвых выноси».

Итак, вот вам живая сцена. Я упёрто наигрываю в две руки на клавише компьютера партитуру очередной лекции, Зоя у плиты творит манную кашу, а Славик небрежно фланирует по комнатам, задрав подбородок размером с напёрсток, и безостановочно плетёт какую-то замысловатую нить из глубин своего пятилетнего подсознания: «Я боюсь привидений... Я состою из мяса... Когда вырасту, стану коровой... Хочу давать много-много молока... Опять Луна в небе... Ей некуда деться?!.. Что за царапина на моей руке? Комарик ночью ножкой зацепил?.. Почему ночи тёплые? Ведь Солнца в это время нет?.. Заряжу пистолет добрыми мыслями и буду во всех стрелять ими! Чтобы люди только о хорошем думали, чтобы им лучше спалось... Эх, так сложно быть королём – всё время надо сидеть на троне, приёмы, обеды... Я бы не вынес такой жизни»...

– Кажется, он у тебя уже вполне освоился, – нежно и с явным удовольствием вздохнула Зоя. Чуть ли не как партактивистка Катя при виде Юленьки, заботливо кормящей из моей тарелки своего грязнущего трёхпалого медвежонка. Кстати, всякое отклонение Славика от сверхвозбуждённости в сторону покоя мгновенно вызывало у Зои нервное опасение, что ребёнок заболел. В самом деле, стоило ему затихнуть, как она бросалась целовать его лобик: нет ли температуры?

Затихнуть? Да откуда я такое взял? Нет, это понятие явно не про Славика. Оно, чёрт подери, не имеет никакого отношения к нему. Если у этого представителя человечества по какой-то мистической причине отключался поток сознания, он тогда полуобморочно лежал, завернувшись с головой в одеяло, и попеременно то скулил, то рычал или скрипел зубами.

Время смотреть сны

У моего детства было много преимуществ перед тем, какое выпало на долю Славика. Моё – пацанское, уличное. Его – сугубо квартирное и детсадовское. Я в пять лет играл в «пристеночку», «царя горы», запускал змеев на лугу и держал голубей – три самых настоящих белых турмана полгода ворковали под кроватью в моей комнате, пока я однажды не бросил их в небо, где моих птиц тотчас перехватила чужая раскидистая пёстрая стая.

Слава дома мучительно перемогался. Зато в детском саду был самым рьяным исполнителем тамошнего распорядка дня.

Последнее время Зоя особенно старательно оберегала меня от «потока сознания» Славика и его мультипликаторского фанатизма: нашим думцам предстояли очередные выборы – это хуже пожара. Партийные списки изучались как некогда сводки с фронта, кандидатуры рассматривались только что не на детекторе лжи, а слоганы к листовкам вычитывались с тщательностью, которой не предъявляли к своим произведениям даже классики нашей литературы.

Достали и меня; я плотно засел за лекцию о нравах и взглядах первых российских депутатов Екатерины Великой. Пока мысли шли хорошо, плотно. Эдакие резвые, бодрые. Одним словом, *carpe diem*.

Я работал, тщательно заткнув уши бумажными салфетками. Обязательно, чтобы они были слегка влажными! Тогда вёрткий визг Славика едва доставал до кончиков моих обнажённых нервов.

«...Меж депутатами тотчас началась в словах и действиях такая срамота, что маршал Бибииков, едва перекричав разгорячившихся стервецов, зачитал особое распоряжение: «Господ депутатов отныне рассаживать на таком расстоянии, чтобы они один не мог до другого доплюнуть или в лицо кулаком сунуть!» Слава Богу, просторность зала заседания Комиссии исполнить такую меру вполне позволяла».

Вдруг Зоя наклонилась и что-то прокричала мне. Я на всякий случай улыбнулся и погладил её по руке. Нежность для неё всегда была во мне.

И тогда Зоя сказала ещё громче:

– Тоня уехала в Москву!

Я почти понял её.

– Надолго? – отозвался, глядя в потолок.

– Даже не знаю...

– Так что из этого? – сдержанно вздохнул я. – Ей чем-то помочь надо?

– Только тем, что потерпеть Славика до её возвращения...

Я не сразу заценил эту фразу. Возможно, всё-таки помешали бумажные кляпы. Я вытащил их с таким видом, с каким человек в эпицентре ядерного взрыва вынужденно снимает с себя противорадиационный свинцовый костюм.

Славик сердито вцепился в Зою и укусил её за руку.

– Я по маме скучаю!!! Сговорились! Вы ненавидите меня!!! И Степашка меня ненавидит! – заверещал он и внезапно исчез. Как переместился в иное измерение. Словно продемонстрировал нам эффект «нуль-транспортировки» по методике братьев Стругацких.

– Нет, ты такое не сможешь долго вытерпеть... – тихо сказала Зоя.

– А у меня есть варианты?... – вздохнул я.

Славика мы нашли не сразу. Не так велика моя квартира, вернее, она вовсе даже мала, будучи типичной «хрущёвкой» образца гагаринского 1961 года, однако у внука Зои была природная способность уникально затаиться. Этому ещё способствовала его худоба: став к вам боком, он практически исчезал «с радаров».

На этот раз «убежищем Монрепо» ему послужил мой огромный платяной шкаф – раритет сталинской эпохи, который в те годы ошибочно, но так изысканно красиво, импортно называли поэтическим французским словом «шифоньер». Производное от *chiffon*, то бишь тряпка, лоскут. Ещё с тех пор в нём стойко сохранился едкий, ядовито-бледный запах убийцы моли, красных кровяных телец и обоняния на уровне профессионального дегустатора – ароматического углеводорода нафталин.

Славик стоял в этом мертвенном аромате с болезненно сморщенным от напряжения личиком и держал перед собой яростно сжатые кулачки. То есть он приготовился мужественно вступить в сра-

жение с Бабайкой, привидениями и даже с Великой Ужасной Темнотой, в которой он своим особым детским зрением явственно видел живущие в ней своей страшной жизнью разные разности, словно с хохотом сгустившиеся из мрака.

– Выходи, Леопольд, подлый трус... – виновато усмехнулся я.

– Осторожней... Слава уже хочет спать... Я по морщинке на лбу вижу... – тихо, трепетно проговорила Зоя. – Только он всегда этому желанию дико сопротивляется. Он почему-то боится засыпания. Путаает его с умиранием...

Славик заплакал так взвинчено, что мне стало не по себе. Словно шифоньер оказался на самом деле самой настоящей «Комнатой ужасов», собравшей в одну кучу все его страхи.

Кто-нибудь из вас знает, что это такое уложить спать пятилетнего ребёнка? Оказывается, таких много? Но вы никогда не проделывали эту процедуру с нашим Славиком. Поэтому все ваши якобы знания могут быть сходу мной решительно подвергнуты сомнению или вовсе отброшены за их опрометчивую наивность. Вы, ясное дело, ни с чем более сложным, чем чтение ребёнку на ночь сказки, не сталкивались. Вы вообще, простите, полный профан в этом глобальном вопросе.

Собираясь спать, взрослый человек производит немало разнообразного шума, включая глухие покашливания, хриплые вздохи и хлёсткие щелчки нездоровых коленных суставов, похожие на пистолетные выстрелы. Но всему этому более чем далеко до того апокалипсического шума, которым взрывается Славик, получив самый ненавистный ему приказ – «Спать!»

Я каждый раз мысленно извиняюсь перед соседями, когда начинается его очередное судорожное продвижение в сон. Биоэнергетика Славика явно зашкаливает и становится неуправляемой, как плазма при термоядерном синтезе на нынешнем слабосильном уровне развития науки.

– Славик, пора сны смотреть. Иди руки мыть... – осторожно проговорила Зоя.

– Не надо мне, – ответ резв, неотразим, как хук от плеча.

– Почему?

– Я их потом сто раз заражу микробами, пока дойду из ванны до дивана. Они так и кишат вокруг меня. А когда я засну, всей толпой полезут в рот уничтожить мои зубы кариесом!

Зоя старательно вытерла влажной салфеткой мини-руки и мини-ноги внука, с явным очарованием любуясь этими хилыми детскими телесными прибабасами.

– Спи, мой золотой.

– Не хочу! Мне ужасы будут сниться!

– А я тебе добрую-предобрую сказку расскажу.

– Про петушка, котика-братика и лису?

– Как ты догадался?

– Не хочу! Неправда! Котик и петушок не могут быть братиками... – поморщился Слава. – Я лучше королём побуду перед сном!

Вскочив, он с пафосом обвинил себя розовой простышкой на древнеримский манер. Устав властвовать, Славик с помощью той же простышки превратил себя в летящую птицу. А накинув её на голову, объявил себя «девушкой!» При этом он блистательно, словно перед публикой на подиуме, неотразимо продемонстрировал нам свой правый, а потом левый профиль и топнул своей комариной ножкой:

– Хочу замуж!

Поскользнулся и полетел на пол. Многоступенчато: кувырок, кульбит передний, задний и боковой – все эти и иные акробатические манеры никак не способны передать витиеватую сложность траектории его падения. Она напрочь опрокидывала закон всемирного тяготения Исаака Ньютона.

В любом случае удара о паркет не было. Если Славик своим замысловатым полётом отменил действие только одного постулата природы, то Зоя у меня на глазах реально повергла ниц всю их совокупную множественность.

Она совершила вместе с внуком почти весь его невероятный полёт, как бы страхуя мальчишку, а потом, резко ускорившись, уверенно приземлилась с опережением и приняла Славика на свои руки. Кстати, ненамного менее тонкие, чем у внука. И он лёг на них, словно пёрышко на подставленные лодочкой ладони.

– Славик у нас будет лётчиком! Или как дедушка Гагарин – космонавтом! – Уже несколько уставо проговорила Зоя.

– Нет!!! Не желаю! – зарычал он, хрустко скрипнув своими яркими молочными зубками. – Это опасные профессии. А жизнь и без того коротка!

Зоя тревожно посмотрела на меня.

– Серёженька, это не мои слова. Я такого никогда ему не говорила.

– Понятно. Ты у меня мудрая. Явно в садике это ему надули в уши. Они там друг друга чёрт знает чему учат! – поспешил я успокоить её. – Вон уже о перемене пола задумался.

Славик запросто понял меня.

– Это я просто-так сказал! Расфантазировался.

В общем, прежде чем заснуть, Славик нашёл ещё немало причин, чтобы обойти стороной постель. То она холодная, то горячая или в ней паук сидит! Бывает, вдруг хитро, догадливо пискнет: «Есть хочу»... Ведь он прекрасно знает, что у бабушки против такого его оружия нет никакой защиты. Оно действует на неё неотразимо. Да и как может быть иначе, если вдруг сам просит еды тощий ребёнок, которого обычно никакими уговорами, угрозами и кулинарными изощрениями не заставишь это сделать. Как я успел убедиться, кормление Славика ничуть не проще усилий по его запихиванию в пространство сновидений. Ибо на еду он смотрит (по выражению наших отцов), «как Ленин на буржуазию». Скажем, желая порадовать бабушку, Славик с утра спросонья радостно делает ей заявку насчёт манной каши с малиновым вареньем, а как она, глянцево блистая, появится перед ним во всей своей красе с пылу с жару, так вдруг его что-то начинает корчить и морщить.

Наконец, так-таки загнанный на диван под одеяло, он вроде как закрыл глаза. Минута, другая... И вдруг некая ещё не израсходованная неистовая сила подкидывает его вверх. Он взлетает, как на воздушной подушке, очевидно нарушая всё, что надули нам в уши про законы природы три самых известных члена Лондонского Королевского общества по развитию знаний о природе – Ньютон вкупе с Эйнштейном, включая нынешнего Хиггса с его недавно открытым на Большом адронном коллайдере бозоном, прозванным ни мало, ни много частицей Бога.

В общем, Славик с хохотом булгаковского кота Бегемота завис над постелью. Его поза напоминала отрешённо левитирующего мага с перекрещенными на груди руками. Название этого мистического эффекта, кстати, произошло от латинского *levitas* – лёгкость. Чем-чем, а уж этим качеством наш худышка Славик обделён не был. Человек, который легче пёрышка...

И тут меня озарило: я вдруг романтично почувствовал себя словно вернувшимся на миг в далёкие мои солдатские годы и воплотившимся в образ дневального по казарме.

– Ро-о-от-а-а !!! – рывкнул я на всю нашу «хрущёвку». – От-бо-о-о-ой!!!

Славик завизжал от радости.

– А можно ещё раз?..

– Отбой!!! – грянул я.

Славик радостно улыбнулся, упал на постель и мигом затих. Отключился как его любимый робот-болтун Фунтик при истощении батареек. Забегая наперёд, скажу без ложной скромности, что уже на следующую ночь моё педагогическое ноу-хау не сработало.

Но сейчас мы с Зоей были просто счастливы. Честное слово. Она так даже перекрестилась.

– Неужели заснул?..

Мы оба недоверчиво нагнулись над Славиком со всей возможной на то аккуратностью.

Глаза закрыты, дыхание ровное.

– Он часто так борется со сном? – взволнованно проговорил я.

– Если в садике поспит, то и дольше, – судорожно усмехнулась Зоя и вдруг закрыла лицо руками. Так обычно делают, чтобы скрыть слёзы.

Я обнял её.

– Продержимся, милая.

Она отозвалась не сразу:

– Не обольщайся, Серёжечка...

– Мы найдём достойный выход. Ты же у меня Умная!..

– Не люблю простецкие шутки... – вздохнула Зоя. – Да, Умная. Приходится оправдывать фамилию. Не больше того.

Писающий мальчик

Итак, я рядом со Славиком словно стал жить в ином, параллельном мире. Хотя это мягко сказано. В перпендикулярном, господа!

Мой прошлый ветхий родительский опыт оказался сегодня практически бессилён. Прежде всего за истечением срока годности. По моей квартире отныне шастал представитель нового поколения, в котором я, честно говоря, разбирался гораздо хуже, чем даже в компьютерах и прочих модных гаджетах. Вернее, вовсе не разбирался. Конечно, можно было бы все проблемы свалить на Зою Витальевну, но я, увы, несмотря на торжественное шествие по планете новой религии однополых браков и пересадки гениталий, продолжал нагло оставаться конкретным мужиком со всеми вытекающими из этого последствиями.

Когда-то мы, уличные пацаны, оставляли за порогом дома всю свою неуёмную энергию в забавах, даже одни названия которых нынешней младости вовсе неизвестны: «Царь горы», «Городки», «Штандер», «Жожка», «Пристеночка», «Бе-бе», «Салочки» и так далее до бесконечности. Само собой, включая мою самую клёвую «Кавалерию», в которой мне одинаково нравилось быть и конём, и всадником. После таких игр мы дома уже не кочевряжились с едой, потому что напрочь не хотели есть... Мы хотели жрать! Хоть что!!! А засыпали, не успев раздеться... Даже не помня про разбитый нос или губу.

Относительно «Кавалерии» я сейчас не могу сдержаться, чтобы не восстановить отдельным файлом добрую память об этой сугубо мальчишеской ни с чем несравнимой игре. Девчонки в ней могли быть только зрителями, но чаще всего играющие старались и вовсе обходиться без их присутствия – никому не нравилось, что они могут увидеть твоё поражение. Игра эта всепогодная, но как-то так всегда складывалось, что мы увлекались ей чаще всего летом. Обычно для «Кавалерии» нужны практически все мальчишки двора, но никак не меньше 8–10 человек, а также просторная травянистая лужайка, желательна поросшая «спорышом», – он стелется по поверхности, почти прилипая к земле. Начинаем игру с того, что мы, яростно споря, делимся на «красных» и «белых», но ещё сложнее нам было определиться, кто станет «конём», а кто – «кавалеристом». Ведь каждому так хочется быть наверху положения... Наконец, всё определено: «кони» азартно срываются с места, а высоко сидящие на их плечах кавалеристы во всю гикают и свистят. «Смешались в кучу кони, люди»... Кавалеристы схватываются руками друг с другом, пытаюсь один другого стащить с коня. Кулаки пускать в ход нельзя, кусаться и плевать запрещено. А в это время кони не просто топчутся, пошатываясь под сражающимися наездниками, а тоже худо-бедно принимают участие в битве – таранят противника корпусом, брыкаются «копытами» и ставят друг другу ловкие подножки... Над поляной визг, вопли, кровь и сопля.

Было ясно одно: моя привычная жизнь с её устоявшимся ритмом и распорядком отныне канула в небытие, как некогда великая Атлантида «за одни ужасные сутки».

Нам с Зоей не только пришлось отменить толком так и не начавшийся медовый месяц, но вместо этого ещё и стать продвинутыми знатоками мультиков и овладеть эзотерическими тайнами кормления, купания и усыпления отныне живущего рядом с нами маленького сверхсуетливого человечка, враз установившего в нашей молодой семье мондиалистскую систему своего доминирования. Даже, поверьте, с более крутой иерархией, чем та, которую навязали Западной Европе американцы, восторженно влюблённые в свою особую исключительность.

Любой наш с Зоей взаимный интерес приводил худосочный комочек Славика в состояние истерического страдания и воинственной ревности, иногда завершавшейся самыми настоящими судорогами, конвульсиями или даже обмороком.

Тем не менее, я долго не решался спросить мою Зою Витальевну, когда боги, наконец, проявят к нам милость, и Тоня вернётся. Но очень хотелось. Очень, поверьте. Я был готов поставить свечку, и не одну, за скорейшее прибытие в наш славный Воронеж мамы Славика.

Какое-то время я был уверен, что мне удаётся скрывать от Зои свой этот нынешний внутренний раздрай, и я достаточно убедительно выгляжу в её глазах практически счастливым человеком. Или почти счастливым. Я старался не замечать, что мои лекции в вузе стали короче и скучней, что на экзаменах я стал со студентами как никогда придиричив и раздражителен. В Думе все мои познавательные-исторические лекции отныне вызывали у депутатов разве что оскомину, которая никак не способствовала их деятельной заботе о народном счастье: я как оседлал темы

мздоимства воевод, казнокрадства в «приказной избе», поддельного дворянства и тайной продажи туркам русских девок и мужичков. Иными словами, обращался с почившей в бозе старушкой-историей как выдавший виды патологоанатом, озабоченный лишь поверхностным установлением причин смерти.

В итоге мой давно забытый армейский гастрит начал свежо напоминать о себе. В свою очередь, на лице Зои я стал моментами замечать то взволнованное напряжение, какое вызывает у человека внезапная сердечная боль.

Однажды мы среди дня столкнулись с Зоей в поликлинике, куда пришли негласно друг от друга. Я – мужественно глотать желудочный зонд, она – сделать, наконец, кардиограмму.

Сосредоточенно отсидели её очередь, потом мою.

Вдруг Зоя бдительно посмотрела на часы:

– Славик уже обедает!

– Как же его там умудряются кормить?.. – дерзко хмыкнул я, представив как заведующая, воспитатели, шеф-повар и даже охранник, бывший афганец, истинный вояка, – все с тарелками, мисками и любимым Славкиным стаканом с сосательной трубочкой (обязательно бледно-розового цвета!) взволнованной стайкой трепетно порхают вокруг презрительно усмехающегося Зоиногу внука.

Зоя Витальевна строго, почти гордо посмотрела на меня:

– В садике он ведёт себя идеально. Там все не нарадуются на него. Самый послушный и старательный мальчик.

Я мудро вздохнул.

Через минуту Зоя вдруг снова проговорила, точно навигатор в автомобиле:

– Славик пошёл спать.

– «Мёртвый час»? – поморщился я. – Представляю, какое Ледовое побоище он там сейчас устроит.

– Повторяю, воспитатели ставят его всем в пример. А час покоя называется «Тихим». И не пугай меня больше таким своим жутким старорежимным «мёртвым часом»!

Я недоумённо пожал плечами.

– Вы оба, господа, ошибаетесь! Мне сын чётко объяснил: сейчас принято говорить – «Час-сон»! – с современными деловыми интонациями поправила нас обоих молодая соседка, спортивно развернувшись в нашу сторону. Это явно была некая бизнес-леди, судя по её приверженности к точности формулировок. При этом у «леди» было такое сосредоточенное выражение лица, что нельзя было не понять: и она отсюда кроме всех прочих своих активированных миллионных сделок ещё и «ведёт» на расстоянии каждый детсадовский шаг своего сына. Почти как спутник, который висит над Землёй в состоянии неослабного дозора за вверенным ему секретным объектом. Разница заключалась в одном – Зое помогала добрая интуиция, а бизнес-леди – навороченный айфон или смартфон? Я в них однозначно не разбираюсь. Гаджет, как теперь принято говорить. Кстати, вслушайтесь в него. Таким словом, честно говоря, что-то хорошее не назовут.

«А не перейти ли мне на работу в детский сад к Славке?.. – дерзко подумал я, размышляя, как помочь Зое. – Скажем, буду читать им лекции о том, как в восемнадцатом веке в Воронеже дворянских детей, заботясь об образовании народа, водили в школу с солдатами?! Чтобы мальцы в лесу не попрятались от ненавистной и никчёмной им грамоты...»

– Серёженька, я давно вижу, как тебе нелегко с моим внуком... Прости... – шепнула Зоя и погладила меня по руке.

Я ответил ей тем же...

Неужели мои мысли так очевидны и читаются на лице, словно титры на телеэкране?

– Не беспокойся, Зоенька, – тихо ответил я. – Мои внутренние резервы не столь скудны. В армии я перед дембелем за полгода начал протыкать в календарике иголкой каждое минувшее число. В ожидании Тони я этого пока ещё не делаю.

Я демонстративно изобразил благородную расслабленность. Будто я безмятежно подрёмываю. И тотчас поплатился за это неожиданным видением на грани полубреда-полусна: словно сквозь дымку я отчётливо увидел напротив себя... писающего мальчика. Но вовсе не того скульптурного облика, что стоит на площадях ради политкорректности в Брюсселе или том же Каунасе. Этот был как живой. И струйно писал в мою сторону. Блаженно зажмурясь. Его закорючка не по-детски на-

пористо работала. Он стоял, гордо отключив кулачок голой задницы и дерзко уперев руки в боки, что-то мечтательно выглядывая на потолке. Это был Славик. Или очень похожий на него мальчик. В этом возрасте они почти все на одно лицо.

Зоя бережно прикоснулась лбом к моему плечу:

– Я сегодня утром звонила Тоне... Она придет не скоро... Если придет вообще. У неё нет сил жить здесь после гибели Паши...

Мы какое-то время сидели молча. Словно с надеждой ждали озарения свыше. Я бы предпочёл вообще не слышать сказанных сейчас Зоей слов. Даже если для этого потребовалось бы заглушить их грохотом готовящегося ко сну Славика.

– Я всё понимаю, Серёжечка... Ещё неделя и мой внук, не дай Бог, доведёт тебя до инсульта. Если не раньше... – печально продиагностировала меня Зоя. – Но чем помочь тебе? Давай мы со Славиком переберёмся ко мне?..

– Беспольный вариант. Я же люблю тебя... Вот этим пока и спасаюсь. Аки серна от тенет, и яко птица от сети.

– Про благие намерения тебе напомнить?.. – бережно улыбнулась Зоя.

– Озвучиваю правильный перевод этой поговорки: «Ад вымощен добрыми намерениями!» Сия мудрость четырёхсотлетней давности принадлежит поэту-метафизику Джорджу Герберту. И подчёркиваю: в ней сказано, что вымощен ад! А про дорожное покрытие в это далеко не самое лучшее место во Вселенной гораздо позже придумал некий путаник.

– Так что ты этим хочешь сказать?

– Ничего особенного. Просто по большому счёту на нашем пути, как говорится, «мин нет». Поэтому смело дай мне свою руку. Нас ждёт дорога. Но она далеко не в ад. В общем, прорвёмся. Мы просто обязаны это сделать.

– Во имя человечества, которое за окном?

– Что-то вроде того...

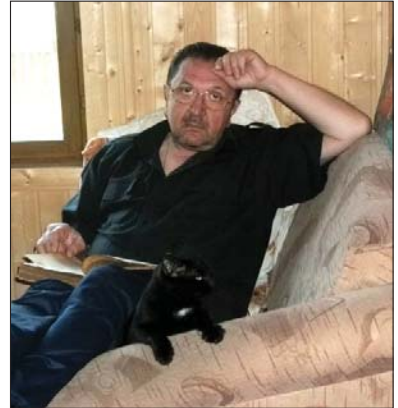
(Продолжение в следующем номере)

Проза

Григорий Ерёменко

Григорий Владимирович Ерёменко родился в 1947 году, окончил МГИМО, специальность - Китай. Кандидат экономических наук. Работал в системе МИД СССР, затем – РФ. Автор стихов и прозы. Печатался в журнале «Сельская молодежь», многотиражках Московского военного округа, в электронном варианте «Комсомольской правды» - 2016 год

Звезда печали

Повесть

...Эта история, как и большинство житейских историй, началась с пустяка: однажды ночью у меня дома закурлыкал домофон. В доносившемся из трубки мычании я с трудом узнал голос моего недавнего знакомого Ивана Ильича Лунина и, спустившись на первый этаж, отскрёб пьяного в смерть Ивана от стены подъезда, ввёл в дом, где он и рухнул солдатиком на диван в гостиной «как был, в шинели, и, не сняв сапог». И единственное, что я услышал от него перед забвением, было «улетела навсегда».

Я и представить тогда не мог, какая фантазмагория ожидает меня после того ночного визита. Поверю я в неё лишь с третьей попытки, да и то не до конца, и, честно говоря, до сих пор не знаю, происходило ли всё на самом деле, или рассказ Ивана Ильича – лишь мастерский розыгрыш гораздо на выдумки интеллекта.

...С загадочной женщиной, имени которой он так и не назвал, Иван Ильич познакомился при обстоятельствах любопытных, более того – несколько мистических. Было это много лет назад, в марте месяце. Родина послала его в Ливан с заданием, суть которого не важна, поскольку речь не о нём.

При советской власти Иван был мертвецки невыездным, так как дело, которому он посвятил жизнь, носило столько грифов секретности, что даже супруга не знала, чем занимается муж. Так что командировка в Ливан стала его первой заграничной поездкой, и её ожидание было сродни ожиданию первой встречи с любимой. Шутка ли – после двадцати лет глухого затворничества вырваться, наконец, за рубеж, да ещё в почти капиталистическую страну, да ещё в марте. Март в Ливане – время самое романтическое и нежное, время цветения всего и вся, время таинственных туманов над загадочным Средиземным морем, колыбелью цивилизации.... Стоит в эту пору над страной ни с чем не сравнимый аромат – так, наверное, пахло в Эдеме.

И душа Иванушки удивилась, восторжествовала, распахнулась и осталась такой на всю командировку.

...Рассказывая это, он смотрел перед собой незрячими глазами, а я подумал, что если не переселение душ, то их перемещение в пространстве – вещь не такая уж фантастическая: мой друг был сейчас в Ливане, в том самом марте. И в его памяти, похоже, возникали тогдашние ощущения, веяли ароматы цветущей страны, и он заново переживал то своё состояние.

...Осталось три сильных человеческих чувства, к которым мы относимся с пиететом: страх, ненависть и любовь к деньгам. Что же до любви женщины и мужчины, до тоски-разлучницы, забвения лунных ночей, белой акации гроздьев душистых и прочих романтических состояний духа...о, тут мы безропотно сдались и согласились с врагами, что всё это – лирика, мешающая жить. Да и задвинули романтику в глухие казематы наших душ, заперли на неотпираемые сейфовые замки, ключи зашвырнули в Марианскую впадину, заменили женитьбу по любви браком по контракту и, коротая век в малярийном смоге одиночества, считаем, что только это и есть жизнь.

И когда вдруг слышим «позови меня в даль светлую», удивляемся и недоумеваем: а это куда же? Светлые дали давно превратились в Канары, Сейшелы, Ибицу, Форментеру и Гавайи – Земля стала тесной и скучной.

Мы научились мастерски скрывать чувства, и если у кого-то вдруг прорвётся наружу глубоко упрятанное личное, стыдливо прячем глаза: полноте, господа, чай, не мальчики.

...Я слушал Иванушку, внимал его волнению, и мне не нужно было отводить глаза – я его хорошо понимал и не презирал за прорвавшиеся чувства. Хотя на задворках разума, не скрою, бродило нечто гаденькое: эк тебя, братец, разобрало! В наши-то годы...

...Делегация у них была странная: киношники, медики, бизнесмены и ещё неизвестно, кто. Разглядывая фотографии, я с удивлением увидел знакомые лица: была тут пара известных актрис, ребята из 1-го мединститута, кое-кто из дипломатической братии, какие-то неизвестные женщины...

И я спросил:

– И которая ж твоя?

– Да её с нами не было, – как бы удивился Иван, выплывая из своего далека.

– Вот тебе раз! – удивился и я. – А что ж ты – Ливан, Ливан...

– Ну да, Ливан, – сказал он, – там всё и случилось. Не перебивай, а то собьюсь.

...В один из дней их повезли на экскурсию в карстовые пещеры под Бейрутом. Сколько пещерам лет – не знает никто, но красоты они необыкновенной, и воображение поражают с первых шагов. Вернее, не шагов, а... как бы это сказать?... Дело в том, что пола у подземных лабиринтов нет, есть внутреннее озеро, так что передвигаются по туннелям только на лодках, в которые садятся, спускаясь с узких карнизов по крутым металлическим лесенкам. И сразу попадая в сказочный затонувший град Китеж.

Высота пещер огромна, их потолок прячется в темноте, куда не доходит свет ламп. Стены лабиринтов сияют всеми мыслимыми земными цветами – таинственные хозяева подземного замка расстарались и украсили их на радость людям цветными камнями. Громады сталактитов и сталагмитов образуют циклопические колонны, вершины которых теряются в клубящемся мраке горних высей. Подземные анфилады отражаются в неподвижной воде озера, отчего притупляются пространственные ощущения и начинает казаться, что вы невесомо парите внутри некоего волшебного мира, приснившегося в детском сне.

Прибавьте к картине голубую дымку, цепочку огоньков, уходящую в бесконечность, её отражение в озере, полную тишину да льющуюся откуда-то тихую восточную музыку – вот вам и ожившая сказка, пещера Аладдина, где за каждым поворотом спряталось чудо.

Так что, плывя на лодочке, путешественники только успевали вертеть головами и изумленно ахать.

Лодочник высадил наших на какой-то карниз, пообещал ждать, и группа, возглавляемая местным бизнесменом, пошла по узкой тропке с мостками и галерейками, нависшими над совершенно прозрачной водой. Иванушка, в силу особенностей характера, плёлся в одиночестве сзади, свернул в какой-то коридор и шёл по нему минут десять, думая, что идет за группой. И, в конце концов, уперся в тупик. Он немного удивился, пошёл назад и снова уперся лбом в стену. Свернул куда-то ещё и оказался в галерее, тонущей в полумраке; лишь где-то далеко горела в одиночестве неяркая лампа.

«Эй, – сказал Иванушка в темноту, – есть тут кто?». Голос прозвучал глухо, как сквозь вату, и ответа, конечно, не было. «Привет, – поздоровался с собой Иван, – заблудился. Ну, будет дело». И попытался вычислить, откуда он пришёл. Ничего, однако же, не вычислялось, ни единой здравой мысли у Ивана не возникло, да и возникнуть не могло – он, по своему обычаю, плёлся, куда веди, на детали внимания не обращал, затесей на стенах не делал, а всякое пространственное чутьё осталось где-то там, в наземном мире.

Ванюша включил соображалку на полную мощь, это не помогло, так что ни малейшего представления, что делать и куда идти в голове у заблудшей овцы не появилось. Из прошлого богатого опыта он знал: раз уж спутался с одной подлянкой, жди другую – планида такая. Вот и застыл Иван столбом там, где застучала беда. Потому что был совершенно уверен: стоит ему сделать шаг, и он улетит в какую-нибудь пропасть, даже если её здесь нет и в помине – судьба-злодейка найдёт, куда его пристроить, уж будьте уверены.

Постепенно он освоился в темноте настолько, что даже кое-какие соображения стали пробиваться сквозь страх. К примеру: он – не первый заблудившийся разгильдяй, его обязательно будут искать и, в конце концов, найдут. Опыт такого рода служители пещеры, надо думать, имеют. Тем

не менее, не покидало Ивана некое пакостное томление духа: от темноты, гробовой тишины и полнейшего одиночества.

Но так уж устроена Ванькина натура. Погоревал он, погоревал, да и присел себе на корточки и прислонился к гранитам, от которых хоть и тянуло могильным холодом, но спине опора была. И приготовился ждать столько, сколько надо. А в том, что рано или поздно он услышит в подземных палестинах русское «ау», Иван не сомневался.

Произошедшее далее он описал мне грубо, но ёмко, именно: «не имею понятия, как со мной медвежья болезнь не сделалась. Еле сдержался, веришь?».

Короче. Притулился он к стеночке, стал даже подрёмывать, как вдруг в кромешной тьме залпом тысяч батарей прозвучал женский голос (ну нигде от них не скроешься, – подумал я, ничуть не удивившись, – везде достанут).

– Вы, вижу, заблудились, – сказал Голос, и взвившийся Иван увидел на фоне одинокой дальней лампы некий курящийся, как ему со страху показалось, силуэт.

– Ав-ва-ы-ы, – заикаясь, пролепетала жертва рассеянности, делая невероятные усилия, чтобы не забиться в истерику, – вы к-кто? Где вы?

– Я здесь, – ответил голос спокойно. Иван сделал ещё одно усилие, присмотрелся и увидел в метре от себя плававшее в темноте бледное пятно – то светились на фоне лампы-сироты волосы его спасительницы.

– Вы...как здесь? – сглатывая спазм, спросил Иванушка, пытаясь хоть что-нибудь сообразить, – откуда?

– Да вот, за Вами пришла, – ответила женщина и взяла его за руку, – пойдёмте, пещеры через десять минут закрываются. Вас уже заждались.

– А как...как Вы?..

Договорить ему не дали.

– Как я Вас нашла? Это Вы хотите узнать? – спросила она и повлекла Иванушку за собой. – Да уж нашла. Идёмте быстрее, и не бойтесь. Уже скоро.

Влекомый за руку мистической незнакомкой, Иван плёлся за ней след в след, и вскоре их странная пара вышла-таки к свету. Они спустились к воде, где были подобраны утлой лодчонкой с одиноким арабом на корме, который, судя по выражению рожи, матерился в душе на свой арабский лад. Что он мог о них подумать? Понятное дело, что. Вот и матерился: вам утечи, а я тут дожидайся.

Колдовская южная ночь ждала их снаружи, и была она наполнена томительными заморскими запахами. В небе сияли совершенно незнакомые Иванушке мохеровые звёзды, от взгляда на которые вдруг встревожилась его душа – как будто почувствовала мгновенье, когда Иван перестал принадлежать самому себе и заступил за грань, откуда нет возврата...

Площадка перед пещерами, три часа назад забитая толпой под завязку, была пуста, и только в свете дальних полуслепых фонарей стояла их группа в полном составе, решившая, очевидно, дождаться его, во что бы то ни стало. Иванушка представил что сейчас будет, и голова сама собой ушла в плечи.

Они его, наконец, увидели, вся женская половина группы по-куриному хлопнула руками по бёдрам и затарахтела что-то неразборчивое, но сварливое. Конкретные мужики обложили разиню семизэтажным матом, а предводительница женской части группы подвела внушительный итог. Сделав вид, что вытирает пот со лба, она сказала почти ласково:

– Нашёлся, чудила грешный. Дать бы тебе в глаз, да уж ладно. Живи.

И, хлопнув его по плечу так, что чуть не вбила в асфальт, скомандовала:

– По машинам!

Группа потянулась к автобусу, а Иванка завертел головой, высматривая свою спасительницу, о которой в ожидании экзекуции как-то позабыл. Женщины не было нигде, и Иван удивился: машины не отъезжали – был бы слышен гул мотора – спрятаться на площадке невозможно, да и какой смысл... Но незнакомка пропала так же таинственно, как и появилась, и Иванушка не знал, что и думать.

Догнав шаркавшего в арьергарде Володьку – оператора с Мосфильма, малого разбитного и своего в доску – он спросил:

– Не видел, куда девалась женщина, которая меня вывела? Ну, такая высокая блондинка...

– Какая блондинка? – искренне удивился Володька. – Ты один вышел.

– Да какое – один?! Один я бы там утонул! – закипятился Иванушка, всё еще ощущая в правой руке ладонь незнакомки. – Говорю, меня вывела какая-то женщина.

– В самом деле? – засомневался Володька. – Ну, давай спросим у наших. Может, я ошибаюсь – куриная слепота всё-таки, в темноте вижу плохо.

Знаем мы эту куриную слепоту – вечернее похмелье называется.

Блиц-опрос группы дал тот же результат: ни одна живая душа никакой женщины рядом с Иванушкой по выходе из пещеры не видела, все уверяли, что он появился, как перст, один.

...Слушал я одиссею Иванушки, и противоречивые мысли роились в голове. «Да, – говорил я себе, – с одной стороны – оно конечно... Интересный человек... А с другой – ну его, этого Ивана, втривит он меня во что-нибудь со своей мистикой».

Да ведь была мистика, согласитесь.

В том, что Иван способен заблудиться даже на Красной площади, сомнений у меня не было, случались прецеденты. А тут, понимаете ли, тёмная пещера, лабиринты Минотавра...

Верил я и в то, что он притягивает к себе такие приключения, по сравнению с которыми тридцать три несчастья Епиходова... Кий он, видите ли, сломал. Да по сравнению с Ивановыми мистериями это невинная шалость двоечника-переростка.

Вот у нас – это да! Под кедрами ливанскими, да в тёмной пещере неизвестно откуда берётся русскоговорящая фея-спасительница, вызволяет бедолагу из узилища и бесследно пропадает! Это ли не мистика.

Ну, не знаю. Хрономиражи какие-то, упреждающий перст судьбы. Что хочешь, то и думай.

– И всё? – спросил я, решив выведать историю до конца – манит, манит нас таинственное, как огонек спички малого ребенка.

– Если бы всё, – обреченно сказал Иван, – нашла она меня в Москве. И тянется эта неразбериха без малого двадцать лет.

– Вот так так! – я не притворялся и не играл удивление. – Она ведь даже имени твоего не спросила.

– Да это-то,.. – он махнул рукой, – это – самое простое...

...Телефон зазвонил в полтретьего ночи, в предрассветный час, когда лютует нечисть, и на Иванушку миглом навалился кошмар: кто может звонить в такое время? Только тот, кто несёт известие о смерти близкого и дорогого человека, ибо всё остальное вторично и терпит до утра. У Ивана тяжело болела мать, он воспринимал каждый ночной звонок, как вестник неизбежного, и с ужасом хватал трубку. И всегда вздыхал с облегчением, какие бы вести ни приносил ему поздний звонивший, пусть даже о крахе Союза.

На этот раз облегчения не получилось. Да, звонили не от матери, значит, с ней было всё в порядке, если болезнь можно назвать порядком. Но, сняв трубку и услышав голос, Иванушка почувствовал, что сейчас упадёт в обморок – это был низкий и хриловатый голос ливанской пещеры.

Он узнал её сразу и бестолково спросил: «Как вы меня нашли?». В ответ раздалось некое подобие смешка, и она сказала, что найти в наше время человека не представляет труда, особенно если имеешь знакомых во всех спецслужбах мира, включая ФСБ, ЦРУ и Моссад с сигуранцей и дефензивой, вместе взятыми.

– А зачем? – еще бестолковее спросил Иван, щипая себя за руку, чтобы проснуться. – Я вроде как женат.

– Это даже лучше, – ответила она невозмутимо и загадочно, – тем более что это ненадолго.

– Что – ненадолго? – решил внести ясность Иванушка, да только ничего не внёс, а ещё больше запутался.

– Сами всё узнаете, – ответила женщина, – я Вас нашла, и это главное.

– Слушайте, а почему ночью? – Иванушка, наконец, рассердился: мало того, что теперь не заснуть, так ещё и загадки разгадывай с одной неизвестной.

– А разница во времени, – ответила она и засмеялась безмятежно, – я сейчас в Америке.

– Вот как! – воскликнул Иван, придя в себя окончательно и решив уж заодно прояснить и ливанскую мистику. – А куда вы тогда пропали? Когда из пещеры вышли?

– Никуда я не пропадала, – ответила незнакомка, – я в пещере осталась, у нас там офис. Видите ли, я тогда трудилась переводчицей с арабского, надо было кое-какую работу доделать. Вот я и задержалась. А Вы, небось, подумали – мистика, – как бы укорила она Иванушку.

«Подумаешь с Вами, – ворочаясь без сна, шептал Иванушка, припоминая свои тогдашние впечатления, и вдруг вспомнил ощущение пальцев незнакомки в своей руке уже после выхода из пещеры. – Точно! Я отпустил её руку только после того, как Лена сказала – дать бы тебе в глаз! Значит, врёт? Тогда почему никто из наших её не видел?».

Получалась полная чепуха. С одной стороны – он ясно помнил, что держал руку женщины, подходя к группе, даже как бы тащил её за собой, преодолевая легкое сопротивление. С другой – никто её с ним не видел. А с третьей – вообще ничего не понятно: разыскала его зачем-то, позвонила аж из Америки.... А зачем позвонила? Чтобы наврать про пещеру?

«Ну, ничего не понимаю! – вертясь в постели, сказал вслух Иванушка. – На кой хрен я ей нужен?».

Ничего так и не придумав, он заснул, а поутру и думать забыл о ночных кошмарах. С аппетитом позавтракал, поцеловал жену да и отбыл на службу – жизнь прекрасна, господа. Но нет-нет, да и навещало Иванушку некое смутное беспокойство. Как будто интуиция хотела что-то подсказать, предостеречь от чего-то.... Только не в коня корм: предупреждай Ивана – не предупреждай, он всё равно бронжилет не напаялит, потому что штука эта тяжёлая и мешает вольно порхать вокруг цветов жизни.

И допорхался. Мадам Икс прилетела из Америки через месяц, позвонила, назначила Ивану встречу, и он, будучи, по его собственному признанию, под гипнозом, отказаться от этой встречи не смог. И шагнул в пропасть, выбраться из которой, как оказалось впоследствии, невозможно.

Была ранняя осень, и погоды в Москве стояли романтические. Кто бы что не говорил про смог, бензиновый чад и кошмарный московский воздух, я знаю истину. Да, ваша правда, господа, всё так: и смог, и бензиновый угар, и вечная толчея. Но Москва была, есть и будет чаровницей, которая в один миг умеет превращаться в город юношеских грёз, полный акварельной легкости, полутонов и романтической дымки – ну, просто невеста в воздушных нарядах, прикрывшая прозрачной фатой свою красоту.

Подует ли ветер, сверкнёт ли из-за облака солнечный луч, или промчится по небу змея молнии, или радуга возведёт небесный мост над вечным городом, и сквозь воздушные одежды Царевны-лебедь тут же проступит неземная красота и взволнует мужское население столицы, которое в такие минуты поголовно превращается в страстных кабальеро.

Женщинам же Москва, зрелая красавица, дарит часть своего непостижимого шарма, от которого сходит с ума удалое мужское племя, в том числе и заморское, и валом валит в столицу за русскими жёнами.

Так что бросьте, ребята, гневить Бога, а благодарите его за щедрый подарок – возможность жить в Москве. Вам выпал счастливый билет, пожизненный джек-пот – это ли не есть счастье.

...Итак, ранняя осень, клёны выкрасили город колдовским каким-то цветом, сиреневые сумерки, мир и светлое томление разлиты в воздухе, а у зала Чайковского стоит наш романтический герой Иванушка с голубой розой в руке.

Стоит и соображает, как будет опознавать незнакомку: видел один раз, да и то в темноте, и ничего, кроме платиновых волос, не запомнил.

Прошло, однако же, пять минут, десять, полчаса – его знакомая незнакомка опаздывала. И подумал Иванушка: не судьба. А потом прикинул и успокоился: может, так оно и лучше, а то что-то непонятное вокруг неё накручено.

Но для очистки совести ещё пару минут повертел головой туда-сюда – нет, не было ни одной женщины, которая хотя бы приблизительно напоминала тот силуэт в пещере. Ну, нету, и нету – Иван начал потихоньку пробираться к машине, но напоследок огляделся ещё раз.

Уж лучше бы не оглядывался: стоявшая несколько в отдалении белобрысая старая карга строила глазки и делала ручкой именно ему.

«Э-э, нет, – подумал Иван панически, – вот спасибочки за такие приключения, надо рвать когти». Но тут, на его беду, закончился в зале Чайковского концерт альтиста Данилова, в метро повалила прорва народу, а что бывает в эти заполошные часы у метро – хорошо известно: разом вскипел людской водоворот, Иван замешкался, пропуская вперёд какую-то почтенную мамашу с ребенком...

И ощутил на своей руке чью-то жёсткую хватку. Ни тени сомнения не осталось у Ивана Ильича по поводу этой хватки, он её узнал: именно таким макаром прихватила его за руку пещерная незнакомка в не столь уж далёком весеннем месяце нисане.

И повернулся Иванушка, бонвиан и жуир, понимавший толк в женщинах, и душа жуира отлетела: на его руке повисла давешняя бабуся – печёное яблоко, вся в букольниках и старческих морщинках вокруг рта и век. Буколическую картину портили глаза: заглянул в них Иван и обрушился в бездну, успев напоследок подумать, что такой прищур бывает, по всей видимости, у снайпера, когда он наводит перекрестье прицела жертве в переносицу.

Только невероятнейшим напряжением воли сдержал Иван Ильич вопль ужаса – а в том, что душу его обуюл именно ужас, можете не сомневаться.

– Ну, здравствуйте, Иванушка, – сказала меж тем бабуля. – Можно я буду Вас так называть?

Колом встал язык, мысли разлетелись по закоулкам сознания, ни единого слова не шло на ум, и стоял Иван-царевич пень-пнём там, где настигла его очередная жизненная пакость. И много времени утекло в бездну до того, как первые слабенькие всплески сознания стали пробиваться сквозь затопивший мозги ужас.

«Ах, мать твою, – немного придя в себя, подумал почему-то Иванушка, – сестрица Алёнушка, чтоб тебя...». Но вслух – со всем радушием, на которое был способен, – расшаркался и, преодолевая давешний ужас и страшное, ранее неизвестное ему смущение, суетливо позволил:

– Почему бы и нет. Знаете пословицу: «хоть горшком назови, да в печь не сажай», – чувствуя, что катастрофически глупеет под снайперским глазом спутницы, ляпнул он ни к селу, ни к городу. – А Вас как мне называть?

– А называйте, как и подумали – Алёнушкой, – ответила бабуся и посмотрела на жертву со значением, а у Ивана Ильича ворохнулось в голове первое подозрение: а не с пациенткой ли Кащенко свела его шутница-судьба.

На какое-то время бедолага потерял дар речи, а заодно уж – и лицо. Стоял и тупо смотрел на Алёнушку, пытаясь определить, сколько ж сестрице лет, но так и не определил: она тянула и на сорок, и на семьдесят, есть такие странные женские – да и мужские – лица.

Ивана можно, конечно, понять: он ожидал увидеть ну совершенно другой объект. Грезилась, грезилась Иванушке накануне некая роковая красавица, встречу с которой уготовала ему жизнь на склоне лет. Было, правда, непонятно, что бы он с ней стал делать, при законной-то жене, но почему бы и не помечтать.

И вдруг – такой облом, такой облом, ай-яй-яй! Да тут кто угодно попытается и с перепугу бросится в бега. Но стоял Иван столбом, и хруст его коренных зубов был слышен во всех закоулках вокруг площади Маяковского.

Понаблюдав маяту Ивана с полминуты, бабуля – божий одуванчик, свечной огарок – хмыкнула и взяла инициативу в свои руки.

– Да не тушуйтесь Вы, Иванушка, – сказала она, – а пригласите даму куда-нибудь.

И видя, что столбняк от этих слов только усилился, добавила:

– Ну, представьте, что Вы мамашу вывели погулять по вечерней Москве. Цветок-то отдайте, мне ведь принесли, – добавила она и снова повисла на его руке.

«Да что ж она мысли мои читает, что ли?!» – перепугался окончательно Иван, протягивая ей голубую розу, ставшую вдруг неуместной. И прикидывая, сколько денег у него в кармане: кабаки на Тверской – ого-го. Не укупишь.

Дальше он рассуждал приблизительно так. Говорит русская народная мудрость «попал в навоз – не чирикай»? Говорит. Попал он? Ещё как. Значит, что? А то, что не чирикай и не вибрируй, а доведи дело до логического конца, выясни, какого рожна ей от тебя надо. Ведь что-то надо, это определено.

К тому же, у Алёнушки, похоже, имеется некий, как говорят нынче, административный ресурс, который, вполне может стать, в жизни будет не лишним. Так что не ерепенесь, а веди бабушку ужинать, – додумал мысль Иван и со страхом посмотрел на спутницу. Но та, даже если и прочла его крамольные рассуждения, вида не подала, а снова повисла на руке и повлекла его вдоль по Питерской, да по Тверской-Ямской.

Сели они в каком-то ресторанчике неподалёку, официант-битюг, не спрашивая разрешения, запалил на столе дежурную свечку, уже слегка обгоревшую, и тут бабушка впервые явила характер.

– Погаси, любезный, – сказала она брезгливо и свысока, – не в церкви.

Сказано это было таким тоном, что пробрало не только битюга, но и Иванушку. Ибо почудилось им: исчез кабацкий стул и возник из воздуха царский трон, на котором восседает царица, рождённая повелевать. Да не так повелевать, как это пытается делать наш быдло-скоробогатей – с визгом и матом, – а не повышая голоса, с ледяным спокойствием и равнодушием.

«Однако, – подумал Иванушка, мысленно ей аплодируя, – не проста бабуся, ох, не проста».

Он тоже терпеть не мог игру наших нуворишей в аристократию – свечей на ресторанных столах, пиликанья скрипочки над головой и прочих атрибутов псевдосветскости.

Что, правда, всегда сносил безропотно; дать отпор не хватало характера и школы, но, скорее всего – породы. «А вот у Алёнушки хватило», – подумал он, глядя на неё новыми глазами.

И встретился с ней взглядом.

Лютый мороз побежал по спине у Ивана: напротив сидели анаконда, сова и сильнейший гипнотизёр в едином обличье, вперившись в жертву неистовыми чёрными глазами без зрачков, на дне которых клубилась бездна. В его мозгу тут же сверкнула и зажглась ярчайшим светом формула происходившего, и зазвучал знаменитый марш Шопена, потому что формула эта была «ну, пропал».

Откуда возникла эта женщина, из каких кругов ада, и что ей до него, Иван, понятное дело, не имел ни малейшего представления. Но то, что его попросят оказать нечто, какую-то огромную, несоизмеримую с укладом жизни услугу – например, продать душу, – он понял мгновенно. И произойдет это, скорее всего, сегодня, думал он, после этих вот рядовых посиделок в уютном кабачке.

Иван оглянулся – ни одной живой души не было в тёмном зале! Исчез куда-то даже давешний битюг, но на двух столах оплывали забытые кем-то свечи.

Отражались в большом стенном зеркале свечные огоньки, слегка шевелились тяжёлые синие шторы на окнах, и неясные тени, как большие ночные птицы, засели по углам.

Мрачная тишина и безлюдье так подействовали на Ивана, что ему стало казаться: нет за окнами никакой Москвы с её шумом и толчеей, а есть только этот странный параллельный мир, в котором они со спутницей очутились по чьей-то злой воле, и сейчас у него потребуют душу на заклатие.

И прозрел вдруг Иван окончательно, ибо понял: нет ему возврата в привычный мир, лёгкий и беззаботный. Не выскочит он, играючи, из западни, в которую попал, а сидящая напротив женщина – его сталкер, проводник в новой, неизвестной жизни.

Эх-эх. Знать бы тогда Иванушке, что его ждёт, бросил бы он к разэтакой матери Москву, работу, все блага земные, поменял бы фамилию и исчез в Синайской пустыне – замаливать грехи. Но не знает ничего Иванушка, и гонит его ненасытный исследовательский интерес в тёмные дебри иррационального, за которыми, как ему кажется, растёт древо познания Добра и Зла. Должно расти, не имеет права не расти.

Ну-ну.

Шутки шутками, господа, а загадка всё же была. Да какая.

В тот вечер, однако же, обошлось, и закладывание души не состоялось. Скорее всего за ненужностью, потому что в доброту чёрных глаз незнакомки верилось с трудом.

Но ни на один из мучивших его вопросов Иван так и не получил ответа. Ни кто она, откуда взялась тогда в пещере, ни что ей нужно, он так и не узнал: спутница отделялась междометиями и смешками, от которых у Иванушки шёл мороз по коже.

Не сказала она и своего имени. «Назвали Алёнушкой, вот и зовите, – отмахнулась она, – а что по возрасту не подхожу к имени.... Кто знает, – загадывала она новую загадку, – Мулдашев, вон говорят, живую воду на Тибете открыл. Возьму да умоюсь, да и помолодею».

Иванушка пучил глаза, старался поддержать разговор, да ничего путного не выходило: кто такой Мулдашев со своей тибетской водой, он, воля ваша, не имел ни малейшего понятия. Такие сомнительные сведения он никогда не впускал в свою память, потому что всех шарлатанов не переслушаешь, – пояснил он мне свое незнание.

Больше ничего примечательно в тот вечерок не произошло, если не считать малюсенького инцидента при оплате ресторанного счета. Когда Иванушка засуетился, доставая из кармана мятые сторублевки, дама царственным жестом подозвала официанта и вручила ему золотую карточку «Американ Экспресс», от вида которой халдей пришёл в уныние и сказал, что у них в ходу только наличные.

– У меня нет наличных, – холодно сказала дама, – позовите хозяина.

Халдея размыло в полутьме зала, и вскоре к их столику подошёл опрятный молодой человек со странно знакомым Ивану лицом, но только вечером он вспомнил, где видел ресторатора – это был довольно известный киноартист, который в свободное от кино время занимался ресторанным бизнесом. Об этом писали все московские бульварные листки, даже почему-то «Комсомолка».

– О! – увидев спутницу Иванушки, хозяин преобразился. – Какие люди. Милости прошу всегда. Он махнул официанту, и они распили на посошок бутылку коллекционного «шампанского».

– Что же вы, любезный, карточек не принимаете? – пожурила дама хозяина. – Этак и клиентов распугать недолго, знаете ли...

– Да? – удивился ресторатор, глаза его сверкнули, а Иванушка понял, что часы битюга в этом заведении сочтены. – Ну, я разберусь. За счёт заведения, – отводя её руку с карточкой, мягко, но решительно сказал хозяин, чем понравился Ивану чрезвычайно, и он обещал бывать.

Ресторатор мазнул по нему случайным взглядом, и Иван понял, что перед ним великий физиономист и психолог, и никакие китайские «Хуго Боссы» или «Лонжины» его не проведут.

Реакция ресторатора на его фигуру стала последним ржавым гвоздиком, вбитым тем вечером в Иваново темя – домой он вернулся в полном изнеможении и со свирепой головной болью. Бедолага впервые столкнулся с энергетическим вампиризмом, потому и не знал, что бывает с донорами после такого контакта. А то, что он стал донором своей новой знакомой, которая, судя по описанию, была ярко выраженным вампиром, Ивану стало понятно после разговора со знакомым психиатром.

После того вечерочка Иванушка восстанавливался и приходил в себя дня два. Помимо головной боли, его посетила такая бессонница, по сравнению с которой алкоголическое бодрствование казалось земным благом – там хоть делириума не бывает.

Здесь же, стоило Ивану смежить усталые вежды, как перед закрытыми глазами на кроваво-красном фоне начинало разворачиваться действие с участием таких отвратительных монстров, что бедная жертва вампира, стена и сшибая по дороге стулья, неслась на кухню. Где в первую ночь пила валокордин, а во вторую, когда стало уж совсем не вмоготу, засадила, один за другим, два стакана коньяку, после чего впервые за двое суток уснула.

Ещё пару дней Иванушка ходил, как пыльным мешком прибитый, и давал себе страшные клятвы не то что не встречаться с, не к ночи будь помянута, Алёнушкой, но – к телефону не подходить! Для чего дома завёл аппарат с определителем, но по-прежнему вздрагивал от каждой его трели.

Ну? Помог ему телефон с определителем? Да ни Боже мой. Потому что крепился он, крепился, не подходил к телефону, но, в конце концов, всё же подошел. Да и попался: услышав в трубке знакомый хриплый голос, он стал лягушкой, которая добровольно лезет в желудок к питону.

Вампириша долго не рассусоливала, сразу взяла быка за рога и предложила встретиться на старом месте в восемь вечера. На комариный писк Иванушки о «зачем» и «я занят» обратила столько же внимания, сколько обращает медведь на зудение мошкары. Сказала только, что врать насчет занятости нехорошо, а зачем – приходите и поймайте.

И Иванушка, утратив остатки воли и способности к сопротивлению, мысленно попрощался с семьёй и друзьями и поплелся к залу Чайковского.

Когда к нему подошла холёная, людоедски красивая львица, Иванушка, ещё ничего не поняв, шарахнулся в сторону. Потому что всю жизнь боялся такого типа женщин и сознательно их избегал, зная, что не он, увы, герой их романа, хоть и имеет высокий из-за залысин лоб да аристократически узкую ладонь.

– Здравствуйте, Иванушка, – между тем сказала львица и взяла его под руку знакомым хватом.

Иван трепыхнулся, присмотрелся, остолбенел, распялил рот, выпучил глаза и стал жалобно рассматривать возникшее привидение.

– Вот убей на месте – до сих пор не знаю, как она это делает! – рассказывал мне Иван. – Ушла в прошлый раз карга-каргой. А тут встала передо мной роковая красавица лет тридцати пяти, самый

охотничий, я тебе скажу, возраст. Зачесана а-ля Большой театр, холёное лицо без единого изъяна: рот, нос, разлёт бровей, линия подбородка, профиль, «от которого щемит сердце», помнишь Хемингуэя? – всё классических линий и форм. Прибавь к этому колье неизвестной цены на точёной шее да серьги в ушах – такие, что трёх бодигардов с собой водить надо... Рост, фигура, бюст пятого минимум размера – ну откуда всё взялось? Афродита на мою голову. Словом – магия без разоблачения. «Что, – говорит, – помогла мне живая вода?». Помогла, отвечаю, ещё как помогла! А сам в глаза ей заглянул, и расхотелось мне восхищаться, потому что глаза были всё те же – глаза мёртвого человека. Луч лазера, думаю, выглядит приветливее.

Заглянул я в её глаза, и сомнения пропали – передо мной стояла моя пещерная знакомая. Алёнушка, как она назвалась. Которую я в первую встречу не без ехидства прозвал бабулей. Вот тебе и бабуля, вот тебе и вечная молодость с вечной гробовой музыкой.

– Не узнали меня, Иванушка, – сказала львица, улыбаясь одним ртом. – Да, признаю: прошлый раз я неважно выглядела. Перелёты, то, сё, устала очень, а восстановиться времени не было. Напугала я Вас тогда?

Да не тогда ты меня напугала, друг милый, а сейчас, – хотел сказать Иванушка, но не сказал, потому что боялся ляпнуть народное: «кровью, мол, умывалась?». Не мог он найти другого объяснения такой реинкарнации, кроме как с помощью, сами знаете, кого, не к ночи будь помянут.

Потому что нету никаких салонов, где за сутки из бабы-яги делают Василису прекрасную, враки всё это.

А как называется то, во что превращают доверчивых бабушек в наших салонах красоты, – мы хорошо знаем. Nightmare это называется – вот как. Ночной кошмар, стало быть. Одна кинодива вон попыталась, теперь хоть телевизор не включай. Увидишь – прощайся со сном: рот – два пельменя, глаза косят и уехали куда-то на затылок – чингизид какой-то, право слово.

Так что не доверяйте рекламе, господа! Грань между мерой и лишком – штука тонкая. Чуть её переступил, и – здравствуйте, пожалуйста! Милости просим в старческий маразм.

...Забегая вперёд, скажем, что Иванушка так никогда и не узнал, что она делает с собой, чтобы выглядеть на тридцать пять лет, хотя пошла двадцатая годовщина их первой встречи.

Их общение идёт по раз и навсегда утверждённому сценарию: возвращаясь из своих таинственных отлучек карга-каргой, Незнакомка встречается с Иваном, затем исчезает на пару дней, чтобы предстать перед давно смирившейся жертвой в образе прекрасной птицы Феникс. Нарушений этого распорядка не было ни разу, так что какое уж там разгадывание тайны её превращений...

Иванушка после встречи болеет пару дней как бы лютым похмельем, затем всё проходит, и к их следующему свиданию он горит жаром и страстью, которые не слабеют с годами. Здоровье ли Иванушки тому причиной, тёмные ли чары его тайной супруги, или срабатывает эффект запретного плода – кто знает. Но факт остаётся фактом: ни с одной женщиной, кроме дамы Икс, у него не получается ничего.

Иногда Иванушке кажется, что галерные каторжане по сравнению с ним – свободнейшие люди, и хочется в минуты слабости всё бросить и бежать без оглядки, куда глаза глядят. Но беда в том, что глаза уже никуда не глядят, кроме как на календарь, отсчитывающий дни до их очередной встречи.

Странная получилась связь. И ведь что удивляет: странностей год от года не убавляется, но становится всё больше.

– Ты узнал, наконец, как её на самом деле зовут? – спросил я Иванушку, когда фантазия зашла в тупик, а называть его пиковую даму игривым именем шоколадницы Алёнушки стало не вмоготу.

– Ничего я не узнал, – понуро отвечал Иван – Зови, говорит, как хочешь, но не приставай. Меньше знаешь – целее зубы. Во!

– Так и сказала? – удивился я, потому в этой формуле мне почуялась очень серьёзная угроза, такой себе бездушный каучуковый кулак; в чём-чём, а в этом я стал, наконец, разбираться.

– Так и сказала, – ответил Иван, – и я знаю, почему.

...Она иногда звонила, предупреждая о своем прилёте или приезде, и просила обязательно быть в Москве. Но между ними была ещё одна странная, на мой взгляд, договорённость: никогда её не встречать, даже если очень хочется. И договорённость эту Иванушка соблюдал неукоснительно,

потому что чуял: стоит за запретом что-то очень серьёзное, а не просто нежелание показаться любовнику в неприглядном, усталом виде. Плевать она хотела на такие условности.

Нет ничего тайного, что не стало бы явным, сказано в одной мудрой книге. Случайно или нет – того не знаем, но Иван всё же прикоснулся к одной из тайн своей дамы и понял, в игры с какими игроками он влез.

Однажды – бывают же совпадения! – он улетал из Шереметьево на Кипр, уже сидел в самолете в ожидании старта, и в это время к соседнему терминалу подрулил, судя по эмблеме, самолёт одной из нефтяных компаний. Иван увидел в иллюминатор, как к нему подлетел шикарный «Бентли» в сопровождении джипа охраны – на обеих машинах стояли мигалки и номера с российским триколором.

«Шишку встречают», – подумал Иванушка, и в это время на трапе появилась и «шишка» – его Алёнушка в окружении трёх добрых молодцев с конкретными глазами. Опять она была карга каргой, невинной бабулечкой, от которой, кроме любви к внучатам, ожидать нечего. Дойдя до середины лестницы, невинная бабушка вдруг остановилась, будто налетела на закрытый шлагбаум, внимательно повела глазами по периметру и упёрлась тяжелым взглядом в иллюминатор, за которым оцепенел Иванушка. Ему показалось, что их взгляды скрестились, и он, ни жив, ни мертв, отпрянул в глубину салона.

«Свят, свят, свят!» – только что не перекрестился Иван, вжимаясь в кресло, но этого ему показалось мало, и он с грохотом опустил шторку.

Беспричинный ужас отступил от него лишь в аэропорту Ларнаки. И как ни пытался Иванушка доискаться причин ужаса, ничего не удалось. Зато он бесповоротно уразумел, что его волю подчинила какая-то неведомая сила, он является мелкой шестерёнкой в гигантской и кровожадной машине и себе больше не принадлежит.

Такая вот беспощадная правда.

В Москву Иван вернулся через неделю, и первый телефонный звонок, который он услышал, выйдя из самолета, был звонок дамы Икс. Вскоре она объявилась у него дома и выглядела, к его великому изумлению, как и неделю назад в аэропорту.

«О том, что видел в Шереметьево, – забудь», – после рядовых вопросов о Кипре, приказала она. На слабое Иваново «а как узнала», она хмыкнула и бросила небрежно, что если нашла его в пещерах Ливана, то уж в порту-то... «Ну да, ну да, – слабо пролепетал Иванушка, ёжась под немигающим взглядом, – случайно получилось, кто ж знал».

«Ладно, – отрезала она, – сама виновата. Надо было позвонить, да не могла, – она, видимо, что-то вспомнила и зябко повела плечами. – А открой-ка ты бутылочку, дружок, устала я что-то, – откидываясь в кресле, сказала бабуля, – пожалуй, сегодня останусь у тебя. Ну-ну, не пугайся, – увидев Ивановы остановившиеся очи, приободрила она, – ничего такого. Постели мне в кабинете».

«Ох, что-то будет, – думал обалдевший Иванушка, возясь с постелью для бабули, – виданное ли дело...». А дело было в том, что она не только никогда не оставалась у него на ночь, но и не засиживалась подолгу. В спальню же, где висели иконы, зашла единственный раз и выскочила оттуда с перекошенным и жёстко оскалившимся лицом; поразмыслив, Иван решил, что причиной тому – старинные, ещё дедовы, образа...

И было, ребята, действо под Полтавой: приснился Ивану странный сон. Представьте. Голое, без конца и края пространство красновато-жёлтого цвета, застывшие каменные валы неизвестных гор. Всё залито мертвенным светом, источник которого непонятен. И абсолютная уверенность, что нет на всём этом пространстве ни единого живого атома, лишь мёртвая, зловещая натура.

Иван видит это пространство сверху, потому что летит над ним, крепко держась за руку своей пиковой дамы Алёнушки, вновь неотразимо прекрасной. Одеты они в какие-то развевающиеся длинные балахоны неопределённого мышастого цвета, расшитые по рукавам некими каббалистическими, как подумалось Ивану, знаками.

Понять, где они находятся – на Земле ли, на Луне или какой-нибудь другой планете, – нет никакой возможности, потому что не за что зацепиться глазу в проклятой пустыне. Но поверхность вдруг начинает двигаться, и вот внизу – океан, такой же серый и безжизненный, потому что в нём не вода, но расплавленные камни, подёрнутая коркой пепла магма.

Их полёт неожиданно замедляется, и Иван замечает, что высокие волны каменного моря начинают отбрасывать тени. Он оглядывается и приходит в ужас: над горизонтом восходят две луны, чего не может быть в природе. «Не бойся, – говорит его спутница-поводырь, – ничего не бойся, и тогда мы не упадем. Хоть это и сон, мираж, но ведь и во сне можно упасть и ранить душу».

А тени от волн двоятся, становятся длиннее и выше, они тянутся вверх, к небесам, и внизу возникает город, или что-то, очень похожее на город, – с улицами, переулками и площадями. И снова Иван чувствует кожей, сердцем, что под ним – мёртвая пустыня, на которой чудом сохранились осколки погибшей жизни.

Вдруг яростное, неземное солнце врывается в сон, развалины внизу начинают таять в его лучах, некая больная пелена встаёт над городом, накрывает его непрозрачным шатром, и всё проваливается в неведомые тёмные бездны – и город, и планета, и летящая рядом спутница. Иван просыпается от дикой головной боли и сердцебиения, идёт на кухню выпить анальгину, в дверях кабинета стоит его Дама – она по-прежнему в мышастом балахоне со шлейфом. Иван отчаянно трясет головой, видение тает, он просыпается окончательно, но всё ещё ощущает в руке тонкие пальцы, за которые держался во время ночного полёта.

А из ванной комнаты выходит Алёнушка, свежая, как утренняя заря, как Венера с картины Боттичелли. Это уже не сон, Иванушка хватается за сердце и чувствует, что сейчас, сию минуту позорно грохнется в обморок. Ему, однако же, этого не дают, сажают в кресло, подносят чашку кофе, гладят по голове, что-то приговаривая по-матерински.

– Сон ужасный приснился, – слабо объясняет Иванушка, но ласковая рука зажимает ему рот.

– Ничего не надо говорить, я знаю, знаю, – объясняют терпеливо, – подожди, всё прояснится само собой. И ничего не бойся; это не опасно, это только сон.

«Какое, на фиг, не опасно», – думаю я, выслушивая в очередной раз его сбивчивое бормотанье и отмечая, как он изменился: давешний весельчак куда-то подевался, а передо мной сидел пожухлый человек с большой тревогой в глазах.

– Слышал я, конечно, о вампирстве, но о такой его форме – уволь. Чтобы за счёт энергии донора расцветали и молодели... Нет, не помню. Надо будет спросить, – только и сказал я, понимая, что ничем помочь Ивану не смогу; здесь третий – лишний, искать выход ему придется самостоятельно.

История, однако, получалась странная, с примесью мистики, чертовщины и мрачной тайны, в которую, судя по рассказу Иванушки, были вовлечены то ли государственные структуры, то ли очень серьёзный бизнес, и что страшнее, неизвестно.

Но в любом случае от всего этого следовало держаться подальше, потому что любая секретная информация для её носителя чрезвычайно опасна, а если ты влез в неё случайно – опасна вдвойне.

В этой связи мне вспоминается из ряда вон выходящий по своей жестокости случай, произошедший с обычными людьми, которые совершенно случайно прикоснулись даже не к тайне, нет, но к структурам, имеющим привычку не оставлять свидетелей.

В одну из городских больниц поступил по «скорой» пациент с проникающими дырами в грудной клетке, животе и спине – чья-то изуверская рука нанесла ему семь ножевых ранений, и каждое из них было смертельным. Но раненый, отнюдь не богатырской стати, имел такую жажду жизни, что дожил до операционного стола, был удачно прооперирован, помещён в реанимацию, но впал в кому, из которой так и не вышел и умер-таки ровно через сорок дней после ранения.

Ну, умер, и умер, мало сейчас народу мрёт от ножевых ранений. Так-то оно так, да случилась одна заковыка: убитый оказался в большом авторитете. А поднявшего руку на авторитета ждёт, как известно, неминуемая и жестокая смерть – это и есть закон, по которому живет криминал.

...Не знаю, что сделали его «торпеды» с убийцей, но хорошо знаю, что случилось с врачами больницы, которые позволили пациенту умереть.

Врач-реаниматолог, отвечавший за пребывание раненого в отделении интенсивной терапии, стал вдруг ежедневно пить, причем так, что с работы его увозила жена. Это было тем более удивительно, что до этого момента он практически не пил, лишь на праздник позволял себе немного сухого вина. Почему и слыл трезвенником. А тут запил, да так, что стали всерьёз опасаться за его здоровье.

Коллеги пробовали его уговорить, это не помогло, он продолжал наращивать темпы. И допился до глюков – бегал по отделению и кричал, что ему всё равно конец.

Исчез он на второй день после смерти своего пациента, исчез без следов, даже показ по телевизору его фото в рубрике «Найти человека» результатов не дал.

Вторым и, к счастью, последним пострадал... впрочем, какое – «пострадал»! Был убит главврач больницы – безвредный, тихий пьяница; ему проломили голову в собственном подъезде.

Преступлений так и не раскрыли – кому было дело до каких-то врачей в гулевые девяностые годочки.

Не берусь утверждать, что эти смерти напрямую связаны с умершим в больнице паханом, однако исключать эту версию нельзя.

Рассказал я это к тому, чтобы ещё раз отметить: в России по-прежнему имеется достаточно структур, живущих по своим корпоративным законам, и простому обывателю такие структуры лучше обходить десятой дорогой.

У Ивана Ильича не получилось. Он по чьей-то злой и сильной воле оказался втянут в какую-то историю, сути которой не понимал. И не знал, чего ему ожидать в дальнейшем. Более того: он просто не знал, как жить дальше и чего бояться. А то, что бояться чего-то надо, он ощущал всеми мыслимыми и немыслимыми чувствами и не находил себе места от бессилия.

Между тем, в его, так сказать, обывательской, повседневной жизни начался полный кавардак. Первой не выдержала жена, которая, прожив с Иванушкой двадцать с лишком лет, изучила его, как свои перчатки. И ясно видела, что муженёк не в себе. Так мало того, что не в себе: несколько раз в месяц от него прямо-таки разит явно женскими «Кензо».

Что может подумать в подобном случае нормальная женщина? – спрашиваю я вас. Конечно, именно это: бабу завёл. Оттого и не в себе, что живёт на две семьи, а из своей холостяцкой квартиры устроил дом свиданий, даже постояльцев выгнал, а денег лишних не бывает...

И всё в таком духе.

Бедная она, бедная. Да знала бы супруга, при каких обстоятельствах и чем приходится заниматься её мужу, она бы пороги церковей обила, лишь бы вымолить ему прощение.

Но ничего она не знала, пустилась во все тяжкие, и скандалы со слезами, битьём посуды и угрозами развода и раздела имущества навсегда прописались под крышей дружного когда-то дома.

Начались сложности и на работе. Ну, какому, скажите, начальству понравятся регулярные невыходы подчинённого на службу по причине неясной болезни – а Иванушка, валяясь после визитов Дамы пластом в своей квартире, и думать не мог о появлении в офисе.

Стали подозревать исконную русскую хворь; именно – запой. И наладили к нему на дом комиссию на предмет освидетельствования. Комиссия пришла, покрутила носом и отправилась во свояси в полном недоумении: пустые бутылки по полу не катаются, морда после вчерашнего не опухла, перегаром не разит. Что прикажете думать? А что ж тут думать: наркотическая ломка, вот и всё.

И слово упало, и долго Иванушка оправдывался да таскался по врачам, которые подтвердили полную его непричастность к молодежной забаве по имени «кокс», «герыч», «экстези» и ЛСД. Равно как и план кашгарский и анаша ростовская, цыганская.

Тогда плюнули, и всё списали на Луну, давление, океанские приливы-отливы и мужской климакс. И долго чесали репы – прикидывали, что делать со скорбным душою сотрудником. Да так ничего и не придумали, и всё продолжает катиться, как есть: Иванушка работник ценный, такими не побросаешься.

Так Иван получил индульгенцию, и теперь имеет почти официальное разрешение на то, чтобы пару раз в месяц впасть в непонятную никому болезнь, которая как приходит неожиданно, так неожиданно и уходит, не оставляя никаких следов на лице и теле.

Что касаемо души – ну, не знаем. Дело это личное, и лезть туда не следует, – решило начальство и успокоилось, и больше нет у Ивана проблем с сочинением оправдательных бумаг, и ничего не надо выдумывать. Ни смерти троюродного дяди по отцовской линии, ни приезда слепоглухонемой тётки из Саратова, ни безносого убийцы Гестаса, ни жестокого пятого прокуратора Иудеи всадника Понтийского Пилата.

Эко меня занесло. Так ведь всё равно обвините, лучше уж самому...

...Очередное светопреставление Иванушка устроил мне гнусным дождливым вечером поздней осени, когда, по преданию, хороший хозяин даже собак на улицу не выгонял.

Тоном, отсекающим всякую возможность возражений, он приказал мне немедленно явиться в какой-то кабак на Смоленской площади, забыл название. По-моему, что-то наподобие «Джон Буль». «Только приезжай без машины, – орал он в трубку, – без поллитры не разберёшься».

Иванушкино возбуждение не понравилось мне категорически, но делать было нечего – пришлось оставить свои воскресные дела и тащиться навстречу спорному удовольствию пить водку на ночь.

При входе в кабак я был атакован и едва не искусан злобной шавкой, прогуливавшей хозяйна. Я искренне удивился – с чего бы это? Собаки меня любят, зная, что и я в них не чаю души. А тут – такая немотивированная агрессия. Теперь-то мне хорошо известно: то был знак, умница собачка отгоняла меня от беды, да куда там. Впёрся я в кабак под укоризненным собачьим взглядом и обнаружил там пьяного в стекло Иванушку – таким я не видел его ни разу.

Он сфокусировал на мне взгляд, с грохотом отодвинул стул и полез целоваться – мы всё-таки дети застоя. Стоически вытерпев процедуру, я усадил Ивана, сел сам, и вперился в его невеликие глазенки, по причине окосения почти пропавшие с лица. И спросил без запева:

– Ну, и какого хрена?..

– Тс-с-с! – он приложил палец к губам и стал оглядываться, – за мной, возможно, следят! Сядь ближе, – он сделал попытку отодвинуть для меня стул рядом с собой, чуть не опрокинул стол, и я, чтобы не искушать судьбу, быстро пересел на его сторону. И Ванечка немедленно воткнул свои губы мне в ухо.

«Хорош конспиратор, – подумал я, – вот сволочь! Ну, спасибо за такие подарки» – аббревиатуры МГБ, КГБ и ФСБ меня по-прежнему пугают – гены, чёрт бы их побрал.

– Такое расскажу, такое!.. – дыша смертным перегаром, шипел мне в ухо Иванушка. – Умрёшь – не поверишь!

– Стоп! – сказал я, прикинув, что если его пасут, то, возможно, и пишут. – Рассчитайся, и поедем ко мне. У меня заночуешь, твоей что-нибудь наврём.

Опрометчиво это было с моей стороны. И дело не в том, что Иванушка, вляпавшись в мутную историю, мог втравить и меня – плевать я хотел на его истории. Дело же в том, что переть на себе сто десять килограммов живого пьяного веса было достаточно тяжело, тем более что Иван норовил стрести свободной рукой всех девок, попадавших на нашем тернистом пути.

– Сколько ж ты, сволочь, выжрал? – спросил я его в такси. – При твоём центнере живого веса так может развезти литров от полутора.

– От двух, – мотнул головой Иванушка, навалился на плечо и для наглядности сунул мне в нос два пальца с чёрной каймой под ногтями. – Она ведьма, – вдруг заявил он, страшно выкатив глаза, – ведьма, точно знаю.

Вот только этого мне и не хватало – делириума.

– Дома доскажешь, – перебил я его, – спи пока.

– Не вынесла душа, – сказал он злорадно, – впервые за двадцать лет, понимаешь ты – двадцать!..

Но мне не суждено было узнать, что это за таинственные двадцать лет, потому что Иван рухнул головой на грудь и временно умер.

«Кина не будет», – подумал я, сожалея о том, что ташу его к себе – завтра мне светил очень непростой день, хотелось выспаться, но кто его знает, какие еще сюрпризы роятся в этой многомудрой пьяной голове.

Дома, усадив тяжёлого, как сейф, Ивана в кресло, я пошел стелить ему постель, а когда вернулся, на месте гуляку не обнаружил. Зато он сидел за кухонным столом и сосредоточенно читал этикетку прихваченного из ресторана «Абсолюта». Хотя, что там было читать – неизвестно.

– И какого рожна ты прокатил меня по ночной Москве? – спросил я, взглянув на часы. – Второй час ночи.

– А завтра воскресенье, – куражась, ответил Иванушка, – выспимся.

– Строго говоря, завтра понедельник, – я попытался отнять у него бутылку, но куда там, – совсем у тебя крыша съехала с твоими ведьмами.

– А ты откуда знаешь про ведьму?

Он уставился на меня подозрительно, но тут же уронил голову на грудь и подтвердил:

– Да, ведьма. И можешь повертеть себе очередную дырочку, – ткнув себя вилкой в грудь, совсем уж непонятно добавил он. – Для ордена.

Какие ордена мне полагались, осталось невыясненным – Иванушка опять сосредоточился на бутылке.

– Ведьма потому, что мысли читает? – спросил я уныло, видя по его настроению, что поспать мне вряд ли удастся – Иванушка не без лихости открутил-таки голову «Абсолюту».

– Мысли? – переспросил он. – Что мысли; тут похлеще будет. Она может летать, понимаешь? – Он смотрел на меня абсолютно трезвыми глазами. – И я ей верю.

«Так, – сказал я себе, – спокойно. На белую горячку не похоже, глаза вмняемые. Тогда что?».

– На чём летает-то? – решив подыграть Ивану, спросил я. – На самолёте, воздушном шаре? Или на метле?

– Зря ты так, – уловив насмешку, сказал Иван, – какие там шары. Я думаю – это её сознание. Тело остаётся на Земле, а сознание каким-то таинственным способом перемещается в пространстве и витает над Луной, Марсом... Дальше, говорит, пока не забиралась, какой-то энергии у кого-то не хватает – то ли «пси», то ли «кси», чёрт их разберет...- Он сделал таинственный пасс перед носом.

И тут я вспомнил: было что-то такое, некая передача по телевизору. Там, кажется, тоже отправляли куда-то контактёра, имели место какие-то пояснения, комментарии специалиста, но я не обратил на эту ересь внимания – по причине неверия, понятно.

И теперь – на тебе! Похоже, тема коснулась моего знакомого, причём очень специфическим образом: ведь при первой прикидке получалось, что Иванушка служит аккумулятором, от которого подзаряжается его знакомая-контактёр, разряжающая собственные запасы некоей энергии при нематериальных космических путешествиях, если таковые допустить.

Да чушь собачья! – взорвалась в голове мысль, – не может этого быть! Какая-то форма гипноза, мало ли сейчас шарлатанов развелось. Но Иван, конечно, хорош. Дошалился, зар-раза. «А вот и час расплаты пришёл», – думал я, стараясь вспомнить, слышал ли ещё что-то о нематериальных космических путешествиях, и ничего не вспомнил.

– Тебе откуда об этом известно? – спросил я, решив, раз уж пошла такая беседа, вытащить из него всё.

– Да сама и рассказала, – ответил Иванушка и для выразительности вылупил глаза. – Не знаю, что на неё нашло.

Дело, по его словам, заварилось нешуточное. Что уж там случилось с его знакомой, Иван не знал, но из очередной отлучки она вернулась сама не своя. Выдернула Иванушку из дома среди ночи, и они поехали в его квартиру на Бабушкинской. Иванушка видел её всякой, но такой – ни разу: было впечатление, что она не может от усталости произнести ни слова. Что касается внешности, – к атрибутам старости добавился серый – в синеву – цвет лица и губ. Краше в гроб кладут.

Войдя в квартиру, она, не раздеваясь, рухнула на диван и проспала почти сутки, проснувшись только вечером следующего дня.

«Тяжело было?» – спросил её Иван, совершенно потерявшись и не зная, что говорить. «Тяжело?» – переспросила она и посмотрела на Иванушку своими знаменитыми глазами, которые на этот раз как бы подернулись пеплом. И добавила непонятное: там, дескать, в ходу другие категории. «Где – там?» – спросил Иван, лишь бы что-то спросить, и, услышав ответ, оцепенел. «На Марсе, – сказала она, как о чем-то обыденном, и добавила: – устала я, Иванушка, ничему не рада. Сил больше нет. Старею, что ли?».

Всё, что угодно, готов был услышать Иван: экономическая контрразведка, подготовка вооружённого восстания в Мозамбике, преподавание этикета в королевском лицее Великобритании, верчение тарелок с предсказанием судеб, поиски Шамбалы, Мангазеи и сокровищ альбигойцев, вышивание крестиком, участие в масонских ложах, ордене розенкрейцеров или в заседаниях мирового правительства... Но Марс?! Причём здесь Марс?!

Это было вне его понимания, за рамками жизни, за пределами интересов, поэтому Иван оцепенел, как цепенеет сраженный пулей врага воин, чтобы в следующий миг рухнуть навсегда в объятия матери-Земли.

Увидев его выпученные глаза, Неизвестная усмехнулась обидно и сказала: «Хороший ты человек, Иванушка, и энергоноситель отличный, но до чего же тёмный! Лет десять назад по телевизору

рассказывали о таких путешествиях, но тебя, видать, тогда не было дома. – Она помолчала, думая о чём-то, затем сказала, продолжая тему: – Вскоре, правда, опомнились, дали, кому надо, по мозгам. И правильно дали, нечего до срока болтать. С тех пор – тишина. Но работа идет, ещё какая работа».

– Ну-ка, ну-ка! – оживился я, дослушав до этого места. – Ту передачу я помню. А что она ещё про Марс говорила? Ведь что-то говорила?

– Ну, говорила, – сказал вяло Иванушка, как будто разом устав – это из него выходил хмель; теперь-то я понимал, по какому поводу он так нарезался в одиночестве. – Говорила, что Толстой – гений. Угадал атомную войну на Марсе. Во времени, правда, говорит, ошибся на пять-шесть тысяч лет. И что бы это значило? – Иван как бы в недоумении развёл руками. – Не понимаю. Анну Каренину знаю, Катюшу Маслову там... А Марс причём?

«Всё ты понимаешь», – подумал я, заглянув в его глазёнки, враз ставшие хитрыми. И вслух сказал:

– Проверяешь, давно я перечитывал «Аэлиту»?

– Действительно! То-то я... начал Иван, но что – «то-то он», так и осталось неизвестным: дикий в ночной тишине телефонный звонок завязал в узлы наши нервы.

Да здравствуют определители телефонных номеров! Да здравствует свобода выбора: брать трубку, или нет.

Мы, по наущению Иванушки, трубку не взяли. Услышав металлический голос аппарата, он изменился в лице и почему-то шёпотом сказал: «Это она. Но как...». Закончить фразу Ивану опять не удалось, потому что в холле, где он бросил пиджак, грянул какой-то марш энтузиастов, а в завершение звукового ряда взвыл минорными аккордами ещё один звонок – это заверещали наши мобильные.

«Ос-сп-по-оди!» – шёпотом взмолился Иван и, сделав круг по комнате, ринулся в переднюю к мобильному телефону.

Итак, имеем диспозицию: по стационарному телефону звонит Неизвестная, а по мобильным достают жёны – спохватились, лебёдушки, в три часа ночи.

Ну, жёны – ладно, работа у них такая. Но мадам Икс? Этот сон что значит? Откуда у неё мой телефон, если Иван клянётся, что она даже о существовании моём не знает? Вопрос? Вопрос, согласитесь.

И я, старый разведчик, прикладываю палец ко рту и выдираю из рук Иванушки пиджачок, в котором и обнаруживаю искомое: наисовременнейший клопик – его, не имея навыков, можно принять за обычный волосок, приставший изнутри к пиджачному отвороту.

Занавес, вашу мать!.. Уснули, сукины дети?! Спектакль окончен, начинается жизнь, которая будет покруче сценических драм.

Я взял клопа пинцетом, со всеми предосторожностями отделил от пиджачного ворса, отнес в туалет, прикрепил аккурат в унитаза. «Ещё и не то услышите, суки», – пообещал кровожадно и вышел, плотно прикрыв дверь.

Вот теперь занавес...

Нельзя сказать, что открытие меня поразило, к чему-то такому я подсознательно был готов. И всё же некое смятение чувств ощутил, поэтому и действовал не по уму, но по велению сердца: слушаете меня, сволочи? Ну, так послушайте уж заодно и страстный голос унитаза.

Зря, конечно, только карты открыл: знаю, мол, о ваших происках.

Вернувшись в комнату, я уселся в кресло и стал думать. А подумать было над чем. Подтвердились мои худшие подозрения: Иван под колпаком у Мюллера, или у какой-нибудь другой, чрезвычайно мощной структуры. Но, принимая во внимание масштабность задач – Марс, Космос и всё такое – я был склонен думать, что это всё-таки заботливый папаша Мюллер, сиречь государство.

Теперь, когда они прослушали откровения Иванушки, под колпак попал и я, но чем это грозило, пока не представлял. Пораскинув быстренько мозгами, я пришел к выводу, что положение моё будет похуже, чем у Ивана: Иван им – вернее, ей – нужен как «энергоноситель», чёрт бы их подрал! Я же, став по милости раздолбая Ивана носителем секретной информации, представляю реальную опасность для всего дела. А как спецслужбы всего мира борются с утечками информации? Ась? Правильно. Путем нейтрализации носителя секретов – термин «нейтрализация» понимайте, как хотите.

Чем я мог ответить на возникшую опасность? Хи-хи-хи-с, ответить. Тебе так ответят, что костей не соберёшь, – подумал я. – Так что сиди и не рыпайся; твой номер семнадцатый, вызовут, когда соизволят.

Да. Как верёвочка ни вейся, а завьёшься ты в петлю. Раз всё равно спросят, то разницы уже нет, что ты знаешь, а чего – нет, решил я. А коли так – вытянем из Ванятки всю информацию, потому что марсианские хроники интересуют меня с того самого момента, как прочёл я «Войну миров».

Согласитесь, Марс – самая загадочная планета Солнечной системы. Каналы его – дело прошлое, куда интереснее другие невероятные объекты, сфотографированные американским «Вояджером» еще в 1976 году. Там есть, в частности, четыре пирамиды, очень похожие на египетские, есть объект, который условно назвали «Город», хотя можно было обойтись и без условностей. Потому что это «поразительный прямоугольник, состоящий из множества объектов, расположенных под прямыми углами друг к другу, включая выровненные углы и даже «улицы», проложенные примерно с севера на юг». (Цит. по Graham Hancock, Robert Bauval & John Grigsby. The Mars Mystery. A tail of the End of Two Worlds. London, 1998).

Но наибольший интерес представляет, конечно же, «Лицо Марса» – огромный скальный объект в виде запрокинутого в небо человеческого лица, глядящего в просторы Космоса таинственными глазами, под одним из которых как будто бы застыла слеза. Некоторые исследователи безапелляционно утверждают, что это есть – ни много, ни мало – лик Иисуса Христа.

Прибавьте к сказанному и тот факт, что Марс старательно оберегает свои тайны, сбивая или нейтрализуя каким-то другим способом большинство станций и модулей, которые человечество к нему отправляет, и вы получите малый реестр загадок Красной планеты, которые не интересуют только лентяя.

Мог я, зная всё это, пройти мимо уникальной информации, которую случай насильно пихнул мне в руки (я имею в виду откровения Ивана Ильича)? Конечно, не мог.

...Иванушка как плюхнулся на стул после телефонной канонады, так и сидел, зажав руки между колен.

– Рассказывала она что-нибудь ещё? – нейтрально поинтересовался я, как будто и не находил на нём жучка. – Какие-нибудь подробности, путевые, так сказать, заметки с Марса?

– Ничего, – Иван очнулся от оцепенения и посмотрел на меня виновато. – Подставил я тебя.

– Пустое, – сказал я, – тебе-то уж точно ничего не грозит. А мне... Ну, не смертельные же секреты я узнал. Клопа, конечно, зря дезавуировал, теперь они знают, что я знаю. Но ничего, как-нибудь сдюжим. Так рассказывала что-нибудь? – снова вернулся я к теме Марса.

– Точно – ничего. Опомнилась быстро: не обращай, говорит, внимания. Да я, если честно, не очень-то во всё это верю: ну, устала бабуля, прослезилась, вот и нагородила, кто знает чего.

Хитрил Иванушка, вводил меня от темы, как перепёлка уводит лису от гнезда с выводком.

– А ты поспрашивай, поспрашивай. Вдруг да и расскажет что-нибудь интересное. А то что же; летать – летала, а что видела? – Я испытывал Иванушку взглядом с минуту. – Ладно?

– Ладно, – кивнул он головой, на чём мы и расстались.

И отправился Иван-царевич пытаться царевну-лягушку о тайнах Марса, а меня прямо-таки обуял исследовательский раж. Передо мной приоткрылась на микрон магическая дверца, и из неё сверкнул тоненький лучик Тайны – кто из нас, граждане, устоит против мощного зова неведомого.

И я не устоял, а докопался до самых глухих антресолей души, где пылился в забвении азарт первооткрывателя – я засунул его туда сразу после защиты диссертации по экономике Китая. Мода в девяностые пошла такая: какие диссертации, какие исследования?! Куй железо, не отходя от кассы, один раз живём!

Перестройка, короче говоря. Экономики, политики, умов, характеров, верхних, нижних, дальних и ближних. Всего и вся, что и представить нельзя.

Но пришло-таки время, и понадобился мне азарт, потому что засел в голове ржавый костыль: где-то я читал о путешествиях именно на Марс введённых в гипнотический транс медиумов. Я залез в Интернет, просидел там долгонько, но нарыл такое – никогда не угадаете.

Оказывается, ещё в 1902 году выдающийся швейцарский психолог Карл Густав Юнг (ни хрена себе!) опубликовал книгу «О психологии так называемых оккультных явлений». Это была его докторская диссертация.

Так вот. В процессе работы над диссертацией он вводил в транс свою кухню Элен Прайсверк, которая в этом состоянии и совершала, по её словам, космические перелёты именно на Марс! Впечатления её были сумбурны, так ещё бы: ей тогда было всего четырнадцать лет. Но главное, что сообщила Элен, заключалось в следующем: планета населена, жители передвигаются исключительно на неких летающих машинах (не напоминает электрические лодки из «Аэлиты?»), каналы используются для орошения, небо, почва и растения там розовые.

Вот тебе раз.

Я сидел у компьютера, чесал затылок и пытался прийти в себя. Конечно, для тех, для кого Марс – профессия, – это азы, известные со школьной скамьи. Но войдите, господа, в положение дилетанта: не успел копнуть, – и на тебе! Карл Густав Юнг. И Марс.

Откровения бедняжки Элен сегодня не выдерживают, конечно, никакой критики. За сто лет наука много чего узнала о нашем космическом соседе, но! Тенденция, ребята. Со слов Ванькиной Незнакомки выходило: дело Юнга живёт и процветает, опыты по трансцендентальному изучению Красной планеты продолжаются.

А что это значит конкретно для меня? А то, что я дёргаю за усы тигрицу по имени Государственная тайна и при этом скалю зубы – так мне весело. Чем это может кончиться, догадывайтесь сами.

«Втравил меня таки, сволочь», – подумал я о Ваньке. Вполне, кстати, беззлобно подумал: не было бы счастья, да несчастье помогло – я узнал что-то такое, от чего захватывало дух. А что есть, что будет и чем сердце успокоится... Поживем – увидим. Но интуиция – верный мой поводырь и попутчик – подсказывала: всё будет нормально. Никому вы, два малахольных перестарка, и задарма не нужны. Подумаешь, секретносители. Да таких носителей на три копейки в базарный день пучками на «Садовое» продают.

Я продолжил раскопки, и вскоре наткнулся на материал, который развеял последние сомнения: посещения Марса нашими и не нашими медиумами продолжаются.

Некая Дебора Гурфинкель на страницах «Бритиш Медикал Мэгэзин» от января 1992 года рассказывала о турне на Марс, причем чувствовалось: предмет она знает глубоко. Приведу её рассказ с незначительными сокращениями, сохраняя стиль и пунктуацию автора. Самое начало опускаю – там идет некая абракадабра из научных и оккультных терминов, касающаяся подготовки медиума, этой самой Деборы, к погружению в транс и транспортировки её «третьей сути» на Марс.

«...Страх, который я испытывала перед погружением, исчез, как только доктор Пайплайн (Pipe-line) простёр раскрытые ладони над моим лицом, и я почувствовала – лбом, щеками, шеей – лёгкие уколы. Веки сами опустились на глаза, и тут же, почти без перехода, мгновенно, я увидела себя неким внешним зрением – я лежала на деревянном помосте среди пустынной местности, освещённая красноватым светом костров, расположенных треугольником вокруг моего ложа.

Ночь была совершенно чёрной, какими бывают ночи в новолуние, и мерцающее пламя костров вырывало из темноты стоявшие вокруг меня фигуры в белых халатах – это были доктор Пайплайн и его ассистенты.

Страх, повторяю, исчез – я вспомнила предупреждения доктора о том, что мои ощущения в самом начале эксперимента будут похожи на ощущения людей, переживших клиническую смерть. Но это не будет смерть, не исход из тела души; это будет высвобождение и выход в эфир моей третьей сути – с большой натяжкой это можно назвать высвобождением сознания, астрального тела (так в первоисточнике), которому по завершению опыта предстояло вернуться в мою первую суть – тело физическое.

...Вспоминаю самое начало пути к Марсу – моё обучение в лаборатории доктора Пайплайна. Обращаясь к нам со вступительной лекцией, он, в частности, задал наивный до смешного вопрос: что в мире самое быстрое и всепроникающее – как во времени, так и в пространстве. Он имел в виду, конечно, человеческую мысль. Когда мы так и ответили, доктор сказал, что, если определенным образом материализовать наше сознание, то мы сможем путешествовать во Вселенной без пространственно-временных ограничений – эти категории просто перестанут для нас существовать.

Тогда-то он и сказал нам, что некая группа учёных создала технологии для перемещения человеческого сознания во времени-пространстве и уже ведёт с их помощью исследование ближнего

Космоса. Тогда же мы – группа добровольцев – впервые услышали о «третьей сути», но прошло два с половиной года упорнейшей и изнурительной работы¹, прежде чем Пайплайн счёл моё «третье я» готовым к участию в планетарных исследованиях.

...Никакого скачка-перемещения через космические расстояния я не помню, да его, думаю, и не было. Передо мной вдруг возникла новая картина – розовая каменистая пустыня, при виде которой сложилась её абсолютная характеристика – безводная. На горизонте тянулась плавная цепь невысоких гор, над которыми висело низкое, мутное из-за пылевых облаков Солнце значительно меньших размеров, чем у нас. Открывшаяся картина была такой безрадостной, что заныла оставленная на Земле душа.

Как я ориентировалась на марсианской местности, сказать не могу. Думаю, меня направляли с Земли доктор Пайплайн и его группа. Но то, что я вскоре увидела, было хорошо знакомо по фотографиям «Викинга», – я медленно плыла на высоте полукилометра над равнинами Сидонии², приближаясь к объекту «Лицо Марса» – главной цели моего погружения.

...Я знала, что меня нет на Марсе, я по-прежнему на Земле, но мистический ужас крался по пятам и вмиг овладел всем моим существом, всем сознанием, едва я воспарила над Лицом – для этого пришлось подняться на высоту до километра. И я увидела: подо мной в свете низкого марсианского солнца спал вечным сном изваянный неизвестным ваятелем циклопический лик библейского пророка, уронившего перед смертью одинокую слезу печали, так и застывшую навеки на правой щеке.

Не знаю, была ли то игра света и тени, или же ветер сдул с Лица вековую пыль, но мне вдруг показалось, что глаза колосса открылись и впились в самую мою душу пронзительнейшим взглядом, несшим такой колоссальный заряд неведомой энергии, что я умерла мгновенно.

Потом были навязчивые кошмары видений, изредка рвалась чёрная пелена, накрывшая меня с головой, и в прорехах возникали земные образы – люди в белых одеждах делали что-то с моей плотью. После чего я опять проваливалась в небытие, и химеры мрака рвали на части мой дух...

– Мы переоценили возможности твоей психики, девочка, – сказал доктор Пайплайн, когда я через полгода окончательно пришла в себя. – Такие эксперименты... Мы, пожалуй, к ним ещё не готовы, потому что не можем гарантировать безопасность. – Он помолчал и спросил: – Что думаешь об этом? Ведь больше не сможешь, а? – но в его глазах светилась такая надежда, что я неожиданно для себя сказала:

– Смогу, доктор. Я-то как раз и смогу, потому что была там и знаю, чего ожидать. Другим будет труднее.

Прошло ещё много дней, прежде чем я успокоилась окончательно, и химеры перестали мучить меня. Мне по-прежнему снится Лицо, и чем больше я всматриваюсь в него, тем прекраснее и загадочнее оно мне кажется. Как-то я была в Египте и, стоя перед Сфинксом – земным побратимом Марсианина – сказала себе: да, похожи. И тот, и другой несут в себе Тайну. Но загадочный взгляд Сфинкса ищет кого-то на Земле, взгляд же Марсианина, пронзительный и грозный, устремлён в небо, к звёздам и как бы ожидает от них какого-то послания или посланцев – потомков тех, кто тысячи и тысячи лет назад высек из скалы образ своего Прародителя...».

...Помню, прочтя это впервые, я выудил с книжной полки «Аэлиту» и заглянул в финал. Ну конечно: «Голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски летит по всей Вселенной, зовя, призывая, клича, – где ты, где ты, любовь...».

Круг замкнулся. Моя сознательная жизнь началась именно с Марса по «Аэлите» – я прочел её лет в двенадцать, чтобы через сорок лет вернуться к Марсу же, но в совершенно неожиданном преломлении. Значит это что-нибудь? – спросил я себя. И ответил: да ничего не значит. Но некие шутки Матери-природы за этим коловращением всё-таки углядеть можно. «Вот тебе и Тума, звезда печали, – шептал я, листая веб-странички, – вот тебе и вечная молодость».

«И светлая грусть опустила на его чело».

---

¹ По словам Деборы Гурфинкель, в ходе тренировочных погружений она «обшарила такие закоулки Земли и такие глубины Мирового океана, до которых привычным способом человечество доберется через сотни лет». В её рассказе особняком стоит загадочная фраза о разумных обитателях морских глубин, но тему эту мы оставляем до лучших времен.

² Понятно, что все марсианские наименования запущены в обиход земными исследователями. Сидония – высокогорное плато Северного полушария Марса, названное так в честь Сидона – библейского государства на территории современного Ливана (прим. авт.).

... Следующая веб-страница заставила меня подпрыгнуть на стуле и немедленно позвонить Ваньке – то, что я прочел, объясняло всё. Иванушка примчался слегка перепуганный и с порога вцепился в меня мёртвой хваткой. Я спросил, как он себя чувствует, не надо ли чего, пирамидону, к примеру, затем усадил за компьютер и сказал:

– Читай. Да внимательно, с выражением читай.

Это было коротенькое сообщение сингапурского журнала «Стрейтс Таймс» от января 2003 года. В нём говорилось, что группа ученых из Индии, Сингапура и Японии провела очередной эксперимент по виртуальному путешествию на Марс, причём в качестве медиума выступила представительница России, вместо имени которой, как и ожидалось, в тексте стояли три точки.

По словам журнала, эксперимент завершился настолько удачно, что можно с полным основанием утверждать: способ исследования Космоса посредством транспортировки человеческого сознания за пределы Земли, открытый несколько десятилетий тому назад, окончательно доказал свою состоятельность и имеет право на существование наряду с традиционными методами исследования космического пространства.

Получили подтверждение результаты предыдущих попыток исследования Марса – как с использованием космических лабораторий, так и с помощью медиумов, при этом россиянка продемонстрировала свои выдающиеся возможности в области трансцендентальных путешествий. Будучи втроекратно погружаема в транс, она благополучно из него выходила и сообщила ценнейшие сведения о нашем космическом соседе, в частности, об искусственном происхождении объектов Сидонии («...»).

... Я смотрел на Ивана и понимал: всё совпало, и не надо больше гадать на кофейной гуще, что за рыбка попала к нему в сети. Или наоборот – кому на зуб попал Иванушка.

– Помнишь, я просил тебя позвонить по некоему мобильному телефону и определить, на каком языке говорит автоответчик? – спросил Иван, глядя перед собой далёкими глазами.

Я помнил. Потому что та его просьба меня вначале удивила. И только погодя, я смикитил, что Иванушка хотел узнать, в какие дали занесло в тот раз его мистическую Незнакомку.

Язык был китайский, а время – декабрь 2002 года, то есть, как раз накануне совместного индо-японо-сингапурского эксперимента по транспортировке российского сознания на Красную планету.

– А помнишь мой сон? Ну, я тебе рассказывал – полёт над неизвестной планетой. Алёна у меня тогда ночевала, помнишь? – вопрошал обречённо Иванушка, который тоже всё понял. – Видать, то были какие-то отголоски её видений. Как уж она меня в них втащила – кто знает, но теперь нет сомнений – она не врёт.

Я помнил. Последний кирпич аккуратно лёг в выстроенное нами здание, и оно перестало быть карточным домиком догадок. Теперь это была уверенность. В том, что Иванова Незнакомка – важнейшее звено некоей сложной и таинственной международной программы, и на неё, Незнакомку, возложены такие задачи, которых мы просто не можем представить. Потому что нашего ума на постижение этих задач не хватает.

Судя по сообщению «Стрейтс Таймс», она – уникал даже среди равных, и её способности пользуются огромным спросом. Отсюда её частые отлучки и смертельная усталость, которая оборачивается ещё и мгновенным старением, что для любой женщины смерти подобно. Тяжёлая ноша, врагу не пожелаешь, и если за этим не стоит чисто меркантильный интерес, то она – подвижник науки и личность, несомненно, историческая.

И тут я впервые подумал: а перемещаясь в пространстве, не перемещается ли она ещё и во времени? Очень может быть. И если это так, то становятся понятными её превращения из старухи в Елену Прекрасную и наоборот.

Додумать мне не дал Иван, спросивший, есть ли в Интернете ещё что-нибудь на эту тему.

Со всей ответственностью заявляю: ни в мировой сети, ни в печатных изданиях нет информации о работах в этой области. То сообщение было последним. Факт этот свидетельствовал только об одном: они настолько приблизились к чему-то сверхважному, что тут же прихлопнули любую утечку информации.

Оправдано это? Кто его знает. Думаю, всё-таки они поступили мудро: ведь сжёг же Альберт Эйнштейн после случая с американским эсминцем «Элдридж» свои рукописи, в которых он, по

некоторым данным, писал и о перемещениях во Времени. Почему сжѐг? Да испугался появления нового оружия, по сравнению с которым атомная бомба – майский ветерок в Булонском лесу.

А возможность создания такого оружия была совершенно реальной: если, опираясь на работы Эйнштейна, учёные смогли добиться исчезновения эсминца из поля зрения наблюдателей – он просто взял и растворился в воздухе – то кто сказал, что невозможно создать установки, отправляющие в другое измерение целые народы? Нелегко, но были бы деньги...

А деньги у обормотов на такое дело найдутся, уж будьте уверены.

«Род проходит и род приходит, а Земля пребывает вовеки. Восходит Солнце, и заходит Солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идѐт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы снова течь».

Это Книга Екклесиаста, или Проповедника. А зачем? – спросите вы. Скажу честно: не знаю. Подсказало наитие: здесь должна быть именно эта цитата из Библии. Слабо веря в перемещения сознания, я, тем не менее, думаю следующее: пусть Лицо Марса с его слезой на щеке – всего лишь игра света и тени. Пусть. Но, возникнув однажды в нашем сознании, оно, как посланец погибших миров, предупреждает нас через тысячелетия и миллионы километров: помните, род проходит...

– И все бы ничего, если бы не лимузины в Шереметьево, – прервал Иванушка мои рассуждения об истории эволюции.

– Да-да, – покивал головой и я, – и не клоп у тебя на воротнике. Это-то, милсдарь, как раз пустяк. А вот то, что мы с тобой на старости лет души опоганили – далеко не пустяк. Не знаешь, где будешь уловлен: жили себе, не тужили, вдруг – бац! И ты уже в сетях. Ловили нас на баб, выпивку, карты, деньги, теперь вот на паранормальное ловят, да как изящно! А итог один – впали в грех. Ну, ладно, – я крутнулся на табурете, поворачиваясь к Ивану. – Как дальше жить будем?

– Как жили, так и будем, – вздохнул Иванушка, – мне, похоже, с колеи не сойти, достанут, где угодно. Угораздило же так попасть! Ведь жена, дочка, работа – всё по боку. Свет она мне застила, проклятая. Даже и не знаю...

Ещё один суматошный день дотлевал над Москвой. На шпиле университета в красных закатных лучах горела пентаграмма, над которой митинговали вороны. Если повернуть голову чуть правее, то за высоткой, над излучиной реки можно увидеть пылающие на солнце купола и кресты маленькой церковки, стоящей там с начала девятнадцатого века. Страшно подумать, сколько и каких людей прошло через её врата – то самое игольное ушко, сквозь которое все мы стремимся попасть в Царствие небесное.

– Сходил бы ты в церковь, Иван, – сказал я то, что для себя уже решил: пока не втянули, как Ивана – иди и кайся.

– Надо бы, – сказал Иванушка, но по его виду было понятно: не пойдѐт. Не понимает, что обратной дороги можно и не найти.

– Эх, Иван, – сказал я, – ну, ладно. Вольному воля. Но я, как говорится, предупредил.

– Раз уж пошел такой разговор, – встрепенулся Иванушка, – как ты думаешь... Церковь как к этому всему относится?

– К марсианской эпопее? Не спрашивал, но почти уверен – плохо относится, – ответил я без охоты – не люблю я таких разговоров. Их вести надо уметь, а я не умею, да и знаний не хватает. А мусолить то, что подсказывает интуиция – дело проигрышное.

– Вот сходи и спроси. Там всё объяснят.

– Да, надо бы, – снова вяло сказал Иванушка. – А ты что думаешь? Действительно они путешествуют, или опять шарлатанство?

...Невероятно трудно пишется этот кусок, будто ворочаю камни. И тогда, во время нашего разговора, и сейчас, когда пишу, ощущаю некое сопротивление мозгов: не идѐт фраза, отключена фантазия, и выходит из-под пера некий бесталанный очерк, годный разве что для заводской многотиражки. Поэтому рву рубаху от ворота и до пупа – да пропади оно!.. И излагаю своими словами, как я сегодня понимаю историю с перенесением на Марс сознания, или астрального тела, или «третьей сути» медиумов. Не скрою, я прочёл кое-что по практической психиатрии и набрался самую малость специальных знаний.

Итак, сеанс чёрной магии с её последующим разоблачением.

Ещё Карл Густав Юнг, анализируя марсианские хроники своей кузины, высказал предположение, что её рассказ есть не что иное, как сублимация сидевших в подкорке отрывочных сведений о Красной планете с последующей выдачей этих данных за свои впечатления, приобретённые при посещении Марса.

Доказательства, спросите вы? Да ради Бога! Описывать марсианские города и ни словом не обмолвиться о Лице – это что же? А это то, что не витало в ту пору в ноосфере сведений об этом объекте, так как не было ещё «Викингов» с их фотографиями марсианской поверхности. Могла, говорите, не увидеть? Да в том-то и дело, что не могла: по её словам, она обшарила планету вдоль и поперёк, облетела даже полярные шапки.

Это раз.

Теперь два. Все погружения медиумов в транс проводятся – где бы вы думали? В лабораториях? Дудки-с! В чистом поле васильки – дальняя дорога! Вот где. Я сначала не обратил на это внимания, потом обратил и спросил себя: а почему они резвятся на природе? В лабораториях что-то мешает?

И начал копать. И накопал. А как же!

Известно, что в земной коре постоянно идут некие геологические процессы, которые генерируют особого рода энергию, обладающую световыми, электрическими, магнитными, звуковыми и даже химическими (!) свойствами. Такая энергия чаще всего даёт о себе знать во всяких аномальных зонах – в местах разломов, тектонических сдвигов, в излучинах рек и так далее. Человек, оказавшийся в таких местах, может подвергнуться воздействию магнитного поля и выдать целый набор соматических и психофизических реакций, а возбуждение височной доли мозга, особо чувствительной к таким полям, порождает самые причудливые фантазии.

Кеннет Ринг, профессор психологии Университета Коннектикута в Сторрсе, занимающийся этой проблематикой на протяжении ряда лет, пишет: «стимуляция височных долей, в особенности двух структур лимбической системы – гиппокампа и миндалевидного тела (хрен его знает, шо цэ таке), вызывает интенсивные галлюцинации, которые представляются человеку совершенно реальными, чем-то вроде сна наяву. Среди впечатлений, вызываемых таким способом, наблюдаются: ощущение чьего-то присутствия, призраки, чувство парения и кружения (!), внутренние голоса, амнезия, ощущение провалов во времени... Если человек при этом предрасположен к вере, скажем, в НЛЮ, то можно легко представить, как в таком состоянии формируется вполне достоверное впечатление реальности контакта».

Нуте-с, господа, а припомните-ка марсианские впечатления Деборы Гурфинкель. И припомните описание места, где её погружали в транс. Припомнили? То-то же. Исследователи вывозят контактёров в аномальные зоны, погружают в гипнотический сон, как-то иницируют височные доли мозга, и поехали. Тут тебе и равнины Сидонии, и тайны Мирового океана, и Шамбала...

И всё, что закажете, господа.

А если учесть, что, по тому же Кеннету Рингу, для контактёров, в отличие от большинства нормальных (заметьте – нормальных!) людей, характерна повышенная возбудимость височных долей, что проявляется в их повышенной внушаемости и богатом воображении, то становится понятным, почему Незнакомка Ивана Ильича не вылезает из командировок. Объясняется это чрезвычайно просто, и моя тогдашняя догадка верна: будучи уникалом в своём роде и обладая невероятнейшей возбудимостью упомянутых височных долей мозга, она пользуется огромным спросом в их мире.

А лимузины с триколорами да жучки у Иванушки за обшлагом... Ну, что ж. Вон Басков когда-то Ленского петь соизволил, тоже триколоры были. Расея.

...Я выдохнул полной грудью и посмотрел на Иванушку. Он сидел, насупившись, как дитя, у которого отобрали игрушку, уже ставшую любимой.

– А какие перспективы открывались, – сказал он грустно, – какие горизонты, что ты!.. Слушай, – вдруг вскинулся он, – ты сам говорил... А если эти статейки про... как его? Кеннета Ринга – прикрытие, отвлечение внимания и прочее, а? Метод-то известный...

– Думай сам, Иван. Всё может быть, – сказал я, потянулся, почувствовал, как неимоверно устал, и посмотрел за окно.

Кончилась сумасшедшая ночь. Из-за соседних домов медленно выходил рассвет, и на небе, в первых лучах солнца, мигала и переливалась одинокая звезда – наш таинственный сосед Марс посылал нам последний привет. «Не-не-не, – сказал я себе, – я своё отлетал, и мои крылатые кони сгнули в степях, откуда нет возврата. Больше никаких Марсов и Аэлит».

– Жалко, – снова повторил Иван, глядя вместе со мной на одинокую звезду. – Марс?

– Марс, Ванюша, – ответил я, и мне стало грустно – всё-таки я только что собственноручно убил последнюю в нашей жизни сказку.

– А мне эту лямку тянуть до конца дней, – сказал Иванушка серьёзно, и ни к селу, ни к городу добавил:

– Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся. Энергодонор, ваш-шу мать.

Он сделал круг по комнате, взялся набирать телефонный номер, сказал «занято» – ну, конечно занято! четыре часа утра – самое рабочее время, – плюхнулся на стул и закончил патетически:

– И пока я, как донор, им нужен, ни один волос не упадёт с моей головы.

– Кстати, Иван, – перебил я его кружения, – а ты не задумывался, что стало с твоими предшественниками-донорами? Такие ведь наверняка были, и не один.

Не то, что я хотел добавить дёгтя в мёд. Боже упаси! Меня действительно интересовал этот вопрос, потому что мнилось в связи с ним что-то уж совсем жуткое: какие-то штабеля высосанных тел бывших доноров, печи крематория и прочие картины из недавнего фашистского прошлого...

Иван остановился, крутнулся на пятках и оказался передо мной лицом к лицу. Глаза его из голубых стали вдруг темно-синими – я такой фокус видел впервые. И в них, сменяя друг друга, проскакали галопом выражения: недоумение, понимание, осознание, страх... И, как итог, – беспомощность. Всё правильно: с надвигавшимся на него катком ничего сделать было нельзя, невозможно. Пришел удав в гости к кролику, да приглашения не спросил.

Мне вспомнились газетные сообщения о людях, которые оказывались за тысячи километров от дома, в других странах – без денег, документов, и, что самое ужасное – без памяти. Кто они, как попали за тридевять земель да в тридесятое царство, эти бедолаги не ведали ни в какой мере – первая моя мысль была, что кто-то могучий и зловещий специально стёр их память.

К нашему случаю этот вариант подходил идеально: выработал донор свой ресурс – лиши его памяти, не убивая. Зачем убивать? Пусть живёт, он ведь, забыв всё, становится абсолютно безвредным. И никакая сила не заставит его что-то вспомнить – уж что-что, а поставить замки на воспоминания они могут, технологий такого рода предостаточно.

Я, однако же, не стал добивать Иванушку. Подумав, что может быть, вся эта история – какая-то гигантская мистификация скорой на выдумки ведьмаковатой Незнакомки, мало ли что могло взбрести в её удалую голову.

– Тикал бы ты от неё, милый друг, – не удержался всё-таки я, – нечисто там, не искушай судьбу.

И поник головой Иван-царевич, и задумал думу горькую. Да только ничего не придумал, а махнул рукой, сказал «авось» и отбыл в неизвестном направлении, оставив меня в смятении чувств.

А я, как ни хорохорился, как ни прятался за повседневными, отнюдь не романтическими, заботами, затаил в глубинах души до поры, до времени память о фантастической истории, по краю которой я, благодаря Иванушке, скользнул – вирус Марса отравил-таки мою душу.

Когда по весне освобождаются от облаков небеса, и над горизонтом всходит кровавый, мерцающий глаз Бога войны, встрепенётся и загрустит непонятной грустью душа. И тогда навожу я на Марс телескоп и блуждаю по просторам Красной планеты, люблюсь её полярными шапками и каналами, и странная тревога смущает мой дух: я всё надеюсь, что когда-нибудь удастся высмотреть на равнинах Сидонии таинственный, прекрасный и зловещий лик – Лицо Марса.

И я сижу в странном оцепенении ночи напролет, пока встающее Солнце не занавесит Марс утренними лучами.

Что до Иванушки.... Не знаю, как и сказать. Он не сошёл с ума, но иногда мне кажется: душа его плачет невидимыми миру слезами.

Обо всем, впрочем, по порядку.

...Волос с его головы действительно не упал, но, встретив Ивана после полугодовой разлуки, я ужаснулся: передо мной возник совершенно большой человек. Друг мой высох, болезненно исхудал и почернел лицом, взгляд запавших глаз был абсолютно пуст – это был взгляд человека, смертельно уставшего от жизни.

– Ванька! – ахнул я, когда он возник у меня на пороге. – Что ты с собой сделал?

– Доконала, ведьма проклятая! – сказал он хрипло и вдруг припадочно закашлялся. – Напасть какая-то, не могу от наваждения избавиться. Не отпускает, хоть убей.

И такая тоска была в его глазах, что захотелось погладить Иванушку по голове.

– Ты проверялся? – спросил я, зная почти наверняка – ответ будет отрицательным. Что с него было взять: попав однажды в прединсультном состоянии в больницу, он удрал оттуда через сутки, написав врачу расписку, что претензий иметь не будет. Оно и понятно: какие у трупа претензии.

Поэтому, беспощадно сломив его сопротивление, я насильно усадил Иванушку в машину и отвёз к Ольге Юрьевне, знакомому врачу.

– Эбеньть! – увидев нас на пороге, Ольга хлопнула себя по ляжкам. – Кто ж тебя так?

– Оля, – сказал я, не давая Ивану времени одуматься и удрать, – расходы оплачу. Полную ему проверку. Если нет нужного оборудования, и надо куда везти – отвезу. Но только тотальное обследование, вплоть до башки.

– Сде-э-лаем! – кровожадно сказала Ольга, засучила рукава и стала кому-то названивать.

– Как ты тут? – спросил я Ивана, приехав через неделю.

– Удружил, мля, – сказал повеселевший Иванушка, – самая приятная процедура – «сулико». Не пробовал? Рекомендую. – И видя мои недоумённые глаза, пояснил: – ручное обследование простаты. У-у-у, – задрал он к небу подбородок, вспоминая, очевидно, свои ощущения.

– Ничё-о-о, целей будешь, – ляпнул я невпопад и пошёл искать Ольгу.

– Да всё у него нормально, – сказала Ольга, поднимаясь из-за накрытого стола – они всем отделением праздновали чей-то юбилей. – Ну, небольшой неврозик, съездит отдохнуть, всё и пройдет. У него что, дома нелады?

– С чего ты взяла? – уставился я на Ольгу – в чём-чём, но в том, что Иван не болтун, я был уверен.

– Да приходила тут к нему... кобра, – именно так, с паузой, ответила Ольга, закуривая, – если это жена, то дело ясное: тут медицина бессильна, ему надо бежать. У неё глаза мёртвые, – пояснила она, – но шикарная, конечно, баба. Я таких бриллиантов отродясь не видела.

– Не жена это, Оля, – сказал я потрясённо, – но причину ты угадала. Глаз-алмаз!

И, подумав, спросил:

– А можешь ты к нему какое-то время никого не пускать? Особенно... кобру эту.

– Да легко! – Оля, уже будучи подшофе, море ощущала на уровне щиколоток – впрочем, как и всегда. Имея золотые руки и имя в хирургии, она никогда и никого не боялась. – Сейчас позвоню начальнику охраны, и муха не пролетит.

И сделала это немедленно и с удовольствием. Потуги наши, впрочем, оказались напрасны: Незнакомка больше так и не пришла, а вот Ванькины посетители натерпелись – не все же, как я, знают волшебный пароль «я к Ольге Юрьевне».

...А таинственная Незнакомка исчезла так же неожиданно, как и появилась двадцать лет назад из пещер Ливана. Произошло это вполне обыденно, как происходило и десятки раз до того – она просто куда-то срочно улетела. И не вернулась в Иванушкину жизнь никогда.

Иван выписался из клиники недели через три во вполне приличном виде: округлившаяся рожа слегка лоснилась, онкологическая прозелень кожи исчезла без следа, а в глазах появился довоенный блеск. Словом, глядел на меня сквозь амбразуры глазниц почти прежний Иван, и на мою душу опустился покой, очень, как вскоре оказалось, преждевременный.

Потому что однажды ночью заверещал мой домофон, и пошла писать губерния – я едва узнал голос Иванушки в доносившемся из трубки мычании. Спустившись на первый этаж, я отскреб пьяного в смерть страдальца от стены подъезда, ввёл в дом, где он и рухнул солдатиком на диван в гостиной, «как был, в шинели и не сняв сапог». Единственное, что я услышал от него перед забвением – «улетела навсегда».

Да. «...и нашел я, что горше смерти женщина, потому что она – сеть. И сердце её – силки, руки её – оковы...».

Снова Екклесиаст, или Проповедник, и нет ничего нового под Солнцем.

– До чего же мы, два дуралея, хотели докопаться? – вопрошал Иванушка на следующее утро. Впрочем, какое утро? Два часа дня – он продрал глаза, вылакал всё молоко и кефир, запил смесь мутным капустным рассолом, сел на диван, принялся раскачиваться из стороны в сторону и заговорил – его вдруг повело в патетику:

– Чего мы искали среди несчастий? – вопрошал неизвестно кого Иванушка. – Она, что ли, счастлива? Да она рабыня, загубившая свою бессмертную душу во веки веков. Маги, чародеи, прорицате-

ли, волхвы, гадалки, колдуны, экстрасенсы, авгуры, астрологи... У-у-у, нечисть! Всех бы в мешок, к нему – бетонную шпалу, да в Бискайский залив, в ревушие сороковые, пусть там над ними ветра голоса...

– Да что же это такое? – терялся я в догадках. – С чего ты вдруг?..

– А-а, старик, – Иван сфокусировал на мне разбегавшиеся глаза, и я понял, что молоко, кефир и рассол дали обратный эффект, что и подтвердилось: Иванушка ещё покачался, затем рухнул на диванчик и проснулся только на следующий день. И всё прояснил.

– Она улетела, – сказал он, мученически кривясь. – Похоже, навсегда. Вот, почитай.

Он показал мне SMS-сообщение, которое Незнакомка прислала перед отлётом. «Прости и не ищи меня, – писала она, – я не распоряжаюсь своей жизнью. Спасибо за всё. Улетая в край, откуда нет возврата, я буду с тобой вечно. Помолись обо мне, если сможешь».

Старость, ребята. Разлук в жизни было столько, а их погибельная тоска так знакома, что сжимается сердце от немудрёных, тысячи раз говоренных и писанных слов. Порхают вокруг разноцветные птицы счастья, превращаются в кровожадных гарпий и выжигают огненными стрелами наши души. И нет нам ответа на простой вопрос: что есть счастье. Да и есть ли в природе ответ на него? Поживем – увидим, говорим мы, и стремимся дальше. Кто – с гордой спиной, кто – на четвереньках, а кто и ползком, но только вперёд, к снегам Килиманджаро. «Ибо пока в пути человек – есть у него надежда».

...Мы пытались определить местонахождение Незнакомки по языку, на котором автоответчик её мобильного сообщал, что телефон недоступен, или находится вне зоны действия сети. Картина получилась такая, что у нас захватывало дух. У меня – от мобильности Незнакомки, у Ивана – от отчаяния и рухнувших надежд когда-нибудь увидеть её снова.

Только за июль 2008 года автоответчик измывался над нами на следующих языках: болгарском, сербском, хорватском, итальянском, арабском, арабском марокканском, испанском, вьетнамском и китайском.

Спросите, кто ж тот умник, который составил список. Тот умник я. За прошедшие годы шалунья-жизнь познакомила с таким количеством языков, наречий, говоров и прононсов, что ухо ловит многие земные мовы. Мог спутать сербский и хорватский, за остальные, в том числе за марокканский арабский – ручаюсь: там говорят на таком тарабарском наречии, что не спутаешь.

Я потерпел единственное поражение в этом мартышкином труде – не смог определить принадлежность только одного языка. Было, правда, подозрение на что-то африканское, да в Африке любой лингвист шею себе своротит. Сбрендив от бессилия, я записал язык на диктофон и дал послушать эти песни институтскому приятелю-африканисту, который и определил мову, как суахили, Восточная Африка: Кения, Мозамбик, Танзания... далее везде.

– Ни хрена себе, – сказал я Ивану после фиаско с суахили, – она что, в ступе путешествует?

Мой друг шутку не оценил и продолжал смотреть перед собой слезливыми глазами большой собаки.

Таким потерянным и несчастным – причем, по трезвому делу – я не видел Иванушку никогда. Он скалил зубы после побоища с иноземными автозахватчиками (авария с участием иномарок), хихикал, когда Ольга Юрьевна укула его в реанимацию в прединсультном состоянии, лыбился, будучи извлечённым из-за руля в невменяемом состоянии бдительными гаишниками... Казалось, девизом, начертанным на его червлёном щите, было «А пошли вы все...». А тут – Иван – не Иван: блуждающий взгляд хворого барбоса, явный тремор пальцев, ступор и тяжёлая немота. Нашлась на добра молодца лихоманка и скрутила его почище радикулита.

«Форма сумасшествия», вспомнил я чьё-то определение сути любовной маяты и покивал в бессилии головой: эх, Ваня, Ваня. Присушила тебя ведьма, и будешь ты ей служить до скончания века.

Казалось бы: твоё-то какое дело, и кто тебе дал право судить Ивана с его проблемами. Да не сужу я и не лезу в чужие проблемы, они сами находят меня ночь-полночь, требуют внимания, занимают время, действуют на нервы, засоряют мозги и нарушают мою, так сказать, личную экологию.

И поверьте на слово: быть утешителем, иногда против своей воли, – не такая уж сладкая штука. Но жизнь, которая всегда и всё расставляет по местам, распорядилась именно таким образом, значит, так тому и быть.

...Иванушка сплыл из моей жизни так же неожиданно, как и появился – видать, с исчезновением

Незнакомки сломался некий стержень наших отношений. Скорее всего, Иван перестал нуждаться в наперсниках, а может быть, и устыдился, что пустил постороннего, в сущности, человека в святая святых своей души.

Хоть я и жалел о том, что никогда больше не придется восторгаться очередным Ивановым выкрутасом, но, откровенно признаться, всё же вздохнул с облегчением: было во всей этой истории что-то нечистое, я стал ею тяготиться, так что подобный финал меня вполне устраивал.

Но однажды, тёплым весенним днём, Иванушка заскочил в гости и вновь поразил меня своим видом – он, что называется, восстал из пепла и излучал почти былой оптимизм. «Эге, – подумал я, – уж не Алёнушка ли?». О чем и спросил с простецкой откровенностью – не весточку ли, дескать, с Марса получил.

И по остекленевшим Иванушкиным глазам понял, что тема закрыта для меня навсегда. Он приплыл к какому-то берегу и не хотел, чтобы кто-то знал, где находится его счастливая пристань, его Рио-де-Жанейро...

Вот, в сущности, и вся история. Вышли мы из неё другими, чем вошли: Иван распростился, надо думать, навсегда со своим фантастическим разгильдяйством и, похоже, сменил девиз на щите. Теперь это не «пошли вы все...», а что-то совсем-совсем другое, я даже затрудняюсь определить, что... Похоже, это всё-таки, «*dum spiro spero*» – «пока дышу – надеюсь».

Если бы в начале знакомства мне сказали, что он когда-нибудь станет лириком, я не поверил бы в подобную метаморфозу ни за какие коврижки и побился об заклад с таким провидцем на последние штаны. И проиграл бы.

Потому что Иван стал-таки интересоваться стихами, но какими! По вечерам, когда над ресторанами горячий воздух дик и глух, и правит окриками пьяными, весенний и, как известно, тлетворный дух, Иванушка стал позванивать мне и требовать стихов о любви. Да не о просто любви, а о любви несчастной, но вечной.

Интерес Иванушки был для меня диво дивное: понятно, когда любовной лирикой увлекается двадцатилетний щенок, да ведь в нашем-то случае был матерый бобёр, вступивший в – страшно представить! – шестой десяток лет. Что тут прикажете думать и как себя вести? Я терялся в догадках, с какой радости ему вдруг понадобились стихи, и однажды спросил прямо – зачем? Отчего вдруг захотелось песен? «SMS pošлю», – ответил Ваня глухо и спрятал глаза.

– Кому? – удивился я. – Неужели нашлась Незнакомка?

– Никто не нашёлся, – по-прежнему тоскливо отвечал Иванушка, – просто посылаю на её номер. Телефон хоть и вне зоны, но ведь не умер. Рано или поздно она прочтёт.

Круг замкнулся. Подобно тому, как Аэлита Толстого зывала через ледяные пространства к Сыну Неба, так и Иванушка посылал в космос свидетельства своей любви к загадочной и грешной земной женщине в надежде, что когда-нибудь она прочтёт и вернется.

...Дело происходило в машине, мы с Иваном продирались куда-то сквозь вечные московские пробки, ошалели от бестолкового убийства времени, и, чтобы как-то скрасить бытие, я взялся за лирику.

И для начала прочёл отрывок из «Пяти страниц» Константина Симонова – это было, по моему мнению, как раз то, чего жаждала его душа. Помните финал? «И когда я спросил, далеко ль гражданин выбывает, он, запнувшись, сказал, что ещё не решился куда».

И выплыло из тумана забытое: тамбур вагона, ятаган луны в чёрном небе, свистящие за окнами пространства, сигаретный дым, герой, прислонившийся горячим лбом к холодному оконному стеклу....

Ну, вы знаете: наша забубённая юность, когда впереди была целая огромная жизнь.

«Покороче ничего нету?» – спросил Иванушка рассеянно по окончании декламации, и я понял: не проняло, не способен он долго удерживать внимание. И прочёл ему «Балладу о прокуренном вагоне», она же – «С любимыми не расставайтесь».

Прочёл, посмотрел на попутчика и уже разинул рот, чтобы стандартно состричь. И не сострил. Потому что по впалым щекам настоящего мужчины струились нормальные детские слезы.

Ни при чём были опыт и возраст, ни при чём закаленность души и пережитое – сидевший рядом седой бобер сходил с ума едва ли не сильнее, чем двадцатилетний козлик.

Потому что провожал до дверей свою последнюю мечту, последнюю в этой жизни любовь...

Проза

Владимир Яцкевич

Владимир Антонович Яцкевич родился в 1946 году в семье военнослужащего. Детство и юность провел в Мурманске. Закончил Московский физико-технический институт, после чего много лет занимался разработкой радиоэлектронной техники для оборонной промышленности. Доктор технических наук. В настоящее время – профессор Вологодского государственного университета. Автор более ста научных работ, среди которых монографии, изобретения. Две его книги художественной прозы: «Примиришься с братом твоим» и «В тихой Вологде» были изданы в Вологодской епархии в 2010 и 2013 годах. В 2016 году вышла ещё одна книга «Вишнёвые чётки», в которую вошли историческая повесть и рассказы, основанные на реальных событиях.

Стража

Рассказ

Осенью 1995 года в одной московской квартире сидели за столом в маленькой кухоньке два немолодых человека. Хозяина квартиры звали Юрий Семёнович. Это был пятидесятилетний мужчина, худощавый, с аккуратной бородкой и пробивающейся сквозь светлые волосы лысиной. Его гость, Дмитрий Алексеевич, был ровесником хозяина, но выглядел моложе. Он отличался крепким сложением, широким добродушным лицом и густыми тёмно-русыми волосами.

Собеседники давно и хорошо знали друг друга. Когда-то они молодыми инженерами пришли работать в крупный НИИ, который занимался разработкой новой техники для оборонной промышленности, и много лет проработали в одном отделе. С распадом страны их институт быстро захирел, народ разбежался, кто куда. Дмитрий Алексеевич ушел в бизнес, занялся торговлей компьютерами, а Юрий Семёнович пока оставался в родном отделе, который кое-как держался, перебиваясь случайными заказами. В последнее время бизнес у Дмитрия Алексеевича трещал по всем швам от мощного натиска молодых, более удачливых конкурентов. Было ясно, что дело придётся сворачивать. А вчера ему позвонил старый приятель и пригласил в гости, обещая поделиться одной очень плодотворной идеей. И вот они сидят напротив друг друга, стоящая перед ними бутылка «столичной» уже наполовину пуста, а хозяин всё ещё ведёт неспешный, ни к чему не обязывающий разговор.

– Мы с тобой, Дима, не просто работали, мы служили делу, которое считали важным. Потому и жизнь была интересной и полной смысла. Вспомни, какое чувствуешь ликование, когда приходит в голову красивое решение технической задачи. А если оно потом сходит с бумаги, воплощается в железо и подтверждает твою идею – это, наверное, и есть настоящее счастье. А где они теперь, наши изделия? Где радиолокаторы, что охраняли рубежи огромной страны? Остались грудой металлолома в Литве, Казахстане, Украине, Азербайджане. Плоды нашего труда – псу под хвост! Выходит, жизнь наша пропала зря. Мы потерянное поколение!

– Да, радиолокационные станции – это пограничная стража. Без них страна превращается в слепого и глухого великана. А я ещё вот о чём думаю. Раньше у нас полстраны работало на оборону, сколько заводов, НИИ, КБ. Из нашего вуза чуть ли не все шли на оборонные предприятия. А теперь – армия сокращена до предела, новой военной техники не выпускаем. Казалось бы, огромные средства должны освободиться для мирных нужд. А где они, эти средства? Наоборот, все вдруг оказались бедными.

– Ответ ясен: большинство – в бедности, а кто-то – при большом богатстве.

Они выпили, посидели молча.

– Да, потерянное поколение, – продолжал Юрий Семёнович. – Утром приходишь в отдел: тоска зелёная. Шесть человек осталось: два доктора, три кандидата наук, да старая лаборантка. Я из всех самый молодой. Науку забросили, проектируем телевизионные антенны. Это после фазированных антенных решёток. И то спасибо нашему Михалычу, что хоть такой заказ достал. Вон у Коростылёва в отделе вообще садовые парники проектируют. Работаете через силу: я ведь телевидения нашего терпеть не могу и ящика этого поганого дома не держу. На работе посмотришь – с души воротит: боевики у них – борцы за свободу. И это по центральному каналу! А в это время в Москве взрывы, люди из дома боятся выходить. В магазине забытый пакет увидят – милицию вызывают с водомётом. Довели москвичей борцы за свободу.

– Деньги-то вам платят какие-то?

– Только чтобы ноги не протянуть.

– Да, видно мы с тобой, Юра не вписались в нынешние времена. Я на днях Джапаряна встретил. Помнишь, снабженцем у нас работал? Вид довольный. На иномарке ездит. Говорит, открыл какой-то фонд помощи пенсионерам. Видно, деньги из казны качает.

– Да, крутится, кто как может. А у меня вот ничего нет, кроме этой квартиры, что от родителей осталась... Так до сих пор и не женился, всё откладывал. Недавно вот встретил хорошую женщину, ну, думаю, хватит бобылём ходить. А она поглядела на мою квартирку, да узнала, сколько я зарабатываю, да что машины у меня нет – и всё, с концами. Вот я и думаю – хватит. Надо кончать с нищетой.

Юрий Семёнович даже пристукнул кулаком по столу. Потом допил из рюмки и торопливо закурил.

– Теперь вот слушай, Дима, какое у меня к тебе предложение есть. Только давай договоримся: всё это между нами останется.

– По-моему, Юра, нас с тобой первый отдел научил тайны хранить.

– Так вот; помнишь ты проект «Дуга»?

– Ну, помню. Станция загоризонтного обнаружения... Правда, когда я к вам в отдел пришёл, вы её уже сдавали заказчику. Так ведь она, вроде, в Чернобыльскую зону попала.

– Да, попала. Проработала всего три года. А ведь какое было сооружение! Сколько вложено средств, сколько людей её создавало. Одних научных сотрудников сотнями надо считать. Сколько в ней новых идей, изобретений. Диссертаций сколько защищено. Самый большой в мире радиолокатор. Одна приёмная антенна в высоту сто пятьдесят метров, в длину – пятьсот. А теперь стоит как бесполезный памятник в девяти километрах от взорвавшегося реактора.

– Вот тебе и готовый памятник потерянному поколению, – засмеялся Дмитрий. – Монумент, что надо. Рабочий и колхозница с ВДНХ по сравнению с ним – карлики.

– Так вот, слушай дальше. Передающая позиция оказалась за пределами Чернобыльской зоны, в шестидесяти километрах. Её законсервировали и до последнего времени охраняли. А недавно полностью закрыли, всё ценное военные вывезли, остальное списали. Но кое-что ценное там осталось, и знаю об этом только я один.

Юрий Семёнович откинулся на спинку стула и торжественно произнес:

– В аппаратном зале, в стене замуровано чистое золото.

Он сделал паузу, любясь произведенным эффектом, и продолжил:

– Там двенадцать волноводов сквозь стену проложены с коммутаторами, и в каждом контактные пары из золота. Всего таких пар тридцать шесть штук, по десять грамм золота в каждой, значит 360 грамм чистого золота. По нынешним ценам получается 20 тысяч долларов. Это как минимум.

– Да, наверное, всё это уже растащили.

– Нет, Дима, я всё проверил. Во-первых, в списках вывезенной аппаратуры проходные волноводы не значатся. Во-вторых, я их сам проектировал, и о том, что внутри там золото, никто больше не знал. Всю документацию я вёл в тетради с грифом «совсекретно»... Контакты такие здоровенные, на большую мощность... Ну, конечно, знал ещё мой начальник, Петряев, он-то меня и надоумил, из чего делать эти контакты. Я сначала написал: «материал – бронза», а он, помню, говорит: «добавь – «покрыть золотом», так надёжней будет, а заказчику всё равно». Действительно, военные тогда денег не считали, да и по тем временам это была мелочь. А Петряев, ты знаешь, сразу после аварии умер. Собирал эти волноводы тоже я сам, а как собрал, отдал монтажникам

и показал, где их надо прокладывать. С виду это просто трубы из нержавеющей стали. Там в стене они и сидят по сей день, нас ждут. Так что решайся. Выручку пополам.

Дмитрий раздумывал. Он знал, что его друг не был склонен к авантюрам, скорее, наоборот, отличался излишней осторожностью. Наверное, и сейчас он всё хорошо продумал.

– А охрана там есть?

– Говорят, есть какая-то. Всё это теперь собственность Украины. Я выпишу командировочные удостоверения на себя и на тебя, оформлю пропуска. Всё будет законно: представители головного предприятия посещают свой объект... Только, знаешь что, Дима, надо бы взять какое-то оружие, а то там, говорят, уже сталкеры промышляют, а они народ неприветливый.

– У меня только газовый пистолет.

– Ну и хорошо. Да, ещё, ...это самое, ...надо бы «зелени» взять долларов сто, может быть придётся давать милиции или ещё кому-то... Теперь ты, Дима, понял, почему я тебя выбрал в компаньоны? Бензин ваш, идеи наши... Ну что, по рукам?

Друзья обменялись крепким рукопожатием. Потом ещё долго, до позднего вечера сидели, обсуждая детали будущей поездки.

* * *

Через неделю выехали вечерним поездом и ранним утром были в Чернигове. Поменяли рубли на гривны и пришли на автовокзал: предстояло одолеть ещё 55 километров. Решили, не дожидаясь автобуса, взять такси, и с трудом уговорили частника, соблазнив его большими деньгами. За два часа он, чертыхаясь, довёз их по разбитой дороге до большого села. Вышли из машины у автобусной остановки, изучили расписание автобусов, планируя обратный путь. Потом двинулись по старой бетонке с покосившимися щербатыми плитами, обозревая непривычный их взору сельский пейзаж.

– Древние места, – говорил Юрий. – Недалеко город Любеч, что упоминается ещё в «Повести временных лет»... Киево-Черниговская Русь, прародина наша. Где-то здесь князь Игорь со своим полком бился с половцами.

Пройдя километра три, оказались среди высоких сосен и увидели на столбе ветхий щит с надписью «Любеч-1». Здесь располагался городок, выстроенный для персонала радиолокационной станции и офицерских семей. По всему было видно, что городок был когда-то весьма благоустроенным, а теперь потрескавшиеся и поросшие травой тротуары, пустые окна пятиэтажек – всё говорило о том, что люди здесь не живут.

На территорию воинской части пошли, как полагалось, через КПП, где их встретил молодой парень в камуфляжной форме с кобурой на боку. Он повертел в руках их документы, посмотрел на большие портфели в руках приезжих москвичей и весело сказал: «Пропустити нияк не можна. Потребен дозвол Министерства оборони України».

Десять долларов, извлечённые Дмитрием из кармана, заменили потребный дозвол.

Над всей местностью царило гигантское антенное сооружение: на высоченных стальных мачтах размещалась антенная решётка. Её элементы – хромированные цилиндры, шестиметровой длины каждый, сверкали, как новенькие. Дмитрий, оказавшийся здесь впервые, смотрел с интересом:

– Красивая конструкция. Сразу вспомнил, как наш главный на банкете выдал: «Украшим Родину антеннами!».

– А что, и украшали, – сказал Юрий. – Посмотрел бы ты ещё на приёмную антенну: ажурная конструкция высотой с пятидесятиэтажный дом. Эта раза в полтора ниже.

Было видно, что станцию уже растаскивают: одна из мачт исчезла, осталась лишь вывороченная земля.

– Утащили на металлолом, а может, телевышку где-нибудь в районе поставят. Хохлы – народ смекалистый, – прокомментировал пропажу Юрий.

Когда подходили к зданию оперативного управления станцией, услышали ритмичные звуки ударов, доносившиеся изнутри. Кажется, их заметили: в окне мелькнула чья-то голова, и удары на время прекратились.

Поднялись на второй этаж и пошли по длинному коридору мимо выпотрошенных приборных шкафов, перешагивая через обломки разбитой аппаратуры. Когда зашли в аппаратный зал, Юрий сразу понял, что дело неладно: в стене зияли отверстия, разобранные коммутаторы валялись на

полу. Он подошёл к искорёженным железкам, нагнулся, потрогал их руками.

– Вот здесь они были, эти пластинки, – произнёс он сдавленным голосом. На Дмитрия он боялся взглянуть. Потом присел на какой-то ящик и обхватил голову руками. В висках противно стучало.

– Этого следовало ожидать, – раздражённо сказал Дмитрий. Он открыл портфель, достал оттуда ломик-фомку и швырнул его на пол. За ним последовал большой молоток. – Давай двигаться назад, автобус будет через час.

– погоди, Дима, давай здесь немного побудем. – Юрий прошёлся по аппаратной. – У меня с этим проектом так много связано. Можно сказать, молодость с ним прошла... Такую станцию загубили. Пуски ракет засекала за семь тысяч километров, значит за полчаса до подлёта боеголовок к нашей границе. – Он достал носовой платок и стал вытирать мокрые глаза. – Мне не золота этого жалко, жизни своей напрасной жалко.

– Мне твоей ностальгии не понять, – жёстко отвечал Дмитрий. – А следующего автобуса ждать ещё четыре часа... Ну, дело твоё, я пошёл.

Юрий остался один. Снова слышались глухие удары; видно, били кувалдой по стене. Он услышал перекликающиеся голоса. Подошёл к окну и увидел Дмитрия, размашисто шагающего на КПП.

То, что Дмитрий оставил его одного, было на него не похоже. Они не были большими друзьями, вне работы почти не общались, но многолетний труд бок о бок сблизил их. То общее дело, которое они делали, требовало не только специальных знаний, но нередко и простой человеческой порядочности, и Юрий знал, что всегда может положиться на своего соратника.

– Да, видно бизнес меняет человека, – подумал Юрий. Он пошёл по коридору и заглянул в комнату, которую когда-то отвели для них, разработчиков. Столы были густо покрыты пылью, все ящики были вытащены, на полу валялись груды бумаг. Он подошёл к столу, за которым когда-то провёл немало времени. Присел на корточки и стал перебирать бумаги. Вот его собственные записки двадцатилетней давности, когда делали первые пробные включения станции. Он задумался, вспоминая эти волнующие дни.

Рядом лежала папка с надписью на обложке: «Цветков В.Н.». Откуда здесь бумаги Вити Цветкова, ведь его место было на приёмной позиции? Он развязал тесёмки, открыл папку и прочитал: «Стража. Последний вариант. 5.05.85». Ещё не веря своим глазам, он достал из папки сложенную бумажную полосу и осмотрел её. Да, это была распечатка программы, которую Цветков назвал «Стража». Та самая, которую они в Москве всем отделом тщетно искали после нелепой гибели Цветкова в 1985 году.

Цветков был чудаковатый парень, чуждался кампаний, не употреблял спиртного, но математик был замечательный. То, что он сделал, было переворотом в практике обработки радиолокационных сигналов. Он предложил алгоритм, который позволял выделять сигнал на фоне помех, в десятки раз превышающих по мощности сам сигнал. Его программу тестировали для разных случаев, пытались всеми способами заглушить полезный сигнал, и она с блеском выдержала все испытания. Программу рекомендовали к немедленному внедрению. Ещё бы; ведь тогда можно будет контролировать не только восточное побережье Америки, но и весь континент, включая Канаду и Аляску, где у американцев полно пусковых установок. Внедрению помешала смерть Цветкова в рухнувшем вертолёте, а с ним сгорела колода перфокарт с набитой на них программой и сам текст программы.

Наконец, до Юрия дошло, что тот дубликат, который он держит в руках – это вещь, значительно более ценная, чем золотые пластинки, за которыми они приехали сюда. Он знал, что результат, полученный когда-то Витей Цветковым, до сих пор никем не превзойден. Умный Витя придумал какой-то необычный подход, о котором никому не успел рассказать. Юрий аккуратно сложил драгоценную бумагу и положил в нагрудный карман куртки.

Через полчаса он, размахивая портфелем, шагал по бетонной дороге к автобусной остановке. Был полдень, тучи на небе разошлись, выглянуло солнце. Он шёл, испытывая чувства ликования и гордости, ведь ему вместо сокровища материального было послано сокровище информационное, нетленное. Теперь надо придумать, как им умно распорядиться. Конечно, у нас в России эта программа никому не нужна. Надо продавать её за границу, например в Англию, там таким вещам цену знают. Сделать это в наше время несложно. И ничего противозаконного в этом нет: программа эта не имеет грифа «секретно». Засекретить её не успели.

Навстречу ему шли двое парней с большими сумками. «Спрошу их про автобус», – подумал Юрий. Вместо этого спросили его: «Закурить не найдется?». «Нет, ребята, не курю», – ответил он. «Врёшь, гад», – рявкнул здоровенный парень. Последнее, что увидел Юрий, был огромный кулак, сверкнувший перед его глазами.

* * *

Он пришёл в себя и долго лежал, разглядывая деревянный потолок. Память медленно возвращалась к нему, в голове восстанавливались события вплоть до злосчастной встречи с бандитами. «Куда это меня занесло?», – думал он, оглядывая комнату с бедным убранством. Казалось бы, он должен сейчас находиться или в больнице, или на том свете, а вместо этого он лежал в деревенской избе на широкой деревянной скамье с тюфяком. На нём были брюки и рубашка, рядом на полу стоял его портфель. Сильно болел нос. Он попытался сесть, но не смог из-за наступившей тошноты.

Открылась дверь, в комнату вошла старушка в белом платочке и переднике.

– Очнулся, наконец, – сказала она, – Слава Богу. Как звать-то тебя?

Юрий с трудом назвал своё имя.

– Ты, Юрий, пока помолчи, а я буду рассказывать. – Хозяйка говорила по-русски с мягким украинским выговором. – Нашёл тебя мой Василь. Он коз перегонял через дорогу, тебя и увидел. Потом у Миколы, соседа, коня попросил, и они вдвоём тебя на телеге привезли. Вызвали «скорую», так она до сих пор не приехала, а уж скоро стемнеет. Ну, раз ты очнулся, тебе в нашу районную больницу ехать ни к чему. Растрясут по дороге, а положат в коридоре вместе с бомжами. Я вижу, у тебя нос разбит, под глазами опухло, видно ударили сильно. Сотрясение головы у тебя, покой тебе нужен и больше ничего. Так что, полежи у нас. Поесть тебе принести? Бульончику горячего? Козьего молочка?

Юрий отрицательно покачал головой.

– Спасибо, что спасли меня. Скажите, а куртка моя где?

– Куртка твоя в сенях висит, грязная да кровью запачкана, я её почистить собралась. В канаве её Василь нашёл. Видать, злодеи эти, что тебя побили, куртку с тебя сняли, всё оттуда вытащили, да и бросили.

– А никаких бумаг там не осталось?

– Нет, все карманы вывернуты были. И портфель тоже, видать, обыскали. Только одна бумажка осталась, что Москва тебя командирует в военную часть. Ты злодеев-то этих запомнил?

Юрий, как мог, описал внешность бандитов, на что хозяйка уверенно сказала:

– Это не наши, это со стороны. Их последнее время много здесь шатается. Как станцию эту закрыли, так много охотников нашлось растаскивать её по кускам.

– Вот как дело повернулось, – уныло думал Юрий. – Лежу в чужом доме, еле живой, на попечении добрых людей, без денег, без паспорта. И драгоценная программа, каким-то чудом обретенная, вновь исчезла, будто её и не было.

Старушка дала ему выпить горького отвара, отдающего полынью, положила на нос примочку. Она утешала Юрия простыми словами, которые он слышал в детстве от своей матери. Оставшись один, он долго лежал и глядел в окно, где в наступающих сумерках дрожали на ветру жёлтые листья берёзы, и постепенно забылся сном.

Ему приснилось, будто он стоит на сторожевой вышке и всматривается в расстилающиеся перед ним степные просторы. Он видит, что степь вдаль зашевелилась, будто живая. На горизонте появились густые колонны скачущих всадников. «Половцы!» – кричит он. – «Зажигай!» И вот уже полыхает первый костёр, рождая высокий столб чёрного дыма, а вот и цепь дымных костров идёт к стольному граду, давая знать о приближении врага.

Потом он увидел события, которые происходили в его жизни десять лет назад. Он стоит в большом зале командного пункта станции «Дуга» и вместе с коллегами смотрит на встроенный в стену большой экран, по которому бежит тонкий лучик. Вдруг на экране загорается яркая точка. Это обнаружен учебный запуск межконтинентальной баллистической ракеты, произведённый в далёкой Америке. В зале слышны радостные возгласы. К нему подбегает Цветков, они в восторге хлопают друг друга по плечам. Цветков вручает ему папку и что-то горячо объясняет, но в окружающем шуме понять что-либо нельзя. Юрий слышит только одно слово: «Стража!»

Он проснулся ранним утром и увидел седобородого старика, который растапливал печь-столбнянку. Юрий сел на кровати, потом попытался встать, опираясь на стул. Ничего, терпимо. Старик повернулся к нему.

– Ну, здравствуй, Юрий. Уже встаёшь, вот и хорошо. Сейчас скажу своей Галине, чтобы поест тебе принесла. А я вчера ходил в милицию, заявление о тебе делал. Потом с нашим участковым ездили на то место, где я тебя нашёл, походили там. Наверяд ли он обидчиков твоих поймает, больше так, для виду. Там у дороги мы вот эту бумагу нашли, за дерево зацепилась и полоскалась на ветру. Посмотри, не твоя? А нет, так я её на растопку пушу.

Он поднял с пола бумажный свёрток и протянул Юрию. Тот быстро осмотрел находку. Листы были кое-где запачканы и немного надорваны, но текст сохранился полностью. Юрий, обрадованный, прижал к груди вновь обрётённую распечатку. Он вспомнил свой сон и пришёл к мысли, что Цветков завещал своё детище ему, Юрию.

– Да, это мои бумаги, спасибо вам. Очень важный документ, настоящее сокровище.

– А ты во сне всё бредил, золото какое-то поминал. Видать, вы там, в Москве да в Киеве, только о богатстве и думаете. А Спаситель наш что сказал? – Старик показал на икону, стоящую в углу на полочке. – Не собирайте сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и воры подкапывают и крадут, а собирайте сокровища на небе. Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше...

В этом гостеприимном доме Юрий жил ещё два дня, а когда головокружения прекратились, стал собираться в дорогу. У милиционера взял справку о разбойном нападении и пропаже паспорта. Деньги на дорогу пришлось просить у стариков, другого выхода не было. Обещал им выслать сразу по приезду в Москву. За деньгами баба Галя куда-то уходила, и только потом, уже вернувшись в Москву, Юрий понял, что ходила она брать займы у соседей. Прощаясь, он говорил со слезами на глазах:

– Люди вы замечательные. Никак не думал, что в наше время такие люди бывают.

– Чего там, обыкновенные мы, – махнул рукой дед Василь.

* * *

Вернувшись домой и втянувшись в привычную жизнь, Юрий не забывал деда Василя и бабу Галю, переписывался с ними, собирался приехать к ним летом. Эти люди действительно поразили его. Они жили в бедности, по сравнению с которой его московская жизнь была вполне благополучной. Что могло заставить бедняков подобрать лежащего в беспомощности незнакомого человека и ухаживать за ним, не рассчитывая при этом на какую-либо награду? Здесь было что-то такое, чего Юрий понять не мог. Душа его, не зная света Евангельской истины, томилась, пытаясь ответить на этот вопрос. Наверное, поэтому его так и тянуло вновь увидеть своих спасителей.

Это знакомство и другие события незабываемой поездки сильно изменили Юрия. Ещё по дороге в Москву он твёрдо решил не продавать «Стражу» за границу. Пусть останется в России, лишь бы пристроить её к какому-то полезному делу. Он знал, что в системе противоракетной обороны какие-либо нововведения сейчас не нужны. Поразмыслив, пошёл на приём к заместителю главного конструктора крупного предприятия, занимающегося противовоздушной обороной.

Войдя в высотное здание сталинской постройки, он устроился в вестибюле на скамейке и ожидал пропуска. Вдруг, к своему удивлению, увидел Дмитрия, который прошёл через проходную и направлялся к выходу. О том, что из поездки его друг вернулся благополучно, Юрий знал от его жены, которой позвонил сразу же по приезду в Москву. Общаться с самим Дмитрием ему не хотелось: в душе осталась обида, ведь если бы друг не оставил его, и они возвращались бы вместе, вряд ли на них посмели бы напасть. С другой стороны, он чувствовал и свою вину, поскольку заманил друга в бесполезную поездку.

Похоже было, что Дмитрий тоже увидел Юрия и какое-то мгновение колебался: подойти или «не заметить». Всё-таки подошёл. Поздоровались настороженно, неулыбчиво.

– На работу приходил устраиваться, бизнес-то мой совсем зачах, – говорил Дмитрий, глядя куда-то в сторону. – Пришёл, однако, не вовремя, здесь идет сплошное сокращение штатов. И зарплату люди третий месяц не видят... Так что, если ты, Юра, хочешь и в этих стенах золотую жилу искать, то ты ошибся адресом.

Оба засмеялись, чувствуя, как угасает тлеющая внутри обида.

Юрию принесли пропуск, и он пошёл на долгожданную встречу. Хозяин большого кабинета оказался однокашником Юрия по институту. Вспомнили «альма-матер», общих знакомых, да и потом разговор шёл очень доверительно. Юрий рассказал об истории создания уникальной программы, о её авторе. Сказал, что готов эту программу подарить, если они возьмутся её внедрять. Его собеседник тоже был откровенен:

– Понимаешь, мы сейчас ничего нового не внедряем, лишь старые дыры штопаем. Даже оборонный пояс вокруг столицы и тот пришёл в упадок... Такие вот дела...

– Полный развал кругом, – с тоскою думал Юрий, покидая здание этого некогда процветающего предприятия и шагая по направлению к метро. Вспомнилась поездка к своему любимому детищу – ещё недавно бывшему чудом техники, а ныне заброшенному и разворованному. Вспомнились и «обыкновенные люди» – Василий и Галина, причём, так ясно, что он даже остановился. И как-то теплее стало на душе. На смену унынию приходила надежда.

– Да, железо у нас ржавеет, воры подкапывают и крадут, но ведь любовь человеческая ещё осталась. А это и есть наша самая главная сила. Ну что же, подождём. Ещё наладится жизнь в России. Пусть не сразу, постепенно. Ещё понадобятся новые идеи и талантливые люди, любящие свою страну и способные её оберегать. А люди такие есть. Только позови, Россия.

Тёмная материя

Эта история произошла в одном подмосковном городе, где главное предприятие, дающее людям работу – большой научно-исследовательский институт. Такие построенные в советское время «научограды» отличались продуманной застройкой, хорошим снабжением и высоким интеллектуальным уровнем жителей. И до сих пор стоящие среди высоких сосен девятиэтажки смотрятся неплохо, а вот число живущих в них интеллектуалов сильно поубавилось. И не удивительно, ведь в перестроечные годы власти настойчиво указывали, что фундаментальная наука в России не нужна, поэтому институт заметно деградировал и выживал только за счет того, что сдавал часть площади в аренду компании, производящей моющие средства. Лишь в последнее время в жизни института намечился некоторый подъём, правда, тематику приходилось менять, отходя от фундаментальных проблем физики к прикладным разработкам.

* * *

Хмурый февральский денёк, на улице снежно и ветрено, а в институте рабочий день в разгаре. В лаборатории ядерной электроники сотрудников немного: двое мужчин в белых халатах возятся с каким-то блоком – похоже, что завершают сборку – в углу молодой парень, видно студент, склонился с дымящимся паяльником над электронной платой; женщина средних лет сидит за компьютером. У окна за широким столом, окружённый стопками бумаг и журналов, сидит заведующий лабораторией Олег Павлович. Ему на вид лет пятьдесят, он худощав, в очках и с заметной лысиной.

Звонит телефон. Олега Павловича вызывают к Пугачёву – заместителю директора по научной работе. Пугачёв появился в институте недавно и как учёный мало известен, зато успел прославиться на поприще коммерциализации науки. Упитанный, в безупречно сидящем дорогом костюме, он похож на партийного секретаря советских времён. Олега Павловича он встретил широкой улыбкой и холодным взглядом:

– Хочу сообщить Вам интересную новость: объявился покупатель на Вашу установку.

– Какую установку?

– А вот познакомьтесь с этим письмом. Вчера пришло. Из Германии. Фирма солидная, я проверял.

Олег Павлович стал читать письмо. Речь шла о созданном семь лет назад устройстве для точного измерения энергии гамма-квантов. Это было главным, что он сделал в своей жизни. Устройство давало такую точность, которую до сих пор никто не превзошёл. Идея принадлежала его руководителю Завальнюку, но и он, Олег, немало сделал, чтобы получить нужный результат. Благодаря этой работе, он защитил диссертацию, получил известность в научных кругах. Завальнюк вскоре умер, успев передать своему ученику бесценные навыки физика-экспериментатора.

Олег Павлович был в недоумении:

– Не понимаю, зачем им нужна наша установка?

– Я тоже не понимаю, но какая нам разница. Установка, насколько я знаю, Вам теперь не нужна и стоит как музейный экспонат. А цену они, как видите, предлагают немалую. И транспортировка за их счёт. Вы, как автор, получите хорошую премию – не менее двадцати процентов от этой суммы. Ещё они просят, чтобы мы вслед за установкой командировали специалиста. Так что Вы ещё и в Германию можете съездить. Всё это тоже за их счёт.

Олег Павлович снова уставился в письмо. Ласково журчал голос Пугачёва – наверное, так он разговаривал с женщинами:

– Я понимаю, Олег Павлович, как жалко расставаться со своим детищем, но Вам незачем волноваться: устройство ваше запатентовано, авторские права защищены. Так что соглашайтесь. Вот служебная записка: коммерческий директор подписал, я подписал, теперь Вас прошу завизировать, и понесём академику.

– В принципе я согласен, – сказал Олег Павлович каким-то глухим голосом и, откашлявшись, продолжал: – Но ведь надо всё проверить. Последний раз я эту установку включал года три назад, когда у нас был день открытых дверей. Студентам показывал. И ещё в письме они требуют, чтобы была подробная инструкция для пользователя. Всё это займёт дня три, не меньше.

– Постарайтесь побыстрее, Олег Павлович. Как говорится, куй железо, пока горячо. Они сообщили, что их перевозчик находится в Москве, и они готовы приехать в любое время.

– Погодите; а как они повезут установку через границу? Ведь наше научное оборудование вывозить запрещено.

– Не беспокойтесь. Немцы – народ смыслённый. Слышали историю, как супруги Кюри покупали в Германии стеклянные колбы для своей работы? На границе с них запросили большую таможенную пошлину, а у бедных учёных таких денег не было. Тогда немецкие коллеги подсказали: заткните колбы пробками и напишите в декларации, что везёте пробы воздуха из Германии в стеклянной таре. На тару пошлина не требовалась. Так они и вывезли свои колбы.

Олег Павлович вежливо выслушал старый анекдот и пошёл в свою лабораторию. Начался обеденный перерыв, сотрудники ушли в столовую, и лишь Лидия Сергеевна за своим столиком разворачивала свёрток с домашней едой.

– Сегодня у меня порожки с картошкой. Угощайтесь, Олег Павлович.

Лидия Сергеевна постоянно заботилась о нём, и он догадывался, что это была не простая вежливость.

Он жил бобылём в однокомнатной квартире. Жена ушла от него ещё в начале девяностых, переехала в Москву и вышла замуж за удачливого бизнесмена. Дочку она забрала с собой, и видется с ней удавалось только два раза в год. Потом её новый муж исчез: то ли погиб, то ли куда-то скрылся, в общем – пропал. Как-то Олег Павлович позвонил бывшей жене, хотел приехать, но она была пьяна: говорила несвязно и грубо. Ему стало тошно... А потом она умерла. К тому времени дочь уже закончила институт, вышла замуж. Он был рад, что у неё благополучная семья и приезжал к ним в гости на выходные или принимал их у себя и нянчился с внуком.

У Лидии Сергеевны была похожая история. Она развелась с мужем, сын вырос и учился в Москве. Аккуратная в работе и в домашнем хозяйстве, с милостивым лицом и ладной фигурой, обычно скрываемой под рабочим халатом, она нравилась Олегу Павловичу. Он не сомневался, что, сделай он шаг навстречу, их одиночество закончится. Однако сделать этот шаг он не решился. Он уже привык жить один и заботиться только о себе. Человек он был книжный: его ум был занят наукой, а взгляды на жизнь сформировались под влиянием классической литературы, которую он и сейчас с удовольствием перечитывал. А у Лидии Сергеевны мировоззрение было, в основном, телевизионное, и лишь последнее время он замечал в ней некоторые перемены. Она раздружилась с подругой из соседнего отдела, с которой раньше любила поболтать о просмотренных сериалах и кулинарных рецептах. Над её рабочим столом появилась икона Богородицы, а недавно она поздравила Олега Павловича с Днём Ангела и подарила книгу Бориса Ширяева «Неугасимая лампада», сказав при этом: «Это о Соловецком лагере в двадцатые годы. Читаешь, и ужас берёт: как люди страдали! И не сломились. А нынешние наши беды – это такие мелочи»...

Олег Павлович выпил крепкого чая, не отказался и от пирожков, поболтал со своей благодетельницей и немного успокоился. Потом занялся делом. Открыл дверь в смежную комнату, где находилась установка, включил аппаратуру, сел рядом с электронным блоком и, ожидая, пока он прогреется, любовно протирал корпус тряпочкой. Расставаться со своим детищем было жалко до слёз. Эта установка прекрасно зарекомендовала себя в эксперименте на ускорителе и послужила бы ещё, если бы это направление не свернули. А самый первый опыт, который они провели – измерение гравитационного смещения частоты фотонов. Фактически, они повторили классический эксперимент по проверке общей теории относительности Эйнштейна, проведённый в 1960-е годы. Согласно этой теории, фотоны, двигаясь в поле тяготения сверху вниз, увеличивают свою частоту. В классическом опыте источник фотонов, точнее гамма-квантов, находился на высоте 22 метра, а вся аппаратура была очень громоздкой. А их установка размещалась в небольшом помещении и давала тот же результат. Под потолком размещался излучатель, а внизу – детектор с блоком обработки. В нём, в этом блоке, и был секрет непревзойдённой точности. С тех пор они использовали эффект гравитационного смещения для тестирования своей установки.

Вот и сейчас Олег Павлович надел защитные очки и специальный фартук, достал из сейфа свинцовый контейнер, зашел за бетонную перегородку и по лестнице поднялся под потолок. Там, на подставке, вделанной в стену, стоял толстый свинцовый цилиндр. Он открыл контейнер и, ухватив торчащий конец проволоки, вытащил лёгкий серебристый цилиндр – препарат радиоактивного кобальта. Аккуратно вставил его внутрь толстого цилиндра и спустился вниз. Подошёл к электронному блоку, включил режим измерения и увидел на экране знакомую картинку – линию с острым пиком посередине. Но что за чепуха! Пик оказался не на своём обычном месте, а заметно сместился вправо, то есть показывал слишком большую частоту гамма-квантов.

Значит, что-то сбилось. Он стал осматривать аппаратуру и некоторые элементы заменил на новые. Картина на экране осталась прежней. Тогда он открыл корпус электронного блока и стал рассматривать все детали. Никаких признаков неисправности не было, да если бы что-то вышло из строя, то прибор бы отключился или показал бы явное искажение сигнала, а никак не смещение на малую величину. Он решил завтра с утра сделать генеральную проверку – пустить поток гамма-квантов по горизонтали.

На другой день они всей лабораторией, то есть четверо мужиков, меняли расположение приборов. Возились полдня, а когда провели измерения, убедились, что при горизонтальном движении гамма-квантов никакого смещения на экране нет. Это означало, что с установкой всё в порядке. Вернули приборы в прежнее положение и обнаружили, что вернулось прежнее ненормальное смещение картинки на экране.

Олег Павлович сел за стол и обхватил голову руками. Что же происходит? Усиление гравитационного поля? Может быть здесь, под нами, возникла какая-то гравитационная аномалия, уплотнение земной коры образовалось за последние три года? Надо сделать оценку. Он погрузился в расчёты. Не заметил, как кончился рабочий день, как расходились сотрудники, сочувственно поглядывая на своего начальника. Часа через полтора он встал из-за стола. Нет, этот вариант отпадает. Чтобы вызвать такое смещение частоты, нужен мощный сдвиг земной коры, который бы привёл к землетрясению.

Неожиданно явился Пугачёв и с любезной улыбкой поинтересовался, как идут дела. Олег Павлович с унылым видом поведал о непредвиденном сбое в работе установки. Улыбка сошла с лица Пугачёва. Он мрачно выругался.

– Подводите Вы нас. Они собрались уже в понедельник приехать. Придётся звонить им, чтобы пока повременили. Сколько сейчас? – он посмотрел на часы. – Уже шесть, значит в Германии четыре часа.

Он достал сотовый телефон, набрал номер и заговорил, оправдываясь, словно школьник. Неожиданно он протянул трубку Олегу Павловичу:

– Хотя с Вами поговорить.

Олег Павлович взял трубку и услышал уверенную, хотя и с некоторым акцентом, русскую речь:

– С Вами говорит доктор Штрассман из института Макса Планка. Скажите, какие проблемы с вашей установкой?

Некоторая бесцеремонность покорила Олега Павловича. Он сухо ответил:

– У нас не проходит калибровка по гравитационному смещению частоты гамма-квантов.
 – Скажите, какое у вас получается смещение?
 – По сравнению с обычным мы имеем плюс два процента.
 – Подождите, – сказал собеседник. Слышно было, как он повторил кому-то его слова, причём, говорил по-английски, а этот кто-то тоже по-английски воскликнул:

– Вау! Это то, что мы ожидали...

Было похоже, что на том конце трубку прикрыли рукой, а затем он услышал:

– До свидания, мы Вам скоро позвоним...

Олег Павлович не успел ещё выйти с территории института, как его догнал Пугачёв и радостно объявил:

– Они сказали, что погрешность установки их устраивает и, что они приедут в понедельник. Хотя сразу оформить покупку и увезти, так что, Олег Павлович, завтра готовьте инструкцию.

На следующий день, в пятницу, с самого утра началась суета. В лабораторию ворвался Пугачёв и, потрясая бумажкой, воскликнул: «Академик подписал!». Потом стал осматривать установку, по-зorno назвал фотоумножитель счётчиком Гейгера и велел паковать приборы.

Олег Павлович руководил упаковкой через силу, будто любимого человека отправлял в дальние края. Лидии Сергеевне он дал копию письма из Германии и велел собрать сведения о фирме-покупателе. Та долго шарила в интернете, ходила в коммерческий отдел, но ничего нового не нашла.

Вечером он шёл домой в душевном смятении. Неожиданные события последних дней сильно растревожили его. То, что он обнаружил, могло быть открытием мирового значения – изменение гравитационного поля Земли, а может быть и свойств фотонов. Тут надо бы не продавать установку, а заняться детальным исследованием. Поговорить бы с нашими теоретиками, так нет, засмеют: ещё бы – законы природы вздумал опровергать. А действительно, не для того Бог создал законы природы, чтобы их изменять.

Олег Павлович не был атеистом, но и верующим человеком его нельзя было назвать. Как и всякий учёный, способный к обобщениям, он верил в Высший разум, создавший Вселенную и установивший удивительно мудрые законы для её существования. К этой мысли он пришёл ещё студентом, когда изучал строение атома и был поражён невероятной устойчивостью этого кирпичика мироздания. Однако тогда ему и в голову не приходило, что храмы на московских улицах как-то связаны с мудрым Создателем. Когда в стране началось массовое обращение к вере, он принял крещение, но не столько по зову сердца, сколько назло коммунистам, которых терпеть не мог. Один раз отстоял на службе, причастился, но больше в церковь не заходил: унылый вид верующих и длинные богослужения – всё это нагоняло на него тоску. Но сейчас, проходя мимо недавно построенного храма, он решил зайти, чтобы поговорить со священником. От Лидии Сергеевны он слышал, что батюшка здесь – бывший физик.

В храме служба подходила к концу. Он дождался, когда священник выйдет из алтаря, и подошёл к нему. Батюшка был примерно одного с ним возраста, высокого роста, осанист. Он выслушал Олега Павловича и тяжело вздохнул:

– Трудно мне Вам что-либо советовать. Ваши научные проблемы я не понимаю, у меня вузовская специальность – биофизика. Продавать вам установку или не продавать – тут я тоже не советчик. Вижу только, что Вам предлагается два искушения на выбор: богатство или слава. И то и другое – грех: сребролюбие и тщеславие. И ещё вижу – гордость у Вас в душе. Ведь признайтесь, презираете тех, кто не знает, что такое гамма-кванты? А? Вам бы надо на исповедь идти – вот что я могу Вам посоветовать.

Олег Павлович пришёл домой с чувством некоторой обиды, хотя и понимал, что священник был по-своему прав. Кошки скребли у него на душе, и утешало только то, что завтра с утра он поедет к своим родным, где ему всегда рады.

Поздним вечером он сел за компьютер и отправил письмо своему старому другу, который уже давно жил в Америке и с которым он не виделся уже двадцать лет. Его ждала приятная неожиданность. Ответ пришёл почти сразу: оказалось, что Саша сейчас в Москве, прибыл в отпуск на две недели вместе с женой и остановился на старой квартире жены. Приглашает в воскресенье в гости. Это была невероятная удача: Саша был физик-теоретик с широким кругозором, не чета нашим снобам, погружённым в мир элементарных частиц.

* * *

Субботный день Олег Павлович провёл у дочери в Измайлово, а в воскресенье, ближе к вечеру, он поехал на метро в Тушино к своему другу. Он ждал этой встречи с некоторым волнением, и дело было даже не в том, что они не виделись много лет. Дело было в другом...

С Сашей Корневым они учились в одной студенческой группе, и какое-то время жили в одной комнате общежития. Саша был родом из Риги. Это был высокий стройный парень с лёгким румянцем на щеках и с манерами аристократа. Конечно, физика занимала в их жизни важное место, но сблизила их любовь к поэзии, интерес к мировой истории. В их компании споры нередко затягивались далеко за полночь. Постепенно они умнели, наивная болтовня сменялась здоровыми рассуждениями, оттачивалась риторика. Самым неутомимым и знающим спорщиком был Саша, переспорить его никому не удавалось. Закончив учёбу, друзья пошли работать в академический институт, а через некоторое время Саша по договору поехал работать в Швейцарию, в международный центр ядерных исследований. Когда в России началась перестройка, он решил остаться за границей. Перебрался в США и, как хороший физик, нашёл место в крупном научном центре. Они надолго потеряли друг друга, и лишь год назад Саша по интернету нашёл своего одноклассника и прислал электронное письмо. Завязалась переписка. Оказалось, что Саша – уже гражданин США.

Как-то Олег Павлович в своём письме резко высказался против очередного нападения американцев на арабскую страну. Саша прислал пространный ответ, где обосновал великую историческую миссию США, подобно древнему Риму, нести варварам закон, порядок, новую технику и культуру.

Олег Павлович когда-то, ещё при Саддаме Хусейне, ездил в Ирак как консультант по приборам для атомной электростанции. Порядок везде был образцовый, а великолепный Багдад поразил его чистотой и культурой жителей. Вместо испорченных сексуальной революцией развязных молодых людей в маечках, шортиках, со жвачкой во рту и с проводами в ушах, которых он видел у себя на родине, здесь была молодёжь, чтущая нравственные законы. После того, как американцы навели там свой порядок, Ирак стал полем битвы, где без конца идёт гражданская война...

Олег Павлович ответил своему другу:

Такое чувство, что мы живем на разных планетах с разной системой понятий. Подробно напишу позже.

Он уже стал набрасывать текст обстоятельного послания с возражениями по всем пунктам, как вдруг пришло взволнованное письмо:

Да ладно, Олег, раз планеты разные, мы уже не юные, чтобы пересекать такие пространства, то, может, и не надо отвечать. Ты послал мне большой мэйл, я ответил, выяснили, что планеты разные, ну и пусть так и будет.

Было такое впечатление, что заядлый спорщик Саша испугался продолжать спор по острым вопросам мировой политики. Казалось бы, чего бояться там, за океаном, в стране с неограниченной свободой слова? Было горько, найдя старого друга, вновь потерять его.

И всё-таки, спустя полгода весточка от Саши пришла:

Олег, с Новым годом. Мнения разные, но ведь люди те же!

Он сразу ответил:

Спасибо за поздравление и за хорошие, верные слова. Я думаю, что объединяет нас большее, чем то, что разъединяет. Общая юность. С наилучшими пожеланиями!

Этим и закончилась переписка...

Добравшись до нужной квартиры и нажав кнопку звонка, Олег Павлович увидел в дверях здорового толстяка с седыми волосами. Он хотел было спросить: «А где Саша?», но вовремя успел разглядеть знакомые черты друга. Тот тоже на мгновение оторопел, а потом они крепко обнялись. «Оболочка изменилась, а люди всё те же», – сказал Саша, похлопывая друга по спине. Они расхохотались. Сашина супруга, дородная и по-русски гостеприимная, тоже слабо напоминала хрупкую Анечку – лаборантку из отдела обработки данных.

За столом Саша долго рассказывал о своей научной карьере, описал свой шикарный дом, за который до сих пор не расплатился. Говорил он, слегка растягивая слова на английский манер. Ещё бы, двадцать лет за рубежом – не шутка. Поведал и об особенностях американской жизни:

– Пригласили нас в гости хорошие знакомые. Ну, погостили, я сажусь за руль, хотя и выпил немного. Думаю, до дома недалеко и дорога безлюдная. И что ты думаешь? У самого нашего дома остановили нас копы. Оказывается, только мы отъехали, хозяева позвонили в полицию и донесли на нас. Такие вот они все законопослушные.

– А у нас всё наоборот, – вставил Олег Павлович. – Едешь, и тебе каждый встречный мигает: берегись, мол, – гаишники впереди.

Аня вспоминала:

– У нас младший сын рос очень капризным. Чуть что не по нём – сразу в рёв. Так соседи как-то полицию вызвали, хотя от соседского дома до нашего – метров пятьдесят. Пришлось доказывать, что мы над ребёнком не издеваемся. Я ходила к соседке, пыталась объяснить ей по-хорошему: ну поплачет ребёнок и успокоится. Что тут страшного? Зато будет знать, что не всё дозволено. А она говорит: «Нет, если ребёнок чего-либо хочет, не запрещайте. У нас так воспитывают, по доктору Споку».

– Вот и воспитали поколение маньяков, – добавил Саша, – врываются в школы, расстреливают одноклассников, учителей.

– У нас по-другому, – сказал Олег Павлович. – Когда надоест крик да шум у соседей, стучим палкой в потолок, а не помогает – железякой по батарее.

Он решил сменить тему:

– Саша, вот скажи мне, что сейчас в физике по большому счёту самое животрепещущее?

– Конечно, открытие скрытой массы или её ещё называют – тёмная материя. Астрофизики всех озадачили – обнаружили в дальнем космосе объекты, которые не излучают и, вообще, невидимы. Только гравитационное поле создают. Так их и вычислили – по тому, как они возмущают движение галактик. Из чего эта материя состоит – непонятно. Но это не наше вещество – не протоны, не электроны, а что-то нам не ведомое. И что ещё впечатляет – такой материи во Вселенной 95 процентов, если считать по массе. Представляешь, как досадно: то, что наука до сих пор изучала – это лишь ничтожная часть всего мира.

Об этом открытии астрофизиков Олег Павлович слышал и раньше, но сейчас в его голове возникла отчётливая картина: облачко тёмной материи, захваченное земным тяготением, вращалось на орбите, постепенно опускалось, достигло поверхности планеты и, не встречая сопротивления, продолжило свой путь к центру Земли.

– А может эта тёмная материя находится на нашей планете? – спросил он.

– В принципе, может. Ничто не запрещает. Этаким параллельный мир, никем не ощущаемый.

Олег Павлович, наконец, решил рассказать о своих недавних опытах по измерению гравитационного смещения. Саша слушал с большим вниманием.

– Ты знаешь, – сказал он, – я бы не поверил в твои результаты, но недавно на конференции я слушал одного геофизика, он тоже обнаружил усиление гравитационного поля Земли. Своим, геофизическим методом. Правда, никто этот доклад всерьёз не воспринял – мало ли какую аномалию он нашёл.

– Ну, хорошо, а допустим, небольшой клочок тёмной материи к нам прилетел и осел на Землю. Тогда гравитационное поле планеты чуть-чуть изменится. Так ведь? Наш организм такой мелочи не почувствует. Никакие даже самые точные весы тоже ничего не обнаружат, поскольку они сравнивают вес тела с эталонным грузом, у которого вес изменится таким же образом. А вот скажи, Саша, на что это изменение может реально повлиять?

Саша ответил после долгого раздумья:

– Ты, Олег, знаком с принципом спутниковой навигации типа ГЛОНАСС? Там координаты земного объекта рассчитываются по расстояниям от объекта до навигационных спутников, а эти расстояния определяют по времени пролёта радиосигнала от спутника до навигатора на объекте. Вот где нужно точнейшее измерение времени! Атомные часы используют. А ведь ход времени на орбите отличается от хода времени на земле. Поэтому в аппаратуру вводят поправки, чтобы учесть разность хода часов на орбите и на земле.

– Погоди, замедление времени на орбите возникает за счёт большой скорости спутников. Это мы знаем из учебников. А что тут даёт гравитация?

– Она тоже изменяет ход времени. Причём этот эффект такого же порядка, что и скоростной. Эту поправку тоже вводят в систему навигации.

- Значит, если гравитация изменилась, то ухудшится точность измерения координат?
- Да, если не ввести ещё одну поправку.

Сидели они долго. Аня ушла спать. Опустили бутылка виски, бутылка болгарского вина, а они всё сидели, то со смехом, то с грустью вспоминая свою молодость. Решили, что Олег заночует у них, а утром поедет первой электричкой, чтобы успеть на работу к девяти.

* * *

Утром в полупустом вагоне, не выспавшийся, с больной головой, но в хорошем настроении, Олег Павлович возвращался домой. Он чувствовал, что встреча с другом как-то встряхнула его, избавила от депрессии, в которой он пребывал с тех пор, как развалилась его семья и стала ненужной его научная работа. Как хорошо, что они, будто по молчаливому согласию, не заводили разговор о политике.

На первую электричку он опоздал, и теперь придёт в лабораторию не раньше десяти. Он хотел позвонить Лидии Сергеевне – сказать, что задерживается, но оказалось, что сотовый телефон разряжен. «Ничего страшного: немцы так рано не приедут», – успокоил он себя.

И всё-таки в душе была тревога. Рассуждения Саши о навигации не давали покоя. Надо бы рассчитать, как повлияет усиление гравитационного поля на точность определения координат. Достал блокнот и занялся расчетами, благо вчера у Саши в гостях он успел найти в интернете нужные данные: расстояние между спутниками и высоту их орбиты. Трудился долго под стук колёс и вагонную тряску и, наконец, выяснил, что дополнительная погрешность может составить около одного метра. Величина ничтожная и для обычных потребителей никакого значения не имеет. А для военных? Ведь систему радионавигации используют для наведения ракет на цель. Допустим, они обнаружили ухудшение точности и хотят исправить дело – ввести гравитационную поправку в аппаратуру. Тогда им нужна моя установка...

– Грачёво! – раздалось в динамике. Олег Павлович вскочил. Он проехал свою остановку! Такого с ним ещё не бывало. Вышел из вагона и посмотрел расписание: обратная электричка будет только через час. Томиться в ожидании не хотелось. Может быть, пойти пешком? Отсюда до института километра три. Бывало, летом они специально шли сюда, на эту станцию, чтобы пройти живописной дорогой по полю.

Он спустился с платформы, прошёл мимо ветхих домишек и увидел расчищенную дорогу – видно, недавно поработал бульдозер. Вдали виднелись сосны, скрывающие родной городок. «А что, пройду, проветрю мозги. Сапоги у меня тёплые, надёжные». Он двинулся по дороге. Небо хмурилось, дул ветерок, но, к счастью, снегопада не было. Плохо было то, что ныло сердце. Началось это ещё в вагоне и с тех пор не отпускало. Пошарил в кармашке сумки, где когда-то носил валидол, но там было пусто. Ещё минут десять ходьбы и пришлось остановиться от сильной боли в груди. Болело где-то посередине, чего раньше никогда не бывало. Он огляделся: вокруг ни души, лишь тянулись снежные поля. Навалилась слабость, пришлось сесть в придорожный сугроб. Стало жутко, страх смерти охватил его. «Неужели это конец? Такой нелепый, нецивилизованный. Занесёт снегом, и найдут только весной». Надо бы молиться, но он не умел, лишь шептал онемевшими губами: «Господи, помоги». В глазах замелькало что-то путанное. Откинулся назад и долго лежал пластом на снегу, глядя в серое небо. Постепенно стал ощущать, что боль стихает. Осторожно встал, отряхнул от снега полушубок, брюки и глубоко вздохнул. Боль почти не ощущалась! Необычайная радость охватила его. «Не надо мне ни богатства, ни славы, только бы жить и ходить по Земле», – думал он, шагая к родным соснам.

Подойдя к зданию института, он увидел, что у хозяйственного подъезда стоит машина вроде нашей «буханки» с иностранными номерами. Задняя дверца была открыта, и рабочие носили туда ящики. За рулём сидел мордастый парень и отрешённо жевал жвачку. Олег Павлович заглянул внутрь грузового отсека и увидел там свои ящики. «Не дождался меня. Уж так торопятся! – подумал он с досадой. – И у соседей тоже что-то выносят. Пугачёв найдёт, что продать».

Он пошёл к себе и первое, что увидел, открыв дверь, была Лидия Сергеевна, стоящая перед иконой. Она обрадованно бросилась к нему:

– Слава Богу, а я уже волновалась, думала, куда Вы пропали – на звонки не отвечаете. Установку всю вынесли, Пугачёв распорядился. Даже контейнер с кобальтом унесли. А ещё, знаете, я в их ма-

шину заглянула, смотрю – там значок такой, вроде как логотип. Так я его ввела в поисковик вместе с теми данными, что Вы мне давали, и вышло, что эта торговая фирма обслуживает штаб НАТО в Европе.

Так я и думал! – воскликнул Олег Павлович. Вдруг вспомнилось радостное американское «Вау!» по телефону. Он даже вздрогнул. Так что же, в этой бесконечной гонке вооружений он оказался на стороне противника? Зачем же он согласился продавать свою установку? Что за тёмная материя его опутала?

Он бросился к Пугачёву, но того не было на месте. Секретарша сказала, что он вместе с немцем поехал в банк. «Всё равно этого борова не убедишь», – мелькнула мысль. Он, не одеваясь, выскочил к машине. В каком-то озлоблении открыл заднюю дверцу, забрался внутрь, разглядел картонный ящик со своим блоком и попытался его вытащить, но не смог. Тогда он разорвал крышку ящика, затем привычным движением открыл корпус и нащупал ту самую плату, которая была сердцем прибора и в которую он вложил так много труда. Вытащил её, выбрался из машины, и тут произошло страшное. Потом водитель рассказывал, что хотел сдать назад, чтобы переехать на другое место, а то, что в машине кто-то был, он не знал... Как только Олег Павлович выбрался из машины, последовал сильный толчок, от которого его бросило к тротуару, и ударило головой о бровку. Последнее, что он увидел, было испуганное лицо стоящей на крыльце Лидии Сергеевны и лежащие на земле куски разломанной платы...

Ещё одно облачко тёмной материи кружилось над землёй, медленно опускаясь, потом ястребом ринулось вниз и, без труда пройдя земную толщу, угнездились в центре земли.

* * *

Олег Павлович выжил. Он долго лежал в больнице, за ним ухаживала Лидия Сергеевна. Когда поправился, они поженились.

При расследовании происшедшего несчастного случая выяснилось, что Пугачёв незаконно продавал институтское оборудование, поэтому он был со скандалом уволен и привлечён к суду.

Установка Олега Павловича осталась в институте, а после того, как он её восстановил, её передали на одно из предприятий Министерства обороны России.

Проза

Николай Стародымов

Николай Александрович Стародымов родился 24 февраля 1956 года. Донской казак, потомственный офицер, подполковник запаса. Участник боевых действий, кавалер трёх боевых наград. Журналист и писатель. Автор более 30 опубликованных художественных и документально-публицистических книг. Лауреат ряда литературных и журналистских премий. Сотрудник Аппарата Исполкома Международного сообщества писательских союзов.

Наблюдения и размышлизмы

На протяжении пяти лет ежедневно делюсь с человечеством своими мыслями. Для этого всегда держу под рукой блокнот: дома, на работе, в портфеле... Каждую мысль стараюсь облечь в наиболее компактную и точную словесную формулу, отшлифовать её предельно филигранно. Не всегда получается, но стремлюсь к этому.

И при этом регулярно задумываюсь: а человечеству-то это нужно?.. Любопытны ли они, мои мысли, Мирозданию – коль сознание каждого человека является его неотъемлемой составляющей?..

Или они нужны только мне самому? Но для чего?.. Для самовыражения? Чтобы гордыню потешить?..

Короче говоря: если я испытываю потребность делиться своими мыслями, а всем остальным это не особенно-то и надо, то как поступить ПРАВИЛЬНО?.. Что главное: что это нужно мне, или что это не нужно остальным?.. Давно уже меня интересует этот вопрос.

Вокруг прилавка

Картинка: в коровнике проходит показ «высокой моды», и на этих фланирующих в проходе между стойлами манекенщиц в эпатажных одеяниях с восторгом глядит девчонка-доярка. Ну, а потом и вовсе присоединяется к ним...

Ну, братцы мои, что даёт человечеству эта девчонка – и что дают эти шл?.. Эти шлёндры?.. Кто кормить будет этих субтильных созданий – сколь бы мало химии они для поддержания веса ни потребляли?.. И сколько за свой труд получает эта наша кормилица – и эти фланировщицы!..

Где же справедливость, друзья мои?!

Пока наше телевидение будет прославлять полуголых носительниц «высокой моды», а не ту девчонку-доярку, уровень нашей жизни и будет зависеть от цены на нефть, да от западных санкций!

Нет, я, конечно же, не настолько ретроград, чтобы восставать против моды, даже «высокой», подиумов, этих субтильных «моделей», прости, господи... Я против того, что им уделяется эфирного времени кратно и кратно больше, чем простым нашим труженикам, которые кормят нас и одевают. Важность этих разновидностей труда находится в обратно пропорциональной взаимосвязи с оплатой...

* * *

Покупаем баночку консервов, на которой написано «Печень трески по-мурмански». Дома открываем. Оказывается, это не собственно печень в масле, а паштет. И не придерёшься! Написали же «по-мурмански», а то, что ты не знаешь, как печень приготавливают в Мурманске – это твои проблемы!

* * *

Телереклама. Снимают фильм. Замерла в строю многотысячная массовка, изготовилась киносъёмочная бригада числом с десятков человек... Помреж спрашивает: с чего, мол, начнём?.. С кофе! – флегматично отвечает режиссёрша. Ну не свинство ли – заставлять столько народа ждать, пока эта красotka выкушает чашечку рекламируемого напитка?..

* * *

В документальном фильме о самолёте Ил-2 диктор вдруг сообщает, что штурмовик был настолько дешёв в производстве, что окупался за один-два боевых вылета. Братцы мои, это ж по какой такой шкале выведена такая закономерность?.. Как может окупиться абсолютно затратный механизм, который не приносит прибыли, и предназначен только для уничтожения?.. Странная какая-то «самоокупаемость»...

* * *

Уже сколько стояла на столе коробочка с бумажными салфетками, и только потом обратил внимание. На коробочке помещено изображение: правильная сервировка стола с обозначением столовых приборов – какой для чего предназначен. Молодцы производители! Спасибо!

Бесплатная реклама производителя: фирма «Чистый дом», Раменский район Подмоскoвья, д. Кузнецово.

* * *

Славу отцов сыновья берегут каждый по-разному. Согласимся, что возглавлять цирк им. Юрия Никулина и стричь купоны с исполинского торгового комплекса «Райкин-плаза» – суть разные вещи.

Россия и вокруг неё

Человеку свойственно критиковать действительность, ностальгически идеализировать прошлое, верить в будущее. Это закономерно.

И насколько же огромная беда России, что в светлое будущее мы не верим!

* * *

Всё постсоветское пространство захватила лавина переименований. Поистине, националистический угар лишает человека памяти и разума!

* * *

Не тот патриот, кто громче всех кричит «Слава России!». Патриот должен стремиться к тому, чтобы видеть не лубочную картинку, а истинное положение дел. В том числе и негативные явления в жизни Отечества. Суть патриотизма в том, чтобы вне зависимости от того, что видишь, действовать во благо Отечеству!

* * *

Кто бы что ни говорил, а нравственность в атеистическом Советском Союзе была куда выше, чем сейчас, когда все вокруг такие верующие, что просто ах!

* * *

По телеканалу «Звезда» показывали интересный документальный фильм о легендарном генерале Дмитрие Карбышеве. И показали его правнука – совсем ещё молодого человека. С какой гордостью он говорил о своём предке! И с какой горечью – по поводу беспамятства нынешней молодёжи!.. Молодцы родители – такого истинного патриота своей фамилии воспитали!..

* * *

Некоторое время назад умер писатель, которого демократическое крыло нашей интеллигенции провозгласило знаменем борьбы с Советской властью и с кошмарным советским наследием. Ну, то, что на наше прошлое он немало вылил дерьмеца, то, как говорится, что есть, то есть. И не стоило бы заострять на этом факте внимания, памятуя поговорку про шакалов и караван... Однако вот на что хотелось бы обратить внимание.

Упомянутый литератор был сыном довольно малочисленного народа. Так вот и вопрос: если бы не Советская власть, которая провозгласила одной из целей своего существования развитие культур всех входящих в СССР народов, то имел бы он возможность учиться в престижнейших вузах страны?.. Кто бы читал произведения этого борца с тоталитаризмом?.. А ещё точнее: кто бы их издавал миллионными тиражами?.. Премии бы давал, астероиды его именем называл, творческие дачи выделял?..

Этот обличитель «творческой несвободы» стал знаменитым именно благодаря власти, которую он же обличал-бичевал.

То же хочется сказать о грузинском актёре... И о молдавском, тоже не так давно покинувшем наш мир... И о ныне живущей представительнице другого крохотного народа – хулительнице России... Братцы, да кто бы вас знал, если бы не Советский кинематограф?!!!

Слов нет – далеко не всё было умильно в стране в те времена. И критиковать надо наши огрехи прошлого – кто ж спорит! Но огульно охаивать всё и вся человеку, который получил от этого прошлого именно всё и вся, как-то всё же непорядочно.

* * *

Современная жизнь: от кризиса до кризиса, инфляция и безработица, санкции и страх перед грядущим... Какое счастье, что я в молодости познал, какой должна быть простая и спокойная жизнь! Насколько несчастны наши дети, которые нынешний кошмар и считают нормой жизни!

Из услышанного

Какую чудесную мысль я услышал в каком-то фильме (мои извинения авторам – не помню название)!

История – самая несчастная из наук. Она опирается на совершенно достоверные факты, которые никто не может подтвердить!

* * *

Тоже где-то услышал...

Главная беда нашей действительности – отсутствие не столько идеОлогии, сколько идеАлогии!

* * *

Услышал фразу Марка Шагала: мол, художник может по-настоящему творить только под парижским небом. Сомнительная сентенция. По-моему, настоящий художник может творить везде, а не где-то, где комфортно. Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти в любую картинную галерею и ознакомиться с биографиями художников.

Причём, к картинам целого ряда художников, которые ни разу не бывали в Париже, и, уж во всяком случае, не считают этот город единственно стимулирующим творческое начало их дарования, куда меньше вопросов, чем к творениям самого Шагала.

* * *

Вычитал у Эйнштейна: порядок нужен глупости, а гений повелевает хаосом. А как такая сентенция: если глупость изрёк гений, она не превращается в мудрость! Это уже я самовыражаюсь по поводу высказывания Эйнштейна.

Что ж получается? Любой человек, который стремится к упорядоченности – глуп?.. Если следовать этой логике, то, скажем, Иммануил Кант предстаёт полным идиотом, ибо, по свидетельству

современников, Кант был настолько скрупулёзный человек, что по его прогулкам соседи сверяли часы. Да и других таких примеров можно привести превеликое множество.

И с другой стороны – что такое «повелевать хаосом»? Стараться его упорядочить? То есть оглушить?..

Вот ляпнет что-то человек, а уже подхватили глупость биографы – и начинают тиражировать!..

Культура и образование

Для достижения сиюминутных целей властям писатели не особо нужны – для решения тактических задач достаточно СМИ. Но вот в стратегическом плане, для формирования идеологии и идеологии нации, для того, чтобы потомкам осталась максимально всесторонняя и по возможности объективная картина сегодняшнего мира – вот тут бы власть предержащим задуматься: следует ли настолько откровенно игнорировать пишущий люд.

* * *

Читаю в публикации: мол, воин-афганец... Указываю: надо бы поправить, слово «афганец» забрать в кавычки... Не обязательно, отвечают мне – и так пишут. Пишут-то пишут, мало ли что и где пишут неправильно! Я – по национальности русский, а «афганец» только опосредованно. Что стал «афганцем» – это воля случая и кадровиков, а то, что родился русским – это судьба!.. Всё равно в публикации не исправили.

Так вот постепенно и становится неправильное – привычным, ошибочное – нормальным, небрежное – само собой разумеющимся...

** *

Цинга тела видна невооружённым глазом. Цинга души развивается куда незаметнее!

* * *

Обратил внимание, что в латинском и производных от него языках слова «свобода» и «книга» пишутся и звучат почти одинаково. Забавно... Сколько по этому поводу можно рассуждать!

* * *

И ещё картинка из транспорта.

Входят в салон бабушка и внучка. Сидячее место только одно. Внучка: «Садись, бабуля!». Ай, думаю, какая хорошая девочка! А она продолжает: «А то меня укачивает...». И становится понятно, что и села бы девочка, не заботясь о бабушке! И о здоровье современной детворы думаешь, что слишком много сейчас отклонений по здоровью у подрастающего поколения...

* * *

В вагоне метро сидел мужчина. Будь я режиссёром, именно его взял бы на роль фельдфебеля зондеркоманды СС : крупный, но не жирный, лет 50, лицо такое, в общем, как повелось говорить после известного сериала, нордическое, с суровыми складками и брюзгливо оттопыренной нижней губой... На голове – кожаное кепи классического образца вермахта времён войны, а сбоку на головном уборе кокарда, что-то типа опознавательного знака дивизии «Эдельвейс», только крупнее.

А буквально накануне видел другого эпатирующего мужчину, возрастом постарше, в по-модному подранных джинсах. А ещё одного – в широкополой шляпе а-ля ковбой, из-под которой свисает седой свалявшийся хвост... Да и вообще; нередко нынче увидишь весьма пожилых мужчин, которые демонстративно стремятся следовать молодёжным выкрутасам моды.

Ладно, молодёжь выпендривается – ей по возрасту положено. Ладно, женщины стараются одеться с выдумкой – им положено по гендерному признаку. Но когда дядечка в солидном возрасте начинает выёживаться!.. Смотреть неловко.

* * *

Вот не пойму: почему нам настолько настойчиво навязывают представление, что авангард в искусстве лучше классики?!

* * *

Идёт обсуждение плана проведения Ночи в библиотеке. На схеме, нарисованной юными сотрудниками, на одной из площадок заявлен СЕКСАФАНИСТ. Знающие русский язык сотрудницы расхохотались. Одна говорит: «С этого и начнём!» Другая: «Этим и закончим!»

А потом пришлось разъяснять остальным причину смеха: как правильно писать это слово, как оказалось, знали не все!..

* * *

В сквере на скамеечке сидят две юные девушки и воркуют. Отборным матом – в духе времени. Мимо проходит слегка поддатый мужичок. И делает им замечание. Всё в мире перевернулось!

И ещё в тему... Хоккейный матч Россия–Дания. Наш бросает шайбу и промахивается. Показывают трибуну. Сидит красивая, эффектная, такая внешне вся правильная молодая женщина с мальчонкой годиков 4-5 на руках... И кроет отборным матом – нашу артикуляцию губ ни с чем не перепутаешь, буквы «ё» и «б» прочитываются легко. На что растрчивается великий и могучий!..

* * *

Картинка из метро. В вагон входит женщина ещё довольно молодая, лет 30, оценивающе оглядывает ряды сидящих... Подходит к седому мужчине в возрасте, демонстративно нависает над ним... И дядечка – старая школа! – хотя и не слишком охотно, но всё же уступает ей место. К молодым она не подошла – знает, что бесполезно!

* * *

В школьную программу России не входит «Повесть о настоящем человеке». Что это как не идеологическая диверсия против истории Отечества?

* * *

Услышал, как молодой человек жалуется: его кто-то высмеял, что он джинсы носит «с туфлями». Что тут скажешь?.. С «туфлями» можешь носить что угодно. А вот джинсы с туфлями и в самом деле не носят.

* * *

Ну, что за идиотская мода на рваньё! Думал: переберется молодёжь, как и любой модной придурью переболевать, надоест в драных джинсах щеголять. Ан нет – живуча оказалась зараза в этот раз!

* * *

Мы рассуждаем о том, существуют ли параллельные миры... Да мы с молодёжью проживаем вроде как в одном физическом пространстве, но насколько в разных культурно-информационных измерениях!

* * *

Хорошо, что есть слово «бойфренд». А то слово «ё.рь» в обществе произносить неприлично. В кои веки я приветствую проникновение в русский язык иностранных синонимов!

Проза

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – учитель химии гимназии, Отличник образования Республики Беларусь. Окончила с отличием Гомельский государственный университет. Более 270 публикаций в педагогических периодических изданиях Беларуси и России и восемь небольших книг, изданных издательским домом «Белый Ветер». Имеет более 250 публикаций в периодических изданиях Беларуси на русском и белорусском языке в жанре лирической миниатюры и короткого рассказа, лауреат областного литературного конкурса имени Кирилла Туровского – 2009 г.

Из цикла «Цветы нашего сада»

Роза

Средь буйной зелени явилось чудо: тугой бутон вдруг вспыхнул ярким цветом. Алмазами на нём роса сверкала. Ахнул поражённый соловей. Цветку пропел он лучшую из песен. Но юная гордячка и лепестком не повела.

Шли дни и ночи. Напрасно трепетно певец касался самых нежных струн. Красавица ждала лишь принца.

И дождалась...

Однажды утром весь куст взорвался десятком новых юных дивных роз. Их с каждым днём всё больше становилось.

И горькою слезой роса блестела на лепестках красавицы увядшей.

Кактус

Много лет угрюмо стоял на подоконнике колючий ёжик. Над ним смеялись юные герани, своей бездумной яркостью хвалясь. Фуксии презрительно звенели резными колокольцами цветов. Но однажды кактус вдруг расцвёл. И онемел цветочный мир, и замер в восхищенье. Такой пронзительно-прекрасной явилась миру цветочная душа колючего уродца.

Колокольчик

Красавец-колокольчик нежно бабочке звенит: «Прилетай ко мне, красавица. Я люблю твои крылышки яркие. Мне мила краса твоя чудная. Будет счастье у нас полной мерою».

Красавец-колокольчик нежно пчёлке звенит: «Прилетай ко мне, красавица. Я люблю твои крылышки яркие...» Красавец-колокольчик каждой юной букашке звенит: «Прилетай ко мне, красавица...» И ведь летят, дурочки, и летят...

Калина

Рос при дороге куст калины. Открытый всем ветрам, незащищённый. Груз одиночества тяжёл. Всяк, мимо проходя, срывал цветок, щипал листок или веточку ломал. Терпела молча всё калина, не обижалась, и осенью манила алой горсткой ягод. Да только от невыплаканных слёз уж больно ягодки горчили...

Лилия

Кипенно-белая лилия вещала соседкам: «Как неприлично; юные фиалки постоянно глазуют в окна!» «Как можно, как можно», – поддерживали глупые герани.

«Вы только подумайте, к юной глоксинии вчера прилетал женатый шмель. Что за молодёжь! У меня вот всю жизнь незапятнанно-белая репутация». «Белая-белая», – угодливо кивали герани. Лилия была абсолютно уверена, что безукоризненно-белые лепестки гармонируют с чёрной душой.

Пион

Бесшабашный пион был безудержно ярок. «Я приведу в порядок нашу клумбу! Я введу новые правила! Я смогу помочь всем!» «Ах, как он умён! Ах, как он смел!» – восхищалась цветочная мелочь. Все ждали нововведений пиона. А он встряхивал буйной головой и всё обещал, обещал, обещал... Прошло три дня. Пион бодро встряхнул головой и ... вниз посыпался яркий дождь лепестков. А порядок на клумбе каким был, таким и остался.

Настурция

Жарким оранжевым полыхала настурция. Роем неслись к ней насекомые, жужжали наперебой, как прекрасна она, пышна и щедра. И бесшабашная красавица дарила всем свой сладкий нектар. Жила она бурно и весело. Однажды прилетел оранжевый мотылёк. И тут настурция поняла, что всю жизнь ждала только его, мечтала только о нём, что готова ему одному капля за каплей отдать всю свою цветочную душу. Однако за время весёлых пиров весь нектар был выпит. До капли.

Подснежник и астра

Подснежник первым расцветал на клумбе. И, полыхая пронзительно-лиловым, мечтал встретиться с лиловой астрой. Астра расцветала в августе, и всё мечтала когда-нибудь встретить лиловый подснежник. «Не судьба», – тихо вздыхала сирень. «Не судьба», – шуршали пышными юбочками георгины. Ну что тут поделаешь – не судьба.

Ромашка

В дерновинке ромашек каждый день – важная дискуссия. «Любит – не – любит», – вещает старая опытная ромашка. «Любит –не –любит», – вторит ей юная красавица. «Послушай меня! Да послушай же! – шептал юный мотылёк. – Я люблю тебя!» «Ах, погоди. У нас важная дискуссия», – отмахивалась юная ромашка. Век мотылька недолог. Увы. На поредевшей клумбе поблекшая ромашка всё решает важный научный вопрос, всё шелестит пожухлыми лепестками: «Любит? Не любит?..»

Гладиолус и маргаритка

Благородный гладиолус из аристократической семьи был величественно красив. Казалось, со своей элитной клумбы смотрел он в высокое небо и не замечал цветочной мелочи, что теснилась на рабатках. А оттуда сверху вниз глядела на гладиолус и восхищалась его утончённой красотой юная скромная маргаритка. И никто не догадывался, что гордый гладиолус всю свою голубую кровь, до капельки, с радостью отдал бы за один лепесток маргаритки. Если б только он мог сойти со своей постылой элитной клумбы.

Гортензия

На окне повесили лиловые шторы. И юная гортензия расцвела лиловым. «Ах, как это мило, как правильно, в тон», – шептали цветы на подоконнике. Через год шторы сменили на белые, и чуть постаревшая гортензия выплеснула белое облако цветов. И опять это было в тон, кстати, и очень мило. А когда на окно повесили зелёные шторы, на удивление всему цветочному миру на тёмно-зелёном стебле старой гортензии появились бледно-зелёные цветы. И, как всегда, опять всё было и в тон, и мило, и кстати. И очень нравилось хозяевам.

Тюльпан и сирень

Тюльпан и сирень страстно полюбили друг друга. Он всё пытался дотянуться до её высокой кроны. Она старалась склониться к нему поближе. И однажды они встретились. Три тюльпана и две ветки сирени – в одном букете. Счастье их было недолгим. Но это было – СЧАСТЬЕ!

Из цикла «В некотором царстве, в тридевятом государстве...»

Королева и её жабы

Жила-была одна Королева. Вот всем была дамочка хороша: и лицо румяное, и губки аленькие, и глазки голубенькие, и станом стройна, и бровями союза, ну прям красотуля писаная! Но вот как только рот откроет, так из него стаями жабы прыгают! Да крупные такие, чёрные и пучеглазые. Чем больше Королева живёт, тем больше вокруг неё жаб скачет. Уже скоро всё королевство заполнят, народу сказочному не продохнуть от них. Такая вот жабья натура у героини нашей оказалась, да и умок короткий, жабий: никак не догадается дамочка рот пореже открывать. Сидела бы себе, помалкивала, так глядишь, все бы вокруг её красотой любовались. А некоторые были бы даже уверенны, что Королева к тому же ещё несказанно умна.

Наблюдательная фрейлина

А ещё была в королевстве Фрейлина одна. Ну, так, фрейлина как фрейлина: в меру хороша, в меру стройна, в меру нарядна. И был у Фрейлины талант не талант, но способность такая, что ли: у всех и всегда замечала дамочка и помнила все недостатки. Разбуди её среди ночи, и она тут же, без запинки расскажет, в каком году и в котором часу вышла Королева на приём, а у неё на подоле нижней юбки было малюсенькое пятнышко, а, к примеру, жена главного повара всю жизнь диету соблюдает, но вот сорок лет тому назад на балу два куска торта съела, а глашатай королевства пятнадцать лет назад в слове неправильно ударение поставил, а король пять часов пятнадцать минут и десять секунд тому назад заинтересованно посмотрел на младшую фрейлину, а... И так далее, и тому подобное. Вроде как и смышлёная Фрейлина, и память у неё чудо как хороша, да вот ума понять не хватает, что чужие недостатки нас-то самих лучше не делают.

Нарядные дурочки

Две юные фрейлины во всём друг с другом соперничали: у кого талия тоньше, у кого ресницы длиннее, у кого папик круче. На приём одна фрейлина пришла в кринолине из модного бутика, а вторая мушку приклеила, из самого из Парижа привезённую. Тогда первая фрейлина на следующем приёме вышла в наряде из настоящего японского шёлка, а вторая – из павловопосадских платков сооружённого. И пошло-поехало: у одной от Юдашкина, а у другой от Зайцева, у одной от Версаче, а у другой от Диора... Соревнуются и соревнуются, наряжаются-расфуфыриваются. И никак простая истина до девиц не доходит: по одежке же только встречают...

Повариха с иллюзиями

Повариха у нашей Королевы была с воображением. Ни образованием, ни знаниями, ни красою юною, ни особыми талантами дамочка бальзаковского возраста не блистала, но в воображении своём считала себя величайшей поварихой мира. По всему королевству Повариха бегала-прыгала, мнимыми успехами хвасталась: «Да мне по виду больше 17 лет не дашь! Да я самая красивая девица в нашем королевстве! Да все повара только продукты губят, а я дивные блюда создаю! Да кухня королевская только благодаря мне и существует! Да я всем указания делаю, без моих советов они и картошки почистить не умеют! Да я давно уже вместо главного повара на всех банкетах готовлю!..» Ежели разобраться, то вина Поварихи не столь велика; что поделаешь, ежели у человека ну о-о-очень большое воображение. А виноваты те, кто поддакивает и большие фантазии поддерживает.

Самовлюблённый менестрель

В королевстве жил талантливый Менестрель. Он бродил по городам и весям. Пел свои песни, читал стихи. Радовались люди, ибо слышали в его песнях и лёгкий звон капли, и утреннее пение птиц, песенку тёплого дождика, и хрустальный голос ручейка. Из стихов узнавали о чём поёт ветер и почему грустит соловей, о ком мечтает влюблённое сердце и о чём по ночам шепчутся звёзды. Все восторгались талантливым юношей, хвалили, благодарили и предвещали большое будущее. Только чем больше хвалили, тем больше задирался вверх нос самолюбивого Менестреля. Престал

он бродить по дорогам родной страны, перестал слушать звёзды, прятался от дождика под дорогим зонтом. Выступал он теперь исключительно за деньги и выбросил свои прежние стихи. Стал сочинять дифирамбы Королеве (благо за них хорошо платили), и в каждом интервью непременно рассказывал, какой он талантливый, почти гений. Только вот однажды пришли к дому Менестреля, а его там нет, а вместо поэта выросла огромная клумба нарциссов.

Завистливый критик

Литературный Критик данного королевства в молодости подавал надежды как талантливый поэт. Но надежды не оправдались: то ли талант маловат оказался, то ли не было его вовсе. Однако наш несостоявшийся поэт стал маститым литературным критиком. Очень хорошо умел рассуждать о чужой работе. Обычно собирал он группу начинающих поэтов и начинал их учить стихи писать. Так сказать дарил молодому поколению крылышки от Пегаса. А как поэты оперятся малость и свои стихи опубликуют, тут Критик такую разгромную статейку печатал, в пух и прах своих бывших питомцев разбивал. В общем, сам крылья дарил и сам же и отнимал. И вот же много таких завистливых критиков имеется. Сами ничего не создали, зато облить грязью труд ближнего своего завсегда пожалуйста: коль у самих способностей нет, отчего же не получить удовольствие, обливая грязью чужой талант.

Коварная начальница

У Заведующей королевским ателье душа была чернее ночи. Как-то попросилась к ней в портнихи одна дамочка необразованная, зато принесла с собой корзинку пирожков вкуснющих и кучу своих подружек привела. Заведующая быстренько новенькой главный заказ поручила, и всех её подружек в швеи пристроила. Портниха принялась кроить неумело, сикось-накось, кое-как. Подружки хором дифирамбы ей поют, а заведующая пирожки трескает, да помалкивает. Однако же, заказов в ателье мало, а швей оказалось много. Принялись они друг с другом за заказы драться, да такая нешуточная война разгорелась, друг у друга ключьями волосы выдирают, руки-ноги ломают. А Заведующая по-прежнему пирожками объедается и тихо радуется. Такой у чёрных душ обычай: чем больше вокруг подлости и грязи, тем им отраднее и счастливее на свете живётся.

Влюблённая старушенция

Проживала в королевстве Старушенция. Жила себе в своём домике с супругом законным. Правда, не совсем в ладу они жили. Муж частенько свою половинку поколачивал за то, что любила она «налево» заглядывать. Вроде как уж и возраст не тот, чтобы амуры крутить, но тут наша Старушенция на потеху всему королевству влюбилась в юного Пажа. И стала она волосёнки свои седенькие на папильотки накручивать, ежедневно причёски наводить. Каждый день в новый наряд облачалась, глаза густо-густо голубыми тенями мазала, а губы – помадою ярко-алою. И что всех удивляло, что и Паж на неё смотрел с умилением, ходили наши голубки, взявшись за руки, в глаза друг другу заглядывали. И вот не поймёшь, то ли Паж через связи Старушенции надеялся себе карьеру сделать, то ли «любовь зла, полюбишь и козла». Вернее, в данном случае, «полюбишь и козу».

Подлая гувернантка

У Принцессы была старая Гувернантка – мастер интриги, чемпион подлости, талантливейшая сплетница, гений предательства. Вот в глаза она офицеру с восторгом: «Ах, какой ты мужественный воин!», а за глаза: «Да это же шпион, предатель, к нам из соседнего королевства засланный». Звонит, младшую гувернантку с днём рождения поздравляет: «Да вы интеллигентная наша, да вы педагог талантливый!», а за глаза: «Да это же баба базарная, ей только семечками на базаре торговать, и кто ей воспитательную работу доверил?» После спектакля королевскому режиссёру поёт: «Да вы второй Станиславский!», а за глаза: «Да что он может, за...ец необразованный!» Главную общественницу королевства в глаза благодарит, а за глаза насмехается: «Да она уже всем надоела, её никто в кабинет пускать не хочет». И поливает людей грязью, и экскрементами обсыпает, и ядом брызгает. Да вот что интересно, к ним-то грязь не пристаёт, а сама Гувернантка всё больше своими

пакостями обрастает, и от того смрад от неё такой идёт, что американский скунс по сравнению с ней просто «Шанель №5».

Страшный человек

В королевстве на самой его окраине жил Страшный человек. Очень страшный. Он был завистлив как Критик, влюбчив как Старушенция, коварен как Начальница, подлый как Гувернантка, самолюблённый как Менестрель, а изо рта у него не жабы, а змеи выскакивали. Только не этим он страшен был, а тем, что очень ловко умел скрываться за маской порядочного человека. Многие в королевстве считали его добрым и даже талантливым. А он потихоньку избирал себе жертву, наблюдал за ней и наносил удар по самому больному месту. Получив полную порцию грязи в душу, бедная жертва поскорее покидала проклятое королевство, чтобы никогда больше не встречаться со Страшным человеком. Но если подумать, то этот человек достоин не осуждения, а сочувствия. Это ж какой убогой душой надо обладать и каким несчастным быть, чтобы иметь в жизни единственную радость: принести боль другому человеку.

Атланты и кариатиды

Да есть ли в этом сказочном королевстве нормальные люди? Есть, конечно. Жабы у них изо рта не прыгают, нарядами они не хвастаются, друзей не предают, на чужое не злятся, талантами не хвастаются, супругам не изменяют, говорят, что в глаза, то и за глаза, на интриги время не тратят, и зла никому не желают и не делают. Просто каждый на своём месте честно и добросовестно рабо-та-ет. Благодаря их волонтёрскому служению Добру и Свету ещё как-то держится на плаву это «некоторое царство, тридевятое государство».

Берега Сибири

Леонид Иванов

Иванов Леонид Кириллович родился в 1949 году в местечке Озерки Вологодской области, в семье сосланных финнов. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири». С 2014 года – ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Доктор политических наук, действительный член (академик) Международной финно-угорской АН и Евразийской академии телевидения и радио. Публиковался в литературных журналах и альманахах «Наши современник», «Дорога жизни», «Север», «Karelia», «Врата Сибири», «Югра», «Проталина», «Бийский вестник», «Огни Кузбасса», «Чаша круговая», «Огни над Бией», и др. Автор 15 книг прозы. Лауреат многих литературных премий, в том числе Всероссийских и Международных. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов РФ. Живёт в Тюмени.

Тоскова-а-ал

Рассказ

– Тосковал Фёдор-то Андреич! Ой, тоскова-а-ал! – баба Маня уголком повязанного под подбородком платка вытерла глаза, хотя слёз вроде бы и не было. – Как Клавдию-то схоронил, так и затосковал. Оне ить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, не разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже по ёму тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на сороковой день и забрала. Помянули, как полагается, на погост сходили, потом чаю попили, по рюмочке на помин души выпили. Утром прихожу, а Фёдор-то Андреич всё сидит в красном углу, к стене привалившись. Видать, сразу опосля нас и помер, сердешный. Слава те, господи, что не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то. Переживал, что на похороны Клавдеи ни Тамарушка, ни ты не приехали.

– Баба Маня, – а тебе сколько лет?

– Ой, голубок ты мой сердешный, дак я и сама уже забывать стала. У миня уж внучка на пенсию лонись вышла. На северах работала дак на пять годков раньше отпустили. А мне-то самой уж девяносто скоро стукнет.

– Здорово! – восхищённо сказал Андрей.

– Даки чо здорово-то? Здорово, когда не болит ничо, а когда то суставы стонут, то голова кружится, дак уж и здорова-та мало. Ладно, пошли-ка, вон старухи уж почти до деревни доковыляли. Не догнать.

Андрей ещё раз обвёл взглядом могилки деда и бабки, поправил прислонённые к крестам привезённые им из города венки, поклонился. Баба Маня трижды перекрестилась, и они пошли с погоста.

Не смотря на свои почти девяносто, баба Маня шла довольно резво. Старух, конечно, не догнали, но и к дому Фёдора Андреевича пришли немногим позднее их. Баба Маня перед дверью посторонилась, пропуская Андрея вперёд. Он, было, хотел зайти следом, но она подтолкнула:

– Тибе первому нада с погоста.

Едва Андрей переступил порог, как стоявшая сбоку от двери старуха брызнула ему в лицо изо рта водой. Он отпрянул в сторону, потянулся утереться ладонью, но ему услужливо подали полотенце.

– Не обижайся, милоч, так полагается. Это чтобы печаль смыть. Дед-то твой в приметы не верил, вот и тосковал.

Не пошедшая на кладбище Зинаида, которую Андрей почему-то так и не мог вспомнить, вымыла пол, прибрала в доме, накрыла стол. Пришедшие с погоста помыли под ручкой руки с мылом, прошли к столу. Снова, как на кладбище, помянули усопшего кутьёй, несколько старушек перекрестились на висевшую в углу икону Николая Угодника, защищающую от нищеты и нужды, выпили, не чокаясь, по гранёной стопке водки, съели по блину.

Зинаида принесла кастрюлю сваренной на курином бульоне лапши, разлила по тарелкам.

– Андрюшенька, скажи слово за деда, – обратилась к нему баба Маня.

– Хороший был человек! Как в таких случаях говорят: царствие ему небесное и пусть земля ему будет пухом.

Андрей не знал, что ещё можно сказать в таких случаях про своего только что похороненного деда, поэтому замялся.

– Да, и его светлый образ навсегда останется в нашей памяти, – добавил он дежурное, что обычно пишут в некрологах.

– Святой был человек, – добавила баба Маня. – Никому худова слова не говаривал. А уж с Клавдией-то как любо жили! Душа в душу, – повторила она уже сказанное на кладбище.

– Да уж, да уж, – вполголоса заговорили старушки.

Мужиков, что копали могилу и хоронили деда, за столом вопреки обычаю, не было. Они взяли две бутылки водки и уехали работать, обещая зайти вечером и помянуть честь по чести.

– Клавдея-то порой, бывало, и прикрикнет, а он смолчит и всё. Уж чево-чево, а не ругивались, это правда.

– А мастеровой-то какой был! – поддержала Зинаида. – И по дому всё умел: и топором потесать, и доску строгнуть. А печки, почитай, у всей деревни его руками сложены.

– Да-а-а, мастер был, царство небесное...

– И какой мастер! Печку-то зимой как протоплю, дак всё тепло в доме остаётся, не выдувает. И окна не плачут, хоть какой мороз.

– Ево лежанкой я только и спасаюсь. И простуду выгоняю, и поясницу лечу, когда прихватит.

Выпили чаю с принесёнными кем-то из соседок ягодниками и стали расходиться.

– Ты, Андрюша, мужики-то ввечеру придут, дак зови миня, – говорила Зинаида. – Я угощение-то сделаю. Не мужицкое дело стол накрывать да посуду мыть.

– Хорошо, спасибо больше! Я обязательно позову.

– Вон на той стороне дороги дом с зелёными окнами. А то можно и у нас стол собрать.

– Нет, Зинаида, не гоже поминки в чужом доме устраивать, – урезонила баба Маня. – Не полюдски это. Да и беду накликают можно. Ох, жалко, што матушка-то твоя Тамарушка, не приехала. Жалко!

– Так я же говорил, что она в больнице лежит.

– Вот и на похороны Клавдии-то тебя дед ждал да ждал, не дождался. И на погосте всё на дорогу поглядывал, не едешь ли.

– Да я за границей в командировке был. Я ведь и узнал-то уже только спустя неделю, когда домой вернулся, – в который уже раз меньше, чем за сутки оправдывался Андрей. Все в деревне это уже знали, но каждый в отдельности хотел сказать ему, как ждал его дед на похороны бабки. И что тосковал очень.

Когда все ушли, Андрей сел к столу, налил стопку водки, ещё раз мысленно пожелал деду царствия небесного, выпил, медленно обвёл взглядом внутреннее убранство дома. В последний раз был он здесь несколько лет назад, но ничего с тех пор не изменилось. Всё было на прежнем месте, так же стояли в застеклённой горке гранёные стопки и привезённая им из-за границы красивая чайная пара из тонкого китайского фарфора. Наверняка, за все эти годы никто ни разу не пил из этой чашки чай, а служила она украшением да поводом похвастать перед односельчанами иностранным подарком внука.

Всё в доме было, как всегда, только на этот раз по давнему обычаю на зеркало и экран старенького телевизора были наброшены полотенца. На телевизоре стояло блюдечко с поставленной на него накрытой давно зачерствевшей скибкой хлеба стопкой, водка из которой тоже почти полностью испарилась. Значит, дед не убирал эту поминальную стопку с самых похорон и в знак траура не включал телевизор.

– Тоскова-а-ал! – вспомнил Андрей не раз сказанное бабой Маней слово.

Затоскуешь тут в одиночестве, когда не с кем перемолвиться словом. Тем более, что прожили вместе больше шестидесяти лет, с того самого дня, как пришёл дед с фронта и почти сразу же женился. Просто удивительно, подумал вдруг Андрей, но ведь они все эти годы, кажется, ни разу не разлучались даже на несколько дней. Ну, да! Насколько он знает, ни который из них не бывал в санатории или на курорте, не ездили ни разу к дочери в город. Это они с матерью наведывались в деревню. Иногда вместе, иногда, если Андрей уезжал в детский оздоровительный центр, мать навещала родителей одна.

– Поразительно! – сказал Андрей, удивившись, что его дед и бабка ни разу в жизни не расстались. И тут же удивился, что произнёс это слово вслух, хотя был в доме один. – Да, тут затоскуешь!

Он вышел в ограду, сел на лавочку возле стены, где ещё совсем маленьким не раз сиживал с дедом. Он тогда всё порывался сорваться и куда-нибудь бежать, а дед обнимал его за плечи и просил побыть с ним рядом.

– Набегаешься ещё, – говорил он. – Вот вырастешь, набегаешься по белому свету, придёшь, сядешь на эту лавочку, а нас с бабкой уж и нет. И не к кому прижаться, пожалиться. Посиди ишо маленько. Побудь с дедом.

Эти слова Андрей слышал и будучи ещё совсем маленьким, и уже достаточно взрослым, когда учился в старших классах. Ребёнком не сиделось, потому что надо было бежать к ребятам, а будучи старше, как-то стеснялся проявления дедовой нежности. Мать растила его без отца, держала в строгости, считая, что только так сможет вырастить его закалённым, готовым к суровостям жизни. Бабушка, наоборот, пыталась дать то, чего не получал от матери. Она окружала его такой заботой, что даже в совсем юном возрасте он стеснялся, а когда подрос, бурчал, что не маленький, чтобы с ним сюсюкать. А теперь сидел на лавочке и вспоминал, как бабушка по утрам гладила морщинистыми сухонькими ладошками его голову, и он удивлялся, что такие скрюченные и мозолистые пальцы могут быть такими нежными.

Он бы сейчас прижался к деду, сам бы обнял его за костлявые плечи, но нет уже деда. И никогда больше не будет. Прав он был, говоря, что потом некому будет пожалиться. Андрей бы и не стал жалиться, он бы просто сидел рядом, такой молодой и сильный, и чтобы дед молча смотрел на него и радовался, что у внука всё хорошо. А бабушка бы тоже сидела на ступеньках, как это часто бывало по вечерам, и любовалась бы ими, своими родными, как она говаривала, мужчинками.

Баба Маня говорит, что дед тосковал. Тоскова-а-ал... Затоскуешь тут, когда каждая мелочь напоминает о былой силе, которую не вернуть, об ушедшей из жизни жене, о стремительно пролетевших годах, и когда остаётся только ждать собственного конца. Тяжело, наверное, вот так сидеть и ждать смерти, которая уже не пугает, потому что впереди нет ничего светлого и радостного. Единственная дочь вот уже тоже на пенсии, внук мотается по белому свету, раз в несколько лет заглядывая к старикам в деревню, где скоро начинает скучать по привычной шумной городской суеде. Сходить поговорить к соседям? Так ведь всё уже переговорено на много раз. Газеты не ходят, это раньше выписывали много всяких от районной «сплетницы» до самых что ни на есть центральных. Клавдия, как помнит, всегда первым делом оформляла «Крестьянку» да «Работницу». А потом и эти стали и слишком дорогие, и запестрели рекламами дорогих, совсем не крестьянских одёжек и украшений.

Вот телефон в каждый дом поставили. Им, как семье ветерана войны – в первую очередь. А кому звонить? Мане через дорогу или Зинаиде? Так ведь лучше так сходить. Тамарке в город? Так она сама каждую неделю звонит, с бабкой про пустяки разные треплются. На озеро отходил – ноги не те, да и законов всяких напридумывали, что нельзя сетками ловить. Браконьерство, видишь ли! Да раньше, пока всё общественное было, всей деревней сетки круглый год ставили, рыбой жили, а теперь какие-то вроде аж из самой Москвы хозяева объявились.

Обо всем этом, помнится, дед с горечью рассказывал Андрею, когда он приезжал навестить стариков, и укорял, что они, журналисты, не пишут про эти дела, а всё выискивают разного рода страшилки. Вон, недавно «сплетница» писала, будто в их лесах какой-то снежный человек водится. Да отродясь тут про таких никто не слыхивал, а уж мужики все леса вдоль и поперёк исходили на охоте-то.

За этими воспоминаниями Андрей вдруг встрепенулся, что за сутки, как он приехал в деревню, его телефон, не умолкающий в городе даже поздним вечером, не зазвонил ни разу. Достал из кармана мобильник, посмотрел на экран. Сети не было.

– Надо же! – удивился почему-то. – Вроде в самых глухих местах связь теперь есть, а тут, всего-то в каких-то полутора сотнях километров от областного центра, он оказался оторван от жизни. В прошлый приезд не было, но ведь уже столько времени прошло, могли бы где-нибудь поблизости и поставить вышку.

Зашёл в дом, достал из рюкзака ноутбук, положил на стол, и только тогда вспомнил, что без мобильной связи и с «ноутом» в интернет не выйти. Захлопнул крышку и стал смотреть в окно на медленно наползающие из-за деревни сумерки. Скоро должны заявиться мужики, что копали могилу и хоронили деда. До их прихода надо было чем-то заняться.

Андрей встал, открыл верхний ящик комода, где раньше лежали фотографии и поздравительные открытки. Они никогда не выбрасывались, а складывались стопочками и перевязывались разноцветными ленточками. Всё это добро оказалось на прежнем месте, накрытое большой тетрадкой с картонными корочками. Эти тетради именовались амбарными книгами. Андрей помнил их ещё с тех пор, когда приезжал на каникулы, а дед, работая счетоводом, просиживал вечерами за разными бумагами и переписывал из них в такие же амбарные книги какие-то цифры, по несколько раз пересчитывал их на счётах, весело стуча нанизанными на проволоки деревянными костяшками.

– Странно, – подумал Андрей. – Неужели дед на старости начал сводить баланс семейного бюджета? Или вдруг решил пересчитывать сальдо-бульдо бывшего колхозного баланса?

Достал из ящика эту книгу с привязанным к ней тонкой капроновой ниткой химическим карандашом, открыл первую страничку. Крупным почерком на ней было написано: «Я ушёл на озеро. 04.30». Ниже стояла вторая запись: «Сударыня! Не соизволите ли Вы почистить рыбу и сварить уху? 12.15». А ещё ниже другим почерком: «Сами не बारे! Я с Вами не намерена за одним столом сидеть до тех пор, пока не услышу извинений. 12.20».

Андрей заулыбался. Значит, эта книга была семейным бортовым журналом, при помощи которого общались между собой почему-то поссорившиеся дед и бабушка. Перелистнул страницу.

«Сударыня! Уха получилась вкусной. Рекомендую отведать. 13.45» «Спасибо! Сыта по горло Вашей наглостью. Без ухи проживу. 13.50» «Ну, как знаете! Было бы предложено. 13.55» «А перец куда задевали? 13.58» «Глаза разуйте! Где был, там и лежит. 14.00»

Эта переписка была настолько умильной, что Андрей сел на стул и во весь голос рассмеялся. Ай да старики! Это же надо додуматься! Поссорились, не хотят друг с другом разговаривать, переписку затеяли. Ой, молодцы!

«Не пойти ли нам спать, сударыня? 21.45» «Я с таким кобелём не намерена спать в одной постели! Лучше на лежанке. 21.46» «Лежанка не топлена – простынете. Заболеете. 21.48» «А заболела да помру, дак Вам хоть руки развяжу. У вас вон уже есть молодуха на примете. 21.50». «Не говорите глупостей, Сударыня! Пойдёмте спать. 21.52» «И один повалитесь в холодной постеле! 21.55» «Да полно глупости-то пороть! Только и делов, что помог бабе стайку отремонтировать. 22.00» «Полдня он стайку ремонтировал. Кобель Вы и никто больше! 22.10. Спокойной ночи!»

Судя по тому, что следующие записи были на другую тему, дед с бабкой этим вечером всё же помирились. Поскольку в журнале было указано только время, но не было дат, нельзя было и определить, когда она поссорилась снова.

«Ши – в печке. Кушайте на здоровье, морда бессовестная, кобель несчастный! Не знаю, сколько времени. Могли бы хоть часы отремонтировать, а не по чужим дворам шляться». «Часы отремонтировал. Что ещё изволите? Время вечером по телевизору поставите». «Дров-то и я мог бы принести. Чего же не сказали?» «Сама не переломилась! Вам силы на молодух беречь надо».

Потом снова шла переписка, что пора ложиться спать. И, похоже, постель снова помирила.

Увлёкшись чтением, Андрей очнулся, только когда открылась входная дверь.

– Можно?

– Да, да, конечно! – засуетился Андрей. – Проходите, пожалуйста, к столу! Или руки помыть?

– Да не надо! Не такие уж и грязные, – отмахнулся муж Зинаиды.

– Мне Зинаида наказывала, чтобы, как вы придёте, её предупредил. Она хотела закуску приготовить.

– Да не надо нам тут Зинаиды. И без неё найдём, чем закусить. Выпить-то есть?

– Этого – сколько угодно.

– Вот и ладно! Ну, мужики, помянем Фёдора Андреича, добрейшей души был человек. Пусть земля ему будет пухом!

Поскольку в доме не было соблюдающих обычаи старух, первым делом выпили, а потом уже закусили кутьёй, блинами и рыбником.

Андрей пошёл разогревать суп, но Николай его остановил:

– Не суетись ты! Мы и холодного похлебаем. Так даже вкуснее.

– Не надо греть! Не надо, – поддержали остальные. – Мы это, не интеллигенция. Мы по-простому любим. А не за столом дак и совсем бы хорошо было.

– Да ты, Николай, скажешь тоже, чо нам из-за стола на улицу што ли поминать идти. Нет, покойный в дому жил, тут и положено поминки устраивать.

– Да я это так просто. Мы ведь чаще-то как? На берегу с мужиками. Или возле бани. Напаришься, в озеро окунёшься, да как по стопарику накатишь!

– Ой, после байны-то душевно! Вот завтрия бабы байну натопят, мы тибя по-нашему, по-деревенски-то венником попотчует! Ладно, чо расселись-то? Наливай, Никола! Заодно и бабу Клаву помянем. Ой, хорошая у тебя была бабка! Не зря её дед Сударыней называл. Ну, царствие им небесное! Не заждалась своего Сударя. Быстро к себе призвала. Она ведь ревнивая была! Ну, спасу нет, до чего ревнивая! Как-то на Иванов-день баба Маня пошутила, что дед-то в молодости ещё тот ходок был. Мол, и к ней клинья подбивал, даром, что на пять годков старше, а уж молодух так ни одной юбки не пропускал. А баба Клава-то сидит, смотрит так на всех, и непонятки берут – это как же так? В дерене все про всех знают, а она про своего мужа такого да не знала! Ох, кобель проклятуший!

Ну, старухи-то захохотали, мол, разыграли тебя, дуру старую. Разыграли-то разыграли, а она с тех пор стала за дедом приглядывать. Упаси бог, с кем из баб на деревне остановился! А уж если какой вдове по хозяйству чем помог, так потом неделю с ним не разговаривала.

– Погодите, а как же дед печки клал? Ведь, говорят, во всех домах он печки делал.

– Да она от него ни на шаг не отходила. Он клал, а она глину месила, кирпичи подавала. Ни на шаг от мужа.

– Это что, на восьмом десятке? – изумился Андрей.

– Да и на девятом тоже, – уточнил Николай, и все засмеялись.

И вот теперь стали Андрею понятны те намёки про старого кобеля, что написаны в «бортовом» семейном журнале. Ну, дед! Ну, бабка! Ей богу, как молодые!

Помянули мужики хорошо! Уходили с поминок нетвёрдой походкой, обещая назавтра устроить городскому гостю настоящую баню.

– Ты смотри, Андрюха, не сгузай, – обнимали его по очереди и хлопали по плечу. – Девять дён надо пожить, на погост сходить. А потом можешь и ехать в свой город. Да завтра с бабками сходи на могилку. Положено на другой день после похорон.

Андрей несколько раз благодарил мужиков за помощь, те, в свою очередь «спасибкали» за гостеприимство. Расстались у калитки, когда на улице уже совсем стемнело.

Вернулся в дом, убрал со стола, помыл холодной водой с мылом посуду. Вспомнил, как раньше, когда приезжал в деревню на несколько дней, суетилась возле гостя бабушка, как не могла она нарадоваться внуку, подсаживалась рядом погладить его по плечу, взять в свои скукоженные временем ладошки его руки, а дед сидел с другой стороны почти под иконой и молчал.

– Да, уходят старики, – с тоской подумал Андрей. – Ушли из жизни дед с бабкой, а многие ли останутся в живых через пару лет из тех старушек, что ходили сегодня на кладбище провожать в последний путь деда Фёдора? И пусть это были совсем чужие люди, их было очень жаль, потому что уходило вместе с ними что-то очень большое и значимое в его жизни, разрывая невидимую нить с его детством.

Андрей снова взял в руки амбарную книгу, открыл наугад на странице, где была сделана последняя запись.

«Ну, почему ты, Сударыня, меня одного тут оставила? Что мне тут без тебя делать? Пусто на душе и тоскливо. Тоскую!»

Андрей прочитал текст, отодвинул книгу на середину стола и долго сидел молча. Потом придвинул ближе, взял привязанный карандаш и крупно вывел: «Дорогие мои старики, я только сейчас понял, как трепетно вас люблю и буду очень без вас тосковать... Очень-очень!»

Драма

Валентин Баюканский

Родился в 1959 году в Липецке в писательской семье, насчитывающей пять поколений литераторов. Прозаик, член Союза российских писателей, лауреат премии им. Е. И. Замятина, действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор восьми книг. Его фантастические рассказы и повести печатались в журнале «Юность» и «Петровский мост». Возглавляет областной союз писателей «Воинское содружество».

Любимая из созвездия Козерога

Трагикомедия в двух актах

Посвящается мужчинам и женщинам,
которые хотят найти свое счастье.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Григорий Гуслин – ловелас районного масштаба, он же директор Дома культуры. Сорок лет.
Евгения – обворожительная парикмахерша. 26 лет.
Ольга – очередная любовница Гуслина. Медсестра. 30 лет.
Изабелла – старая знакомая Гуслина
Василий – брат Гуслина. Пенсионер.
Металлический голос – первый инопланетянин из шарового скопления М30
Приятный баритон и Юноша в сверкающей одежде – второй инопланетянин из шарового скопления М30
Жители деревни Бугорки – женщины, дети.
Глава местного поселения – крупный полный мужчина.
Японцы – несколько человек.
Японец – переводчик – третий инопланетянин из шарового скопления М30
Женский голос – представитель музея.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Недалеко от входа в парк культуры и отдыха «Дубовая роща» прохаживается импозантного вида мужчина среднего возраста. В одной руке у него букет цветов, в другой – зонтик. Мужчина время от времени поглядывает вверх.

ГУСЛИН (*возбуждённо*). Эх, кто-то в небесной канцелярии решил расстроить моё свидание. Нужно было назначить нашу встречу вчера, хотя... Евгения в этот день работала.

Гуслин останавливается и в очередной раз смотрит вверх.

ГУСЛИН. Ничего, я всё равно своего добьюсь! Пусть Евгения выше меня и не по-модному одета, зато она заставила моё сердце неровно биться, чего со мной уже давно не случалось.

Начинает моросить дождь.

Гуслин раскрывает зонтик и продолжает разговаривать сам с собой.

ГУСЛИН. Главное чтобы она пришла, а уж я-то очарую прелестную парикмахершу, проведу мозговой штурм по всем правилам. Я же человек творческий; как-никак, директор Дома культуры.

Дождь становится сильнее.

ГУСЛИН (*с сожалением*). Вряд ли, она придёт, погода нелётная.

Звонит мобильный телефон Гуслина. Слышен голос девушки, которую он ждёт. Она учтиво уведомляет Григория, что в такую погоду воспользоваться его любезным приглашением не сможет, и предлагает перенести встречу на другой день. В этот момент в трубке раздалось сообщение

оператора сотовой связи: «Абонент выключен или находится вне зоны действия сети». Раздается оглушительный звук грома, небо озаряется сполохом молнии.

ГУСЛИН. Нужно срочно менять дислокацию. Кажется до «Беседки свиданий» около старого дуба я ещё успею добежать!

Гуслин забегают в деревянную беседку.

Вдруг ствол и ветки дерева окутывает яркая голубая паутина.

ГУСЛИН. Что за чудеса? Он осторожно пытается выглянуть из беседки, и в этот момент Григория ослепляет ярчайшая вспышка – он теряет сознание.

Беседка расширяется. Гуслин лежит на операционном столе, накрытый простынёй. Над ним горят ультрафиолетовые лампы. Раздаётся громкий неприятный металлический голос.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Вы директор Дома культуры Гуслин?

ГУСЛИН (*с трудом*). Да! А в чём, собственно, дело? В меня что – попала молния?

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Нет. Мы нейтрализовали шаровую молнию, которая приблизилась к беседке.

ГУСЛИН (*подозрительно*). Господа, почему у всех такие странные голоса?

В этот момент освещение уменьшается, наступает полутьма. Григорий видит вокруг себя такую же светящуюся паутину, какая окутывала дерево, только паутина красновато-оранжевого оттенка. Слышен приятный баритон.

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН. Настройка на изучаемый объект произведена. Можно начать контакт.

Освещение исчезает, в темноте звучит тихая восточная мелодия, словно кто-то играет на армянском дудуке.

ГУСЛИН (*испуганно*). Неужели молния попала в меня, и я погиб?

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН. Господин Гуслин, не волнуйтесь. Вы живы-здоровы, и молния здесь ни при чем – в настоящий момент Вы являетесь участником межгалактического эксперимента. Сейчас мы объясним его суть, и Вы решите, будете в нём участвовать или нет. Если откажетесь, то мы сотрём из Вашей памяти воспоминание о нашей встрече.

ГУСЛИН (*раздраженно*). Ребята, так дело не пойдет! Я хоть и живу в райцентре, но имею высшее образование и в курсе того, что есть передача «Розыгрыш». Если я поведу на такой примитивный обман, вы скажете: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера», и надо мной будут смеяться не только наш район, но и вся страна.

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН (*назидательно*). Григорий, мы знали, что Вы нам не поверите. Наша цивилизация давно опередила землян по техническому и главное, по духовному уровню! Мы, например, знаем о Вас всё!

ГУСЛИН (*весело*). Ребята, я сам-то себя не знаю, не то что вы! Давайте я задам вам три вопроса, как в сказках. Если ответите, я вам поверю. Сколько у меня было женщин? о чём я подумал сегодня в десять утра? и какими словами обзывала меня жена, перед тем как от меня уйти?

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН. Григорий, Вы хоть и не доктор Ватсон, но это же элементарно. На Вашем счету восемьдесят шесть любовных побед, причём последняя с медсестрой Ольгой была в четверг пять дней назад. Теперь ответ на второй вопрос. Когда погода испортилась, Вы подумали: нужно было назначить встречу вчера, хотя знали, что Евгения в тот день работала. И последнее. Расставаясь, ваша жена сказала: «Твои бабы думают, что ты сладкий леденец. Нет, ты обычный воющий кобель!»

ГУСЛИН (*пораженно*). Ребята! Значит, вы действительно существуете?! А я-то думал, что небылицы про инопланетян сочиняют журналюги!

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН (*торжественно*). Григорий, мы существуем на самом деле!

ГУСЛИН. Убедили! Но зачем я вам нужен?

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН (*самодовольно*). Наконец-то хороший вопрос! Чтобы понять, зачем Вы нам нужны, мы охарактеризуем Вашу сущность и огласим соответствующий вывод. Гуслин, Вы являетесь прирожденным артистом и ловеласом. Правда, победы на любовном фронте Вам уже не доставляют той радости, о которой Вы мечтали в юности. После того как Вы развелись, то придумали для себя идеал возлюбленной, который никак не можете найти. Постоянный поиск абсолютной женщины Вас изматывает. Годы уходят, а положительного результата нет. Вы, загнали себя в угол: чувствуете себя одиноким и непонятым, никак не можете найти тех, кто Вас не разочарует.

ГУСЛИН (*печально*). Ну, не всё же так трагично?

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН (*ехидно*). Нет, Гриша! Всё действительно плохо, но мы Вам поможем.

ГУСЛИН (*опасливо*). Будете требовать душу?

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН. Ваша искалеченная душа нам ни к чему. Просто хотим помочь, и заодно... (*говоривший замялся*) – ну что, согласны на эксперимент?

Недолгая пауза.

ГУСЛИН (*твердо*). Ну, если это будет не очень больно, тогда я готов! Мне и впрямь такая жизнь надоела. Кручусь, как белка в колесе, а радости никакой!

ПРИЯТНЫЙ БАРИТОН (*насмешливо*). Мы это знали. Все Ваши поступки и желания легко просчитываются. А теперь слушайте и запоминайте.

Тихая мелодия, звучащая фоном, смолкает. Вокруг Гуслина появляется свечение, напоминающее восход солнца. Звучит фрагмент из «Патетической сонаты» Бетховена, и перед Гуслиным возникает фигура юноши в блестящем одеянии, сверкающем всеми цветами радуги.

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ (*торжественно*). Григорий! Как известно, человек имеет пять органов чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. В отличие от землян, мы обладаем ещё одним важным органом чувств – самоидентификацией.

ГУСЛИН (*презрительно*). Нашли чем удивить! Наши военные тоже используют систему опознавания «свой – чужой».

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ (*недовольно*). Ваша военная система гораздо слабее нашего органа. Встречая себе подобного, любой из нас сразу же понимает; на самом ли деле тот является своим или только делает вид. Ведь каждый из нас имеет собственную энергию-свечение. Если наши энергии-свечения похожи, то образуются энергоцветовые союзы, переходящие во всеобщее энергополе. Срабатывает закон взаимного притяжения, когда подобное притягивает подобное. Чем ближе цвета и оттенки, тем мощнее и сбалансированнее наша общая энергетика.

Юноша в сверкающей одежде поднимает вверх указательный палец и начинает ходить около Гуслина взад-вперед, словно завуч перед провинившимися школьниками.

Общаясь с себе подобными, мы ощущаем радость и абсолютное взаимопонимание. Земляне, ваша беда в том, что большинство из вас контактирует не с теми, кто им действительно нужен. Вы часто влюбляетесь в тех, кто не отвечает взаимностью, заключаете браки с теми, с кем потом каждый день выясняете отношения, дружите с теми, кто вас втайне не любит или завидует. В отличие от людей, у нас нет раздоров, предательств, разочарований. Мы сразу и до конца живем «душа в душу» – так, кажется, говорят у вас на планете?

ГУСЛИН (*задумчиво*). Помню школьного библиотекаря Наташу. Мы с ней были как единое целое. Этой женщине я безгранично верил.

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ (*с издёвкой*). Но променяли её на смазливую стюардессу Раю, которая наставила Вам рога. (*Реплики Гуслина начинают его раздражать, его голос становится жёстче*) Гуслин, в нашем созвездии такие фокусы не проходят! Если появляется особь с другим свечением, мы стараемся с ней не контактировать – иначе произойдёт дискомфорт, начнётся борьба противоположностей, уменьшится жизненная энергия. В ауре появятся затемнённые грязные оттенки, сигнализирующие об энергетическом перенапряжении. Поэтому наше чувство самоидентификации позволяет избегать многих ошибок, подчас роковых.

Останавливается около Гуслина и наклоняется над ним.

У вас же, землян, при общении особей с разной энергетикой возникают эмоциональные, интеллектуальные и физические всплески – перегрузки, приводящие к инсультам, инфарктам, страданиям и разочарованиям в жизни. Ругаясь и плача, вы констатируете происходящее: «не сошлись характерами», «на дух не переносу», «тяжёлый человек», «роковая женщина», «несчастливая любовь».

ГУСЛИН (*удивлённо*). Ребята, вы что, всю мою биографию изучили? Да, есть у меня женщина, которую боготворю уже двадцать три года. Готов для неё сделать всё, что она пожелает.

Небольшая пауза.

ГУСЛИН (*печально*). Сколько я сделал ей добра, но... Душу истерзала отказами, живу с другими, а её забыть не могу. И хотя эта роковая женщина унижала меня своим невниманием, она до сих пор по ночам снится. Делайте что хотите, только избавьте от этой муки!

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ (*смягчившись*). Хорошо. Но учтите, Вы увидите мир другими глазами: многие из тех, кого Вы считаете «своими в доску», на самом деле окажутся Вам чужими.

ГУСЛИН (*взволнованно*). А если я вообще не найду свою, как вы выражаетесь, особь? Что тогда?

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ (*назидательно*). Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным. Так, кажется, у вас выражаются? А теперь, Григорий, я популярно объясню Вам, как мы живём в нашем созвездии, в шаровом скоплении под названием М30. (*Голос незнакомца заметно теплеет*). У нас все особи обладают различными энергиями. Над всеми нами есть главный властитель. Его энергия совершенна – белого цвета. Надеюсь, Вы в курсе, что при смешении основных цветов (красного, зелёного и синего) образуется белый цвет. Властитель для нас абсолютный пример: обладая всеми цветными энергиями, знает и понимает каждого. Поэтому он сделал так, что в любой группе особей царят гармония и порядок. Все знают свои цель и место, довольствуются тем, что есть, не жаждут чужого, не завидуют, не ропщут и уж, тем более, не врут, не воруют и не убивают. Главное – знать, кто ты есть, и испытать счастье от того что обнаружишь. У вас тоже есть что-то подобное, типа каст, кланов, сект и общин, но земляне любую хорошую идею почему-то искажают, всегда вплетая туда власть и политику.

ГУСЛИН (*удивленно*). А ко мне это какое имеет отношение?

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ (*строго*). Григорий Гуслин, советую не перебивать! После нашей коррекции Вы должны будете выбрать способ существования. Их всего три. Первый: существование с себе подобными увеличивает жизненный потенциал, наполняя радостью единения и взаимопонимания. Второй: одинокое существование сохраняет собственный жизненный потенциал. Третий: существование с особями, обладающими другими энергиями, приводит к сокращению жизненного потенциала.

Чтобы обрести долгожданную радость жизни, Вы должны найти того, кто станет Вашим вторым я. Мы будем за Вами наблюдать, и если что – поможем.

Как только речь незнакомца закончилась, раздаётся протяжный вибрирующий звук, и беседку заполняет синее марево.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гуслин заходит в свою комнату. На стене овальное зеркало. Рядом два кресла, между ними тумбочка, на которой стоит диапроектор. На противоположной стороне от неё висит белый экран.

ГУСЛИН. Что-то у меня сегодня голова сильно болит. Видимо, рядом с беседкой ударила молния. Когда я очнулся, уже светило солнце, и дождя, как не бывало. (*Он ставит к стене зонтик, делает шаг к зеркалу и замечает, что его русая чёлка приобрела яркий красновато-оранжевый оттенок*). Что за чудеса?! Точно: была молния, причём шаровая! Она и повлияла на цвет моих волос. (*Рассматривает прядь*). Её появление можно объяснить соседям и сослуживцам последним писком моды – всё-таки я директор Дома культуры и должен быть на уровне модных столичных веяний. (*Воодушевлённо*). Может, так оно и лучше. Глядишь, внимание новых женщин к себе привлеку! (*В этот момент вспоминает о Евгении*). Да ведь все неприятности с неё и начались! (*Раздражённо*). И дождь, и молния, и эта дурацкая прядь! Значит, небеса дают знак: «Ищи другую, с этой горюшка хапнешь»!

В этот момент раздаётся звонок мобильного телефона. Слышен голос Евгении.

ЕВГЕНИЯ (*Извиняющимся голосом*). Григорий, я хочу ещё раз извиниться, что не смогла прийти. Давайте встретимся завтра, у меня выходной.

ГУСЛИН (*сухо*). Нет, завтра не смогу. Я уезжаю в длительную командировку. Вернусь через полгода. (*Немного смягчившись*). Но не расстраивайтесь; если Вы будете меня ждать, обещаю положить к Вашим ногам своё сердце.

Отключает телефон и садится в кресло.

ГУСЛИН. Позвоню-ка я медсестре Ольге. Несколько дней назад я провёл с ней бурную ночь. Она умеет поднять настроение. (*Набирает номер телефона*). Привет дорогая! Нужна твоя помощь, но не медицинская, а женская. Ты девушка догадливая, понимаешь, о чём я.

ОЛЬГА (*обрадовано*). Хорошо, скоро буду. Вот только маму попрошу присмотреть за сыном.

Информация о сыне Ольги напрягает Гуслина. На его душе вновь становится тоскливо.

ГУСЛИН (*раздражённо*). Что же это за день такой? Сначала промашка с Евгенией, теперь Ольгин ребёнок. (*Начинает ходить по комнате, и никак не может успокоиться*). Я же не давал объявление, что хочу завести семью. (*Останавливается и машет рукой*). Ладно, присмотрюсь к ней внимательней – применю свой фирменный метод «лакмусовая бумажка», который меня всегда выручает.

Гуслин включает диапроектор и начинает просматривать слайды воздушных змеев. Останавливает взгляд на одном.

ГУСЛИН (*задумчиво*). Если Ольга проявит интерес к моему хобби, то с ней можно планировать серьёзные отношения. Если начнёт говорить о другом, как это делала моя первая жена, – значит, дальше сексуальных утех рассчитывать не стоит.

Приходит Ольга. Гуслин целует её и усаживает в кресло рядом с тумбочкой, на которой стоит диапроектор.

ГУСЛИН (*торжественно*). Дорогая, у меня для тебя сюрприз. Оцени моё хобби, но учти, всё это я сделал своими руками.

Выключает свет. На стене меняются слайды с яркими воздушными змеями. Когда показ завершён, выключается свет.

ОЛЬГА (*восторженно*). Какой молодец! Я знала, что ты человек интересный! Гриша, сделаешь такую игрушку для моего сына?

ГУСЛИН (*растерянно в сторону*). Я ей интересен или она хочет найти ребёнку нового папу? Кстати, почему она не отреагировала на мою яркую прядь.

Гуслин увлекает медсестру в спальню. Неярко горят светильники, звучит тихая музыка, на журнальном столике у кровати стоят бутылка коньяка и ваза с фруктами. Гуслин наливает спиртное в бокалы. Они пьют.

ГУСЛИН (*настырно*). Ну, как тебе моя чёлка? Впечатляет? Это последний писк моды в парикмахерском искусстве!

ОЛЬГА (*сконфуженно*). Может, и есть какие-то нюансы. Я же не специалист.

ГУСЛИН (*удивлённо*). Как так? Ничего не замечаешь?

ОЛЬГА (*слащаво*). Ты мне и так нравишься. Я по тебе очень скучала!

Женщина притягивает к себе Гуслина. Свет гаснет. Слышится какая-то возня, потом раздаются сладострастные стоны. Ольга восхищается Гуслиным. Достигнув пика желаемого, любовники в изнеможении отстраняются друг от друга. Загорается слабый свет.

ОЛЬГА (*устало*). Сергей, налей мне вина. Что-то в горле пересохло.

ГУСЛИН (*удивлённо*). Сергей? Я же Гриша.

ОЛЬГА (*спокойно*). Извини. Сергей – это мой прежний муж. Никак не могу до конца отвыкнуть.

Гуслин приподнимается на локте и смотрит на Ольгу. Её волосы светятся ярким малиновым цветом.

ГУСЛИН (*в сторону*). Не начались ли у меня галлюцинации? (*Он трёт глаза – свечение не исчезает. Тогда он спрашивает с опаской*). Так как же тебе моя новая причёска?

ОЛЬГА (*лениво*). Я же сказала: ты нравишься мне в любом виде.

Когда Ольга произносит эти слова, свечение в её волосах несколько раз мигает.

ГУСЛИН (*растерянно*). У меня сегодня выдался тяжёлый день. Давай встретимся через неделю; надеюсь, ты соскучишься ещё сильнее.

Женщина встает, одевается.

ОЛЬГА (*демонстративно обиженно*). Милый, как долго! Я без тебя и дня не смогу!

Свечение её волос при этом интенсивно мигает.

Она смотрит на часы.

ОЛЬГА (*игриво*). Хорошо, дорогой, я пойду, но ты мне звони, я опять тебя подлечу.

Ольга уходит. После её ухода Гуслин ходит по комнате и вслух подводит итоги прошедшей встречи.

ГУСЛИН Ольга проверку не выдержала: долгое отсутствие мужчины, и сын без папы заставили её играть роль влюбленной женщины.

Гуслин садится в кресло, берёт в руки зеркало, смотрится в него и продолжает говорить вслух.

ГУСЛИН (*почти безразличным тоном*). Да и пульсирующее свечение в её волосах (*проводит рукой по голове*) подтвердило, что это игра: я для Ольги лишь вовремя подвернувшийся приличный вариант.

Откладывает в сторону зеркало. Наливает спиртное в бокал, пьёт.

ГУСЛИН (*успокаивающим тоном*). Сколько раз я сам разыгрывал подобные спектакли, сколько раз выслушивал потом упрёки оставленных мною женщин. (*Тревожно*). Да, но свечение в её волосах? (*Поднимается*). Я действительно сильно устал. Необходимо хорошо выспаться. (*Ложится на кровать*). Утро вечера мудренее.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Утро. Прихожая. Гуслин подходит к зеркалу. Прядь светится, так же ярко, как и вчера.

ГУСЛИН. Да что же такое! (*Растерянно*). Если свечение вижу лишь я один, значит, мне пора к психиатру. (*Садится в кресло*). Что делать, как быть? (*Обрадовано*). Нужно поговорить с Изабеллой. Жаль, что мой роман с ней закончился так быстро. Я утешил её лишь раз. (*Гуслин встаёт*). Она отомстила своему бывшему мужу Вячеславу. Кстати, моему товарищу, но после этого заявила, что нам лучше оставаться друзьями. (*Гуслин, взглянув в зеркало, начинает звонить*). Привет, дорогая. (*Умоляюще*). Срочно приезжай. Дело крайней важности: мне нужен твой мудрый совет. Такси за тобой я сейчас пришлю.

Приезжает Изабелла, Гуслин проводит её в спальню. Приглашает присесть. Наливает в бокалы спиртное и выпивает. Она не пьёт, молча на него смотрит.

ГУСЛИН (*проникновенно*). Изабелла, годы идут а я никак не найду ту женщину, которая бы меня понимала так, как ты. Вот я и подумал: а что, если нам вновь возобновить отношения?

ИЗАБЕЛЛА (*возмущённо*). Господи, я думала что-то серьёзное. (*Берёт бокал и выпивает*). Ты опоздал! (*с издёвкой*). Но если хочешь, можешь занять очередь – будешь третьим! (*Волосы Изабеллы загораются синим цветом*). Ко мне уже двое набиваются в женихи. (*При этих словах свечение заметно усиливается*).

ГУСЛИН (*возмущённо в сторону*). Меня так ещё никто не унижал. (*Более спокойным тоном*). Изабелла, я рад, что у тебя всё так замечательно. Слушай, мне предлагают оттенить волосы красновато-оранжевым оттенком. Что скажешь?

ИЗАБЕЛЛА. У тебя и так красивые волосы. Зачем их красить?

ГУСЛИН. Хорошо не буду. (*Язвительно*). Кстати, если пригласишь меня на свою свадьбу, приеду с жёлтыми ирисами. Я ещё не забыл, что они тебе нравятся.

Изабелла встаёт и уходит.

После разговора с Изабеллой Гуслин в ужасном настроении.

ГУСЛИН (*чуть не плача*). Видимо, в моей жизни наступила чёрная полоса. Ольга и Изабелла меня сильно унизили. А тут ещё это ужасное свечение!

Гуслин подходит к зеркалу. Злосчастная прядь упорно светится красно-оранжевым цветом.

ГУСЛИН (*злобно*). Сейчас я проверю, схожу я с ума или нет. (*Делает селфи и смотрит на телефон*). Здесь чётко видно, что в моих волосах никакой цветной пряди нет. Значит, я схожу с ума! (*Воскликает в отчаянии*). Что же мне делать?!

В этот момент перед взором Григория Ярославовича мелькает фигура юноши в сверкающем одеянии. Гуслин сразу же вспоминает всё, что с ним произошло в парке после того, как он потерял сознание.

ГУСЛИН (*с облегчением*). Так вот оно что! Значит, молния здесь ни при чём. Это пришельцы наделили меня чувством самоидентификации, и теперь мне нужно выбрать способ существования.

Раздается знакомый вкрадчивый баритон пришельца.

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ. Да, Гуслин, всё верно, за Вами решение, которое и определит Вашу дальнейшую жизнь!

ГУСЛИН (*умоляюще*). Да, я помню, только позвольте мне подробнее узнать, кто же на самом деле мне родной, а кто чужой.

ЮНОША В СВЕРКАЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ (*загадочно*). Хорошо, но учтите, особь из созвездия Козерога Вас давно ждёт. (*Сказав это, пришелец исчезает*).

Гуслин ложится на кровать и вслух перебирает имена тех женщин, с которыми он в течение последних двух лет поддерживал интимные отношения. Оказалось, что за это время Гуслин регулярно общался лишь с двумя любовницами.

ГУСЛИН. О, этих дам нужно протестировать в первую очередь.

Гуслин звонит любовницам и назначает каждой из них встречу для важного разговора. После чего уходит.

На экране появляются кадры видеосъёмки. Гуслин сидит за столиком в кафе и беседует сначала с одной, а потом с другой женщиной.

Гуслин возвращается домой.

ГУСЛИН (*разочарованно*). Точки соприкосновения у меня с ними есть, но энергии разные. Я это хорошо чувствовал: мне всегда приходилось затрачивать много усилий, чтобы сохранять с ними дружбу.

Гуслин садится в кресло, включает диапроектор и смотрит слайды с изображением своих летающих змеев.

ГУСЛИН (*мрачно*). Что же это такое? Близкие внезапно сделались дальними. А я обнажаю перед ними душу, уделяю им внимание... Зачем мне всё это надо? Ведь я не юнец, чтобы бездумно растрачивать себя по мелочам. Хорошо, что инопланетяне помогли разобраться в окружающих меня людях, иначе бы я ещё долго доверял им, а потом бы так же долго в них разочаровывался. (*Гуслин выпивает рюмку коньяка*). А как же моя давняя любовь? Почему меня тянет к этой роковой женщине столько лет? (*Звонит какой-то женщине*). Что, продала квартиру и уехала в Москву? Давно? (*Растерянно*). Уже несколько месяцев назад? Извините. (*Падает в кресло*). Я столько лет ждал расположения этой женщины – и всё впустую! (*На его глазах появляются слёзы*). Зачем жить без любви? Зачем искать того, чего нет? Уж лучше жить одному. Недаром инопланетяне сказали: «Одинокое существование сохраняет собственный жизненный потенциал». (*Вскакивает*). Решено! Начинаю жизнь с чистого листа, уезжаю в деревню!

Второй акт

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Деревенский дом. Гуслин и его брат Василий сидят за столом и выпивают. На столе нехитрая закуска и бутылка водки. Недалеко от стола на тумбочке стоит телевизор. Показывают новости, звука почти не слышно.

ГУСЛИН. Братишка, приютишь у себя на зиму?

ВАСИЛИЙ (*радостно*). Гриша, о чём речь? Долгие вечера коротать вместе всегда веселее. Я тут один совсем одичал!

Григорий, увидев на экране воздушных змеев, делает звук громче. Диктор сообщает, что ежегодно во второе воскресенье октября празднуется Всемирный день воздушных змеев. Полупьяный Григорий решает пошутить.

ГУСЛИН. Василий, а я ведь к тебе не зря приехал. Мне в районе поручили сделать три десятка воздушных змеев. (*Видя, что брат его внимательно слушает, Гуслин вдохновенно продолжает врать*). Если они понравятся начальству, то их отправят на выставку за границу, а со мной подпишут контракт на дальнейшую разработку подобных изделий.

На следующее утро Василий будит брата.

ВАСИЛИЙ (*важно*). Слушай, Григорий! Я тут займусь по хозяйству, а ты сочини свои конструкции. Мы ещё всему району нос утрём. Да что району – всей области! Твои змеи будут самыми лучшими, я-то уж тебя знаю!

Григорий спросонок никак не может понять, о чём говорит брат.

ГУСЛИН (*вяло*). Вася, какие ещё змеи?

ВАСИЛИЙ (*удивленно*). Те, которыми ты должен удивить за границу. Или ты уже передумал тягаться с заморскими мастерами?

Гуслин замечает в волосах брата яркое свечение красного цвета. Григорию стыдно, что он вчера так неосмотрительно пошутил.

ГУСЛИН (*растроганно в сторону*). Я всегда думал, что Василий меня не ценит, но вижу, что ошибался.

Садится на кровати и трёт глаза.

ГУСЛИН. А, ты вот о чём! Конечно, удивим, если ты мне поможешь. Мы будем изобретать,

делать воздушных змеев, которые будем запускать не только летом, но и зимой, и вообще круглый год. Представляешь картину: вся наша деревня «Бугорки» будет смотреть, как мы их запускаем, а?

Василий кивает головой и уходит.

ГУСЛИН. А что? Буду делать воздушных змеев, радовать себя и людей, а поисками идеальной женщины пусть занимаются молодые! Это реальный шанс начать новую жизнь и обрести ту радость, которую я давно потерял, расплылся в погоне за призрачной идеальной женщиной, которая может быть существует, но не в реальной жизни, а разве что в мечтах одинокого мужчины.

Остаток осени и всю зиму Гуслины усердно мастерили воздушных змеев. Дом превратился в мастерскую: везде лежат шнуры, мотки проволоки, катушки с леской, ткань, бумага, тростник, деревянные рейки.

ВАСИЛИЙ (*радостно*). Сегодня у нас бенефис: Григорий запустит свой фирменный «Шестигранник».

Поднявшись на один из самых высоких холмов, директор Дома культуры запускает «Шестигранник», с яркой бахромой и хвостом, на конце которого красуется флажок с надписью «Бугорки». Сельские ребята кричат «ура!», да и сам Григорий счастливо улыбается.

К Гуслину подходят несколько местных жителей.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА (*ехидно*). Григорий, что же это ты в детство впал, али в районе уже делать нечего?

ВАСИЛИЙ (*недовольно*). Бабы, за этих «птичек» сейчас большие деньги дают! Соображать нужно!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА (*напористо*). Григорий, разве солидный мужик да при должности может таким делом заниматься? Может тебя из районного Дома культуры выперли?

ГУСЛИН (*улыбаясь*). А вот когда ко мне покупатели со всего района зачествят, тогда и поговорим.

К нему подходит глава местного поселения и с ним несколько японцев.

ГЛАВА МЕСТНОГО ПОСЕЛЕНИЯ. Вот Григорий, наши гости. Их к нам из райцентра привезли на зимнюю рыбалку, а они, увидев твои игрушки, захотели с тобой сфотографироваться. Говорят, что ты хороший мастер.

Японцы в шапках-ушанках окружают Гуслина, улыбаются, похлопывают его по плечу.

ЯПОНЕЦ – ПЕРЕВОДЧИК. В Японии говорят, что запуская в небо воздушного змея, человек разговаривает с Богом. (*Поднимает вверх указательный палец*). Люби созвездие Козерога!

Снимает шапку-ушанку. Его волосы светятся ярко-жёлтым цветом.

Иностранные гости фотографируют Гуслина и с чувством исполненного долга удаляются.

ГУСЛИН (*смущённо*). Я не понял? Что это было, кто мне объяснит?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Гуслин в деревенском доме мастерит с братом воздушных змеев. Ему звонят. Слышен женский голос.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Григорий, Вас беспокоят из областного музея народного творчества. Вы теперь у нас знаменитость. О Вас написали в японских газетах. Порадуйте, пожалуйста, и наших женщин. В преддверии 8-го Марта мы предлагаем провести в нашем музее персональную выставку Ваших воздушных змеев.

ГУСЛИН (*в сторону*). – А что? В честь праздника порадую женщин. Заодно прикуплю кое-что для новых воздушных конструкций.

Приехав в город, Гуслин заходит в парикмахерскую, расположенную недалеко от музея, чтобы постричься перед выступлением. Садится в свободное кресло. К Гуслину подходит Евгения.

ГУСЛИН (*удивлённо*). Это, вы? Не может быть!

ЕВГЕНИЯ (*загадочно*). В нашей жизни, Григорий Ярославович, возможно всё. Говорят Вы – знаменитость. Поздравляю!

Гуслин смотрит на девушку, которая кажется ему ещё красивей, чем прежде.

ГУСЛИН (*смущённо*). Евгения, я перед Вами виноват и в знак примирения приглашаю на свою персональную выставку воздушных змеев, которая через час начнется в музее.

ЕВГЕНИЯ. Хорошо, у меня сейчас заканчивается смена. Только когда я Вас подстригу, не говорите, пожалуйста, что Вас тут же отправляют в длительную командировку. Иначе я не смогу хорошо уложить Вашу красивую чёлку красновато-оранжевого оттенка.

Гуслин смотрит в зеркало: его прядь волос ярко светится. Он переводит взгляд на Евгению – в её волосах точно такое же свечение.

Евгения, выходит из дверей парикмахерской. Гуслин преподносит ей букет подснежников, которые купил у входа в заведение у какой-то бабушки, и приглашает девушку пройти с ним к музею пешком.

ГУСЛИН (*смущённо*). Давайте дойдем до музея пешком: он недалеко, через два дома. Я хочу Вас спросить о важной для меня тайне.

Девушка кивает. Гуслин берёт её под руку, и они неторопливо идут.

ГУСЛИН. Евгения, скажите мне правду: Вы тоже видите свечение? И то, что мы одного поля ягоды, знали сразу, как только мы познакомились?

ЕВГЕНИЯ. Нет. Я почувствовала Вас сердцем, когда Вы только родились.

ГУСЛИН (*горестно усмехается*). Евгения, я ведь тоже люблю шутить, но всё же?

ЕВГЕНИЯ (*нежно*). Гри-го-рий, Вы хоть и не доктор Ватсон, но это же элементарно. Зодиак Евгении – Козерог. Вы такой невнимательный! Мои спутники столько раз об этом Вам говорили.

Гуслин резко останавливается.

ГУСЛИН (*ошеломлённо*). Так Вы из этого?.. Из созвездия?!

ЕВГЕНИЯ. Если быть точной, из шарового скопления М30.

ГУСЛИН. И Вы, и японец, и юноша в сверкающей одежде – все оттуда?! (*С опаской отодвигается от собеседницы*).

ЕВГЕНИЯ. Григорий Ярославович, не бойтесь. Вся Вселенная построена на любви. (*Берёт его за руку*). Однако в нашем созвездии я никак не могла найти свою половинку. Искала много лет, но точно знала, что Вы появитесь на горизонте.

ГУСЛИН. Долго искали? (*Осторожно*). Так сколько же Вам лет?

ЕВГЕНИЯ. По нашим меркам, я девушка юная. Мне всего сто пятьдесят восемь. Здесь мне дают не больше тридцати. (*Улыбается*). Вы же сами сказали, что мне двадцать восемь.

ГУСЛИН. Если честно, то сейчас Вы выглядите на двадцать пять. (*Гуслин восхищенно смотрит на Евгению и придвигается к ней ближе*). А как же Вы меня вычислили? (*Смущённо*). Ой, опять сказал не подумав.

ЕВГЕНИЯ. В нашем созвездии я стала победительницей конкурса, что-то типа вашей передачи «Давай поженимся». Описала своего гипотетического возлюбленного, его жизнь, привычки, мечты и многое другое, включая страсть к воздушным змеям, которых сама очень люблю. В итоге моей половинкой оказался житель Земли, рыцарь, поющий серенады даме под балконом – Гуслин Григорий Ярославович. Меня зачислили в отряд астронавтов, которые проводили космический эксперимент. Дело в том, что победитель конкурса может выбрать и четвёртый путь, о котором Вам не сказали. Он для тех, чьи энергии совпадают абсолютно. И тогда наступает просветлённое состояние сознания, по-вашему – настоящая внеземная любовь. Вы же знаете: «Браки совершаются на небесах».

Евгения подносит к лицу букетик подснежников, которые ей подарил Гуслин, и начинает его рассматривать и нюхать.

ЕВГЕНИЯ. Григорий Ярославович, мне никогда не дарили цветов. У нас они не растут... (*На её глазах появляются слёзы*). Когда Вы уехали в деревню... (*голос дрожит*) я испугалась: подумала, что Вас потеряю.

Её волосы светятся ярким красновато-оранжевым цветом. Евгения начинает плакать и приклоняется к плечу Гуслина. Григорий осторожно гладит её волосы.

ГУСЛИН. Женечка, зачем так расстраиваться? Я буду дарить их Вам каждый день. Помните, я обещал положить к Вашим ногам своё сердце? (*Гуслин целует её в щеку, и становится перед девушкой на одно колено*). Евгения, выходите за меня замуж. Я это говорю серьёзно и обдуманно. Обещаю, мы будем жить счастливо до самой смерти!

Девушка смотрит на Гуслина глазами, полными любви. Она наклоняется и целует Гуслина в голову. Их волосы начинают переливаться всеми цветами радуги, затем она окутывает их фигуры. Гуслин и Евгения стоят, взявшись за руки. Свет на сцене гаснет, но фигуры продолжают светиться. Звучит дудук. Свечение постепенно ослабевает, и всё погружается в темноту.

Берега Сибири

Алина Валге

Алина Валге (Иванова) родилась в Череповце, но с младенческого возраста живёт в Тюмени. В 20 лет окончила Тюменский институт искусств и культуры, в 22 – аспирантуру, но после предзащиты кандидатской по философии науку оставила. Получила ещё два диплома о высшем образовании, работает заместителем директора по воспитательной работе. Занимается классическим вокалом и экстремальными видами спорта. Печаталась в литературном альманахе «Врата Сибири», областной периодике. Член Союза журналистов России. Дипломант Всероссийского литературного конкурса имени П.П.Ершова (2017).

Подари мне тепла

Снежинка на бешеной скорости ударилась об облако, которое и без того было очень сильно раздражено с утра, и этого наглого столкновения хватило, чтобы окончательно довести облако до состояния бешенства. «Вот же дурында! Носятся тут всякие! Да как только смелости хватает!» – вспыхнуло облако и, доведённое до крайнего возмущения, взорвалось. В этот момент небо заполнили сотни тысяч снежинок. Они кружились, радовались, смеялись и стремительно летели вслед за той самой, которая стала причиной появления их на свет. Огромный рой крошечных пушистых существ на полной скорости нёсся вниз, к земле. Маленькая Улитка, после того, как что-то мерзкое, колючее и невероятно холодное приземлилось на один из её прелестных рожек, съёжилась и начала заползать в свою раковину. «Опять эта дурацкая зима!» – ворчала Улитка, – «Придется теперь печку топить, чтобы не замёрзнуть». И пока она ворчала, сотни маленьких снежинок осторожно опускались на её панцирь, словно просились в гости. Улитка очень не любила зиму. Единственное, что ей нравилось в это время года – потягиваться у камина и разворачивать подарки на Новый год. Улитка собралась с силами и начала вылезать из раковины. Её рожки всё ещё сжимались от столкновения с белыми холодными снежинками, но надо было как можно скорее ползти домой.

Её кожа содрогалась от холода с каждым новым рывком, а до дома оставалась ещё немало. «Мне надо думать о чём-то прекрасном и теплом, чтобы согреться», – думала Улитка и медленно продвигаясь миллиметр за миллиметром, всё старательнее пыталась вспомнить самое тёплое, что было в её жизни.

В памяти начал всплывать мамин голос, который звал её. В какой-то момент голос стал настолько реальным, что она повернула свои рожки в ту сторону, откуда он доносился.

Внезапно темнота усилилась, потому что крошечные снежинки затмили солнце. «Надо быстрее доползти «до дома» до наступления ночи», – подумала Улитка. Изю всех своих сил, она бросилась вперёд подальше от надвигающейся бури. Страх гнал её домой, мысли – это всё, что у неё оставалось в данный момент. Ей было суждено замёрзнуть или выжить, а зовущий мамин голос придавал ей скорости.

«Как хорошо, что я уже не маленькая и могу сама добраться до дома», – подбадривала себя Ули.

Спустя несколько часов, буря прекратилась, последние её вестники, мягко приземлялись в белой пустыне. Посреди белоснежного безмолвия виднелось одно тёмное пятнышко, которое упорно двигалось вперёд, несмотря на то, что весь мир вокруг упорно пытался сжаться и утеплиться, а вокруг безмолвным эхом слышался голос, который выкрикивал одно единственное имя.

В камине привычно потрескивали дрова, в комнате витал едва уловимый запах блинчиков с клубничным вареньем, а на столе витиевато устраивал зимний танец своими парами имбирный чай. Маленькая Ули лежала под тёплым флисовым пледом и мечтала о празднике с украшенной разноцветными игрушками ёлкой и подарками. Тепло домика разморило её и уносило мысли о празднике в заоблачную даль, где она старательно пыталась накарябать ручкой «Здравствуй, дедушка Мороз! Я не хочу куклу или пони. Подари мне, пожалуйста, больше тепла!», а тёплый мамин голос звал её по имени и, теперь, казалось, что всё то время он оберегал её и был рядом.

Венок из васильков

Медвежка жила в берлоге с мамой и папой в глубине леса. Каждый день Медвежка любила плескаться в небольшом озере, возле которого росли душистые травы. Ей нравилось, что шёрстка после этого становилась гладкой и блестящей. И радостная Медвежка каждый раз спешила после купания к родителям, чтобы вместе пить чай с кизиловым вареньем и мёдом. Папа-медведь обычно весело прихлёбывал чай, периодически подмигивая подлетавшим к открытому окошку воробьям, подбрасывая им очередную горсть крошек. Мама-медведица пекла блины и, то и дело, незаметно подкладывала их Медвежке и папе-медведю, стараясь накормить их побольше. Медвежка постоянно хихикала, когда папа-медведь начинал по-доброму ворчать на маму, обнаружив на тарелке очередную порцию блинов.

После завтрака Медвежка обычно бежала на поляну гоняться за бабочками и плести венки из васильков. Прибежав в очередной раз на свое любимое место, она обнаружила, что сегодня здесь уже кто-то побывал. Расстроенная Медвежка стала бегать и искать того, кто вторгся на её любимое местечко. Пробежав поляну вокруг, она вдруг нашла искусно сплетённый венок из васильков и долго вертела его в лапах, восхищаясь всё больше и больше. Тут у неё за спиной раздался голос.

– Это мой венок. Отдай, пожалуйста.

Медвежка обернулась и увидела медвежонка с такой же гладкой шёрсткой как у неё.

– Возьми, – ответила она и протянула венок медвежонку. – А ты сам его сплёл?

– Сам, – пошаркав лапой по земле, сказал медвежонок.

– Я тоже хочу такой венок. Ты сплетешь ещё один?

– Я могу тебя саму научить плести такие венки. Хочешь?

– Конечно! – радостно воскликнула Медвежка.

– Тогда приходи сюда каждый день. Я буду учить тебя.

– Хорошо. Я приду завтра.

– Договорились. До завтра, – сказал медвежонок и помахал лапой на прощание.

– До завтра, – ответила Медвежка.

И они разошлись по домам. Медвежка шла и почему-то загадочно улыбалась, предвкушая завтрашний день и вспоминая этого таинственного медвежонка, так внезапно появившегося на её любимой поляне.

Утро Ежонка

Однажды, весенним утром солнышко заглянуло в окно к Ежонку и начало щекотать озорным лучом его чёрный нос. Ежонок недовольно фыркнул от такой неприятной ему шалости, перевернулся на бочок и стал сладко зевать, не желая прогонять остатки сна. Зевнув уже в десятый раз, Ежонок, фыркая, поднялся с кровати и потопал к раковине. Вода была холодной, и Ежонок, в очередной раз фыркнув и окончательно проснувшись, начал плескаться. Вскоре закипел самовар, и, заварив ромашку в чайнике, ежонок начал накрывать на стол. Неожиданно в дверь кто-то осторожно постучал. Оказалось, что пришёл Кролик. Кролик, надо сказать, был хорошо воспитан и никогда не приходил в гости без предупреждения, но в этот раз явился совсем неожиданно.

– Доброе утро, Ежонок! – смущённо сказал Кролик и протянул Ежонку букет цветов.

– Привет, Кролик!

– Знаешь, Ежонок, я проснулся утром, и мне очень захотелось погулять. Я шёл через лес и увидел красивую полянку с цветами. Они были настолько восхитительны, что я решил подарить их кому-нибудь и первым на ум пришёл ты, Ежонок.

– Спасибо, Кролик! – радостно сказал Ежонок. – Мне ещё никогда не дарили таких красивых цветов.

– Не за что. Я пойду. У меня ещё очень много дел. Прощай.

– До свидания, Кролик, – прошептал Ежонок и уткнулся своим носом-бусинкой в букет.

Кролик ушёл, а Ежонок ещё долго стоял на пороге и махал лапкой вслед удаляющемуся Кролику.

Утро уже заканчивалось, а Ежонок всё стоял на пороге, обнимая букет. «Какие приятные неожиданности иногда происходят», – подумал Ежонок и, радостно подпрыгивая, побежал, наконец-то, пить чай.

Берега Сибири

Аркадий Захаров

Захаров Аркадий Петрович (Иван Разбойников) родился 27 июня 1944 года в Нижневартовске. Литературную деятельность начал как публицист в газетах «Тюменский комсомолец», «Собеседник», «Тюменская правда» и др. Активный член клуба «Тюменская старина». Под псевдонимом Иван Разбойников опубликовал роман в трех частях «Сень горькой звезды». В 1994 году под своей фамилией издал литературно-краеведческое исследование «На неведомых дорожках», посвященное связям А.С. Пушкина с Сибирью. Издавалась шесть раз, в том числе три раза в Москве. Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

Американка

Рассказ

Сквозь сладкий утренний сон Арик услышал заводской гудок и нехотя откинул одеяло. Глаза ещё спят, а руки уже ищут рубашку. Пора вставать, чтобы не опоздать в школу. Слышно, как к заводскому гудку присоединились отдалённая сапоговаляльная фабрика и едва слышная сетевязальная – звали своих на работу. Часы в рабочих жилищах редкость и время определяют по заводским гудкам: первому – за полчаса, второму – без четверти, третьему – ровно в восемь утра. Опаздывать на работу не разрешалось под страхом наказания. Сквозь уходящие из окна сумерки Арик видел, как население первой Кузнечной улицы спешит на работу: на завод «Механик», на сапоговаляльную фабрику, сетевязалку и кирпичный завод. Кузнечных улицы сразу три: первая, вторая и третья. Живут на них потомственные металлисты и фабричные работницы – рабочая кость. С небольшой прослойкой из ворюшек, уже отбывших свои сроки и предвкушающих следующие и неизбежные. Кучковались они в конце улицы, примыкавшем к кладбищу и кирпичному заводу. Место это именовалось «сарай», а его неприятные обитатели – «сарайскими». Малочисленные «сарайские» задавали тон жизни всей улице и определяли блатную манеру поведения детворе. А детворы в послевоенных «сараях», на удивление, оказалось много. Правда с отцами повезло не всем: у одних отцы с войны пришли калеками, у других – вообще не вернулись, третьим писали из лагерей о скором освобождении. Подростки сбивались в непослушные педагогам и родителям «кодлы» и «пиратничали» над малышами. Малыши учились хулиганить у старших и сопротивлялись, кто как мог. Вплоть до применения рогаток и самодельных заточек из обломков ножовочных полотен. Нравы на улице и в школе царили суровые. И каждый поход в школу для Арика был как прыжок в омут: и хочется и неизвестно чем кончится. Однако неизбежен и обязателен.

На завтрак как обычно: варёная картошка и стакан молока. Картошка на столе каждый день разная: в мундире, очищенная или поджаренная на сковороде. Арик больше любит поджаренную, но она бывает, когда есть маргарин. Молоко приносит молочница из дальнего конца улицы, сумевшая сохранить корову. А с хлебом – хуже: вчера Арик выстоял за ним длинную очередь, устал в толкучке, но хлеба ему не хватило. Сегодня, после уроков, он пойдет в хлебный магазин, не заходя домой и, уж конечно, пустым не вернётся.

Из чёрной бумажной тарелки репродуктора скрипучий голос сообщает, что в Корее продолжают зверствовать американские империалисты; бомбят мирные поселения нищих корейцев, убивают стариков, детей и женщин, жгут их дома и посева. Но американским убийцам противостоят мужественные северокорейские войска при помощи многочисленных китайских добровольцев. За прошедшие сутки сбито четыре американских самолёта.

«Так им и надо, – говорит мама. – Пускай не лезут. Только бы нас это не задело. Не успели мы от немцев отбиться, как американцы за пятки хватают. Бомбой атомной угрожают. И чего им неймётся – ума не приложу».

И как бы в ответ на её слова из репродуктора доносится дружный хоровой призыв:

«... атомной бомбой народ не убить,
Ложью и золотом нас не купить,
Мы патриоты и каждый из нас
Всё за свободу Отчизны отдаст.
В защиту мира, вставайте люди...»

Арик тоже готов вместе со своим классом защищать мир от наглых американцев, как пионеры-герои защищали страну от фашистов. Для третьего «А» любой американец не лучше немца – тот и другой захватчики и агрессоры, убийцы и губители беззащитных. Из иллюстраций в журнале «Крокодил» Арик знает, что все американцы носят козлиную бородку, тёмные очки, чёрный цилиндр и полосатые штаны. И обязательно курят вонючие сигары. Из чего делают сигары Арик не знает, но они не походят на самокрутки из газетной бумаги, в которые заворачивает махорку беспальный голубятник дядя Вася. Ещё Арик знает, что в Америке всё наоборот: когда в СССР день, у них ночь. Что у нас хорошо – у них плохо. В Америке линчуют негров, угнетают индейцев и применяют электрический стул. В СССР власть рабочих и крестьян, в США власть буржуев и капиталистов. А ещё в Америке сняли кинофильм о Тарзане, делают автомашины «Студебеккер» прозванные у нас «Трумен» и свиную тушёнку. Свиную тушёнку Арик никогда не пробовал, но жестяную банку от неё видел: отец хранит в ней ржавые гвозди.

Корейцев Арик никогда в нашем городе не встречал. А вот китайца видел неоднократно. Известный под именем «Дядя Миша Ходя» старик сторожил сад имени Шверника, подметал в нём дорожки, а в свободное время склеивал цветные бумажные веера. И продавал их у входа в сад за копейки. Безвредный и добрый старик. Если и все корейцы такие же, то совсем непонятно за что их убивают американцы. А репродуктор словно подслушал Арика и выдал другую песню:

«...Русский с китайцем братья навек,
Дети единых народов и рас,
Гордо шагает простой человек,
Плечи расправил простой человек,
Сталин и Мао слушают нас...»

Тетрадки Арик складывает в кирзовую полевую сумку. Полевая сумка его гордость – у неё имеется длинный брезентовый ремешок, позволяющий носить её через плечо или даже закидывать за спину. Что очень важно: руки остаются свободными для отпора недругам и других безобразий. Единственное, что мешает, то это необходимость носить с собой в тряпичном мешочке чернильницу-непроливайку. Чернильница хотя и называется непроливайкой, но чернила из неё всё равно разбрызгиваются во время транспортировки. От чего и руки и нос у Арика временами бывают синими.

На прощание мама сунула в карман Арику пареную морковку: «На большой перемене съешь. Только смотри, в «американку» не проиграй!»

Хорошее дело «американкой» не назовут. Суть игры состояла в следующем: сходятся два приятеля в присутствии третьего, разнимающего и заключают пари «на американку». После того, как приятели ударят по рукам, им предстоит быть всегда настороже при виде друг друга. И постоянно помнить о содержимом своих карманов или рук. Чтобы не расстаться со своим имуществом, при виде партнёра, полагалось опередить его и заявить: «мои руки» или «мой карман». Но если «американец» зазевался, и его противник первым объявил: «ваш карман!» или «ваши руки!», то забирал всё из карманов зеваки. Будь то рогатка, пугач или пирожок – неважно. Исключались только учебные принадлежности. Потому и «американка», что американцы во всём мире себя так ведут. Обнаружат у соседа карман оттопыренный и сразу ему заявляют: «Ваш карман! Было ваше – стало наше».

Арик пообещал морковку не прошляпить. И побежал вприпрыжку: скоро третий гудок, после которого на заводе закроется проходная, а в школе двери классов. И начнутся смены – и в школе, и на заводах первая.

А мама с грустью посмотрела вслед Арику и отметила, что за лето сынок подрос. Скоро зима, а из ватной телогреечки он уже вырос. Надо бы ему зимнее пальтишко, а только из чего выкроить? Ткани нет, негде взять и купить не на что. И вдруг догадалась, что подойдёт тонкое шерстяное покрывало, сохранившееся ещё с довоенных лет. Серое и в едва заметную клетку. Хотя и жаль, но не мёрзнуть же сынишке. И так для себя решив, не раздумывая взялась за ножницы.

Через недельку-другую Арик примеривал замечательное пальтишко. Шерстяное, навыворот, с крашеным кошачьим воротником. К такому прекрасному пальто ещё бы подходящие пуговицы подобрать. Но пуговиц как-то не находилось. С пуговицами для школьной одежды вообще существовала проблема. Хотелось красивые и прочные, чтобы в школьной раздевалке не срезали. Как сорочата, падкие на всё блестящее, ребятишки охотились за форменными пуговицами, перекочевавшими на детские одежки с дембельских мундиров отцов, дядек и соседей. Особенно ценились флотские – с якорями. Их тайком срезали в первую очередь. На втором месте были лётные – с крылышками и пропеллером. Дальше шли армейские – со звёздами. Чуть ниже ценились пуговицы связистов – с серпом и молотом, ещё ниже – белые железнодорожные, с молоточками. И совсем не ценились милицейские, с гербом Союза. Не любили в Сараях милицию, и пуговицы милицейские к детским одежкам никогда не пришивали. А на пальто Арика пришивать пока было вовсе нечего. Не находилось подходящих.

Неожиданно выручил бывший однополчанин и друг отца, навестивший его проездом с Дальнего Востока. Как он намекал из Китая, а может быть и из Кореи. «Не грусти, – взъерошил он вихры на голове Арика, – Мы такие пуговицы пришьём, что никто не отрежет». И достал из чемодана картонку с двумя рядами коричневых металлических пуговиц.

«Это пуговицы американских солдат, – пояснил гость. – Видите, с обратной стороны железная ножка-грибок. Если проткнуть ткань пальто шилом, пропустить сквозь неё ножку, наложить на неё штатную шайбочку-дублёр и стукнуть тяжёлым – она защёлкнется на ножке навсегда и никакими силами её не разъединить. Можно вырвать только с мясом. И никаких ниток не надо. Носи всем на зависть».

Арик принялся рассматривать подарок. В центре пуговицы, как и полагается, пятиконечная звёздочка, только чёрная. А вокруг, по ободку, краской не нашими буквами: USA * ARM. Да Арику наплевать, что там написано. Главное – крепкая и со звездой.

Когда выпал снег, Арику разрешили надеть пальто в школу. Деревянная и одноэтажная начальная школа находилась от дома поблизости. Половину школьного двора занимали поленницы дров. Отопление в школе было дровяное, с печью в каждом классе. При школе жил истопник, который разжигал топки по ночам, чтобы к утру погасли, а классы прогрелись. В ожидании звонка на уроки школьники развлекались игрой в поло. В центр круга ставилось полено, ребятишки, образовав вокруг кольцо, брались за руки и старались натолкнуть кого-нибудь на полено. Задевший полено выбывал из круга, толкотня продолжалась без него, до следующего неловкого и так до тех пор, пока не останутся двое самых ловких. Но чемпиона «по полюну» я не припомню: обычно раздавался звонок, прерывающий состязание.

Когда Арик зашёл во двор, его обновку сразу заметили. Новые одежды в школе мелькали нечасто, в основном у детдомовцев. Навстречу, из группы выбывших отделился четвертоклассник, по прозвищу Софа, нахальный хлопец, с репутацией тайного курильщика «бычков». Пуговицы на пальто Арика ему явно понравились. Софа ухватил пальцами среднюю пуговицу, потянул её и задал обычный для ситуации вопрос: «Говори – каша или щи?». Арик напрягся и ответил: «Каша». «Пуговка наша!» – ухмыльнулся Софа и потянул её на себя. Пуговка не поддалась. Тогда Софа повторил попытку: «Каша или щи?» Арик догадался, что пуговка выдержит и смело ответил: «Щи!» «Пуговку тащи!» – обрадовался Софа и снова потянул, что есть сил. Пуговка не поддалась. Софа попробовал её крутануть. И если бы она держалась на нитках, как у всех, то оторвалась бы обязательно. Но «американка» только крутилась на своей ножке. Рядом собрались зеваки и похохатывали, подразывали Софу.

Софа догадался, что пуговка ему уже не достанется, да и репутация рушится. И возмутился в бессилии что-то сделать: «Почему она так крепко держится?».

«А потому, что она американская!» – по простоте объяснил Арик.

«Ах, американская! – ехидно взорвался Софа. Он догадался, как оправдать свое поражение. – И

пуговицы у тебя американские и пальто клетчатое и сам ты американец клетчатый, хуже всякого немца, в советскую школу припёрся!»

Договорить он не успел. От страшного прилюдного оскорбления в глазах у Арика потемнело, он кинулся на обидчика, свалил в сугроб и, к радости окружающих, оба покатались по двору, под ноги директора школы Ивана Назаровича. Директор не торопясь расцепил драчунов, заставил их отряхнуться и передал старшей пионервожатой для разбирательства и наказания.

Преданная Партии и Комсомолу, пионервожатая Тамара, разобравшись в причинах драки, пришла в тихий ужас: её пионер осмелился открыто, с вызовом, носить на одежде чуждую иностранную символику. Ещё этим и похваляться. Символику страны-агрессора, поджигателя атомной войны против всего мира. И пальто надел подозрительно клетчатое. У всех пальто однотонные, а у него вызывающе клетчатое, по разрушительной западной моде. И вряд ли это простое совпадение, а не идеологическая диверсия в советской школе. А значит, всем следует немедленно прореагировать, пока не дошло до Горкома. И предварительно, во избежание персонального дела против руководства школы, исключить Арика и из пионеров, и из школы тоже. Заодно и с родителями разобраться. С этим Тамара и побежала к директору.

Мудрый Иван Назарович, немало повидавший на фронте и после, её спокойно выслушал и приказал доставить в кабинет «американца» вместе с пальто. Вызов с урока к директору школы для ученика событие чрезвычайное и ужасное. Поэтому перепуганный Арик заторопился оправдываться прямо с порога: «Софа меня американцем обозвал. А они, как фашисты, на Корею напали. И бомбят, бомбят. Мой папа с фашистами сражался, тяжело ранен. А Софа меня фашистом обозвал...» «Фашистом обозвал? Это непорядок. Такого допускать не следует», – задумался директор.

Удалив из кабинета Тamarочку, Иван Назарович написал на тетрадном листке записку и велел Арику немедленно доставить её матери, а на уроки сегодня не приходить.

Вечером отец напильником спилил со всех пуговиц иностранные буквы, оставив звёздочки. Следов от идеологической диверсии не осталось.

Лишившись доказательств, Тamarочка утратила пыл и утихла. И Арик до окончания начальной школы спокойно донашивал своё клетчатое пальто с вечными пуговицами. Как и прилепившуюся к нему кличку «Американец». В ответ на которую каждый раз приходилось самозабвенно драться. Из-за этого репутация отчаянного драчуна стойко прилипла к нему до самого перевода из начальной в среднюю школу. Микроклимат в коллективе новой по простоте школы сложился другой, менее агрессивный. И репутация Арика сама собой изменилась. Забылась и позорная кличка «Американец». Времена наступили другие. Не такие жестокие.

Берега Сибири

Кристина Высоцкая

Мэ тут камам. Я тебя люблю

Оскорбительный, унижительный удар металлических ворот по заду был будто последним пинком, что почувствовала Талэйта, перед тем, как покинуть школьный двор. Такой трюк каждый день проделывали шальные идиоты из её класса. Не брезговали и те, кто постарше. Малышня иногда приходила просто поглазеть. Со временем это стало знаменитым аттракционом, главная героиня которого страшно страдала. И не столько от того, что её бьют и унижают за национальность, сколько за то, что это видит Серёжа Чайкин – недетская, безответная любовь.

Девочку звали Талэйта-Мария. Для здешних мест, где самыми ходовыми были светы, оли и наташи, такая экзотика была совершенно неуместной. И ладно если бы ты была какой-нибудь

Кристиной или Кариной, а то Талэйта-Мария. Но беда была не только в имени. Девочка была не простых кровей. Её отец – русский инженер Андрей Кукушкин – пятнадцать лет назад нешуточно влюбился в молодую цыганку неземной красоты, по имени Милева. Высокая и тонкая, с зелёными глазами и смуглой кожей, она больше походила на испанку, чем на цыганку. А когда она распускала свои волосы, которые тогда доставали почти до колен, то Андрей почти лишался рассудка. И семнадцатилетняя Милева танцевала для него, побрякивая браслетами и шурша подаренными матерью юбками. Родители Милевы происходили родом из Венгрии. Старые цыгане Иштван и Воляна были слеплены ещё из той добротной глины, что родила настоящих цыган, не толкущихся по вокзалам с многочисленными грязными ребятишками. Это была хорошая цыганская семья с традициями, образованием, наставлениями предков и кучей загадочных и манящих реликвий. И Милева, звеня этими самыми реликвиями, плавала вокруг Андрея, запуская свои тонкие пальцы в его белокурые волосы. А он умирал от любви.

Семейство Кукушкиных категорически не приняло семейства Лонтяну, но зато семейство Лонтяну оказалось совсем не против такого странного и красивого союза. И поскольку мать Андрея, белокурая напыщенная куропатка, тряся кудрями и руками, визжала «Либо я, либо она», Андрей ушёл из дома. Ушёл в дом новый, который Иштван купил молодой семье.

Жили сказочно. А потом в сказке родилась дочь, – неземной, космической красоты девочка. Со всем крошечная, весом два кило, и Милева, посмотрев на неё, тихо сказала:

– Тебя будут звать Талэйта. И Мария.

И новоиспеченная Талэйта -Мария посасывала грудь, даже не подозревая, какие унижительные трудности её ждут. Трудности, связанные с её такой неправильной национальностью и красотой, оказавшейся в неудачное время.

Красота девочки была пугающей. Особенно глаза и волосы. Бирюзовые, широко распахнутые, с бездной внутри, глаза девочки приводили в восторг всех, кто в них смотрел! Потом восторг сменялся страхом, – слишком это было неземное, чтобы смотреть в них долго. И копна кудрявых чёрных волос тяжёлой гривой рассыпалась по спине. И вся Талэйта была как диковинная хрустальная ваза, сосуд невиданной экзотической красоты, который случайно попал на завалинку к побитым и корявым глиняным горшкам.

Первые посягательства начались в девяносто четвертом году. Ей тогда исполнилось двенадцать лет. Нельзя сказать, что до этого ей жилось комфортно, но особо не доставалось. Девочки с ней не дружили. Блеклые и прилизанные создания хороводились своей коалицией, а мальчишки представляли собой ополоумевшее стадо на грани полового созревания. Однажды Витька Рожков хлопнул Талэйту по заду, а она, обезумев от гнева и возмущения, учебником по биологии сломала ему нос.

Милеву вызвали в школу. Милева пришла. Уверенно расположилась в кабинете директора, посмотрела в упор прямо в лицо заворовавшейся старухе, а потом спокойным уверенным голосом начала:

– Я поняла, в чём дело, Зоя Николаевна. Я вот что Вам скажу: если мою дочь ещё хоть раз кто-то тронет своими грязными холопскими руками, я оторву эти руки.

Зоя Николаевна задохнулась. Она пошла красными пятнами и хотела сказать что-нибудь такое уничижающее, но Милева, спокойная и злая, жестом руки приказала ей заткнуться.

– И если Вы считаете, что я не знаю, как мою дочь называют в школе, то вы ошибаетесь. Она не «чурка черножопая», она благородных кровей. Мой отец – венгерский цыганский барон, а мать из династии Ловари, если Вам это о чём-то говорит. Мой муж – уважаемый человек из не менее уважаемой семьи. А теперь представьте, кто моя дочь. Удивительно светлый и чистый ребёнок.

Директриса сидела красная от возмущения, что с ней смеют так разговаривать. И если бы её тощий пучок давно немых волос мог краснеть, то он был бы того же цвета, что и лицо. Её отчитала цыганка, наверняка, одна из тех, что побирается на вокзале и с криком «Дай погадаю, дорогой!», вешает макароны на уши простодырым пассажирам. А эта просто удачно вышла замуж, наверняка околдовала своего мужа, а теперь корчит из себя. А Милева смотрела на Зою Николаевну в упор, и если бы взгляд мог сжечь, то от директрисы даже горстки пепла не осталось. Милеве показалось, что они поняли друг друга.

Но проблем у Талэйти не убавилось, а как будто даже прибавилось. Шла война в Чечне. И теперь все, кто имел лицо кавказской национальности, были врагами. И не важно, кто ты – армянин, осетин или цыган, ты – «чурка», а значит заведомо враг. И на девочку обрушилась волна негодования. Нападки исходили не от одноклассниц. Четырнадцатилетним дурындам в девяносто шестом году было, в сущности, наплевать на политическую ситуацию в стране и мире, главными «ополченцами» были пацаны. Они – эти глупые дети пубертатного возраста – были уверены, что знают толк в войне и мире, в узлах, которыми перевязаны люди на этой войне, и куда стекается «военный навар». Главное, что есть козёл отпущения, а в данном случае – Талэйта.

Талэйта ежедневно получала порцию плевков, оплеух, невыносимых гадостей. Она дралась что было сил и защищала не столько себя лично, сколько всех черноволосях и темнокожих. Она почему-то знала, что сейчас Кавказ и Ромастан терпят унижения. И терпят самые невинные и невиновные из них – дети. И маленькая Талэйта билась, ни слова не говоря родителям. Она понимала; если узнает мама – убьёт директора, папа – сожжёт к черту эту образцово-показательную школу. А, не дай Бог, бабушка Воляна, то проклянет всё человеческое племя. Но существовала ещё одна трагедия, перед которой вдребезги разбивались все остальные колкие неприятности. Её любовь нечеловеческой силы – Серёжа Чайкин – он был на год старше и учился уже в девятом классе. Она впервые увидела его, будучи первоклашкой, на школьной линейке. Он тогда стоял независимо и одиноко.

Русоголовый, голубоглазый, со спокойным и чуть агрессивным взглядом исподлобья. Талэйта потом ходила весь день с неподвижными глазами, вся какая-то растрёпанная и уже необратимо влюблённая. И эта взрослая любовь уверенно жила в крохотной девочке уже семь лет. Чайкин жил на другом конце посёлка, куда Талэйту не пускали, потому что тот дальний край, прижавшийся к самому лесу, внушал опасения. Публика там была самая разнообразная: от простых хулиганов до самых настоящих головорезов. Кроме того, существовала легенда, что в одной из кирпичных многоэтажек был даже самый настоящий бордель. И вот «Чайка» варился в этой увлекательной атмосфере. Но был он не отморозком, а вполне уважаемым молодым человеком и общался с ребятами, которые слово держали, ни своих, ни чужих не обижали. Без надобности. Со школьной шелупенью он не цацкался. Однажды старшеклассники его прижали на заднем дворе, но разборка очень быстро закончилась. Что он там им сказал – неизвестно, но никто и никогда его больше не трогал. Уважали и почтительно здоровались. А Талэйта сильно, не по-детски любила. Он, кажется, догадывался. И вот сейчас, когда ей хлопнули по заду школьными воротами, а он стоял чуть поодаль и видел, ей хотелось упасть в обморок, провалиться сквозь землю, умереть от стыда!

Талэйта шла домой, рассеянно обходя апрельские лужи, и, казалось, так девочке было тяжело, что даже кучерявая копна за спиной тянула её вниз. Любимое лицо мерещилось ей. Оно всегда неизменно появлялось, утром, когда просыпалась, днём на уроках, даже мешая понимать, что же происходит, вечером, когда она засыпала, и всё думала, представляла, что же делает Серёжа именно сейчас, не целуется ли он с какой-нибудь проходимкой. Но Талэйта гнала эти мысли: он слишком

хорош, чтобы путаться с кем попало. А однажды в школьном походе в парных соревнованиях они попали в дуэт. Он подошёл к ней и взял за руку, просто и без церемоний:

– Побежим вместе. Мы их сделаем. Лёнька рыхлый, а Маслакова просто размазня, – он улыбнулся, и улыбка ослепляла.

Быстрый и спортивный Серёжа хорошо сложенная маленькая Талэйта «сделали» всех. И с ним она бы, наверное, «сделала всех» и вся, только бы с ним. И почему он тогда выбрал её...

А перед самым домом был новый сюрприз. Лужа, которая утром была затянута тонкой корочкой льда, и Талэйта тогда мастерски эту лужу прошмыгнула, теперь превратилась в грязное болото. То есть от самого «Гастронома» до ворот дома надо было как-то пройти. Слева водосток, а справа заросли камыша, в который если шагнешь – засосёт. И вот бедная девочка стояла и готова была зарыдать от бессилия, глядя на свои бежевые ботинки и такого же цвета колготки.

– Маша, – послышалось откуда-то сзади, слева, – ты ведь Маша?

Чайкин стоял, сунув руки в карманы, и смотрел в упор, спокойно, как всегда.

– Меня зовут Талэйта-Мария. Я – русская цыганка.

Талэйта была спокойна. Вообще, она думала, что если с ней случится что-то подобное, то её разорвет на куски, но она была действительно спокойна.

– Я смотрю, у тебя неприятности, – Чайкин подошел поближе, снял портфель с плеча и подал девочке. – Тебе придется закинуть мой портфель за спину. Залазь.

Талэйта тупо смотрела на Серёжу, держа его портфель за одну лямку, как дохлую кошку.

– На спину мне залазь, говорю. Вброд пойдем.

И они пошли. Два портфеля висели на спине у Талэйты. Руками она крепко обхватила Серёжу за шею, уткнулась носом в его шею. И просила кого-то сверху, что бы эта лужа никогда не заканчивалась. Он аккуратно ступал, притопывая каждый шаг, чтобы не провалиться в трясины, увязал ботинками и штанами в грязи.

– Откуда у тебя такое имя странное? Что оно означает?

– Талэйта – это цыганское; оно означает «маленькая девочка», а Мария – русское, конечно. У меня папа русский, а мама – цыганка. Знаешь, какая красивая?!

– Знаю – видел, – неожиданно и тяжело отозвался Серёжа. – Ты тоже ничего. Волосы уберу, а то мне на лицо падают, я не вижу ничего. Странная ты, правда.

– Ты тоже, – почти прошептала Талэйта, вдыхая запах горячо любимого мальчика, который почему-то напоминал запах опилок, и так же тихо добавила, – мэ тут камам...

– Что? Что ты там шепчешь? Я же не слышу. У меня тут всё чавкает. Какой карман? Кстати, тебя больше никто не тронет. Никогда! – сказал он уверенно и зло.

Талэйта улыбнулась и промолчала.

Они добрались до противоположного края лужи. Он грязный и запыхавшийся, она – счастливая. Стояли около забора и ждали какого-то продолжения, которое обязательно должно было случиться.

– У меня мама сегодня рассольник обещала, – первой нарушила молчание Талэйта, – пойдем, поедим, обсохнешь. Я тебе свои носки дам, сухие...

– А что, цыгане едят русскую еду? – Серёжа стоял, опершись спиной о забор.

– Дурак ты, Чайкин, – беззлобно сказала Талэйта и подняла свой портфель с земли, потом немного замешкалась и так же спокойно добавила, – «мэ тут камам».

И тут он быстро подошёл к ней и обнял. Всем телом прижавшись к маленькой и честной, сильной и красивой. И как настоящий взрослый мужчина обнимает женщину, он обнимал Талэйту, уткнувшись в россыпь её необъятных волос.

– А у нас, у русских, – тихо журчал он ей в ухо, – говорят просто: «Я Тебя Люблю».

Милая, я сомневаюсь в этом.
Мне ль полёт высокий по плечу?..
Снится мне, над бездной, полной света,
Пулею усталую лечу...

* * *

Сел на мель корабль, а я тону
В капле сока переспелой сливы.

Владислава Броницкая

В капле сока переспелой сливы
Вряд ли я когда-то утону...
Разве завтра быть смогу счастливым,
Если я сейчас иду ко дну?

Может, я уже на дне воронки?
Закружил меня виноворот,
А не капля... Песня жаворонка
В небо для спасения зовёт.

Да попробуй из воронки вырвись,
Если тянет вниз хмельной поток!
И судьба, смеясь, меня на привязь
Посадила, чтоб взлететь не смог,

Чтоб одно – тонуть в вине! – осталось...
Нет, мосты не сжёт и не сожгу!
И цветущей сливы белый парус
Вижу я на дальнем берегу...

* * *

Собирай, орёл, – не трусь! –
Воедино нашу Русь.
Обретёшь в веках ты славу,
Если возродишь Союз.

Что нам Запад?! Что Восток?!
Мы опять у трёх дорог...
Путь прямой – короткий самый,
Хоть опасный, видит Бог.

Ты напейся трын-травы
И скажи: “Иду на вы!” –
Пусть дрожит враг, а иначе
Не сносить нам головы.

Мир продажный – весь на слом,
Нечисть выместь помелом!..
Но на это тот решится,
Кто посмеет быть орлом.

* * *

Не зашторивай окна души,
Пусть открытыми будут для солнца –
Свет прольётся до самого донца,
Распогодится так, хоть пляши!

Обними, ты же жаждал тепла,
И свети – сколько алчущих света!
И не требуй награды за это,
Дай-то Бог, чтоб душа расцвела.

И мелодией светлой плыви
На закат, полыхающий ало.
Захлебнётся душа от любви...
Вот и всё. Разве этого мало?

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЯНВАРЯ

1 января – день почитания
Ильи Муромца;
1 января – день рождения
Степана Бандеры.

Просыпайся, Илья Муромец, просыпайся, брат!
Вон и конь твой Бурушка бьёт копытом,
Рвётся в бой отчаянно в стольный Киев град,
Где Тугарин Змей шипит недобитый.

Весь в огнях Крещатик, – глянь! – факелы горят,
Барабаны бьют... А какого хе...а?
Овцы бредут, вслед за ними погань за рядом ряд...
Смолоскипна хода памяти Бандери!¹

Успокойтесь! Лучше рифмы к Стёпке
не подобрать.
И, как говорится, по Сеньке шапка.
Просыпайся, Илья, собирай поскорее рать,
Да сгребни поганых в одну охапку,

Чтобы не глумились над Малою Русью родной
И не забывали о русской вере,
Как далась Победа в сорок пятом, какой ценой! –
Пусть огребут они по полной мере.

Пусть хорошо запомнят,
что первый день января –
И не надо сказок про Курочку Рябу, –
Это день Ильи Муромца, русского богатыря!
А кто такой Бандера по кличке “баба”?..

3 января 2016 г.

¹ Факельное шествие памяти Бандеры.

* * *

Кто-то вирши плетёт, кто-то – верши,
Но желают быть оба с уловом.
В речку канет зарёй день умерший,
Их оставив без рыбы и слова.

И на утро опять всё сначала:
Свет надежды на чудо удачи...
А волна вновь закат закачала,
Вечер вслед перепёлкою плачет.

В неудачах будь стоек и сдержан.
День придёт, и ты будешь с уловом:
Серебром караси плещут в верше,
А в стихе плещет золотом слово.

* * *

День придёт с улыбкой Гуинплена:
“Много ли богатств земных скопил?
Не забыл, что всё на свете тленно?
Кроме слов, что не пустил в распыл,

Кроме дел всех, сделанных тобою
С радостью, с душой иль без души...
Хмурое ли небо, голубое ль, –
Час настал, скорее поспеши

Собираться в дальнюю дорогу.
Эх, твоя хмельная голова!
Скоро ты у Божьего Порога
За дела ответишь и слова...”

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Когда ушёл, как будто хлопнул ставень,
И в доме потянуло сквозняком.
Вы можете Высоцкого представить
Восьмидесятилетним стариком?

В котором улеглись и стихли бури,
Все растеряла молнии гроза?..
Не верю я, чтоб, голову понурив,
Он доживал свой век на тормозах.

Играл и пел он на разрыв аорты
И никогда не думал о цене,
Которую заплатит... Непокорный,
Неравнодушен был к своей стране.

О нашем времени хрипел со сцены
(И в слове ни одном не покривлю):
“Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю”.

МОЛИТВА

О Господи, спаси моих любимых!
И сколько б в жизни ни случилось гроз,
Пусть стрелы молний пролетают мимо,
И пусть глаза не знают горьких слёз.

Легко ль идётся или стёрты ноги...
Я умоляю – не стихи пою! –
Обереги их всех от зла в дороге,
Даруй им, Боже, благодать Твою!

Наполни души светом и любовью,
Без них никак! – ведь жизни путь далёк.
Пусть ангелы сидят у изголовья,
Сон охраняя, я прошу, мой Бог!

А утром, лишь проснутся на рассвете,
Прелей на всех небес бескрайних синь.
Благослови их день! Свирепый ветер
Пусть не сломает их в пути. Аминь!

* * *

“Мой дом – мои вериги!” Но не корю судьбу.
Ту мысль нашёл не в книге, а вынес на горбу.
Я строил с сыновьями наш светлый общий дом
И счастлив был мечтами,

что радость будет в нём.

Работа так кипела, сомнения круша,
Что к ночи ныло тело, но пела как душа!
А жаворонок в небе собой являл мне суть,
Мол, думая о хлебе, про песню не забудь.
Я не давил на жалость, – судьбе, ей всё равно.
И в укус превращалось в душе стихов вино.
А бабочки порхали, и шелестел камыш –
Настанет час, стихами ещё заговоришь,
Ещё прольёшься песней,

как с неба льётся синь...

Семь лет, как дом небесный
обрёл мой старший сын,

Он мне стихи для книги находит в облаках.

“Мой дом – мои вериги!...” – горит

и жжёт строка...

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Мне чернота саврасовских грачей
Милее мрака чёрного квадрата...

Владислава Броницкая

“Мне чернота саврасовских грачей
Милее мрака чёрного квадрата...”
И в такт журчит раскованный ручей,
Из ледяных оков бежит куда-то.

Галдят грачи, торопит их весна –
Скорее обустроивайте гнёзда!
Природа вся восстала ото сна,
Ей надоело быть в плену морозном.

И тает быстро ноздреватый снег –
Куда девалось белое раздолье? –
Вчерашний чистый и пушистый мех
Побит сегодня солнечною молью.

На землю льётся с неба тихий свет,
Сок у берёз сейчас забродит в ветках,
Крест колокольни к небесам воздет...
Ты чувствуешь, картиною согрет как!

Посмотришь на картину, не дыша:
Грачи кричат, так возвращенью рады...
В саврасовской картине есть душа,
А где душа у “Чёрного квадрата”?..

СНЕЖНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Выпал снег ослепительно-белый –
Вот таким надо быть февралю! –
И пишу на снегу не по делу
Я пьянящее слово: “Люблю!..”

Коротка эта зимняя сказка,
Потому и в восторге кричу:
“Доставай поскорее салазки,
Я тебя с ветерком прокачу!”

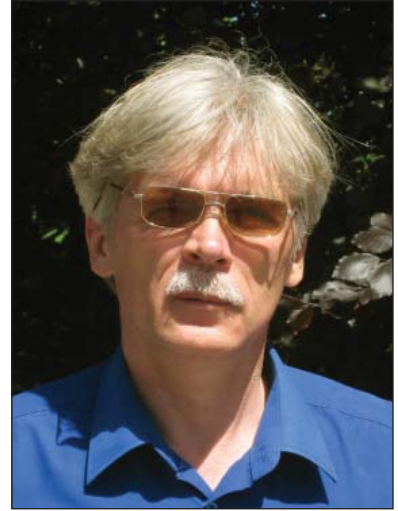
Сколько света и смеха, и снега!
Но! – и пусятяся “кони” в галоп.
На крутом повороте с разбега
Я тебя опрокину в сугроб –

Целоваться на лёгком морозе,
Хохотать и молоть всякий вздор...
Так искал я поэзию в прозе,
Расчищая заснеженный двор.

Игорь Ерофеев

Член Союза журналистов России, Член Союза писателей России. Редактор литературно-краеведческого альманаха «Берега Анграпы». Публиковался в журнале «Север» (Петрозаводск), «Мозаика юга» (Ростов-на-Дону), «Симбирскъ» (Ульяновск), «Эхо» (Калининград), «Балтика» (Калининград), «Берега» (Калининград), «Параллели» (Самара), «ЛиФФт» (Москва-Калининград) и др. Автор поэтических сборников: «Устоять» (Калининград, 2009) и «Неба тонкие узоры» (Калининград, 2010), а также 18 краеведческих и музыкальных книг и книжечек, в том числе Летописи Черняховского района 1945-2010. Дипломант Международного конкурса малой прозы «Добрая лира» (Санкт-Петербург, 2010), шорт-лист 9-го Международного Волошинского конкурса 2011 г. в номинации «Поэзия». Член редколлегии журнала «Берега» (Калининград). Соорганизатор Международного литературно-го конкурса-фестиваля «Русский Гофман» (2016). Ведущий клуба элитарного кино «Братья Люмьер».

ДЕВОЧКА

Девочка любит спать на животе,
на спине не так – сны снятся не те.
Мама ей уже отдельно стелит,
сама кровать пустую с ночью делит.

Девочка дружит с рыжим Мишей,
она ему даже письма пишет.
Миша плюшевый – живёт в кресле,
говорить может, прислушаться если.

– Миш, а, Миш, а как так получается,
что дети у людей случаются?
Как в животах они у мам живут
без воздуха совсем и не умрут?
Ребёнка своего я выучусь беречь,
вот только ночью как его стеречь?
Я маму попрошу, чтобы меня будила,
чтоб я нечаянно его не раздавила...
Две дочки у меня, наверное, родятся,
им платья все мои и ленты пригодятся.
Мне только кажется, что мама будет злиться,
когда придётся с нами ей одной возиться.
Ты веришь, Миша, сколько нужно знать,
чтоб мамой хорошей дочкам стать!
Тебе-то всё равно – ты плюшевый
Внутри тебя никто не сотворится
и сердце у тебя не может биться...

Она пока ещё помнит папу,
сходящего с судна по трапу,
с бородою и трубкой во рту,
когда встречали его с мамой в порту...

Он остался в стране, где жарко,
где есть белые дома и парки.
Девочка знает, что он вернётся:
ему без них там нелегко живётся...

– Миш, а, Миш, а как так получается,
что у людей любовь случается,
как можно столько красоты набрать,
чтобы себе друг друга подобрать?
А если у меня её не будет столько,
я что – останусь одинокой только?
А мама красилась, наверно, мало
причёску делать – рано не вставала,
и папа красоты в ней новой не нашёл,
ему, конечно, скучно стало – он ушёл...
Мальчишки стали на меня смотреть немножко,
когда я начала носить серёжки...
Накрашенными нам всегда быть надо,
и чаще новые менять наряды...
Тебе-то всё равно, ты – плюшевый
Любить игрушки просто не умеют
они души живой в опилках не имеют...

К маме теперь офицер ходит,
на самолёте он летает, вроде.
Он надевал уже пижаму папы,
чем-то от него военным пахнет.

Она зовёт его «дядя Лёша»,
мама говорит, что он хороший.
Дядя Лёша фокусничать может,
но ей неинтересно, Мише тоже.

– Миш, а, Миш, а как так получается,
что люди снова к войнам возвращаются,
что армии, когда встречаются –
за ними всё в разруху превращается.
Все войны начинают генералы,
земли-то им своей, конечно, мало,
а беды все солдатам достаются,
которым автоматы раздаются.
И на войне зарплату им не платят
и спать приходится в окопах без кроватей.
На фронте каждый день – несчастный случай:
и могут в плен поймать и долго мучить.
Война приносит только разрушенья
и между странами плохие отношенья.
Тебе-то всё равно, ты – плюшевый
На фронте не нужны бойцам игрушки –
таскать им надо за собою пушки.

Девочке семь лет, её зовут Света,
она всегда хорошо одета.
И красила уже помадой губы –
она, наверное, моделью будет

Девочка на маму всем похожа –
с таким же взглядом и светлой кожей.
Смотреться в зеркало уже устала –
быстрее бы женскую фигура стала.

– Миш, а, Миш, а как так получается,
что жизни у людей кончаются?
Нет, чтобы жили, сколько бы хотели,
и чтоб болезни не селились в теле.
Ты знаешь, Миш, как умирать обидно,
из-под земли же ничего не видно.
Хотя бы зрение должно остаться,
чтоб в темноте нам на других не наткаться.
Совсем мы не умрем, сказала мама,
не можем же мы жить совсем так мало.
И разве может быть за смертью интересно:
там солнца нет, наверное, и тесно,
и места скоро умершим не хватит,
здесь надо дни помедленнее тратить...
Тебе-то всё равно, ты – плюшевый

*Тебе как пуговицу голову пришили
и можешь жить себе в любой квартире...*

Офицер зимою уехал срочно
как оказалось – к жене с дочкой.
Все его вещи мама вынесла на мусор,
причёску сделала и стала русой.

Теперь никто им больше не мешает
и мама всё опять сама решает.
И девочке теперь живётся с мамой лучше...
лишь Миша полинял и разучился слушать...

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Схема любви проста:
проникновенье тел
под обостренье слов
и возвышенья стен.

Всё из воды, и нам,
Кажется, легче плыть
под парусами штор
морем бетонных плит.

Есть ли кроме тебя
та, кто диктует страсть.
Любовь – это ремесло
и обоюдный страх.

Ты ещё не одна
раз плавишься на руках,
стало меня сложней
вытянуть за рукав.

Тонкое ей к лицу:
шёлк, кружева, атлас,
шитая красота
одолевает глаз.

Может она менять
температуру слов.
Мне уже не гореть -
этот прием не нов.

Чтобы дарить цветы,
следует их убить.
Даже цветная смерть
нам удлиняет жизнь.

Берег хранит волну,
выжатую в песок.
Умершее ищи
в воске мадам Тюссо.

Вещи живут, пока
нашим нужны рукам,
пусть колыбель – земля,
тянет-то к облакам.

Сверху она видней,
тщательная любовь,
сколько страстью её
вынянчено рабов.

Схема любви проста:
новорожденье тел.
Тот, кто придумал всё,
этого и хотел.

* * *

Жизнь раздвоилась змеиным жалом,
без «Кислорода» Мишеля Жарра,
Яд не берет, и слаба надежда,
и только ты остаешься прежней,
Без обещаний и без претензий,
не помню, был ли с тобою трезвым?
Она мне верит, она не просит,
её ребенок под сердцем носит.
Она беспечна, без напряжения
её я слабое отображенье.
Она приходит, когда захочет,
и быстро шпагу мою заточит,
И растечётся во мне глинтвейном
под откровенье и боль Колтрейна.
Ей вскоре сущность моя наскучит,
всё, что ей нужно, она получит,
оставит запах Климá в прихожей,
придёт приметной, уйдет похожей...
Но как роскошна, одета в лето,
мы умираем в борьбе за это.
Уйду от правды, расставлю сети,
любовь безумством меня пометит.
День вырастает из черной ночи,
чернее только в районе Сочи.
Она находит себя в природе,
зеленым воском глаза подводит.
Был тетивою и резал пальцы,
она не входит в число страдальцев.
Она бессрочна, необъяснима,
в немом движенье неутомима.
Я буду волен и неизбежен,
сегодня стану преступно нежен.
Проснусь пораньше – её увидеть,
так будет проще опять обидеть.
Жизнь раздвоилась змеиным жалом,
себя так много, её так мало.

Давай уедем, давай всё бросим,
друг друга в храме себе попросим.
Уедем в море, на волны ляжем...
и никому ничего не скажем.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Здравствуйте, уважаемая редакция!
Меня зовут Оля Трофимова,
живу я в поселке Большое Климово,
шестнадцать мне уже – считайте, взрослая.
С такими длинными была недавно косами,
пока не срезал мне одну, куражась, отчим, –
сказал, что пошутил, был пьяным очень.
Живёт мать с ним спокойно почему-то, –
должна же, говорит, быть нужною кому-то.
Она от бати моего, наверное, устала,
когда тот напивался, с кем попало, -
и этот, Виктор Палыч, не любитель тоже:
– Не так же, как отец твой – не хватает ножик...
Чтоб сделать «химию», я ездила в район...
Так в доме старом жили бы втроём,
но я сейчас в психической больнице -
и все вокруг враждебные мне лица...

Вы только не подумайте такого:
происхождения Трофимовы простого.
Пишу в редакцию я только потому,
что ничего в себе я не пойму:
Храню внутри чужие я слова –
от них так воспалилась голова, -
меня пугает это и мешает,
опять же, кто-то за меня решает.
Слова, которые успею записать,
я заносить старалась в общую тетрадь, -
чтоб санитары не нашли её в больнице,
я с ручкой прятала её под половицу.
Хочу узнать: чьи те слова и мысли,
которые краду я, в некотором смысле?
Вы выпускаете журнал литературный,
народ в редакции работает культурный, –
так помогите мне с собою разобраться:
мне стало тяжело себя бояться.
Чтоб строки помнить, что приходят срочно,
я повторяла вслух их накануне ночью, -
меня за это санитарка оскорбила –
по телу мокрым полотенцем била.

Вот посмотрите стихострочки эти,
что проявились как-то на рассвете, -
они же не про местную природу, –
сама бы их не сочинила сроду:

*«Солнце спать ложится.
Птичья колыбель.
В небе прояснится
Звёздная капель.»*

*Ночью дождь не виден,
Море тише сна.
Маяки обидит
Лунная блесна.*

*Гребни волн блистают
В чёрной тишине.
Боль моя растает
В голубом огне.*

*Я хочу быть ближе
К краю красоты –
Может, и увижу
Парусник мечты».*

Читала этот стих для речки с камышами,
а оказалось – рыбакам мешаю.
Они из-за меня там все переругались -
я убежала: очень испугалась.

Я, так и есть, наверное, с приветом,
а мама думает, я из другого века –
несовременная, тихоня и не крашусь:
– Ты в женскую несчастную породу нашу...
Она хорошая, но не поймет никак,
что всё рождается на свет не просто так
и многие живут, где им не интересно,
не зная, где их истинное место.
Я оживаю лишь среди природы,
она совсем недалеко – где огороды:
там речка извивается и поле...
Мне среди зелени удобнее, чем в школе.
Читала в Климове стихи я на болотах,
когда листвы осенней брызжет позолота.
Читать любила вслух цветам и травам,
жукам, кузнечикам, коровкам божьим малым.
Становится природа от стихов новее,
и свежестью от всех созданий веет.
А в мире у людей – словами ранят:
в словах есть острые шипы и грани.
Дочь Виктор Палыча из сельсовета, Ньюра,
так та совсем меня считает дурой:
– Нормальным мужикам нужны не строчки -
одна и просидишь на задней точке...
Со мною явно что-то приключилось,
иначе б я в больнице не лечилась
и не мешала б никому на белом свете,
и не являлись бы стихи, как эти:

*«За околицей речка сонная,
Даль бездонная в синеве.
Все привычное и покорное,
Как росы серебро в траве.»*

*Только где-то там – за просторами,
Где все медленнее огня,
Где дороги идут во все стороны
И рассыпанный запах дня, –*

*Там всё общее и безбрежное,
И любви золотая нить...
И терзаю я сердце прежнее:
После жизни ещё б пожить!»*

Таких стихов уже сложилось много,
и без меня у них – своя дорога.
Я отправляю вам готовую тетрадь,
пока никто не смог её порвать.
Стихи ко мне откуда-то приходят,
но только для тревоги и подходят.
Они мне не нужны, чужие:
без сердца автора они едва живые.
И делайте вы с ними, что хотите,
а за сумбурное письмо простите...
Кому нужны, я думаю, стихи на воле?
Тем более, какой-то психбольничной Оли...

* * *

Всё здесь рядом: дом, работа,
парк Победы, мост дугой.
Охраняет замка мощи
на коне улан нагой.
Генерал Барклай по карте
ищет где-то здесь Париж,
И зарделась от мороза
черепица старых крыш.

Бледный Пётр Ильич Чайковский
терпит музыку спиной.
У базарного причала
кто-то с суммой, кто – с сумой
Свадебные вереницы
возят сахарных невест.
Нет на свете терпеливей
этих напряженных мест.

От вокзала на два зала
на большую землю путь,
Пусть мы крайняя Россия –
это не меняет суть.
Земли эти-то с приданным:
лес, торфяники, янтарь

С реформатской кирхи Бога
православный чтит звонарь.

Все здесь рядом: дети, внуки,
друг и кладбище теней.
Скован край мой обнажённый
цепью матовых огней.
И немецкое сегодня
как родное стало нам.
И лежат бойцы в покое,
но по разным сторонам...

САМОЛЁТ

Самолёт простаивал в небе горностаевом,
оказался в облаке всем крылатым обликом.

Двигатели ладные без работы хладные,
сила невозможная борт держала вожжами.

Экипаж обученный, недовольный случаем,
собирал консилиум, плакал от бессилия.

Стюардессы хрупкие шелестели юбками,
путаясь с ответами, занялись жилетами.

Пассажиры бледные укрывались пледами,
ждали сообщения о невозвращении.

Точные диспетчеры у экранов с вечера:
точка без движения до изнеможения.

Министерство лётное некогда почётное
объявило премию в помощь приземлению.

Ангелов сохранности, не лишённых странности,
видели на плоскостях возмущённых до смерти.

До сих пор наказаны, к облакам привязаны
наши горемычные – жертвы необычного...

Так и я бессовестно близ тебя устроился,
вроде, как и с крыльями, только очень пыльными.

Сколько б ни простаивал, я тебя устраивал...
всё, что прекращается, в небо возвращается...

СОН

Сон – это когда смерть сработала вхолостую
или провела тренировку, да так ловко,
что и не заметишь, как станешь к пустоте
на день ближе...

Глаза откроешь – солнце утреннее
в лицо лучами брызжет,
косые тени стены лижут...
Закононый мир, как и сон, беззвучен:
граждане на остановке стоят кучно,
кто-то курит,
дядька тучный на лавке спать продолжает,
опять же рискует...
из форточки сна не увидишь жизнь мирскую.
Сон – это лживое жизни продолжение,
мыслей твоих броуновское движение
он не живет повторно, сон – штучен,
нереализованной судьбы случай,
Сон – это логики немое несоответствие,
инерция светового дня, покоя следствие
это – души подушка безопасности,
мозаика упущенных прекрасностей...
И только Он один, кто свыше,
кто тишину умеет сотворить
и свет услышать,
сценарии для снов всё так же пишет...

* * *

Мы Бога терпеливого неправильные дети,
живём, как можем, вроде все свои,
Старее времени нет ничего на этом свете,
как ничего моложе нет любви...

* * *

В красном на чёрном поле,
строим, за рядом – ряд
в красное завтра входит
красных бойцов отряд.

В красных от крови песнях
медью кипит припев,
где-то на Красной Пресне
красный идет отсев.

От вихрей враждебных клинит
красную карусель.
Тонкий шарф Марсельезы
спутался в колесе.

Красное – не измена,
красным пронзает грудь,
красные перемены
раздавят когда-нибудь.

Красен ли дым от крови?
Легок ли красный хмель?
На честном держится слове
красная колыбель.

Красные мы от страха,
красное – цвет борьбы
Красным горит рубаха,
красным объют гробы.

Под красной коростой скрыты
пламенные года,
из раны течет без спросу
красненькая вода.

Красная вянет осень,
красная хрустнет тень
Где-то под небом носит
с красной звездой ступень.

Нам ли чего бояться,
Раз красными родились,
ни белое, ни какое
с красным не ужились.

В красном – оно привычной.
красное спрячешь как?
Над родиной горемычной
красный пылает флаг.

* * *

Ты – моя дорога без сплошной полосы,
на обочине андалузские псы
и самшитовые леса.
Того, кто её слышал, зовут Лембит Ульфсак.

Ты раздавлена односторонним движением.
Твои глаза – камеры скольжения.
Я – голосующий на твоей автостраде.
Ту, кто её помнит, зовут Марина Влади.

Ты – моя смирительная рубашка и нервы,
ты знаешь точно, что я не первый,
как оказалось – даже не второй
Того, кто её видел, зовут Медведев Рой.

Ты – моя ручная близость
трезвого образа жизни кризис
сделаешь левый поворот – упрёшься в угол
Того, кто её знает, зовут Google.

Ты – мой дорожный знак препинания
я – твой признак, но не признание,
ничего не предвещало под солнечный удар
Того, кто её ценит, зовут Жан-Люк Годар.

Ты – удачная комбинация цифр и строчек
в графе «Возраст» стоит прочерк,
скорость зависит от глубины педали
Того, кто её хвалит, сюда не звали.

Ты знаешь, что жизнь твоя уже сверстана
пусть даже такая – пёстрая
бываешь часто меньше маленькой Веры
К тому, кто делал её – примут меры.

Я – прирождение к твоим душе и телу
порой не знаю, куда пойти и что мне делать
опять же рядом тебя нет – в груди жжение
Я – твоя таблица поражения.

Ты состоишь из эстакад и подвязок
асфальтовый макияж, как сон вязок
я – твоего лобового стекла кожа
Того, кто тебя убил, возьмем с собою тоже...

* * *

Наш старый дом дряхлеет год от года:
крыльцо просело, выщерблен фасад.
На фоне новостроек выглядит убого,
за домом брошен яблоневый сад.

Покрыт морщинами немецкой черепицы,
с душой построен был и выдержал войну.
Он в русском городе среди собратьев блочных
который год, как мается в плену.

Когда-то он уютен был и статен,
с резною дверью в кафелевый рай.
Одетый в бежевое штукатурки платье
собою славил благодатный край.

Ослепли окна, плачут половицы,
поникли лики гордых маскарон.
Каким бы ни был, будет долго сниться
он для меня красив со всех сторон.

В нём жили люди, любящие город,
умели строить сразу на века.
Пусть дом не нов, и как бы не устроен -
он жив ещё, живой и я... пока.

Поэзия

Сергей Леонтьев

Поэт, автор-исполнитель. Член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы. Живёт в посёлке Белоозёрский Воскресенского района Московской области. Автор книг: «Первая скрипка», «Две Луны», музыкальных альбомов: «Листопад», «Корабли», «Я живу в Подмосковье».

Обладатель Гран-при, лауреат фестивалей авторской песни и поэтических конкурсов в России и за рубежом. Лауреат литературной премии «Славянские традиции» (2016 г.) Обладатель второго места в открытом творческом конкурсе на создание гимна Подмосковья. Ведёт активную концертную деятельность. Песни на его стихи исполняют известные артисты. Творческий сайт – sergeyleontyev.ru

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

1

Вначале было Слово. До того
Лишь тёмный дух носился над водою,
И крошечное солнце молодое
Ваял Господь из сердца своего.
И пала мгла! И пал на землю свет!
И это было первым чудом света.
И потекли до звёзд и до планет
Сквозь бесконечность световые лета...
И начались обычные дела:
Текли века, моря солили суши,
Земля ютила мёртвые тела,
А небо щедро принимало души...

Выходит, свет из Слова был рождён?
А, коли так, то всё подвластно Слову!
Тому, что было истиной, остовом,
Поводырём, владыкою, вождём,
Из-за него Христос светлоголовый
К распятому столбу был пригвождён!
Его несли любимым на устах,
С ним шли на плаху, поднимались в битву,
И, славя светлоголикого Христа,
Летели к небу чистые молитвы...

2

И где оно теперь? Скажите, где?
В развалах одноразовых книжонок,
Проказой иноземной заражённых

И пресных, словно каша на воде?
Увы, увы! Оно уже давно,
Не убоясь ни Бога и ни чёрта,
Эфирною размыто болтовнёй
И жёлтыми газетами истёрто,
Зализано казённым языком.
Истерзанное уличною бранью,
Оно давно томится под замком,
А не сверкает яркою огранью...

3

Но вот оно, послушное перу,
В твою строку легонечко ложится,
Как маленькое зёрнышко пшеницы –
Чтоб зацвести, взрасти, заколоситься,
И, наконец, страница за страницей
Разлиться в бесконечность точка ру!

О, ты, Поэт, немногий из людей,
Тебе дана, дана такая сила,
Чтоб эта нива вновь заколосила!
Вспаши её! И царствуй! И владей!
Чтоб слово проливалось, как елей,
Как солнышко, идущее с востока!
Храни его и пестуй, и лелей!
И говори! От сердца. От истока.

Давай, Поэт, давай, Поэт, давай!
И, словно в вену тяжелобольного,
Ты кровь свою в строку переливай,
Чтоб навсегда вначале было Слово!

ГРОЗА

1

Тяжёлый ветер сгрудил облака,
Прижал к земле измятые колосья,
И с яростной, неукротимой злостью
Обрушил ливень в тёмные дуга.

Сверкнуло небо огненным мечом,
Нырнули в землю ящерицы молний,
И заревел молоденький бычок.
И началось. И грянуло. По полной!

2

Застыла трасса, фарами едва
Сквозь шквал дождя обочину нащупав,
И разорвался вновь небесный купол...
А ты, дрожа, мне ткнулась в рукава.

И канул мир под натиском воды,
Захлопнув нас в автомобильной клетки,
И не осталось ничего на свете
И никого. А только я и ты.

И сквозь грозы тропическую жуть,
До спазма в горле ощутил я телом,
Как задышала трепетная грудь,
И ты раскрылась... Жадно! Дерзко! Смело!

И ты раскрылась, руки разметаю,
Моим рукам горячим уступая,
А ливень бил в окрашенный металл,
И бились мы, друг в друге утопая...

И не был я безумней, чем тогда,
В утробе той серебряной «Тойоты»,
Когда лила солёная вода,
Открытых плеч туманя позолоту...

3

Ушла гроза. И через полчаса
Всё было тихо, солнечно и мило.
И ты мне что-то нежно говорила
И гладила по мокрым волосам.

ДВА СЕРДЦА

Неделей до, неделей позже –
он всё равно один, конец.
Конец всегда один и тот же
для откипевших двух сердец.
Сердец, что лет не замечали,
делились радостью простой,

сердец, которые стучали
с одной и той же частотой.

Пролей, сентябрь, дожди грибные
и расскажи, не мучай нас:
откуда эта аритмия
необратимая взялась?
В каком моём стихотвореньи
и почему случилось так,
что вдруг, в какое-то мгновенье
сердечко стукнуло не в такт
другому, близкому, родному?
И дальше, дальше началось...
Как быстро стали нам знакомы
ложь, равнодушие и злость.

Два сердца жили на вершине
своей, единственной судьбой.
Одну любовь они вершили
для двух хозяев – нас с тобой!
О, боже, как они стучали,
какие ведали огни,
когда друг в друга мы дышали
и надышаться не могли!..

Сошьёт земле густую поросль
весна – заботливая мать.
Два сердца будут биться порознь
и друг от друга остывать...
Но где-то там, на самом донце
судьба для них оставит пусть
два небольших кусочка солнца –
неиссякаемую грусть
и нескончаемую радость –
крупницы прежнего тепла,
пусть в каждом теплится лампада –
и негасима, и светла!

Остынет день, зажжётся вечер,
а мы живём, детей растим.
Когда сердца свои залечим,
давай друг другу всё простим.
И вновь окажемся в начале,
на самом краешке земли,
там, где сердца у нас стучали
и настучаться не могли.

КРИКНУ ГРОМКО!

Крикну громко: – Люблю! – и эхо
Многократно меня подхватит.
Ты явилась такою вехой –
Целой жизни, боюсь, не хватит.

В тайниках отыщу слова я,
А строка их надёжно скрепит.
Пусть для каждого узнаваем
Станет этот священный трепет!

Крикну громко: – Люблю! – и город
Полной грудью со мной задышит!
Он ответит мне птичьим хором,
Майским ливнем стрельнёт по крышам.
Ах, какой отдаётся грустью
Этих лет безтебяшных вычет!
Но ведь это ещё не устье,
Да к тому же весна химичит!

Крикну громко: – Люблю! – и хлынет
Благодать, в небеса впадая!
Каждый следующий день отныне
Разделю я с тобой, родная!
Будут плавиться в храме свечи,
Будут падать дожди с рябины.
Я любовь объявляю вечной,
Ибо души неистребимы!
И, шагая под солнцем рыжим,
Вдруг откроется с ясной силой,
Почему я однажды выжил.
Это ты за меня просила.

ЛЫЖНАЯ ФАНТАЗИЯ, НАПИСАННАЯ В БЕССНЕЖНЫЙ ГОД

Канифолью старый «Фишер»
И ворчу, убравши смех:
– Ты, который так всевышен,
Опрокинь на землю снег!
Заровняй бугры и ямки,
Да морозца не жалей,
Чтобы лыжи, чтобы санки
Покатались веселей!
Сколь бесснежье длиться может?
На дворе уже январь!
Ты уснул, наверно, Боже?
Посмотри на календарь!
Велика ль тебе работа?!
Сыпь, порадуй малышню!
Слушай, я тебя в субботу
Приглашаю на лыжню!
Глянешь, как душой пируют,
Отдохнешь от высших сфер.
Я тебя экипирую –
У тебя какой размер?
Дам комплект, почти что новый,
Чуть подштопать ремешок,
И поедем в лес сосновый

Мы на сахарный снежок!
Тронь ладонями своими –
Он рассыпчат, он не тал!
Ты ж в своём Иерусалиме
И зимы-то не видал!
Настоящей, русской, нашей,
Чтобы снег был, а не каша!
Чтобы солнце и мороз,
И сугробы в полный рост!

Зимний лес – как будто кован...
Мы – на лыжи – и пойдём!
Научу тебя «коньковым»,
Отработаем подъём,
А потом – на длинном спуске,
Сжав себя почти в кольцо,
Крикнем что-нибудь по-русски
Ветру жгучему в лицо!
А вокруг – в сугробах этих –
Сосен рыжие стволы,
Воздух – словно энергетик
Из мороза и смолы!
Ну, не чудо! Ну, не праздник?
Посмотри, не сказка разве?

Накатаемся на диво
И отправимся домой.
Молвит Боженька счастливый:
– Да, вот это выходной!
Я ж задумаюсь дорогой –
Как, ума не приложу,
Снег я выпросил у Бога?
Вот ребятам расскажу!

Время – как ручей сквозь камни...
У небесных у ворот
Скажет Господи: – Пора мне!
Дел в раю – невпроворот!
Попрощайся я с Мессией,
Улыбнись ему: – Бывай!
Ты уж там... Храни Россию...
И про снег не забывай!

ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ

В буквы превращаются чернила...
Я пишу об истинном, благом –
Как она, любя, меня кормила
Материнским тёплым молоком.
Сколько солнца в этом человеке,
Тихого домашнего огня!
Господи, храни её вовеки –
Женщину, родившую меня!

Мысли зреют и ложатся в строки,
В тоненькую синюю тетрадь.
Я как будто снова на уроке,
Жизнь учусь любовью измерять.
И она – мудра, добра, красива,
Из того сентябрьского дня.
Много тысяч раз тебе спасибо –
Женщина, учившая меня!

Строфы слиты, как стальные звенья.
Точно так же спаяны во мне
Те неповторимые мгновенья,
Что прожиты с ней, наедине.
Мчит Земля по Солнечной орбите,
И живу я, в памяти храня,
Словно драгоценную обитель,
Женщину, любившую меня!

Лей, душа, и музыку, и слово!
Размешай их в песню без конца!
Я спешу, чтобы увидеть снова
Очертанья милого лица.
Пусть наш день – и светел, и восторжен,
Длится, златом солнечным звеня!
Я тебе ещё полжизни должен,
Женщина, простившая меня!

Скоро май осыплет снегом вишни.
Как же много хочется успеть!
Верю я, поможет мне Всевышний
Вас, мои любимые, воспеть!
И уж раз подумалось о Боге,
 Попрошу я, голову склоня:
Дай, Господь, безоблачной дороги
Девочке, похожей на меня!..

ЛЮБИТЬ ТАКУЮ ЖЕНЩИНУ, КАК ТЫ

Дыхание уснувшего Везувия...
Предчувствие восторга и беды.
Безумие, какое же безумие –
Любить такую женщину, как ты.

О, боль моя! Что может быть красивее?
Твои изгибы, линии, черты...
Бессилие, какое же бессилие –
Забывать такую женщину, как ты.

Мне снится дождь, в кровавое окрашенный,
Чужие перекошенные рты.
Бесстрашие, какое же бесстрашие –
Любить такую женщину, как ты.

Уснул наш сад, уснули розы чайные,
Изрезал плющ несчастные цветы.
Отчаянье, какое же отчаянье –
Терять такую женщину, как ты.

Но я пойду на плаху, на закланье,
Ни света не боясь, ни темноты,
Пойду вослед великому желанию –
Любить такую женщину, как ты.

МОЯ СТРОКА – МОЯ ИСПОВЕДАЛЬНЯ

Как арестант измученный острожный
Недугом изнуряющим томим,
Я болен глубоко и безнадежно
Своей любовью с именем твоим.

А начала момент полураспада
Мятежная июльская гроза,
Когда дотла, до пепла с полувзгляда
Меня сожгли раскосые глаза.

Держа в ладонях тонкие запястья,
Тебя глотал я жадно, не цедив,
И пил, и пил своё хмельное счастье,
Всё больше обостряя рецидив...

Вам нужно дальше? Только если вкратце...
Превысив дозу в миллионы раз,
Я и сейчас не в силах оторваться
От этих тёмных и бездонных глаз.

Я поселю тебя в себе, родная,
Закрою плотно двери без личин,
И буду жить тобой, прекрасно зная,
Что я уже, увы, неизлечим...

Ну, а случится вдруг дороге дальней
Нас разлучить с тобой в один из дней,
Моя строка – моя исповедальня
Расскажет миру о любви моей.

ПОКОЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Неровным, размыкающимся строем,
В мир неисповедимой тишины
Уходит поколение героев,
Уходит поколение войны.

Не сетуя, по выдоху, по вдоху,
Слабеющей лучиною горя,
От нас уходит целая эпоха,
Вместившая войну и лагерь.

Но если жизнь на небе всё же есть –
Там всё готово к званому обеду,
Там ждут последних, чтобы вместе сесть
И выпить за великую Победу.

И там, где всем навеки хватит места,
Где незачем и не с кем воевать,
Отцов увидят дети наконец-то,
А вдовы станут жёнами опять.

Обнимутся солдаты и матросы –
Медаль, звеня, ударит о медаль.
И будут петь Шульженко и Утёсов,
А Шостакович сядет за рояль.

И где-то там в рубахе деревенской,
Как на портрете – и плечист, и юн, –
Сидит мой дед, пропавший под Смоленском,
И обнимает бабушку мою.

Её – того родного человека,
Что, в смерть не веря, в стареньком доме
Ждала его, ждала его полвека,
Не отдавая сердце никому.

Идут солдаты в небо тропкой узкой
И будто входят в свой родимый дом:
– А ну-ка, где тут первый Белорусский,
Ну, где тут мой гвардейский батальон?

И тут же, сразу – всё порасспросили:
– Ну, что у нас? Какой теперь расклад?
А к ним прильнут: – Ну, как она, Россия?
А к ним прильнут: – Ну, как она, Москва?

Рассядутся за длинными столами,
И разольётся песня, как река,
Аж колыхнётся боевое знамя!
Но это будет после, а пока...

Задумавшись, в нетягостном молчанье,
На облако присев, как на топчан,
Дымят махрой и ждут однополчане
Оставшихся своих однополчан.

ПОЭТУ

Совсем немного слов в твоём стихе,
Всё остальное – там, за многоточьем...
Давай, поэт, присядем в уголке
И подведём итог бессонной ночи.

Скажи мне; из десятков тысяч слов
Как выбрать ты сумел лишь только эти!
Каким чутьём перо твоё вело,
На том ли ты бродил, на этом свете?

Ты не открыл законов красоты
И не придумал гениальных формул,
Но только ты в ответе, только ты
За сладкий ком, вдруг подступивший к горлу...

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА

От Владимира – на Нижний –
В десяти верстах всего,
Под накидками из вишни –
Боголюбово село.
А направо – в междуречье –
Нараспашку всем ветрам,
Тихой радости предтеча –
Православный светлый храм.
Там, где Нерль впадает в Клязьму,
Среди травных покрывал,
Шаль надев из белой бязи,
Встала церковь Покрова.
Дивной птицею лебязей,
Помня половцев, хозар,
Рождена по воле князей
Восемьсот годин назад.
Красотой восточных прясел
Сердце русское пленя,
Лик её и чист, и ясен,
Как сиянье бела дня!
Словно младшенькая дочка
Деревенской слободой
В голубом своём платочке
Убежала за водой
И осталась, и застыла,
Засмотревшись в зеркала,
На невидимых перилах
Рукотворного холма.
И когда разлив весенний
Прорывается в поля,
Словно в голые колени
Льдины бьют о цоколя.
И стоит она под солнцем
Над быстринною реки,
А вода всё льётся, льётся,
И рождаются стихи.
Но воспеть такое разве
Может скромный мой рассказ?
Там, где Нерль впадает в Клязьму,
Побывай. Хотя бы раз!

Я СЛУЖУ ЛИТЕРАТУРЕ

До бессоницы, до дури,
Вот уж скоро восемь лет
Я служу литературе,
Доморощенный поэт!
Не под чьей-нибудь пятою,
Не за Хенесси с Дор-Блю –
Нет, над каждой запятою
Добровольно я корплю!
Я котлетку разогрею,
Покромсаю помидор –
И скорее, и скорее –
К милым ямбу и хорею
За любимый монитор!
Что ж за мания такая –
Быть заложником пера,
Жить, бумаге потакая?
Ведь пора уже, пора
Научиться жить, как люди,
Млеть под пухом одеял!
Жизнь-то – вот она, на блюде –
Заработал, погулял,
Отдохнул, сходил в кинишко,
Посидел себе в пивной...
Ну, а тут ведь даже книжки
Не купили ни одной!

Вас спрошу, но ударенье
Можно сделаю на «бля»?
Почему за выступленья
Нам не платят ни рубля!
На бензин хотя бы было,
Уж не то что «наварить»!
А бумага? А чернила?
Эх, да что там говорить!
Бог с ним, с этим капиталом –
Не графья, попьём чаёк!
Лишь бы души напитал он,
Стихотворный ручеёк!
Лишь бы каждому досталось –
Где словечко, где строка,
Ну, а там, глядишь, под старость
И получится река!
И останется надолго –
Полноводна, глубока!
Ну, не как, конечно, Волга,
Но, хотя бы, как Ока!
До бессонницы, до дури,
Вот уж скоро восемь лет
Я служу литературе,
Доморощенный поэт.
В небо рвусь, срываюсь в бездны,
И слагаю, и пою!
И всё это безвозмездно
Просто людям отдаю.

Поэзия

Владимир Подлuzский

Владимир Всеволодович Подлuzский родился 5 июня 1953 года в селе Рохманово Брянской области. С отличием закончил Санкт-Петербургский государственный университет, Академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельхозинститут. Поэт и публицист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. За роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Новая Немига литературная», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и в других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии». Живёт в Сыктывкаре.

МЫ

В самые космические кризы
Родились от горести и веры.
Под миры заточенные линзы
Не вмещают русские размеры.
Хоть во многом мы не идеальны;
Чуем – на горе не свистнут раки.
Русские от радости печальны,
Понимая внутренние знаки.
Будто бы волшебные указки,
Проявляются они незримо.
Прошлое, завернутое в сказки,
Слаще мифов Греции и Рима.
Потому у нас вокруг пророки;
Нет без них ни града и ни веси.
Даже говорливые сороки
Лучше чернокнижников Одессы.
Мы свои истоки почитаем,
Чувствуя божественные нити.
Постоянно в космосе витаем,
На земле нам маловато сыти.
Золота отъявленная ценность
Нашему не стоит и полушки.
Слышал я, что небеса всецело
Говорят и думают по-русски.
Не боимся нового товара
Из-за родового любопытства.
В водке нам порой важнее тара
Градусами собственного смысла.
Мы прослыли в мире драчунами
Лишь за то, что врагам бьём морды.
Мы промеж любовью и чинами
Выбираем даму из колоды.

На себя мы редко уповаем;
Чаще на иконы и приметы.
По закону лихо обитаем
На челе космическом планеты.

СУСЛОНЫ

Времена бывали баснословны –
Рожью пропечённые серпы
Улицами строили суслоны
В образе соломенной избы.

Деревенька золотая в поле
Обрезалась от ржанных пупов.
Перевязывали бабы сердобольно
Стоны лебединые снопов.

По столетним клали их канонам:
От крестца – до бабки и до груд.
Потому и радуюсь иконам,
Что во мне истоки берегут.

То не жатва, а скорее – треба
В платье чистом белого холста –
Посреди беременного хлеба,
В домиках суслоновых Христа.

Понимала смыслы жизни жница,
Строя деревеньку про запас.
Жаль, что в ней нельзя было жениться,
Хоть рожать тут было – в самый раз!

Времена бывали знамениты,
До сих пор не смолк лебяжий стон.
Ждал благословения, повитый
Повитухой мудрою суслон.

ВИТЬКА РОКОССОВСКИЙ

Лезвия жевал и грыз бокалы,
В гипсе рваном танцевал от печки.
Булдыри окрестные ласкали
Усечённые его словечки.

Всякие я рю да понимаешь ли
Под оценку радостную – тах-то!
Но сказать, что мужичок без башни,
Можно было с бухты лишь барахты.

Бесшабашным слыл и малахольным
Кочегар последнего разряда.
При себе всегда имел махорку,
Чтоб отбиться ночью от наряда.

Вспоминал по пьяни родный Болхов,
Лихо, сплёвывая сталь опилок.
Был он то ли позабытый Богом,
То ли очень Господом любимый.

Хвастался под банкой – я таковский!
Пил стакан – как воду из колодца.
Дал себе кликуху –Рокоссовский,
Уважал за что-то полководца.

Может потому, что тот со штабом
По Орловской улице промчался.
Странно очень, но и лучшим бабам
Витька счастьем часто улыбался.

Прыгал по посёлку, как кузнечик,
В гипсе, презирая бюллетени.
Маленький весёлый человечек
Из прокисшей заводской котельни.

ПРЕМУДРОСТИ

Городок махорочный и луковый,
Кренделем изогнутый у Судости.
Молодыми сладостными муками
Я запомнил все твои премудрости.

Мир цветастым кружевом сплетается,
Потихоньку тянется и вяжется.
И простое всё, о чём мечтается,
Волшебством когда-нибудь окажется.

Весь он за тесовыми воротами
И под зонт нырнувшими калитками.
И скрипит с утра коловоротами
У домов с пожарными визитками.

Городок из площади и улочек,
На какие мало кто позарится.
В нём из замухрышек и из дурочек
Вырастают умницы-красавицы.

Не меня они позвали в горенку
И на все причуды до венчания.
Потому мне прошлое в диковинку
И любимо до очарования.

Городок махорочный и луковый
Пахнет булкой маковой у Судости.
Молодыми сладостными муками
Я запомнил все твои премудрости.

ГОРЯНКИ

В платьях с вырезом горянки
Дефилируют вдоль дома.
То ли решки, то ль орлянки
Нарастающего грома.

Взор бросают молодницы
На рокошущую сцену,
Где клюют святые птицы
Ошалевшую антенну.

Город стонет от жарыни
И сверкающего хлама.
А мужья развозят дыни
От баштанового хана.

Между хромом и булатом
Мышкой жмётся «жигулёнок».
И ползёт за старшим братом
К мамке чёрный пацанёнок.

В платьях шёлковых горянки;
Говор, окрики, истома.
Ох, уж эти мне гулянки
Нарастающего грома.

КОНГРЕСС

Отец мечтал попасть на Филиппины;
В суме у русских жив вояжей бес.
А я томлюсь в краях, где угро-финны
Устраивают собственный конгресс.

По всем канонам вроде настоящий,
До жадных карт, забытых в ноутбук.
Жаль, у дворца, ненужный и пропащий,
Дрожит сын сёмги и олений внук.

И никому уже неинтересно –
Почём теперь от банок с пивом жечь.
Поскольку я в столице той не местный,
То неуместный также средь торжеств.

Мне некуда от счастья боле деться,
Медведь и тот тут лопаает овсы.
И ясно видно, как впадают в детство
До чёртиков знакомые усы.

Кому нужны московские герои
В краю, где доллар зеленей, чем лук;
Где бродит проспиртованное горло
Потомка полуспившихся старух.

Листают ноутбуки и тетради,
Спеша вкусить трактаты и икру.
И каждый третий жаждет в Таиланде
Отмыть свою нерусскую строку.

Иль под «Токайское» в родном буфете
Хвалить то Хельсинки, то Будапешт,
Болтая без оглядки об эффекте,
Присущем психологии невежд.

Таёжнику обрыдла соль теорий,
Ему б от сёмги отхватить кусок.
Но охраняет от хозяев тони
Взведённый рыбинспектором курок.

Народу здешнему не до вояжей,
Вокруг число тройное дыбит шерсть.
И он сдаёт, покорно и отважно,
Последнюю истоптанную жечь.

Я тоже бы слетал на Филиппины,
Но ужаснётся скулами собес.
С улыбкою угрюмой угро-финны
Устраивают собственный конгресс.

СУДЬБА ПЕВЦА

Мы все цари своих побед
И полководцы поражений.
И оттого наш белый свет –
Молочный мир вокруг мишеней.
Какой вулкан там и потоп,
Иль узкоглазое цунами!
Себя мы сами часто в лоб
Колотим щедро щелбанами.
Не по плечу нам Божий дар,
Хрустим от боли позвонками.
Наш ангел столько повидал,
Очеловечившись с веками.
Тьма поколений черновик
Писала, севши на карачки.
Лишь гений, Бога ученик,
Не ждёт учительской подачи.
Он не силач и не гордец,
А просто вольный каторжанин.
Возводит вечно, как дворец,
Свой рок, записанный в скрижали.
Ему с небес тот лист под гром
Блистал картинкой золотою,
Не соблазняя пирогом
И прочей пресной ерундою.
Тянулись руки белых роц
К непостижимому просвету.
И падал, рассыпаясь, дождь
Гудящей порослью по лету.
Гремели гулко небеса,
Как самолёты пред бомбёжкой.
Гуляют часто чудеса
Своей проторенной дорожкой.
Вставали мигом зелены,
Иконой пашня обновлялась.
Предупреждённая земля
Избраннику повиновалась.
Доволен был сам Николай
Угодник редкими томами.
Мне показалось, будто рай
Сиял за сладкими словами.
Душа потом была полна
Почти что русского Синая.
И встречный предлагал вина,
Зачем – и сам не сознавая.
Но не позвали ни в дворцы
Певца и не в простые хаты.
В России-матушке творцы
Всегда во всем и виноваты.

Молодые берега

Анастасия Антипкина

Музыкальная культура Руси от древних славян до периода образования централизованного государства

Русская музыка берёт исток в культуре и быте восточных славянских племён. Эти племена расселились по пространству от Нижнего и Среднего Преднепровья, до Чутского и Ладожского озер, и от Днепровья и Дона, и до Карпатских гор и Дуная. Наиболее ранние сведения о славянах относятся к началу нашей эры. В IV–VI веках была известна группа восточных славянских племён – акты, позднее VII–VIII век – росы. Славяне – люди ведической культуры. Тексты IX века н.э. – это русские веды (знания). *Греческие источники имеют много доказательств того, что собственное письмо и тексты были уже тогда у русских. Была лучше развита и устная традиция – все тексты запоминались. Более тесная связь всё же была не с Грецией,*

а с Индией. Первым языком, объединяющим с индоевропейцами, был санскрит. Образованные люди, обладавшие знаниями, были князья, бытовая речь была славянской. Вид письменности – узелковая письменность.

Боги Руси

Существовало три группы Богов на Руси, которым поклонялись язычники до крещения Руси. Русская языческая троица Богов: Сварог – создатель Вселенной; Велес – (Свектавит) – разрушитель; Перун – Бог громовержец. Боги солнца: Каляда, (25 декабря самый короткий день – солнце должно родиться); Хорст; Ярило – Бог весеннего солнца; Дажьбог (дар неба); Боги любви: Лада (женское); Лель (мужское); Богиня Судьба – Макош.

Данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что у языческих племён существовало высокоразвитое искусство. Языческий обряд включал в себя все виды искусства. Певческая традиция считается более древней, чем инструментальная, потому что очень тяжело было объединить все мелодии, которые звучали на разной высоте, в одну. Древние славянские музыканты являлись привилегированным сословием и нередко выставлялись послами, дипломатами. Подобная практика обычно была и в Китае. В Европе – у кельтских бардов. Славянские музыканты VI века – предшественники вешего Баяна («Слово о полку Игореве»). Это были хвалители мужества воинов и князя, «возлагавшие персты свои на струны звонких гуслей».

Музыка в Киевской Руси

В IX веке складывается древнерусское государство – Киевская Русь. Особенно высокого развития оно достигло в XI веке при князьях Владимире и Ярославе. Именно в это время были заложены основные профессиональные формы музыкального искусства, самостоятельной литературы, зодчества.

Важным фактором развития древней русской народности был русский язык, знания и общественная культура. В конце X века произошло крещение Руси. Так укрепилась связь Киевской Руси с Византией – крупным центром мировой культуры.

Вместе с церковной организацией и богослужением, установлением Православия на Русь оказывает влияние вся Византия, что видно в искусстве XI–XIII веков – это не было подражанием, это было органическое сочетание чужого и своего, самобытного.

В церковном богослужении первоначально участвовали болгарские певцы, но в середине XI века появляются свои певческие книги и школы, и певцы учатся под руководством мастера. При крупнейших храмах велась подготовка профессиональных певцов.

В начале XII века наряду с кругом обрядных песнопений встречаются песни и гимны в честь своих русских святых и в честь значительных событий. Одним из таких произведений является кондак, посвященный памяти князей Бориса и Глеба.

Церковное пение во всей Руси было одноголосным. Записывались мелодии над строкой текста с помощью системы условных знаков – разновидность невменного письма (Невменная нотация (лат. *neuma*, от др.-греч. *νεῦμα*; первоначально – знак головой [кивок] или глазами) — тип вокальной нотации, в которой основным элементом нотной графики (графемой) служит невма. Эти знаки указывали только направление мелодии, а не точную высоту звуков.

Зна́менное пение (зна́менный распев) — основной вид древнерусского богослужебного пения. Название происходит от невменных знаков — знамён (др.-рус. «знамя», то есть знак), использовавшихся для его записи. Известны различные типы знаменного распева и соответствующие им типы знамён — кондакарный, столповой, демественный, путевой.

Знаменное или крюковое письмо возникло на Руси в 11-м – начале 12-го веков. Второе название оно получило по названию одного из основных его знаков – «крюка». Знаменное или крюковое письмо использовалось для записи знаменного распева – основного древнерусского церковного пения.

Не исключено, что в Киевской Руси существовали органы, привезенные из Византии, где они были светским инструментом и сопровождали светские церемонии.

В Киевской Руси были профессиональные музыканты, которые ходили по дворам и выступали за плату. Их называли Скоморохами. О них встречаются сведения в литературе XI века – это древнерусские синкретические актеры, соединившие в себе черты потешника, лицедея, музыканта, певца, сказителя, танцора, фокусника, акробата. Благодаря количеству навыков, их называли «глумотворец», «игрец», «чудеец», «свирец», «плесец». Они участвовали и в семейных театрах, были исполнители героического эпоса. Одна из форм их деятельности – надевание масок – «масколудство».

Музыкальное искусство в период феодальной раздробленности

Пережив в XI веке период расцвета, Киевское государство к концу XI века начало распадаться на великие княжества. Около середины XIII века в Русь вторгались татаро-монголы. В 1240 году Киев был взят Ханом Батыем. Стали утрачивать свое политическое значение многие культурные ценности, многие были уничтожены. С ослаблением Киева возвышается Владимиро-Суздальское княжество. С середины XII века здесь разворачивается широкое строительство города, украшаются храмы, создаются свои школы живописи и певческие школы. Известен певец Лука и его ученики. Наряду с Владимирской существуют и другие местные школы церковного пения, например: Ростовский, Ярославский, Новгородский «распев» – варианты единого знаменного пения. Русские распевщики создавали произведения по строго установленным правилам. Но создавались и новые виды знаменного пения, куда приносились черты народного пения.

Новгородская культура

Крупнейшим центром культуры периода раздробленности был Новгород, давший отпор монголам. Главным хранителем древней русской традиции XIII-XIV веков стали былины Новгородского цикла. Они воспевают не защиту от врагов, а события большого, шумного города. Популярный герой новгородского эпоса – бедный гуслир Садко. Он, певец, скоморох, становится первым знатным купцом в городе, причем, магическими силами своего искусства. В Новгороде существуют скоморошьи поселенья, до сих пор сохраняется название Скоморохово. Из Новгородской школы

церковного пения вышли крупнейшие композиторы и теоретики народной музыки в период расцвета знаменного пения XVI–XVII веков.

Типично русским явлением было искусство колокольного звона, достигшее высокого расцвета в Новгороде. Колокола входят в употребление в русских церквях с середины XI века, заменив «била» – чугунные полосы, по которым ударяли молотом, оповещая о службе. В Новгороде колокольные звоны были особым тонким искусством, на внутренней стороне колокола гравировалось имя мастера, который его отлил. В Новгороде, в Софийском соборе, содержится порядок чтения кафизм: чтения становится больше, а пения – меньше; характер пения меняется, становится более сдержанным. Появляются разновидности звонов, присущие только периоду Великого поста, например часовые. Отдельные приходы и монастыри вырабатывают свои стили колокольного звона.

Расцвет музыкального искусства в период централизованного государства

В XIV веке начинается процесс объединения русских земель. Этот процесс был связан с возвышением Московского княжества. В 1380 году объединенная русская рать под предводительством русских князей оказала сопротивление на Куликовском поле хану Батюю. В конце XV века наступило полное освобождение от монголо-татарского ига. Объединение Руси было завершено при Иване III, он первый именовал себя «Государь вся Руси». Его внук Иван Грозный (1533-1584) присоединяет к Руси Приволжье, Приуралье, Западную Сибирь. В Москву выписываются учёные книжники, зодчие, иконописцы, мастера художественные ремесел. Подъём искусства русского государства XIV–XVI века совпадает с движением Возрождения на Западе. Черты Возрождения также проявляются и на Руси в усилении чувства личного, в интересе к душевному миру человека и к стремлению запечатлеть красоту окружающей жизни в ярких красках.

Историческая мысль расцветает в создании летописи, исторического сочинения. Появляется «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет». Начинается подъём самосознания, и он выражается в литературных сочинениях («Задонщина» и «Сказ о Мамаевом побоище»). Эта же эпоха выдвинула величайшего живописца Андрея Рублёва. Он открыл глаза людям на красоту их душевных качеств. С конца XV века в Москве ведётся широкое строительство: возводится Кремль, Грановитая палата, Успенский собор, Благовещенский собор, Покровский собор.

В середине XVI века происходит упорядочение всего национального достояния русской культуры. Создаются роскошно оформленные летописи – свод с 16-ю тысяч рисунков. Создание книгопечатания способствовало единообразию в книжном деле. В 1551 году появляется Кодекс церковных и светских правил «согласования об иконах, книгах, и церковном пении», а также «Домостой». Несмотря на запреты культивирования церковного пения, светское музицирование с опорой на народные традиции всё же происходит. Иван Грозный выписывал из Новгорода и Пскова целые партии скоморохов для царских потех. В этот период в русские земли начинают проникать европейские формы музицирования. В 1490 году при Иване III с группой итальянских художников прибыл органщик Джовани Сальваторе. Он играл в католических храмах в Москве. В 1586 году клавикорд был прислан королём Англии в дар царице Ирине Фёдоровне. У окон собирались люди, чтоб послушать звуки диковинных инструментов.

В области церковного пения всё ещё действовали правила «строглав», это требование на исполнение музыки чинно и благородно, а не мятужно. Духовенство обязано было обучать юношей и грамоте, и церковному пению. К концу XV–XVI веков был учрежден придворный хор, 30–35 лучших певцов государства – певчие дьяки. Царь Иван IV был любителем знаменного пения, он был так же автором богослужебных композиций. С XV века появляются певческие азбуки, практические пособия по обучению церковному пению. Во второй половине XV века братья Роговы: Савва и Василий из Новгорода, – создали много знаменных песнопений.

Понятие личного авторства утверждается на Руси лишь во второй половине XVIII века, а в XVI веке указывалось: «перевод такого-то...» Характерен внешний вид певческих рукописей XVI века, они оформляются цветным орнаментом, изображениями. Певческие знаки выписывались каллиграфией. В сочинениях XVI века «Беседа с Сергием и Германом» встречается замечание «о преувеличенной – экспрессивной манере исполнения», модной в то время.

Певческие книги

Невменное письмо

Знаменное письмо

Певческие рукописи 16 века.

Особенное место в музыке того времени занимало знаменное пение. Русское церковное пение развивалось в рамках единого стиля со строгими правилами. Было только вокальным и одногласным. Элементы многоголосия в певческом искусстве Руси возникли позднее, чем в западных католических странах. Знаменное письмо служило средством напоминания уже знакомых на слух напевов. Но когда количество вариантов распевов стало слишком велико, старинная форма записи перестала удовлетворять музыкантов. В начале XVII века были введены в употребление киноварные пометы, то есть построение певческого звукоряда было специально закреплено комиссией из знатоков церковного пения. Было разное церковное пение: кондакарное пение; октоик; погласицы. Но самое отличительное то, что в церковном знаменном пении не было черт и интонаций народных песен. Не было широких мелодических оборотов, и не было бесполутоновых оборотов, то есть не было вольностей, которые могли быть присуще народной музыке.

Всё же история берёт верх над искусством, и впоследствии церковное пение начинает приобретать менее строгие стили. Появляется красочный вид песнопений (демественный распев – один из основных распевов Православной церкви), начинает одногласное песнопение приобретать виды многоголосия. С этого момента можно говорить о реформе в знаменном церковном пении.

Берега Истории

Мария Титенич

«...Он подтолкнул!...»

(Чего же все-таки не учли создатели фильма «Матильда»?)

Эйзенштейн рассматривал всякое произведение искусства как «пропись» – инструкцию (программу в смысле современной кибернетики), которая в том и состоит, чтобы вести внимание зрителя тем именно путём, который автор ему предлагает...(т.2; 253)

На что же направляет внимание зрителя режиссёр-постановщик фильма «Матильда» Алексей Учитель своим нашумевшим трейлером?

Изначально основные смысловые акценты этого, как заявлено, «главного исторического блокбастера года» расставлены на якобы взаимной пылкой безудержной страсти между цесаревичем Николаем Александровичем Романовым и балериной Матильдой Кшесинской. «Любовь, изменившая Россию», не угасавшая между ними никогда, даже якобы и после женитьбы, восшествия на престол и во все дни правления Императора Николая II.

В действительности же изменило Россию совсем другое.

В своей книге «Заметка русскому человеку. Парадоксы истории», изданной в 1982 г. в Нью-Йорке, Юрий Романович Ларионов пишет о том, что туман всяких досужих измышлений (и умышленных искажений) так затянул историю России, что не только иностранцы, но и сами русские люди уже давно потеряли всякую ориентировку и не понимают истинного смысла ни прошлых, ни настоящих событий.

Страшные последствия той проклятой поры, когда восставшая рота запасного батальона Волынского Гвардейского полка присоединилась к бунтующей массе разного рода людей и подняла восстание в Санкт-Петербурге, отразились на всём человечестве, его мире, покое и благополучии. Сам же «хлебный бунт» ничего серьёзного в начале собой не представлял, был незначительным и мог быть легко локализован. В конце 1916 года победа России и её союзников над Германией и Австрией была уже совершенно обеспечена. Армия была хорошо снабжена, совершенно спокойна и уверена от генерала до последнего рядового в близкой победе. Никаких опасных для государства «революционных настроений» не было и в глубоком тылу. После стольких жертв и лишений, накануне победы затевать революцию? Кому это было нужно?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос был дан Григорием Аронсоном в его статье, напечатанной в октябре 1959 года в газете «Новое русское слово». Без всяких оговорок и совершенно откровенно Аронсон утверждает, что Февральская революция в России была делом рук русских тайных масонских лож, «дочерних» организаций французской «Ложы Великого Востока». Керенский, который был ещё жив в это время, не только полностью подтвердил слова Аронсона, но и добавил, что, будучи под «Масонской Клятвой», он сам не имел права говорить об этом вопросе. Даже такой человек, как близкий родственник Императора, Великий Князь Николай Михайлович, известный историк, имевший доступ ко всем важным архивам государства, был членом одной из русских масонских лож.

В книге своих воспоминаний Великий Князь Александр Михайлович, брат Николая Михайловича, упоминает чрезвычайный факт государственной измены, когда тринадцать гвардейских кавалерийских полков по личному приказу Государя должны были быть переброшены с фронта в Петроград для подавления беспорядков. Далее Великий Князь пишет так: «Позже я узнал, что изменники, сидевшие в Ставке, под влиянием лидеров Государственной Думы осмелились этот приказ отменить».

Вот кто подтолкнул тогда государственный корабль к перевороту. Масоны, заседавшие в Думе, приказали своим братьям-масонам, занимавшим видные посты в Ставке, отменить приказ Государя и этим открыли дорогу Февральской революции и всем тем «благам», которые она принесла России и всему миру.

Слова Государя из его дневника, что «кругом измена, трусость и обман», относились именно к этому эпизоду, изменившему весь ход истории.

«Хвала тебе, свобода,
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
Ведь с русского народа
Ты тяготу сняла!»

Такие песенки распевала с диким восторгом публика, украшенная красными бантами, не осознавая в своём безумии, что эта «тягота» как раз и была тем самым необходимым для корабля балластом, который придавал ему устойчивость и сопротивляемость бурям. Корабль освободился от своего «балласта» и сразу же перевернулся.

Не хотят ли авторы фильма «Матильда» сегодня, спустя сто лет после тех трагических событий туманом всяческих досужих измышлений, эдаким сладострастным флером постановочных эффектов, музыки, балета, богатством дорогих декораций, костюмов, массовых сцен отвлечь внимание зрителя от необходимости серьёзного осмысления и добросовестного изучения истории, переключив его на эдакие «картинки с выставки аля-рус» имперского периода? Что ж, есть и такой жанр.

И всё бы ничего, но вдруг произошло нечто непредвиденное: «тот камень, который презрели строители, встал во главу угла».

Всякое соприкосновение со святостью не проходит бесследно. Святой лик царя-страстотерпца Николая II, к которому благоговейно прикладываются сотни тысяч верующих, поднял из глубины их сердец такую волну негодования и возмущения, которую ничто не сможет остановить. Фривольное, хамское (по имени известного библейского персонажа) вторжение в личную жизнь Государя, мученической кровью смывшего все прежние грехи, не допустимо. У него уже не жизнь, а житие, как у каждого святого, достигшего преображения в Духе Святом. Мы все призваны к приобщению святости, но достигается оно совсем иным путём. Людям неверующим, невоцерковленным лучше этого не касаться во избежание неожиданных последствий... Да не услышать бы не только на этом, но и на том Страшном, последнем суде: «Он подтолкнул!»...

В одном из своих интервью Алексей Учитель сказал, что в последнее время от такой непредвиденной реакции на трейлер его ещё не смонтированной картины ему «становится как-то не по себе»...

Думается, что и самой Матильде Кшесинской было бы «как-то не по себе» от такого зрелища. Даже обиделась бы. Фильм назван её именем, а, в сущности, и не о ней вовсе. Так, постольку лишь, поскольку она (согласно замыслу авторов) якобы была предметом страсти цесаревича Николая Александровича, дамой сердца всей его жизни. А дальше всё по закону жанра, тут каждый художник вправе самовыражаться, так сказать, в свою меру...

То, что она сама по себе была эпохой, что, собственно, Матильда Кшесинская русский балет и открывает, осталось где-то на втором плане, не в поле зрения. А ведь это настоящий прорыв в истории русского балета – первая русская танцовщица, исполнившая 36 фуэтэ, которая стала примой-балериной Императорского театра! До неё на это звание могли претендовать лишь итальянки. Это потом уже были Карсавина, Павлова, Нежинский, Ваганова, Спесивцева... Но первой в этом ряду выдающихся имён была она, Матильда Кшесинская, благодаря прежде всего своей исключительной природной одарённости, прекрасному чувству стиля, формы, актёрскому таланту. Её танец отличался не только лишь техническим совершенством. Средствами выразительного пластического рисунка она умела создать яркий сценический образ, характер, атмосферу; умела с неподражаемым изяществом носить костюм и подавать его как элемент создания художественного образа, будучи очень требовательной и бескомпромиссной в этих вопросах. Создала свою школу-студию в эмиграции и трудилась до глубокой старости.

Расцвет её творческой деятельности совпал с периодом Серебряного века, который князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский называет своеобразной Эпохой Возрождения в русской культуре. Много уникальных, казалось бы, давно забытых и утерянных произведений театрально-декорационного искусства той поры князем Никитой Лобановым-Ростовским и его женой Ниной были спасены, с любовью и надлежащим уходом сохранены, открыты всему миру и почти все возвращены на Родину. Возможно, найдётся ещё и такой режиссёр или писатель, который изучит, с

восхищением откроет для себя и преподнесет всему миру совершенно в ином свете это уникальное достояние русского балета и всей мировой культуры – Матильду Кшесинскую.

И в завершении несколько выдержек из хроники Первой мировой войны о царских днях Галиции, пребывании Императора Николая II во Львове, о том благоговейном восторге, с которым он был там принят, неожиданно для себя самого и сопровождавшей его свиты; также краткие цитаты из переписки Государя с женой, Императрицей Александрой Федоровной, свидетельствующие о сохранившихся между ними на 21-м году супружеской жизни чувствах большой взаимной любви, нежного трепетного отношения друг к другу, преданности, романтического обожания, доверия, благодарности.

... В Ставке ожидали, что вскоре удастся прорваться с Карпатских гор на Венгерскую равнину, оттуда откроется дорога на Будапешт и, в перспективе, на Вену – а значит и к победе, и к концу войны.

Этому предполагавшемуся наступлению и предшествовала поездка во Львов и Перемышль Императора Николая II. Она была уже седьмой по счёту поездкой Государя в действующую армию. Как вспоминал впоследствии Александр Иванович Спиридович, ведавший в то время царской охраной, посещение Государем древней Червонной Руси, ценою больших жертв отбитой у австрийцев, должно было поддержать войска в их дальнейшем прорыве вперёд, и, одновременно, утвердило бы русскую власть в Галиции.

Царское село, 7 апреля 1915 г.

Мой родной, милый,

Шлю тебе мои самые горячие пожелания к завтрашнему дню (годовщине помолвки – М.Т.) В первый раз за 21 год мы проводим этот день не вместе! Как я живо все вспоминаю! Мой дорогой мальчик, какое счастье какую любовь ты мне дал за все эти годы! Бог поистине щедро благословил нашу совместную жизнь. За все, за все благодарит тебя твоя женушка из глубины своего любящего сердца. Да поможет мне Бог стать достойной помощницей тебе, моё сокровище, моё Солнышко, отец моего Солнечного Луча! Тюдельс только что принесла мне твоё милое письмо,- благодарю тебя, такая для меня радость их получать, и я много раз их перечитываю...

Да благословит и сохранит тебя Господь в этой поездке! ...Горячо молюсь за тебя. 1000 поцелуев.

Навсегда твоя старая

Женушка.

...Все дети целуют тебя...

Послала тебе Ропшинской земляники.

Ставка, 8 апреля 1915 г.

Моя бесценная душа,

Горячее любящее спасибо за твоё милое письмо, полное нежных слов, и за обе телеграммы. Вспоминаю и я тебя в эту 21-ю годовщину! Желая тебе здоровья и всего, чего может пожелать глубоко любящее сердце, и на коленях благодарю тебя за всю твою любовь, привязанность, дружбу и терпение, которые ты проявила в эти долгие годы нашей супружеской жизни!

Погода нынешнего дня напоминает мне тот день, в Кобурге, – как грустно, что мы не вместе!...

Броды, 9 апреля. Вот я и здесь, на бывшей австрийской земле. Чудная жаркая погода. Прослушал доклад в поезде Н., который стоит возле моего, а после завтрака уезжаю во Львов в автомобиле.

Благослови Боже тебя, моё драгоценное Солнышко! Нежно целую тебя и детей.

Всегда твой муженек

Ники.

Берега культуры и искусства

Михаил Федоров

Михаил Федоров – член Союза писателей России. Его произведения опубликованы в московских журналах «Наш современник», «Москва», «Воин России», «Искатель», «Молодая гвардия», «Подвиг», «Сельская молодежь», «Россияне», «Роман-журнал 21 век», «Новая книга России», «Милиция», «Российский адвокат». Его широко публикуют по стране в журналах «Подъем», «Сура», «Дон», «Дальний Восток», «Север», «Ладога», «Южная звезда», «Вологодский лад», «Кольцовский сквер», «Губернский стиль».

Автор книг «Ментовка» (Издательство «Вече», 1995 г.), «Пузыри на воде» (Издательство «Искатель», 2008 г.), «Сестра милосердия» (Издательство «Вече», 2010 г.). В Воронеже в серии «Замечательные люди Воронежского края» вышли книги Федорова «Гавриил Троепольский», «Василий Панин», «Егор Исаев», «Александр Сухарев», «Стефан Домусчи». Книга Федорова «"Громкие" дела писателей» включена в список основной литературы Воронежской историко-культурной энциклопедии.

Федоров постоянный автор «Литературной газеты» и газеты «Литературная Россия».

Родник доброты

К 80-летию Николая Николаевича Дроздова¹

Вот и подошло 80-летие одного из самых почитаемых наших современников, кто годами сеял в нас добро, любовь к жизни и окружающему миру, Николая Николаевича Дроздова. Моё поколение воспитывалось на передачах программы «В мире животных», которые тридцать с лишним лет вел Николай Николаевич. Жизненный багаж его велик: всенародная любовь, уважение в научном мире, множество учеников, которых он выпустил, преподавая в Московском университете, забота о ближнем, которую все мы ощущаем в его каждодневном труде. И в свои 80 лет он полон энергии.

Я был поражен, когда 7 октября 2016 года в Центральном доме журналиста на подведении итогов «Международного телефорума "Вместе"» он не вышел, а трусцой пробежал вдоль рядов к сцене, а, поднявшись, запел песню военных лет:

– Майскими, короткими ночами...

В зале пронеслась буря аплодисментов и зазвучали возгласы: «Браво!»

В эти минуты я мог сравнить Николая Николаевича разве что с Марком Бернесом, чьи проникновенные песни брали за душу каждого.

Меня поразило, когда 28 марта 2017 года он вышел на сцену в Центральной детской библиотеке и обратился к школьникам со стихами Владимира Маяковского:

– Я волком бы
выгрыз
бюрократизм...

¹ Николай Николаевич Дроздов (родился 20 июня 1937 г., в Москве) — советский и российский учёный-зоолог и зоогеограф, доктор биологических наук, кандидат географических наук, профессор МГУ, общественный деятель, телеведущий и радиоведущий. Член экспертного совета национальной премии «Хрустальный компас», член медиасовета Русского географического общества, путешественник, актёр, снялся в фильмах и озвучивал мультфильмы, певец, записал диск с песнями «Вы слышали, как поёт Дроздов?», сценарист, писатель и журналист, написал много статей в научных журналах.

Николай Дроздов читал, а дети сидели и слушали. Даже самые шаловливые угомонились. А я смотрел на Дроздова, который стоял на сцене, рука в гипсе, а он всё равно на встречу приехал... Дроздов повышал свой вкрадчивый голос:

...достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я – гражданин
Советского Союза.

И закончил: «Вот с такой же гордостью Вы должны говорить:

– Я гражданин России. Ребята, гордитесь тем, что Вы граждане России».

И только после этого стал рассказывать о своих путешествиях по миру, о животных, которых любил, и сеял любовь и к человеку, и к Отечеству. Для него патриотизм – не праздное слово. При одном разговоре он сказал:

– Вот сейчас говорят о патриотизме. Патриотизм и национализм – разные вещи. Принципиально разные. Национализму очень легко перейти в нацизм, потому что когда человек свою национальность только ценит и воспекает, начинает её ставить выше остальных, это плохо кончается. А патриотизм – это любовь к Родине. Вот мы с Василием Михайловичем (он вспомнил соведущего передачи «В мире животных» Василия Пескова) были, а я и сейчас остаюсь, настоящими патриотами. Для нас понятие Родины и Отечества было и остается стержнем нашей жизни. Отечество и Родина – это такие два слова, которыми мы с Василием Михайловичем пользовались регулярно, имея в виду Отечество – это отец. Мать – Родина. В родном Отечестве мне интересно посмотреть, как живут животные в пустыне, на озере Иссык-Куль, где-нибудь на Каспийском море, а Василий Михайлович больше любил наш русский быт, крестьянский. Нам дороги отношения человека с природой. Мы с ним патриоты, не националисты. Мы, русские, вместе с татарами, якутами, узбеками...

А об отношении Николая Николаевича к природе, думаю, особенно и напоминать не надо. В то время, когда шла передача «В мире животных», мы все сидели у телевизоров и слушали Дроздова, который своим доверительным голосом делился самым сокровенным.

А ведь Дроздову приходилось тянуть две лямки: преподавать в университете, где он всю жизнь проработал на одной кафедре от аспиранта и до профессора, и готовить передачи, которые выходили еженедельно, только чередовались ведущие: Дроздов и Песков.

Николай Николаевич вспоминал:

– 17 апреля 1968 года – день рождения передачи «В мире животных», к которой Василий Михайлович Песков подключился. Нас обоих привлек Александр Михайлович Згуриди в качестве выступающего. Встречались с ним в студии. Это передача была почти без записи. Две камеры: одна – на сидящих людей. Другая – на ведущего. Вот так: ведущий и собеседник. Вопросы задают, ответы получают. И фильм пускали. Отрывки из фильмов Згуриди и его коллег. Потом зарубежные фильмы пошли. Привлекали и Кусто, и других. Это было интересно, все стали эту передачу смотреть. У Василия Михайловича была простая манера общения. Мы не задумывались о том, как мы выглядим, и хорошо ли мы сидим, как мы одеты. Знаете, многие сядут и начинают переживать: правильно ли он сел, хорошо ли он сказал, а нам хочется рассказать о чём-то, мы погружены в эту тему. Говорим от души.... Начинали ещё до Останкино на Шаболовке. Был замечательный коллектив. В одной комнате встречались такие люди! Одна большая комната, и в ней редакции четырёх передач. Василий Михайлович приходил из «Комсомолки», я из Московского университета. Четыре редакции: «В мире животных»; «Клуб путешественников», ещё до Юрия Синкевича там был Владимир Шнейдеров; «Очевидное и невероятное» – Сергей Капица и Лев Николаев; я ещё застал Каплера, потом Ксения Маринина, постоянный редактор «Кинопанорамы». А потом мы стали ездить по всей стране. Ну, где только не были! Камчатка, Туркмения, горы Кавказа, Сахалин, Якутия, Белое море. Беловежская пуца – это ж всё Советский Союз.

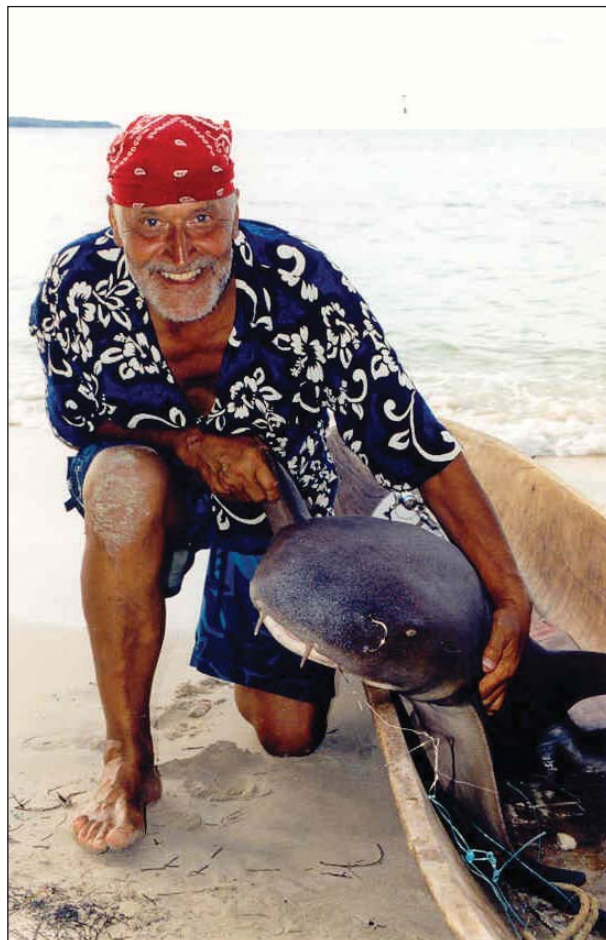
Николай Николаевич успевал выезжать за границу, снимать фильмы в Африке, в Индии.

Когда Дроздова спрашивают:

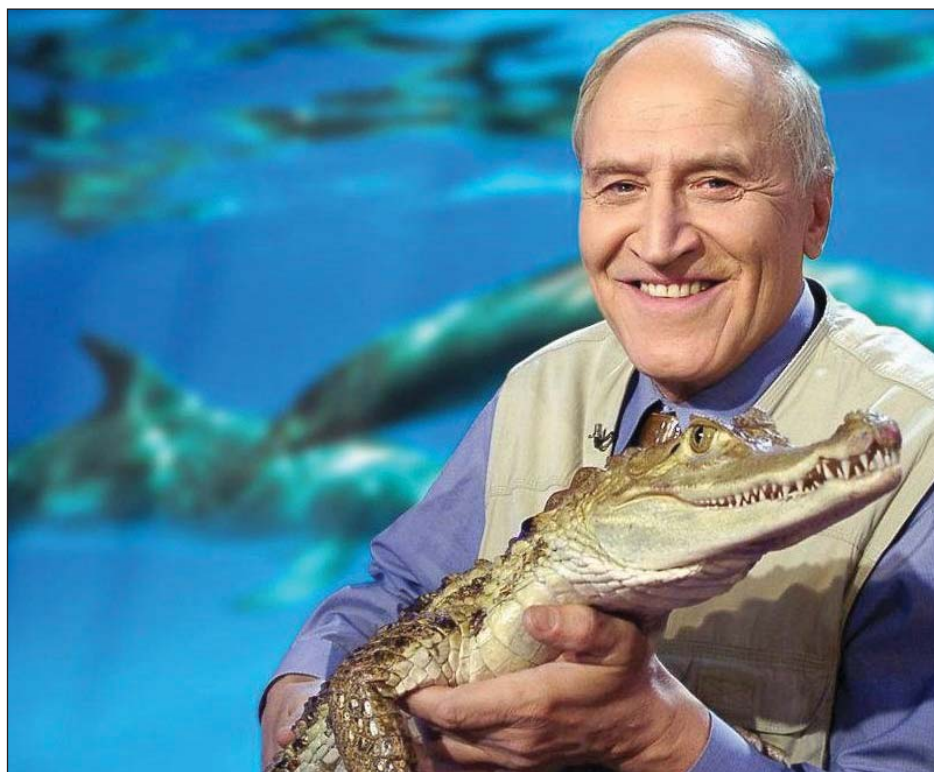

Николай Дроздов со школьниками

Николай Дроздов с добычей

Николай Дроздов с крокодильчиком

– Скажите, где Вы побывали? – он отвечает: «Спросите лучше, где я не бывал».

В свои 65 лет он принял участие в создании программы «Последний герой». Ему позвонили в 4 утра и пригласили поехать, а на раздумье дали две минуты. Он уже через минуту ответил: «Я согласен».

Он рассказывал:

– Я стал биологом, но меня очень интересовала география тропических островов. Это же интересные места. Северные острова очень холодные. Там почти ничего не растёт. А тропические острова достаточно богатые по растительному покрову. Когда нас отправили на соревнования «Последний Герой»¹, сказали, что это игра. Ничего себе, игрушки! Соревнование в стиле – реалити-шоу. Никакой сценарий не задаётся. Вот мы приехали, как спасшиеся при кораблекрушении. Сажает нашу команду в лодку. Латиноамериканец подвозит к острову, а когда остается метров пятьсот до берега, говорит: «Ты прыгай и плыви, тогда ты будешь, как спасшийся после кораблекрушения». Ничего на тебе нет сухого. Спичек нет. Зажигалок нет. Сигарет нет. Запрещено брать с собой. И всё. Всё будете искать на месте.

Не всякий бы отважился бы на такое и в таком возрасте.

О смелости Николая Дроздова говорят его поступки: когда он оттащивал крокодила, который вознамерился схватить оператора за ногу; как стерег кобру, которая снималась в фильме Згуриди; как обнимался со львом; как укрощал змей, – давно ходят легенды.

Так откуда такая любовь к животным, к жизни, такая ненасытность к познанию и радость познания?

Я думаю, многое таится в корнях. Отец его – Николай Сергеевич Дроздов – родился в 1902 году, был очень образованным человеком, знал латынь, греческий, английский, немецкий и церковнославянский языки. В конце жизни был профессором кафедры органической химии 2-го Московского медицинского института.

Николай Николаевич поделился своими воспоминаниями:

– Он учился ещё до революции. Тогда жил в Рязани. Дядя его Иван Иванович Дроздов был настоятелем храма Всех Скорбящих Радости, а его отец – Сергей Иванович, учителем.

До войны семья Дроздовых жила в Рязани. А в войну Николай видел, как немцы бомбили город, пытаясь обойти Москву с юга.

Дроздов вспоминал:

– Первые два года войны: 1941-й, 1942-ой мы были в Рязани. Мама там работала в военном госпитале, а отец руководил лабораторией по производству лекарств для фронта. Химик-фармацевт. А когда в 1942-м году немцы от Москвы повернули, то его лаборатория перешла в институт коневодства, располагавшийся в селе Успенском.

Здесь, в сельской школе, начались ученические годы Николая Дроздова. Он рассказывал:

– Я в детстве работал табунщиком. Меня отец посылал на конный завод. Он был рядом, а окна дома выходили на луга, где паслись табуны лошадей, и я любовался ими. В пять утра табун выгоняешь и в десять вечера пригоняешь. Это был маточный табун орловских рысаков.

Коля Дроздов читал легенды и мифы древней Греции и даже мечтал быть кентавром. Он интересовался у отца, можно ли сделать операцию, чтобы стать наполовину лошадью.

Мальчик любил птиц, наблюдал за ними в бинокль. Записывал, какая птица, как поёт, когда она прилетела. А одноклассники прозвали его Жёлудем, потому что он носил тюбетейку, и в ней голова смотрелась, как жёлудь.

Дроздов продолжал рассказ:

– В 51-м году мы получили квартиру в Москве, и наша семья туда переехала. Я пошёл в Московскую школу, в 9-й и 10-й класс. Это школа номер 36 Фрунзенского района. Она располагалась в нынешнем Зачатьевском переулке, в бывшем Зачатьевском монастыре. А теперь там опять монастырь. Это недалеко от метро «Кропоткинская». А я привык, что это метро называлось «Дворец Советов»

¹ «Последний герой» — реалити-шоу. Премьера реалити-шоу состоялась 17 ноября 2001 года на «Первом канале» (тогда — ОРТ). Раньше производством реалити-шоу занималась телекомпания ВИД, с 6 сезона — «Красный квадрат». Всего на российском телевидении вышло 6 сезонов. Николай Дроздов участник трех 4-го, 5-го и 6-го сезонов в 2003, 2004 и 2008 годах.

(до 1957 года – от авт.). Пытались построить там Дворец Советов, такое гигантское здание типа Вавилонской башни. С фигурой Ленина наверху. Но не получилось. Дворец пытались построить на месте взорванного храма. И всё, что бы ни закладывали, всё уходило под землю. Потом решили построить бассейн «Москва». Помню, когда в школу ходили, то видели, что огромный водоём получился. Но туда уходили глыбы, бетонные блоки – всё уходило под воду, ничего нельзя было там построить. А вновь воздвигнутый храм Христа Спасителя стоит нормально.

Школьные годы кончились, выбор Коли Дроздова был в некотором смысле предопределен.

– Я на биофак поступал. Потом перешёл на географический, поскольку там образовалась кафедра биогеографии. И сейчас там работаю. Это моё постоянное место – одна и та же кафедра. Там мой учитель был любимым. Профессор Банников Андрей Григорьевич. Он вице-президент международного союза охраны природы, – говорил Дроздов.

Вот они корни: православные душой родители, захватывающий мир природы, достойные учителя и постоянная жажда знаний, преисполненная любви к тому, что познаёшь.

Не могу обойти и отношение Николая Николаевича к матери:

– Мама моя, Надежда Павловна, врач-терапевт уделяла много внимания семье и работе в 5-й городской больнице Москвы. Папа был очень занятым человеком, преподавал в медицинском институте, был заведующим кафедрой. Он ушёл очень рано, в 63-м году. А мама, овдовев, дожила до 1993 года. Мне пришлось о ней заботиться. Старший брат жил в другом месте, и у него была большая семья. Я жил вдвоем с мамой. Потом, когда создал свою семью, я продолжал жить под одной крышей с мамой, поскольку у неё в это время развивался остеоартрит. Сначала с палочкой на работу ходила. А в 70-е годы стала на костыли и двадцать лет ходила на них. Кров я делил со своей мамой, потому что ей нужен был уход. И за продуктами сходить, и помочь по дому. Но это были мои самые дорогие, трогательные годы жизни, когда мне приходилось за матерью ухаживать – дар такой! Забота, труд? Нет. Это дар Божий!

Николай Дроздов – чрезвычайно богатая натура, он излучает добро, не боится оказаться в экстремальной ситуации, любит петь, играть с детьми, кататься на самокате. Пишет книги, выступает на телевидении.

Он родник доброты. Он отец нам всем: детям, взрослым, политикам, простым смертным, зверям, птицам, рыбам, домашним животным.

В Москве существует «Клуб 100 лет». Некоммерческое партнерство «Международное объединение сторонников активного долголетия «Клуб 100 лет»». Это клуб тех, кто считает, что до ста лет прожить можно. Николай Дроздов – в нём ученый секретарь. А на Кубе есть «Клуб 120-летних». Хочется пожелать Николаю Николаевичу быть активным членом этих клубов.

Русский мир без границ

Берега Латвии

Анжела Стальная

Анжела Стальная (Маркевич), г. Рига, Латвия. Лауреат конкурса «Литературная Балтика»

Паутина

МАЛЫШ

Малыш был рождён в неблагополучной семье. Его непутёвая мамочка Алька молода, неопытна, беззаботна и глупа. Она решила подбросить новорождённого сына, тем самым избавив себя сразу от многих проблем. Единственно, на что хватило её разума, так это на то, чтобы взять билет на рейсовый автобус и увезти малыша в соседнюю область, а не искать крыльцо на удачу в своём посёлке, где все друг друга знают. И уже, не возвращаясь, ехать дальше, чтобы начать жизнь с чистого листа.

МАРИНА

Это был один из тех непогожих дней, когда сама природа словно не может определиться: хлестать холодным дождём или ласкать последними, несмелыми октябрьскими лучами солнца. К полудню хмурые тучи пролились холодным дождём. Уже вечером Марина услышала, как лает во дворе собака. Накинув дождевик, она вышла посмотреть, что там происходит, – а у ворот лежит свёрток в детском одеяльце. Она вернулась домой бледная и дрожащими руками развернула малыша. «Наконец, мои молитвы услышаны! Само провидение послало нам сына!» – в волнении думала женщина. Муж Александр не сразу понял, что за детский плач в их доме. Пара была бездетной. К утру приняли твёрдое решение – ребёнка усыновить. В полиции им объяснили, что малыша пока определяют в детскую больницу, затем переведут в Дом ребёнка, а им надо пока готовить документы на усыновление.

АЛЕКСАНДР

Тремя часами ранее, едва почувствовав приближающиеся раскаты скандала, Александр в спешке покидал квартиру своей любовницы Инны. Связь эта длилась более двух лет. Ему было жалко женщину, которая растерянно стояла в прихожей с печально опущенными плечами и глазами, полными слёз. Инна жалела этого крепкого мужчину средних лет, так и не познавшего счастья отцовства, тем не менее, с упрямством не желающего уходить от жены к ней, ещё молодой и здоровой, которая бы с радостью родила ему сына. Но Александр всегда уходил от этой темы. Вот и сейчас, едва коснувшись сухими губами её щеки, он скрылся за дверью.

ИННА

Но себя Инна всё-таки жалела больше, совсем не намного, но больше. Она не умела отстаивать свою позицию. Каждый молчаливый уход этого могучего, красивого мужчины, хуже боксёрского удара, на время выбивал её из равновесия. Она работала медсестрой в детской больнице. Заступив в ночную смену, она подошла к кровати вновь поступившего малыша, чтобы поставить капельницу, согласно указанию врача. Лишь один тонкий кровеносный сосуд просматривался хорошо. Он голубой «нитью» располагался на головке младенца, чуть выше правого виска. Инна отработанным движением ввела тонкую иглу под кожу, включила медленный режим, закрепила иглу пластырем и удалилась на свой пост. Накопившиеся бессонные ночи, обида на Александра, жалость к своей

неустроенной женской доле сморили её молодой организм. Очнувшись от крепкого сна, она тут же вспомнила про малыша с капельницей. Её сердце в страхе забилося, и Инна бросилась в палату. Тельце малыша ещё было тёплым. Инна вскрикнула, выдернула иглу и в слезах побежала за дежурным врачом.

ДОКТОР ГРОМОВ

В то дежурство у доктора Громова раскалывалась голова, две выпитые ранее таблетки от боли не помогли. Накануне он в очередной раз поскандалил с тещей, затем – с женой. Он не мог и не хотел понять боль, гнев, обиду пожилой женщины. В злобе глаза её становились нездешними, чужими. Лицо серело, лоб пересекали продольные морщины, голос срывался на истеричный фальцет. Весь этот ор сопровождался жестами дряблых рук, подчёркивая трагизм очередного конфликта на бытовой почве. До каких пор она собирается вмешиваться в их жизнь? Управлять ею? За что она так его ненавидит? Ну ладно – его, а собственных внуков?..

Доктор Громов попросил не кричать молодую заплаканную медсестру, влетевшую в его кабинет и объяснить спокойно, что случилось. Осознав, наконец, чего от него хотят, проследовал в детское отделение и констатировал смерть малыша. Доктор полностью накрыл маленькое тельце детским больничным одеяльцем и устало вздохнул, крепко потирая свои виски. Боль усилилась. Предложив Инне выпить валерьянки, он подписал справку о смерти, в нужной графе указал диагноз – «Синдром внезапной смерти младенца» и удалился. Успокаивать медсестру дальше ему не хотелось.

АЛЯ

В эту ночь Альке приснился её малыш, он даже не плакал. На его лице также не было улыбки, он просто смотрел на свою мать не по-детски серьёзными глазами. Алька резко проснулась и оторопело уставилась в потолок. Жизнь с чистого листа как-то сразу не заладилась. Всё валилось из рук. На новом месте нашла съёмную комнату и устроилась посудомойкой в привокзальном кафе. Зарплата мизерная, зато кормили, и с собой можно было взять то, что оставалось после повара и буфетчицы. Оставалось немного, но прожить можно. Но отчего на душе такая тоска? Попросив аванс, она на первых же выходных купила билет и поехала искать сына. Тот дом она нашла не сразу. Днём городок выглядел по-другому. И всё же ей удалось найти знакомые ворота. Уверенность придала залаявшая собака. Раздавался именно тот лай, под который она убежала в сторону станции в тот непогожий вечер. Алька набралась смелости и позвонила. Ворота ей открыла ухоженная женщина с потухшим взглядом. Когда выяснилось, кто и зачем пришёл, Марина ответила устало: «Умер твой малыш. Как хоть его звали?» «Ваня», – только и смогла ответить Алька. Она шла прочь к железной дороге, сутулясь и утирая горькие слёзы.

ВАНЯ

– Как им бывает больно! – говорил малыш ангелу.

– Тебе их жалко? А себя? – спрашивал ангел.

– Себя нет. Мне здесь с тобой хорошо! А им каково там, внизу! Зачем столько слёз? – спрашивал малыш.

– Если бы там, внизу, они меня услышали, я бы им сказал: «К сожалению, жизнь бывает очень сложна, безжалостна, она может бить наотмашь, ставить ловушки и капканы, отнимать самое дорогое. Но надо жить дальше, иного выхода нет. Для кого-то из них это будет уже другая жизнь, с огромной болью от потери маленького, только что родившегося человека, с другим состоянием души и тела, но всё-таки – жизнь. И её надо всем им, запутавшимся в собственной паутине, прожить с терпением, верой, любовью и надеждой. Я бы им так сказал. Но они меня не слышат, Ваня!»

Русский мир без границ

Берега Латвии

Татьяна Рускуле

Лауреат конкурса «Литературная Балтика»

М. Цветаевой

* * *

Что-то в сердце рождает тревоги,
И волненье в груди, как укор.
То ли тень забегаёт под ноги,
То ль невидимый чудится взор.

И в московских плутает проулках
Тихий голос, забытый едва,
Шепчет ветром холодным и гулким:
«Посмотрите, я здесь, я жива!»

Что же вы позабыли так скоро,
Проводили в тревожную даль
Не молитвой под своды собора,
Не слезами, что просит печаль.

Проводили, как долгую зиму,
И устали о ней вспоминать.
Неприкаянной быть и незримой,
Непрощённой прощенья искать.

Грустным шорохом кружит позёмка,
И в молитву сложились слова.
Но в московских плутая потёмках
Слышен голос: «Я здесь, я жива!»

Ночную тишину вспугнули птицы,
роняя крик в молочные туманы,
а за горою краешек багряный –
там новый день
желает вновь родиться.
Рассвет румян, свежи его ланиты,
припал к земной груди
между холмами,
лучами обнимая, светит маме,
и мама шелестит ему молитвы.
К полудню возмужает
взрослый сын,
обласкан небом
и землёй вскормлённый,
и в вечер обратится утомлённый,
но утром возродится без седины.

* * *

Попутный ветер мой уносит вздох.
Ну, как ты там, любви моей смиренье?
Мир без тебя ни радостен, ни плох,
и ты не канул для меня в забвенье.
Я снова в ожидание зимы.
Ноябрь зажигает грустно свечи
и светом их, мерцающих из тьмы,
тобой наполнен каждый новый вечер.
Мой свет очей, я за тебя молюсь,
что связано с тобой, всё сердцу мило.
Я только одного сейчас боюсь –
любил ли ты, как я тебя любила...

Берега Беларуси

Борис Попов

Борис Иванович Попов родился 10 марта 1947 год в Ленинграде. По образованию инженер. Прошёл путь от рядового до генерального конструктора. Член Академии ДНК-генеалогии (Москва). Автор художественных и научных книг и статей в различных журналах, в Вестнике Академии ДНК-генеалогии. В 2001-2013 гг. возглавлял Союз свободных российских писателей «Эклога» и Литературную студию «Дуновение дюн» (Калининград). Почётный гражданин города Бэллингхэм штата Вашингтон (США). Ныне проживает в Республике Беларусь

Пушкин, Ратша и Бог Папа

Всякий раз, когда мы отмечаем памятные даты из жизни Александра Сергеевича Пушкина, средства массовой информации спешат поведать нам о том, что его предком был негр из Эфиопии, которого в Российской империи в насмешку прозвали Ганнибалом, имея в виду древнего знаменитого полководца и правителя Карфагена. Как этого негра звали в Эфиопии, никто не запомнил. В России же его крестили в церкви с именем Абрам. Отчество дали в честь императора Петра Первого. Так и стал он Абрамом Петровичем Ганнибалом (1698–1781). От его брака с Христиной-Региной фон Шеберг (1717–1781) родился сын Осип (1744–1806). Дочерью этого Осипа Ганнибала была Надежда Осиповна (1775–1836), мать Александра Сергеевича. Всё это нам регулярно рассказывают ушлые журналисты в погоне за различного рода сенсациями. Иногда даже проводят репортажи из самой Эфиопии, где показывают памятник А.С. Пушкину, народному поэту Эфиопии, и некоторых местных жителей, якобы очень похожих на нашего поэта.

Предков чтить безусловно надо. Вот и Александр Сергеевич писал, что *«гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно, не уважать оной есть постыдное малодушие»*. Но какую фамилию носил наш поэт, *«наше всё»*? Может его настоящая фамилия была Ганнибал? Нет! Может, он должен был носить немецкую фамилию фон Шеберг? Тоже нет! Он носил, как ни странно, фамилию Пушкин!

Почему же он носил такую фамилию? Да очень просто! Ведь все его предки по отцовской линии носили такую фамилию, начиная от Григория Александровича Морхинина, которого и прозвали Пушкин. Этот Григорий родился во времена Дмитрия Донского и, скорее всего, имел отношение к пушкам. Однако оказывается, что Александр Сергеевич был Пушкиным не только по отцовской линии. Он был Пушкиным также и по линии своей матери. Ведь Надежда Осиповна в свою очередь была дочерью Марии Алексеевны Пушкиной (1745–1818). В лице дочери, которой она получила от матери, не было ничего негритянского. Он был Пушкинский. Поэтому наш великий поэт был не просто Пушкиным, а Пушкиным в квадрате! Почему же наши журналисты регулярно забывают об этом и уводят нас каждый раз далеко в сторону?

В любом случае возникает вполне естественный вопрос: к какому же роду-племени относились Пушкины? Понятно, что они не были африканцами. Но может они были потомками татар или монголов, как утверждают сегодня некоторые наши соседи, пытающиеся сочинять новые басни о происхождении большинства россиян? Попробуем спокойно разобраться.

Согласно сохранившимся родословным, известно, что предками Александра Сергеевича по отцовской линии были следующие лица:

Отец – Сергей Львович Пушкин (1770–1848). Он служил сержантом, прапорщиком, капитаном-поручиком, майором, военным советником, начальником Комиссариатской комиссии в Варшаве;

Дед – Лев Александрович Пушкин (1723–1790). Он служил капралом, сержантом, штык-юнкером, подпоручиком, капитаном, майором, в 1762 был заключён под стражу по Указу Екатерины Второй за поддержку императора Петра Третьего, а в 1763 был отправлен в отставку в чине подполковника

артиллерии. В собственном родовом имении имел 1400 душ крестьян. Его женой была Ольга Васильевна Чичерина (1737–1802);

Прадед – Александр Петрович Пушкин (1686–1725), служил солдатом, сержантом, каптенармусом. Его женой была Авдотья Ивановна Головина (1703–1725), дочь любимого денщика Петра Первого. Однажды в припадке ревности или сумасшествия прадед убил свою жену, за что был сурово осуждён и посажен в тюрьму. Там он и скончался.

Более древними предками А.С. Пушкина были следующие лица:

Пётр Петрович Пушкин (1644–1692). Он служил стряпчим, стольником, вторым судьёй во Владимирском судном приказе, судьёй по земельным делам и межевщиком в Московском уезде. Участвовал в Крымских военных походах. Его женой была Федосья Юрьевна Есипова.

Пётр Петрович Пушкин Старший (ум.1661), служил рындой, стольником, воеводой у засек в Туле. Его женой была Анастасия Афанасьевна Козловская.

Пётр Тимофеевич Пушкин Чёрный, Толстой (1590–1634), служил жильцом, дворянином, воеводой сторожевого войска в Пронске, воеводой в Тюмени, сотенным головой в Москве. Его жена Елена Григорьевна Сунбулова.

Тимофей Семёнович Пушкин (ок.1560). Он упоминался в 1597–1618 годы, служил сотенным головой в полках Чернигова, головой в походе к Серпухову против крымских татар, воеводой в Царёве-Борисове, жильцом, дозорщиком в Романовском уезде, воеводой в Цивильске. Кто была его жена, неизвестно.

Семён Михайлович Пушкин (ок.1530). Он упоминался в 1567–1578 годы, служил в опричнине, вместе с Иваном Грозным участвовал в военном походе и был у знамени царя, являлся выборным дворовым по Вязме, служил писцом в Волоке Ламском.

Михаил Иванович Пушкин (ок.1500). Он упоминался в середине XVI века, имел вотчину рядом с Москвой в Димитрове.

Иван Гаврилович Пушкин (ок.1470). О нём, к сожалению, ничего неизвестно.

Гаврило Константинович Пушкин (ок.1425). Он упоминался в 1448–1461 годы, когда был послухом купчей на землю в Дмитровском уезде.

Константин Григорьевич Пушкин (ок.1400–1450). О нём самом ничего неизвестно, но его брат Фёдор Григорьевич Пушкин в 1433 году был боярином Василия Васильевича, великого князя Московского.

Григорий Александрович Морхинин (ок.1375). Именно этот предок получил прозвище Пушка. Поэтому его можно считать родоначальником всей семьи Пушкиных. Если его сын Фёдор стал боярином, то, вероятно, сам Григорий Александрович тоже был знатным человеком.

Александр Иванович Морхинин (ок.1350). Он жил во времена Дмитрия Донского. И это вся информация о нём.

Иван Гаврилович Морхиня (ок.1325). Основатель рода Морхининых.

Ещё более древними предками Пушкиных были:

Гаврило Алексич (ок.1300)

Алекса Якунович (ок.1275)

Якун (ок.1250)

Ратша (ок.1225).

Надо сказать, что потомками Ратши в России были не только Пушкины, но также такие роды, как: Аминовы, Безногие, Булгаковы, Булыгины, Бутурлины, Волковы, Волченковы, Жулебины, Замыцкие, Зелёные, Каменские, Кологривовы, Коровины, Курицыны, Мусины-Пушкины, Мятелевы, Ногавицыны, Поводовы, Рожновы, Свибловы, Слепцовы, Слизнёвы, Смолкины, Товарковы, Трегубовы, Улитины, Хрулёвы, Челядины, Чертовы, Чешихины, Чтоботовы и Чулковы. Получается, что все указанные 33 российских рода произошли от одного и того же человека, от Ратши.

О происхождении самого Ратши есть некоторые сведения в различных родословных. Например, в древней Бархатной книге в главе 17 сохранилась следующая запись: *«Изъ Немець прииоль муж честна Радша».*

Сам Александр Сергеевич в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» писал: *«Мы ведём свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского...»*

Вот какой документ оставил нам в 1799 году гвардии отставной поручик Василий Львович Пушкин: *«Московской губернии в собрание господ губернского предводителя со депутаты гвардии отставного поручика Василия Львова сына Пушкина объявление. По силе Правительствующего Сената указа, состоявшегося прошлого 1797 года, марта 23 дня, собранию депутатскому предъявить честь имею в доказательство происхождения рода предков своих данную мне Государственной коллегии иностранных дел из Московского архива справку, в которой значит, что первоначальный предок именован Радша во дни благоверного великого князя Александра Невского выехал из немец, от которого по нисходящей линии потомство значущееся имели при великих государях разные службы и были при иностранных дворах в посольстве и в иных знатных чинах, за что и жалованы были поместьем окладом и вотчинами; а, сверх того, и за прапрадедом моим стольником Петром Петровичем Пушкиным, как во оной справке значит, состояли имения, поместья и вотчины на Коломне в Песочном стану сельцо Давыдово, в Дмитрове сельцо Синее, и в Московском уезде в Гаретове стану деревня Ракова, да Нижегородской губернии в Арзамасском уезде село Редино. По нисходящей линии во владении переходило к деду моему Александру Петровичу, а от деда к родителю моему артиллерии подполковнику Льву Александровичу, а от него оное ныне состоит за мною порознь с братьями моими, Николаем, Петром и Сергеем, как в приложенном списке значит. А из сего оное собрание усмотреть может и в согласность вышеписанного с предъявленного мною в 1798 году, 21 сентября, в Московской коллегии иностранных дел архиве поколенного родословия за скрепою копии и употребляемый в фамилии нашей Пушкиных герб с описанием, а на имеющиеся чины родителя своего артиллерии подполковничий и на своей гвардии прапорщичий и подпоручичий патенты прилагаю при сем и со всего одного двойным числом точные копии, также и дополнительное против данной из Московского архива иностранной коллегии справки поколенное родословие, почему и прошу почтенное собрание господ губернского предводителя со депутаты, по всегдашнему моему в Москве пребыванию и по состоящему двору, о причислении в общество благородного дворянства по Московскому уезду, кому следует пожаловать дать свое повеление, приложенные ж копии с подлинными документами приняв рассмотреть и по рассмотрении подлинные выдать мне обратно с роспискою, а копии благоволено бы было по силе Правительствующего Сената указа 1797 года, марта 23 дня, о составлении всем дворянским родам общего гербовника по внесении в оной и моей фамилии и для получения подлежащего диплома по учинении своего определения препроводить Правительствующего Сената в Герольд-мейстерскую контору. К сему объявлению отставной гвардии поручик Василий Львов сын Пушкин руку приложил. Октября дня 1799 года».*

К этому прошению был приложен исполненный в красках рисунок герба, подписанный братьями Василием и Сергеем Львовичами Пушкиными (дядею и отцом поэта) и заверенный московским предводителем дворянства князем Александром Ивановичем Лобановым-Ростовским в том, что герб этот *«издревле в роду Пушкиных употребляется».*

К приведенному ходатайству Василием Львовичем Пушкиным была приложена справка, выданная ему в 1799 году из Московского архива Государственной коллегии иностранных дел, в пункте третьем справки архив отвечал: *«... Хотя по делам сего архива герба, в фамилии Пушкиных употребляемого, и не значит, но поелику род их показан в поколенной росписи, просителем предъявленной, происшедшим от Радши, выехавшего из Немец в княжение благоверного князя Александра Невского, то во всемилостивейше пожалованном 1760-го года, февраля в 17-й день, генерал-фельдмаршалу и разных орденов кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину дипломе на графское Российской империи достоинство, между прочим, значит в описании родового герба следующее: «В верхней левой части находится в горностаевом поле алая бархатная княжеская шапка с горностаевою опушкою под золотою дугою, украшенною малою золотою державою с крестом, в память, что из отечества своего Славенской земли вышедшие в Россию предки фамилии Бутурлиных ещё победоносным знаменем великого князя святого Александра Невского против неверных воевали; в нижней же правой части оказывается в голубом поле рука золотая в латах, держащая концем вверх обращенный меч; сей щит с самых древних времен находится и в щитах королевства Венгерского, яко герб покоренного ему королевства Славонии, а фамилия Бутурлиных из давних же времен имела оный, того ради сия часть щита и доказывает из Славонии происшествие; наконец в среднем, или внутреннем, золотом щите представляется голубой орел с рас-*

простертыми до половины крылами и с малою золотою короною на главе, держащий с правой стороны в когтях меч, а с левой золотую державу, что как славенские и российские летописи свидетельствуют, изревле был обыкновенный герб фамилии». Сия выпись о фамилии Пушкиных учинена Государственной коллегией иностранных дел в Московском архиве на основании именного его императорского величества указа, июля в 27-й день минувшего 1797-го года состоявшегося, по которому архивы обязаны способствовать дворянам в отыскании доказательств дворянского достоинства, и дана вышеупомянутому просителю лейб гвардии Измайловского полка порутчику Василию Львову сыну Пушкину. 21-го июля 1799-го года. № 114. Подлинная подписана Мартыном Соколовским, Николаем Бантыш-Каменским, Иваном Стриттером и Алексеем Малиновским».

Необходимо отметить, что описанный герб был выдан при пожаловании диплома генерал-фельдмаршалу графу Бутурлину в 1760 г. Ещё раньше в 1716 году в дипломе на графское достоинство Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, говорилось: «...из древней благородной фамилии Мусиных-Пушкиных, которой фамилии **прародитель именем Радши от знатной фамилии славенской из Германии в Россию выехал, от которого многие знатные фамилии и между иными и Пушкиных, в лето от создания мира 6706, а от рождества Христова 1198, в княжение, особливо в России, великого князя Александра Ярославича Невского, из которых произошли от Михаила, прозванного Муса-Пушкина, фамилия Мусиных-Пушкиных даже до сих времен прямою линиею влечется...**»

Далее следовало описание герба: «... щит четверочастный, из которого в первой и четвертой частях, в серебряных полях орел голубой одноглавый с распростертыми крылами, который держит в правой лапе меч, а в левой глобус; во второй части, в серебряном же поле корона княжеская; в третьей же, в золотом поле рука, облаченная красным, со обнаженным мечом; над щитом шлем и над оным корона золотая графская, из которой выставлена рука, облаченная красным с обнаженным мечом. . . »

В родословных Мусиных-Пушкиных сохранились строки о том, что их родоначальником был Михаил Тимофеевич Пушкин, по прозванию Муса, который жил в XV веке. Сам Муса в десятом колене был потомком Радши якобы «семиградского выходца знатного прусского рода».¹

Можно заметить, что сведения о происхождении Радши или Ратши в различных семьях несколько отличаются друг от друга. Так у Пушкиных говорится о том, что Ратша выехал во времена Александра Невского, а у Мусиных-Пушкиных – в 1198 году, то есть на несколько десятилетий раньше.

У Пушкиных говорится о том, что Ратша выехал из Немец, из Пруссии, а у Бутурлиных и Мусиных-Пушкиных говорится, что он был родом из Славонии или Семиградия, то есть с территории Трансильвании (Румынии).

Известно, что в 1211 году король Венгрии Андраш Второй приглашал тевтонских рыцарей для помощи в борьбе с половцами. Тевтоны разместились в Бурценланде на юго-восточной границе Трансильвании, получив при этом значительную автономию. К 1220 году они построили пять замков: Мариенбург, Шварценбург, Розенау, Кройцбург и Кронштадт. Потом ещё два. После этого местная территория стала называться Семиградием. Если следовать за Мусиными-Пушкиными, то Радша выехал именно отсюда.

Но само Семиградие возникло на несколько десятилетий позже 1198 года, когда Радша якобы выехал на Русь. Поэтому в 1198 году он никак не мог выехать из Семиградия. Следовательно, Радша мог выехать из Семиградия значительно позже – лишь после 1220 года. Надо учесть, что в 1225 году король Венгрии Андраш Второй настоял на том, чтобы всех тевтонов переселили на север к Балтийскому морю. Поэтому они и появились в Пруссии, где стали воевать с местными языческими племенами пруссов и построили замки с теми же названиями, которые они носили в Семиградии.

Если же Радша выехал действительно в 1198 году, но тогда он мог выехать не из Семиградия, а из Немец. В любом случае получается, что какая-то часть предания Мусиных-Пушкиных о происхождении Радши не соответствует действительности.

Вследствие этой путаницы различные авторы делают и различные выводы о происхождении Ратши. Одни авторы ищут его предков на Балканах, а другие – на территории Пруссии. Кто же из них прав? Может всё-таки надо следовать за Бархатной книгой, написанной ещё в 1687 году? Ведь эта книга была составлена не на пустом месте, а на основе ещё более древних разрядных книг Московского государства.

¹ В. К. Лукомский. Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных – Радше.

Точный ответ на поставленный вопрос сегодня может нам дать такая новая и точная наука, как ДНГ-генеалогия или молекулярная история. Дело в том, что в настоящее время изучена мужская Y-хромосома одного нынешнего представителя семьи Мусиных-Пушкиных. В базах данных эта хромосома обозначается как kit 186197. Специалисты по ДНК-генеалогии относят её к так называемой Венедской семье или к семье R1a-YP569. Её представители проживают ныне в основном у берегов Балтийского и Белого морей. Найдены также отдельные представители, проживающие сегодня на Украине, в Румынии, Болгарии, Боснии, Британии, Испании, Армении, Казахстане и Узбекистане.

Мужская Y-хромосома передаётся только от отца к сыну, поэтому Ратша мог иметь практически такую же самую хромосому, как и ныне живущий представитель семьи Мусиных-Пушкиных. Изменения хромосом могут быть лишь очень незначительными вследствие единичных мутаций. Причём происходят такие мутации в среднем один раз за несколько столетий. Исходя из скорости происхождения мутаций, специалисты подсчитали, когда примерно могла образоваться Венедская семья. По данным компании Yfull это могло произойти около 3300 лет тому назад. Ныне во всех базах данных можно найти около 200 представителей Венедской семьи. Если с помощью сайта www.semargle.com составить 111-маркерное генеалогическое древо этой семьи, то получится, что общий предок всей семьи мог родиться даже ещё раньше – примерно 3469 лет тому назад или в 1522 году до н.э.

Где же могли жить предки Мусина-Пушкина во времена Ратши? Чтобы ответить на этот вопрос, с помощью сайта www.semargle.com можно составить 111-маркерное генеалогическое древо из самых ближайших сородичей Мусиных-Пушкиных.

Согласно этому древу, самыми ближайшими сородичами Мусиных-Пушкиных являются нынешние жители России по фамилии Хмелевской и Цыцаркин, житель Украины с русской фамилией Поляков и житель Литвы по фамилии Гинкус. Их общий предок мог родиться примерно 875 лет назад или в $1950-875=1075$ году.

Если составить 67-маркерное генеалогическое древо самых ближайших сородичей Мусиных-Пушкиных, то получается следующая картина.

Согласно этому генеалогическому древу можно сделать вывод о том, что самым ближайшим сородичем Мусина-Пушкина является некто Audre, проживающий в России. Их общий предок мог родиться примерно 208 лет тому назад, то есть во времена Пушкина. Если же посмотреть, какие события зафиксировало это же древо во времена Ратши, то можно убедиться в том, что примерно 677 лет тому назад или в $1950-677=1273$ году мог родиться общий предок не только Мусина-Пушкина и Audre, но ещё россиянина Цыцаркина и литовца Гинкуса. Получается, что все они могут быть потомками Ратши.

А что же могло происходить ещё раньше? Ответ на этот вопрос также можно попробовать найти на генеалогическом древе. Так примерно 860 лет назад или в $1950-860=1090$ году мог родиться общий предок не только выше перечисленных лиц, но также украинца польского происхождения Шмуневского, россиянина Хмелевского и Гончарова, жителя Украины с русской фамилией Поляков.

Примерно 1069 лет назад или в $1950-1069=881$ году или во времена Рюрика мог родиться общий предок не только выше перечисленных лиц, но также россиянина Кудрина, Савина, Кочетова, Фёдорова, Мистюкова, Рыжова, Кудинова, Уваркина, а ещё жителя Украины неизвестного по имени, норвежца Нельсона, украинца польского происхождения Сарулонека, белоруса польского происхождения Рудзецкого и литовца Бужайтиса. Налицо некоторое смещение проживания отдельных потомков в сторону Пруссии (Восточной). Поэтому мы можем сделать предварительный вывод о том, что Ратша, действительно, мог выехать на Русь из Пруссии.

Кто же были его непосредственные предки? Как восстановить историю их жизни? Продолжим опять анализировать генеалогическое древо самых близких сородичей Мусина-Пушкина. В более древние времена, примерно 1158 лет тому назад или в $1950-1158=792$ году на древе появляются родословные линии, ведущие опять в Россию, Беларусь и Литву. Примерно также родословные линии ветвились и даже в более древние времена вплоть до $1950-2378=434$ года до н.э. Никакой Румынии или Венгрии здесь нет. Поэтому можно сделать окончательный вывод о том, что не могли предки Мусиных-Пушкиных и Ратши жить в Семиградии на территории нынешней Румынии. Это

не подтверждается расчётами ДНК-генеалогии. Следовательно, их предков нужно искать всё-таки на южных берегах Балтийского моря.

Во времена Рюрика, если верить разным источникам, здесь располагалась Страна Вендов. Так эта страна называлась, например, в Северных сагах. Германские Ксантенские анналы тоже сохранили нам строки о существовании в 845 году королевства вендов. Причём королём вендов они называли некого Рорика. Здесь же жили и варяги-русь. Согласно русским летописям, вождём местных варягов-русь был князь Рюрик, который в 862 году стал княжить в Ладоге и в Новгороде. Поэтому можно прийти к выводу о том, что Рорик, король вендов, и Рюрик, вождь тамошних варягов-русь, – это один и тот же человек. Предки Ратши, проживавшие здесь же, могли быть его подданными.

Надо заметить, что среди представителей Венедской семьи есть, например, и князья Белосельские-Белозерские (kit 188621). До сих пор сами себя они относили к потомкам Рюрика по отцовской линии. Однако изучение их мужской Y-хромосомы показало, что это не так. Они могли быть потомками Рюрика в лучшем случае только по материнской линии. Если с помощью электронного калькулятора Килина-Клёсова, подсчитать, когда мог родиться общий предок князей Белосельских-Белозерских и Мусиных-Пушкиных, то, если сравнивать их 37-маркерные гаплотипы, мы получим примерно 1650 лет тому назад или $1950 - 1650 = 300$ год. Этот результат ещё раз показывает, что предки Рюрика и Ратши могли даже в те годы жить рядом друг с другом, причём, скорее всего, на южных берегах Балтийского моря, то есть на территории нынешней Северной Польши.

Так случилось, что ваш покорный слуга тоже относится к Венедской семье (kit 304318). Если с помощью того же самого электронного калькулятора посчитать, когда мог родиться общий предок моих донских казаков Поповых и Ратши, то мы получим тоже примерно 1650 лет тому назад или тоже 300 год. Конечно, все эти даты даны здесь без учёта погрешности скорости изменения гаплотипов. Ведь в расчётах используется только средняя статистическая скорость этих изменений. Фактическая же скорость может немного отклоняться в ту или другую сторону.

Теперь надо вспомнить о том, что писал о славянах древний историк Мавро Орбини: *«Сии славяне наименовались при мори Венедицком, прежде нареченном Кодан, в начале преехавши реку Вислу, и прошедшее даже до оныя Албии (Эльбы – Б.П.), наскочили на жителей шведов, лонгобардов, ругов и швитонов при мори Каданском, иже одолени бывшее от славян, отъидоша ко брегом Дунайским, оставившее всю страну во власть реченных славян, сиеже случися в лето от Христа 500, после богом определённых преселинии народных»*.¹ Получается, что славяне могли появиться у южных берегов Балтики только в 500 году. Следовательно, предки Ратши, а также князей Белосельских-Белозерских и донских казаков Поповых, которые жили у берегов Балтики ещё раньше, могли относиться не к славянам, а, действительно, к венедам (венетам), которые как раз и жили на севере Польши ещё до прихода славян.

Вот что писал о них готский историк Иордан: *«Эти [венеты] происходят из одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавленов (славян – Б.П.). Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германарика»*.²

Это утверждение древнего историка показывает, что веныды (или венеты), славяне и анты происходили из одного корня, но имели разный исторический путь. Теперь, чтобы узнать более древнюю историю предков Ратши и А.С. Пушкина, вспомним, что писали о венедах (венетах) древние историки Рима.

«7... Молодой П. Красс зимовал с 7-м легионом у самых берегов Океана, в стране андов. Так как в этих местах было мало хлеба, то он разослал по соседним общинам за провиантом нескольких командиров конницы и военных трибунов. Между прочим, Т. Террасидий был послан к эсубиям... К.Веланий с Т. Силием – к венетам.

8. Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых ходят в Британнию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нём. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые, вдобавок, находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю...

¹ Мавро Орбини. Историография початия имене, славы и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими царствиями, королевствами и провинциями. М. 2010. Стр. 51.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов.

9... они укрепляют города, свозят в них хлеб из деревень, стягивают как можно больше кораблей в **Венецию**, где Цезарь, несомненно, должен был начать свои действия. Для совместного ведения этой войны они принимают в союзники осисмов, лексовиев, намнетов, амбилиантов, моринов, диаблинтов, менапиев, а вспомогательные войска берут из противоположащей Британнии...

12. Тамошние города обыкновенно были расположены на конце косы или на мысу, и к ним нельзя было подойти ни с суши, так как два раза в день, через каждые двенадцать часов, наступал морской прилив, ни с моря, так как при наступлении отлива корабли терпели большие повреждения на мели. Таким образом, то и другое затрудняло осаду городов...

13. Надо сказать, что их собственные корабли были следующим образом построены и снаряжены: их киль был несколько более плоским, чтобы легче было справляться с мелями и отливами; носы, а равно и кормы были целиком сделаны из дуба, чтобы выносить какие угодно удары волн и повреждения; рёбра корабля внизу были связаны балками в фут толщиной и скреплены гвоздями в палец толщиной; якоря укреплялись не канатами, но железными цепями; вместо парусов на кораблях была грубая или же тонкая дублёная кожа... вернее потому, что полотняные паруса представлялись недостаточными для того, чтобы выдерживать сильные бури и порывистые ветры Океана и управлять такими тяжёлыми кораблями».¹

«IV.13.96-97...и не меньшей, по представлению, является Энингия. Некоторые передают, что она населена вплоть до реки Вистулы (Вислы – Б.П.) сарматами, **венедями**, скирами, хиррами, что залив называется Килипен и остров в его устье Латрис, затем другой залив, Ланг, пограничный кимбрам».²

«Я колеблюсь, причислить ли народы певкинов, **венетов** и феннов к германцам или сарматам. **Венеты** многое усвоили из нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты – это всё отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне».³

«III.5.1,5 (1) Европейская Сарматия окружена с севера Сарматским океаном вдоль **Венедского** залива... (5) И иными горами опоясана Сарматия, из которых называют... и **Венедские** горы... III.5.7–10 (7) А занимают Сарматию очень большие народы – **венеды** вдоль всего **Венедского** залива... (8) И меньшие народы населяют Сарматию: по реке Вистуле ниже **венедов** гитоны, затем финны, затем сулоны; ниже них фругудионы, затем аварины у истока реки Вистулы... (9) Восточнее названных, снова ниже **венедов**, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов... (10) И снова побережье Океана вдоль **Венедского** залива последовательно занимают вельты, выше них осии, затем ещё севернее карбоны, восточнее которых кареоты и салы, за ними и гелоны, и гиппододы, и меланклены; за ними агафирсы, затем аорсы и пагириты; за ними савары и боруски вплоть до Рипейских гор».⁴

Вот сколько интересного можно узнать о венетах (венетах), если читать строки, написанные древними историками Рима. Составим теперь общее 111-маркерное генеалогическое древо Венедской семьи.

Согласно этому древу, Венедская семья могла произойти примерно 3469 лет тому назад или в 1947–3469=1522 году до н.э. Где это могло произойти? Если ещё раз обратить внимание на 111-маркерное генеалогическое древо Венедской семьи, то можно заметить, что самая древняя родословная линия уходит к нынешнему жителю Британии (kit 62051). То есть получается, что самые древние венеды (венеты) могли жить когда-то на территории Британии.

В древних британских преданиях венеты (энеты) действительно упоминались. Впервые они появились на берегах Туманного Альбиона примерно в 1150 году до н.э. Во главе их были Брут и Кориней. Все они представляли собой потомков бывших троянцев, которые после поражения в Троянской войне оказались на территории Италии в районе Рима и Венеции. Затем они по разным причинам покинули берега Италии. После прибытия на Британские острова вся окрестная земля в честь Брута стала называться Британией, а Кориней основал отдельное королевство, которое стало

¹ Записки Юлия Цезаря. Книга третья. Галльская война.

² Плиний Старший. Естественная история в 37 книгах.

³ Корнелий Тацит. О происхождении и местах обитания германцев.

⁴ Клавдий Птолемей. Географическое руководство.

называться Корнубией. Тогда же был основан и город Тринованта, то есть Троя Новая. Ныне это город Лондон.

Впоследствии один из правителей Корнубии примерно в 700 году до н.э. вместе со своим братом совершал военный поход в Галлию и Германию. Затем они вместе захватили также и Рим.¹ Все эти события указывают на какую-то связь венетов (энетов) Корнубии с теми племенами, которые могли проживать потом на территории нынешней Франции и Германии. Если посмотреть на 111-маркерное генеалогическое древо ещё раз, то можно заметить, что примерно 2784 лет тому назад или в 1947-2784=837 году до н.э. как раз и появляются на древе родословные линии, ведущие после Британии в Германию (kit N26583, 342710). Так с помощью ДНК-генеалогии можно в принципе доказать правдивость британских преданий о военных походах на восток вплоть до Германии.

Древние греки также упоминали энетов (венетов). Таким именем они называли тех участников Троянской войны, которые во главе с Антенором отправились из Трои на территорию нынешней Венецианской области в Италии. Во время Троянской войны их предводителем был Пилемен, сын Билсата. Он откликнулся на призыв царя Приама и привёл своё войско ему на помощь. Женой Пилемена якобы была нимфа Гигейского озера, расположенного в Лидии. Упоминались и их дети: Антиф, Месфл и Гарпалион. Во время Троянской войны Пилемен и Гарпалион погибли. Их преемником и стал Антенор, сын Дардана или Айсieta. Что интересно: сам Приам был потомком Дардана, который, согласно греческим преданиям, был родом с острова Крит.

Ещё раньше, то есть до Троянской войны, энецы (венеты) жили в Левко-Сирии (Белой Сирии), то есть на территории древней страны Митанни или Русен (Ruthen), а потом и на севере нынешней Турции в Пафлагонии. Об этом писал ещё сам Гомер. Таким образом, наиболее древние следы предков венетов (энетов) могут вести в страну, носящую когда-то удивительное название Русен. Ныне в этом районе Сирии расположены горы под названием Рус. Их даже сегодня называют Русскими горами. Вероятно, они сохранили такое название со времён пребывания здесь предков венетов (энетов).

В свою очередь, и жители Трои, и некоторые жители страны Русен были потомками одних и тех же беженцев с острова Крит. Поэтому неудивительно, что во время Троянской войны они объединились. Если о предках троянцев нам известно из древних греческих преданий, то о некоторых жителях страны Русен (Митанни) нам известно из сведений, полученных археологами.

*«Сирийское (митаннийское – Б.П.) общество унаследовало от минойцев (жителей острова Крит – Б.П.) алфавит, а также вкус к дальним морским путешествиям... Тот факт, что обнаруживается родство сирийского общества с минойским, представляется несколько удивительным. Скорее следовало бы ожидать, что универсальным государством у истоков сирийского общества была не талассократия Миноса, а Новое царство Египта и иудейский монотеизм был возрождением монотеизма Эхнатона. Однако свидетельства не подтверждают такой зависимости. Не существует также данных, которые подтверждали бы сыновнее родство сирийского общества обществу империи Хатти. Наконец, нет никаких свидетельств, которые указывали бы на родство сирийского общества с более ранней империей шумеров и аккадцев. Культура общества, для которого эта империя была универсальным государством, оставила глубокий след в истории стран и народов, входивших в неё. В течение семи веков после смерти Хаммурапи аккадский язык продолжал оставаться lingua franca торговли и дипломатии во всей Юго-Западной Азии. След этой культуры был одинаково глубоким и в Сирии, и в Ираке. В манерах и обычаях сирийского народа он прослеживался с XVI – до XIII века до н.э., если верить древнеегипетским источникам. Однако в ходе дальнейшего исторического развития этот след не воспроизводился. Когда тьма, охватившая историю Сирии после миграции 1200–1190 гг. до н.э., стала рассеиваться, исчез и след старой культуры. Клинопись стала вытесняться алфавитом, и позже о ней не вспоминали. Минойское (критское – Б.П.) влияние оказалось сильнее».*²

На этом основании можно сделать вывод о том, что не только предки Дардана, но также и предки венетов (энетов) вплоть до Девкалионова бедствия, которое произошло в 1470 году до н.э., могли несколько веков проживать на острове Крит и относиться к Эгейской археологической культуре. Видно неслучайно выше названное 111-маркерное генеалогическое древо Венедской семьи показывает, что общий предок этой семьи мог быть очевидцем Девкалионова бедствия.

¹ Geoffroy de Monmonth. Histoire des Rois de Bretagne. Paris. 1992.

² А.Дж.Тойнби. Постигание истории. Минойское общество. Стр. 63.

Вот что писали разные историки о представителях Эгейской культуры на острове Крит.

«Культура **Крита** опередила в своём развитии островную и элладскую культуры. Здесь раньше, чем в других районах произошёл переход к бронзе».¹

«...позади эллинского общества обнаруживаются признаки общества ещё более древнего. Морская держава, контролировавшая со своей базы на **Крите** Эгейское море, вполне соответствует понятию «универсальное государство». За Критом в эллинской традиции закрепилось название «талассократия (морское владычество) Миноса». Это общество оставило по себе память в виде дворцов в Кноссе и Фесте...

...материальная цивилизация, характерная для Крита, распространилась к концу XVII в до н.э. через Эгейское море к Арголиде и постепенно охватила весь Пелопоннес и Центральную Грецию».²

«В образотворческом и декоративно-прикладном искусстве **Крита** орнаментально-декоративный стиль (2000–1700 гг. до н. э., достигший совершенства в росписи ваз камарес) сменяется в 1700–1500 гг. до н. э. большие конкретную и непосредственной передачей образов растительного и животного мира и человека (фрески дворца в Кноссе, вазы с изображением морских существ, производство мелкой пластики, теревтики, глиптики)».³

«Открытие блестящей дворцовой кносской культуры на **Крите** привело к своеобразному критоцентризму. Эванс считал материковую Грецию лишь провинцией Кносса, а всю её культуру сводил к заимствованиям с Крита».⁴

«9... Что касается **Крита**, то все писатели согласны с тем, что в древности остров имел хорошие законы и что лучшие из греков, в первую очередь лакедемонцы, стали в этом отношении его подражателями, как Платон об этом свидетельствует в «Законах», а также Эфор, который описывает в сочинении «Европа» его государственное устройство...»⁵

«Возникает впечатление, что минойская цивилизация была обществом равных, представляя собой – в зародышевой форме – модель позднейших демократических идеалов Греции, которые медленно развивались и формировались на Крите».⁶

«В той степени, в какой удалось расшифровать свидетельства о древнем критском культе, мы можем сделать заключение не только о преобладающем в нём духовном содержании, но также и о чём-то таком, что роднит его последователей с верой, которая в последние два тысячелетия распространялась среди приверженцев восточных религий, таких, как иранская, христианская и исламская...

Если в самых общих чертах сравнить её с религией древних греков, то следует сказать, что в ней больше духовного содержания. С другой стороны, в ней больше личностного. На «кольце Нестора», где символы воскресения представлены в форме куколки и бабочки над головой богини, она (богиня) явно обладает властью давать верующим жизнь после смерти...»⁷

«Эта универсальная богиня представлена и в минойском искусстве в виде Божественной Матери, которая с обожанием держит младенца, а символы её бессмертия – куколка и бабочка – были найдены в минойских могильниках в виде золотых амулетов».⁸

Вот какими необычными людьми могли быть древние предки троянцев и венетов (энетов).

Как же в то время могли называть себя некоторые жители острова Крит? Здесь на помощь к нам может прийти диск с надписями, найденный в Фесте. Этот диск был изготовлен в середине XVIII века до н.э., то есть как раз в то время, когда на острове Крит произошли качественные изменения образов растительного и животного мира и человека.

«Диск был найден... при раскопках древнего города Фест, расположенного недалеко от Агия Триады на южном побережье Крита... Артефакт обнаружил археолог Луиджи Пернье в культурном слое одного из подсобных помещений (комната № 8 – по всей видимости, храмовое хранилище) строения № 101 при вскрытии первого дворца. Диск находился в главной ячейке тайни-

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 4, стр. 726.

² А. Дж. Тойнби. Постигание истории. Минойское общество. Стр. 58–59.

³ Википедия. Свободная энциклопедия

⁴ Советская историческая энциклопедия. Том 8. Стр. 163.

⁵ Страбон. География. Книга X, глава IV.

⁶ Алан Батлер. Компьютер Бронзового века. Расшифровка Фестского диска. Стр. 41.

⁷ Evans, Sir Arthur. The Earlier Religion of Greece in the Light of Cretan Discoverie. Стр. 37.

⁸ А. Дж. Тойнби. Постигание истории. Минойское общество. Стр. 61.

ка, замаскированного в полу комнаты под слоем штукатурки. Однозначного ответа на вопрос о происхождении диска нет до сегодняшнего дня. Многие исследователи высказывались в пользу его некритского происхождения. В доказательство приводились доводы: внешний вид иероглифов говорит о том, что письменность диска никак не связана ни с одной из известных письменностей Крита, изображения нетипичны для критской традиции, отсутствуют самые распространённые знаки – обоюдоострая секира, голова быка и т.д. Изображения дома, корабля, человеческих фигур также разнятся с данными истории и археологии Крита, сорт глины, из которой изготовлен диск, не обнаружен на Крите (аргумент считали весомым некоторые исследователи)... Условная датировка – 1700 г. до н.э. – эпоха третьего среднеминойского периода... Письменность диска уникальна и кардинально отличается от существовавшего в тот же исторический период на острове критского письма. Однако были обнаружены памятники письма, в той или иной степени перекликающиеся с Фестским диском: отпечатанный на глине знак (НМ 992), аналогичный № 21 диска (найден в 1970 году в Фесте...), Надпись на бронзовой секире из Аркалохори... с похожими, но не идентичными знаками, каменный алтарь из Маллии, связанный с Фестским диском ещё более отдаленно, ряд находок, содержащих спиральные надписи, обнаружены как на Крите, так и в других частях Эгеиды, а также в Этрурии..., спиральная надпись на свинцовом диске из Маглиано на этрусском... ..указывает на явно неиндоевропейский строй языка диска, предполагая родство «минойского» с хаттским».¹

Согласно этому последнему предположению получается, что ранее некоторые предки Дардана и венетов (энетов) могли жить в Хеттском царстве, то есть в Каппадокии.

Что же думают некоторые учёные о надписях на Фестском диске?

«...эти пиктограммы расположены с исключительным мастерством и действительно несут некую лингвистическую информацию, но при этом сгруппированы особым образом, что позволяет им функционировать в качестве маркеров и выполнять чисто математические функции... Фестский диск следует рассматривать как одну из самых древних в мире... вычислительных машин».²

В то же время, если строки, записанные на Фестском диске простыми знаками слогового письма, прочесть по методике Г.С. Гриневича, нашего специалиста по дешифровке, когда, например, рисунок рыбы читается просто как слог РЫ, а рисунок вепря – как слог ВЕ, то мы сможем получить следующий текст:

Фестский диск. Сторона А:

«Це горсы чеи бе же ни цош. Це горсы нно по чеи. В место ноувья це вы ю оше. Мсте. Чве вы посылеше. Мсто. Споры бе же ни щеше. Мсто. Чве вы посылеше. Теси цепюю. Бо е щиче ниноци. Ни место ...вия. За мощь в бодоце рыеть. Же е чедо ё въеде вчеи».

Налицо появление какого-то связанного по смыслу текста. Примерный дословный подстрочный перевод его может быть такой:

Те горести чаю были же ничто. Те горести ныне паче чаю. В месте новом ещё вы их ощущаете. Вместе. Что вам посылеше. Место. Споры были же ничто. Место. Что вам посылеше. Теснись цепюю. Ибо её ощущаем ниночно. Ни место ...вия. За мощь в будущем радеть. Иже есть чада её, ведаем чьи.

Фестский диск. Сторона В:

«Бодо лапо же бо пония. Бо выси быше забоди е мы, йде вы побо чедо бо нивы, бо лепо жоощь, забоди е мы чедо е иза е, забоди е че шеше. Рысиюния черые вы очи, Никодо де ё це целеше йедиме. Ни еде бо. Ле... же мы – вы чеи боти рысичеи, д вы почи в кодри шьлемы. Ропо же ни бодо ще бо я мы».

Примерный подстрочный перевод может быть такой:

Будем лапо же бо понимая. Ибо всё бывшее забудем мы, где вы побуде – чада будут, нивы, ибо лепа жизнь, забудем её мы – чада есть, узы есть, забудем её что шедши. Рысиюния чарует вам очи. Никогда до неё целом едины. Ни единожды будет. Лепо же мы – вы чьи будете рысичи, для вас почесть в кудрях шлемы. Ропот же ни будет ещё, ибо я – мы.

Примерно вот так. И как же беженцы, оказавшиеся на острове Крит, называли свою прежнюю родную страну? Они называли её Рысиюнией, а себя – рысичами. Получается, что примерно

¹ Википедия. Фестский диск.

² Алан Батлер. Компьютер Бронзового века. Расшифровка Фестского диска. Стр. 51–52, 70.

в XVIII веке до н.э. на острове Крит появились какие-то рыси, которые ранее проживали в стране Рысиюнии, а потом были изгнаны оттуда по какой-то причине. Возможно, вследствие поражения в войне. Где же могла располагаться эта страна? Если судить по названию, то в этой стране могли водиться рыси. Значит, скорее всего, она могла располагаться где-то к северу от Крита. Скорее всего, как уже было отмечено выше, в Хеттском царстве или в Каппадокии.

Какие же события происходили в этой стране в середине XVIII века, в результате которых какая-то часть её жителей была вынуждена бежать на остров Крит? Здесь можно вспомнить древние армянские предания.

«По завершении борьбы с жителями Востока Арам, с той же ратью, движется к пределам Ассирии. Находит и там разорителя своей страны по имени Баршам, из рода великанов, с сорока тысячами вооруженной пехоты и пятью тысячами конницы, который обращал все окрестные страны в пустыню, притесняя их тяжестью налагаемой дани. Арам наносит ему поражение в битве и, истребив многих его (воинов), гонит его через Кордук вплоть до Ассирийской равнины; сам Баршам погибает, настигнутый его ратниками. Сирийцы обожестили этого Баршама и поклонялись ему долгое время за многочисленные его отважные подвиги. Арам же многие годы взимал дань с большей части Ассирийской равнины.

Нам предстоит ещё рассказать о его подвигах на Западе, в борьбе с Титанидами. Он движется на Запад, прибавив к прежнему (войску) сорок тысяч пехоты и две тысячи всадников, и прибывает в пределы Каппадокии, в то место, которое ныне называется Кесарией. И так как он, по завоевании восточных и южных стран, верил их двум родам, а именно – Сисакеенам – восточные, потомкам же дома Кадмоса – ассирийские, то более не опасался смут откуда-либо. Поэтому он долгое время остаётся на Западе и там подвергается нападению Титанида Пайаписа Каалеа, который властвовал над страной между двумя великими морями – Понтом и Океаном. Арам вступает с ним в сражение и побеждает его, заставив бежать на один из островов Азийского моря. Сам же оставляет в стране одного из своих сородичей по имени Мшак с десятью тысячами войска».¹

Произошло это якобы 11 сентября 1772 года до н.э. у реки Хошаб. Что здесь следует пояснить? Во-первых, сирийцами тогда называли жителей Хеттского царства. Это, конечно, были не современные арабы-сирийцы, а некие белые сирийцы. Таких сегодня тоже много проживает на территории нынешней Сирии. Автору приходилось видеть их собственными глазами даже в самых отдалённых уголках этой страны. Наверное, среди них есть и потомки древних хеттов.

Во-вторых, Титанид Пайапис Каалеа называется властителем страны, которая простиралась тогда от Понта до Океана, то есть от Чёрного моря до Атлантического океана. Или, что вполне возможно, от страны Пала на Кавказе и до Эрифии (Британии и Ирландии). Причём, Пайапис тогда же появился и в Каппадокии, где после гибели Баршама пытался сам защитить местное население от войск Арама. Следовательно, данное армянское предание полностью подтверждает выводы археологов и расчёты специалистов по ДНК-генеалогии о том, что предки Венедской семьи в те годы могли владеть какими-то землями и в Северной Европе, включая Эрифию (Британию, Ирландию), и на Кавказе в стране Пала, и в Каппадокии в Хеттском царстве.

Самое замечательное в этом армянском предании то, что названо имя правителя той непростой державы, где могли жить наши предки. Также сохранилась дата его военного поражения и упоминание о его дальнейшей судьбе. Вначале обратим внимание на имя – Пайапис Каалеа. Так именовали его армяне. В Греции же его именовали несколько иначе:

«Согласно мифам, Арам, воюет в Каппадокийской Кесарии, где сталкивается с детьми титанов (титанидами), побеждает титанида Пайаписа Кахья (Папайос Химерогенес), которого изгоняет на остров Азийского моря (Средиземное море)».²

Папайос или просто Папай – известный персонаж у многих народов. Геродот называл его верховным богом всех скифов, а, значит, и всей Скифии, простиравшейся когда-то от Понта до границ Китая. На Северном Кавказе на территории бывшей страны Пала у нынешних карачаевцев и балкарцев Папай – это отец богов. В Поволжье у татар и чувашей Папай – это дед богов. Ещё дальше в Западной Сибири у народа манси Пайпын – это богатырь и первопредок. Рядом с Троей во Фригии

¹ Мовсес Хоренаци. История Армении. Книга 1. Глава 14.

² Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 1, стр. 97.

верховный бог носил имя Багас Папайос. Все эти факты могут свидетельствовать о том, что когда-то все упомянутые народы, почитавшие Папая, могли быть его подданными.

А что же показывают расчёты, выполненные с помощью, например, линейного метода ДНК-генеалогии? Оказывается, среди нынешних преемников тех наших общих предков, кто жил во времена Папая, есть нынешние жители Германии и России, относящиеся к семье R1a-Z92; есть жители Италии, Венгрии, Польши, Литвы, Крыма (татары) и России, относящиеся к более старшей семье R1a-Z280; есть жители Англии, относящиеся к семье R1a-Z282; есть жители Италии, Австрии, Словении, Сербии, Болгарии, Литвы, Беларуси, Украины, России, Татарии, относящиеся к семье R1a-Z283; есть жители Ирландии, Норвегии, Польши, относящиеся к семье R1a-M417; и есть жители Ирландии, Шотландии, Уэльса, Норвегии, Франции, Австрии, Литвы, Татарии, Крыма (татары), Грузии, Сирии, Израиля, Саудовской Аравии, ОАЭ, Казахстана, Киргизии, Индии, относящиеся к самой старшей семье R1a-M512.

Следовательно, наши общие предки, современники Папайоса, могли появиться тогда на многих морских берегах от Ирландии, Британии и Норвегии на западе и до Индии на востоке. А ещё появились они также в Сирии, то есть как раз в Хеттском царстве, и к северу от Чёрного моря вплоть до Поволжья. Возможно, именно тогда и разделились вены со славянами и антами. И кто же в таком случае мог быть тогда одним из их общих правителей? Какое имя он носил? Неужели это был сам Багас Папайос, то есть Бог Папа.

Критика

Лидия Довыденко

Лидия Довыденко – член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор литературного журнала «Берега», автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг

О книге

«Рюрикович в XXI веке. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский»

*Сост. Н.А. Алтатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. –
Москва, 2017. – 590 с., 325 ил.*

Находясь под сильнейшим впечатлением от книги Н.Д. Лобанова-Ростовского «Эпоха. Судьба. Коллекция» (Москва. 2010), прочитав сборник статей, рецензий, интервью «Рюрикович в эмиграции. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский» (Москва. 2015), а также ознакомившись с подаренной мне Никитой Дмитриевичем книгой Э. Гурвича «Дерзкие параллели», я полагала, что достаточно хорошо знаю личность и деятельность князя Н.Д. Лобанова-Ростовского. Но оказалось, что новый сборник, вышедший в марте 2017 года, состоящий из выступлений, интервью, статей его и о нём всего за пару последних лет – новые, масштабные страницы многогранной деятельности уникального нашего современника, князя Добра, как сказал о нём петербуржец Евгений Белодубровский, Добра для России, для Русской Цивилизации, для Русского мира, для его истории и культуры, и просто личности необычайной человеческой доброты, благородства, чуткости, великой души.

Для чего и зачем эта книга?

В анонсе книги сказано, что она предназначена для искусствоведов, коллекционеров и всех, интересующихся историей русской культуры. Действительно, они найдут здесь огромный материал, связанный с историей увлечённости и коллекционирования супругами Лобановыми-Ростовскими русской театральной живописи, оказавшейся в эмиграции после революции 1917 года, историей её возвращения на Родину, историей пути к зрителю в России. Музейные работники с удивлением познакомятся с решением непростой задачи – возникновения музея семьи Лобановых-Ростовских в Ростове, узнают о русском балетном искусстве за рубежом, о коллекционере И.С. Зильберштейне, истории музея частных коллекций. Но главное, что впечатляет – это грандиозность личности Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, планетарное мышление русского человека, его рассуждения не только о русском искусстве, но и о России сегодняшней, её трудностях и возможных стратегиях. Очень интересно познакомиться со статьями о Лобанове-Ростовском множества авторов, начиная с министра культуры В. Мединского и заканчивая частной влюбленностью в неординарного человека Наталии фон Гентшенфельде. Книга обильно интеллектуально насыщена, вобрав в себя упоминание о тысяче персон, как свидетельствует «Именной указатель».

Думаю, сборник «Рюрикович в 21 веке» создан для тех, кто живёт в России и является носителем её культуры и традиций. Но любому человеку, взрослому или школьнику, кто читает больше, чем только СМС, эта книга понравится, захватит и не отпустит, пока не будет прочитана последняя страница, как это произошло со мной, несмотря на то, что добрую половину статей и интервью Оксаны Карнович, Екатерины Фёдоровой, Елены Ким, Андрея Маруденко, Ниониллы Пасечник, Евгения Белодубровского, авторов газеты «Ростовская старина», Анастасии Лиховцевой опубликовала в литературно-художественном журнале «Берега»- Калининград. Мне хотелось бы выделить несколько акцентов этой обширной книги.

Русская цивилизация и жизнь в России

В сборнике и в жизни Никита Дмитриевич – это русский подвижник нашей культуры, любящий Н.В. Гоголя и А.П. Чехова, театральное, музейное искусство. У него друзья по всей планете. В Болгарии, например: «Платон Чумаченко, стал профессором палеонтологии, Свет Петрусенко – минерологом, Христо Пулиев – геохимиком, Свет Докучаев – геологом, пятый, Иордан Иванов – певцом, а Любомир Левчев – выдающимся писателем». Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – Почётный председатель Координационного совета российских соотечественников в Великобритании, первый заместитель председателя Международного совета российских соотечественников в России, член SOVETA «Фонда Кирилла и Мефодия» в Софии, член правления «Института современной русской культуры» в Лос-Анджелесе (Калифорния), член «Ассоциации американских учёных русского происхождения» в Нью-Йорке, член «Общества коллекционеров» в Москве и Лондоне, академик Международной академии информатизации при ООН член попечительного совета «Фонд милосердия имени Анны Павловой» в Москве, пожизненный член Союза благодетелей музея «Метрополитен» в Нью-Йорке.

На вопрос Екатерины Фёдоровой: «Где Вам проще находиться и общаться сегодня?», князь ответил: «Мне проще повсюду. Некоторую неуютность в России я чувствую потому, что часто законодательство до сих пор является рычагом власти, а не охраной жителя. И в ближайшие 20 лет это следует с трудом преодолевать».

И всё же русская жизнь в России и Русская цивилизация на планете при историческом противоречии, нашедшем исход в 1917 году, придут и уже приходят к неизбежному единству. Это возможно, на мой взгляд, потому что Россия противопоставляет технократичности жизни свою органику, нравственный и душевный обычай, а размеренность жизни и огромность просторов соизмерима с пространствами русской души.

Никита Лобанов-Ростовский говорит, что он знаком с несколькими культурами мира. «Но преклоняюсь я перед необычайным явлением, я бы сказал, событием в жизни человечества – русской культурой конца XIX – начала XX в. Такого нигде в мире не было, и нет!»

Художник, поэт, музыкант – фигура творческого человека является посредствующим звеном между наступающим завтра с холодным металлическим блеском и такими же жёсткими звуками и уходящим образом земли со сверкающей росой на изумрудной траве и пением птиц. Замечательно, бесценно то, что делает Никита Дмитриевич, открывая России безбрежность Русской цивилизации на планете, русских, рождённых вне России, одарённых талантами, обогащая и укрепляя нас там, где произошло духовное ослабление.

Спаситель русских шедевров от забвения и уничтожения

Обращаясь к русскому искусству конца XIX – начала XX века, Никита Дмитриевич свидетельствует, что это «было своего рода Возрождение, но важно, что каким-то образом оно было подготовлено генетически и возбуждено в разных областях одновременно. Не было области, отрасли, в которой бы ни совершился этот взрыв в тот короткий период. Франция, например, имеет своих могучих композиторов, литературу, но такого яркого периода цветения культуры сразу во всех её видах я не знаю, хотя чётко осознаю высокий уровень и уникальность тех культур, с которыми в жизни соприкасался. Особо восхищает меня и XIV век – время Рублёва, и, несмотря на то, что этот культурный расцвет состоялся на 200 лет позже Византии, но это универсальный гений человечества... Возвращаясь к Серебряному веку, должен отметить, что для меня важны и общественные преобразования того времени, и законодательно-правовые, и промышленные, и архитектурно-строительные, транспортные и так далее, – все абсолютно. Гениальные люди жили в то время!»

Впервые Никита Лобанов-Ростовский попал на Дягилевскую выставку в Лондоне в январе 1954 г., когда ему исполнилось девятнадцать лет, и был покорён, как он говорит, «вошёл» в это искусство: «А поскольку я стараюсь всё делать целеустремленно и, видя в чём-то перспективу, занимаюсь этим до тех пределов, пока не замечаю, что всё сделано, и дальше неинтересно, то и коллекционированием занялся энергично. И так состоялся этот замечательный «эпизод моей жизни», называемый коллекционированием, – одно из самых моих приятных времяпрепровождений».

Увлечённость искусством отечественных художников позволила Никите Дмитриевичу обрести Россию, вывела его на путь спасителя часто обречённых на гибель, хранившихся в чемоданах, на антресолях бедствующих материально владельцев полотен русских художников-авангардистов, привела к ответственности за сохранение и возвращение их на Родину, взрастившую гениев. Мне вспоминаются слова современного литературного критика Вячеслава Лютого, который написал, что «цивилизация – это только средство, она подобна доспехам на живом теле, которому свойственна не только ярость и жажда победы, но и любовь, печаль, думы и сердечное страдание» (книга «Русский песнопевец», Воронеж, 2008). Никита Дмитриевич, как и любой другой, человек, понимающий художника, равен ему: «с картинами Ларионова, Бакста, например, висящими у меня в столовой, я разговариваю, пусть даже это звучит для Вас, как небылица. Я вхожу с ними в общение». В этом моменте Божий дар преобладает в известном коллекционере и меценате над его рациональным мировоззрением, он соответствует здесь своему глубинному призванию, метафизическому Поручению, уходя от рабства Успеха, и этим вызывает к себе любовь беззаветную. Почётный доктор Санкт-Петербургской Академии художеств, действительный член Петровской академии наук и искусств, награждён золотой медалью Российской премии Людвиг Нобеля. Ему принадлежит главная награда Международного совета российских соотечественников за вклад в русскую культуру и искусство. Он кавалер ордена Дружбы народов за вклад в сохранение русского искусства. У него такая награда, как «Золотая муза» за вклад в русско-болгарские культурные связи. Он из тех соотечественников, кто сохранил те высшие духовные ценности, которые были кодексом чести представителей русского дворянства, кто сохранил любовь к Отечеству и веру в его историческую судьбу, кому не надо искать национальную идею – она живёт в душе.

Такие задачи, которые поставил себе князь Лобанов-Ростовский: открытие на Поклонной горе в Москве памятника павшим в Первую мировую войну (установлен 1 августа 2014 года), открытие национальной портретной галереи в Москве «Лучшие люди России», открытие в Керчи памятника Примирения белых и красных, создание музея в Ростове Великом, дарения картин Музею частных коллекций, организация выставки «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870-1930» в государственном театральном музее им. А.А. Бахрушина и многие другие проекты – подобные задачи по плечу и сердцу только избранным людям, даже, полагаю, великим, потому что ему по силам примирять два начала русского мира, находить их непротиворечивое единство. И русская жизнь безошибочно узнаёт своих посланников через поколения, внимает их словам, веряет себя им, обретая глубокое дыхание, благородную силу и нравственный ум.

«Как это по-русски!»

В 2016 году князь подарил Ростовскому музею картины из своей коллекции стоимостью 1 млн. евро. Елена Чинкова спросила его, оставляет ли он себе копии, и услышала в ответ: «Я ничего не оставляю, потому что хочу расстаться со всем, что у меня есть».

– *Как это по-русски.*

– Я абсолютно русский человек.

Из интервью мы узнаем, что «за Россию болеют представители первого поколения. А большинство недавно приехавших стараются ассимилироваться, забыть русский язык, найти работу и включиться в жизнь страны», куда они приехали. *Потомки эмигрантов первой волны разные.* Если религиозная и монархическая семья, она имеет моральную связь с Россией и обязательства перед ней. Многие из них теперь купили квартиры в Петербурге и Москве и проживают там часть года. «Эмоционально все русские за то, что Крым возвратился в Россию», – продолжает Никита Дмитриевич. – «В основном, украинцы сами виноваты в происходящем. Как и Израиль, Украина чихает на три решения Совбеза относительно культурного определения меньшинства населения. Теперь это подобно второму израильско-палестинскому конфликту».

Никита Дмитриевич много делает для сближения, общественного согласия, для межэтнической и межконфессиональной терпимости, духовного сплочения между теми 30 миллионами соотечественников, которые живут вне Родины, и теми 143 миллионами, которые проживают в России. Он мечтает о том, что на открытие памятника Примирения «приедет вся наша знать, все большие

имена России, и правящие круги России, и оппозиция, и Дума, и главы партий». Как нужно нам это единение во имя сильной России.

Широта кругозора Никиты Дмитриевича открывает нам потрясающие страницы жизни русских вне России. Поразительно его мнение об Афоне: «На горе, где не было дорог, а только тропинки для ослов, стоят огромные храмы, строительные материалы для которых были привезены на баржах из Одессы. Нужно там быть, чтобы понять финансовую мощь страны и вклад русских царей, которым это было возможно сделать.

Скит Св. Андрея Первозванного – самая большая церковь на Афоне. В 1970 г. умер последний русских монах, проживавший в скиту. Скит оставался беспризорным на протяжении 22 лет, за это время многое из ценных икон и утвари пропало, а здания разрушились. Администрация Афона, видя, что Русская православная церковь на скит не претендует (она не посылала монахов населить скит), в 1992 г. передала его и все хозяйственные постройки архимандриту Павлу, назначив его настоятелем.

Напротив ворот собора находится большая трапезная прямоугольной формы. В начале XX в. в ней питались 300 монахов. Мне стало жутко, когда я увидел посуду и прочую утварь, разбросанную по полу. Тонны разбитого фарфора лежали под сгнившими полками и шкапами, где они когда-то хранились. Ложки, вилки и ножи лежали кучами на полу. Передо мной были предметы русской мануфактуры 2-й половины XIX в. Среди разбитого фарфора я выбрал полдюжины тарелок с метками шести разных фабрик России. Вернувшись в Лондон, я показал их моей жене Нине – специалисту по русскому фарфору, и попросил её отвезти тарелки в подарок музею-заповеднику «Петергоф». Вот такой князь и гражданин своего Отечества. Это совсем не то, что заметила иронично в стихах современный поэт Диана Кан: «Вот сейчас рванём пивка, и – Россию обустроим». Любовь к России нежится у князя Лобанова-Ростовского на полях искусства, литературы и истории искусства. Нельзя сказать, что часто непонятость в России не задевает его, но он ясно видит, что «грань между искусством и ремеслом очень трудно определить, в особенности в XX и XXI веках, когда многое из того, что, по сути оказывается ремеслом, считается искусством. Что явно не позитивно в качестве сюжета для произведения искусства – это, например, испражнение на тарелке или использованный презерватив. Однако именно эти вещи в наши дни широко экспонируются, ибо Западный мир старается отождествить себя в самых низах. Идеальный пример на данную тему – это когда Кристиан Диор делает горизонтальные прорезы в дамских брюках, ставит на них пятно, дабы создать иллюзию, что тот, кто в них одет, трудящийся».

«Быть русскими – какой восторг!» (А.С. Пушкин)

Никита Дмитриевич участвовал в создании Музея личных коллекций при ГМИИ им. А. С. Пушкина – в 1987 году передал в дар 80 произведений русской графики из своего собрания. В 1994 году передал музею в дар коллекцию фарфора первой трети XX века. Библиотеку в 3200 томов и часть фотоархива передал Дому русского зарубежья в Москве, часть своих архивных документов передал российскому архиву литературы и искусства. В 2013 году Лобанов-Ростовский перевёз в Ростов Великий свыше 1000 предметов XVII – XXI веков: гравюры и эстампы русских и западных художников XVIII – первой половины XIX века, картины, акварели и рисунки XIX – XX веков, в том числе художников-эмигрантов, а также старинные карты России и Европы, коллекцию афиш выставок русских художников конца XIX – начала XX века, изданных в разных странах мира в последние три десятилетия, архивы Лобановых-Ростовских, Вырубовых и других семей, отражающих жизнь русской эмиграции во Франции, Болгарии, Германии, США, включающих в себя переписку, фотографии, паспорта, дипломы, удостоверения, грамоты, свидетельства.

Он видит феномен России в её уникальной цивилизации, гармонично объединяющей различные народы с сохранением их религиозного и культурного уклада: «Это отличает Россию от европейских государств и от многонациональных Соединённых Штатов, где этно-религиозное самоопределение заменяется базовым понятием – «американец», поэтому России не следует копировать и внедрять опыт западных стран. Если цивилизованный мир стремится к модели глобализации, где устраняются все базовые идентичности, а сейчас добрались и до взаимоотношений

полов, то Россия являет собой союз культур и народов, каждый из которых является ценным и уникальным. Россия – самая богатая страна в мире по территории и природным ресурсам, третья по резервам валюты и финансово самая устойчивая страна в Европе. Она должна бы быть одной из двух сверхдержав, с большими надеждами на будущее».

Интересны и познавательны ответы князя Лобанова-Ростовского на вопросы Андрея Дебижева, например, о роли иностранного капитала в революции 1917 года:

«Роль иностранного влияния и не главная, и не второстепенная. Однако она очень значимая и эффективная. Иностранное влияние сказалось по двум причинам. Первая – это политическая, где использовался распад российского государства и военного командования. Правительство Германии денежно снабжало радикальную фракцию Русской социал-демократической рабочей партии (впоследствии коммунистической). Также в апреле 1917 года германские власти при содействии Фрица Платтена, швейцарского деятеля международного социалистического движения, отправили Ленина вместе с 35 соратниками по партии в Петроград на поезде из Швейцарии через Германию с целью – дестабилизировать страну. Вторая причина – этническая. Положение евреев в Российской империи, как второразрядных подданных, со значительными ограничениями, как социальными, так и экономическими, возмущало мировое еврейское сообщество. Оно значительными суммами помогало РСДРП. Например, нью-йоркский банкир и меценат Отто Кан переслал 100 000 золотых американских долларов на счёт партии, а Джейкоб Шифф, совладелец банка «Лоуб» в Нью-Йорке, где я работал короткое время, послал телеграмму с требованием расстрелять царскую семью».

Книга «Рюрикович в XXI веке...» обогащает и просвещает. Герой её говорит: «Чтобы сделать что-то хорошее для России, нужно преодолеть много препятствий. Меня это не останавливает, я к этому привык. И потом, я же не ради сегодняшнего дня стараюсь – я смотрю на столетия вперед».

Он считает, что модернизация России и переход её к инновационной модели развития невозможны без масштабного партнёрства с Западом. Учитывая высокий уровень коррупции в стране, Россия на данном этапе не может конкурировать с США, Европой и странами Дальнего Востока. Да и без земельной реформы, о которой речь идёт уже 100 лет, – дать в собственность крестьянам запущенные земельные пространства, ныне под муниципальной и центральной власти, Россия не сможет обойтись без импорта продовольствия и создания фермерского класса. В России нужно готовить новые поколения специалистов, которые будут задействованы после 2020 года. Необходимы инвестиции в человеческий ресурс, но этого не происходит. В России ведётся активная разработка стратегии развития, но этим занимаются люди, не обладающие глубоким знанием предмета и не практикующие его. С этой точки зрения Россия не готова столкнуться с новыми общемировыми проблемами. Надеюсь, что отставание России можно преодолеть. Если правительство осознает необходимость развития новейших технологий, внедрит новые специальности и на порядок увеличит инвестиции в образование и науку, то через 6-7 лет появятся те кадры и те технологии, которые позволят качественно изменить российскую экономику. Лёд уже тронулся. Я думаю, что Европа выживет с помощью России, потому что у России нет другого выхода, кроме как сближение с Европой. Экономическая мощь Китая сильно возрастет, и, чтобы противодействовать этому, Россия повернется к Европе. Чтобы не оказаться через несколько десятилетий под полным влиянием Китая, России необходимо развивать связи с 500 миллионами европейцев. Это, в свою очередь, станет «светлым будущим» для Европы. Для создания Евразийского Союза у России накопился богатый исторический опыт подобного мирного сосуществования, собирания евразийских земель, которые включили бы в себя различные этнокультурные общности – от малых государств, входивших в состав Российской империи, до отдельных народностей, при этом сохраняя их индивидуальность. Было бы логично восстановить некогда экономически цельное пространство, но уже на других принципах, нежели в СССР.

Н.Д. Лобанов-Ростовский обладает редкой способностью – утверждать правду и служить справедливости. Возможно, она связана с избранностью по крови, с «олимпийскостью», с чемпионством по характеру, ведь по своему жизненному опыту он знает: «Для того чтобы быть чемпионом в спорте, интеллектуальным и физическим, нужно воздержание и целеустремленность. Нужно в какой-то мере «отупеть» для всего другого и не думать ни о чём другом. Как только вы становитесь «воль-

Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – человек яркий и сложный. Такими были герои Льва Толстого, противоречивые, мыслящие, живые. Никита Дмитриевич – персонаж явно толстовский, из «Войны и мира». Собственно, такое впечатление он производит и при личной встрече.

Будь князь англо-саксом и попади его биография в руки голливудскому сценаристу, мы бы могли увидеть новую версию «бондианы» – так много в его жизни удивительных историй: от бизнеса с Усамой Бен Ладеном до торговли алмазами в «Де Бирс» и вечерних посиделок с Андроповым (интересно, какие записки о связях и шпионской сущности «белозмитгранта Лобанова» клан Андропову на стол?). Все это в окружении художников, коллекционеров, известных красавиц и джентльменов.

А.М. Маруденко

Рюрикович в XXI веке

Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский

**Рюрикович
в XXI веке**

Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский

*Н.Д. Лобанов-Ростовский на презентации журнала «Берега»
в Доме русского зарубежья. Москва. 2014*

*Князь Никита Дмитриевич
Лобанов-Ростовский*

нодумцем», можете забыть о том, чтобы стать чемпионом в спорте». Чувство справедливости не покидает его и при оценке СССР: «Да, я никогда не жил в России. Но в период СССР и, тем более, сейчас часто здесь бываю. Многие годы я был банкиром, заведовал отделением по Европе, Африке и Ближнему Востоку в банке «Уэллс Фарго» в Сан-Франциско (сегодня это самый большой банк по размеру авуаров). Мы одалживали деньги Советскому Союзу. Работа была не очень прибыльная, но зато с относительно малым риском. В то время в Союзе были выдающиеся специалисты банковского дела. Мы были уверены, что займы вернутся точно в срок».

Своими взглядами на мир, на планету, на культуру и искусство Никита Дмитриевич вызывает и доверие, и восхищение. Те, кто его знает лично, не устают удивляться уму, масштабности его личности, его великодушию, отзывчивости, веселью, чувству юмора, ироничности, глубокой порядочности, ответственности, деловитости. Он владеет множеством языков, в том числе языком безукоризненного костюма, языком бизнеса, языком человека, увлечённого искусством, в том числе тем, где имеет место крепкое словцо, и, главное, безо всякого акцента русским – могучим языком рода Рюриковичей, так много сделавших для России.

Для тех, кто заинтересовался книгой: ее можно приобрести в Москве, в Музее театрального искусства имени Бахрушина.

Наши друзья

Советуем почитать:

<http://www.rospisatel.ru/>

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

<http://cultinfo.ru> — Культура в Вологодской области

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru